

ДРЕВНЕ РУССКАЯ АРХИТЕК ТУРА

П.А.Ранногорн

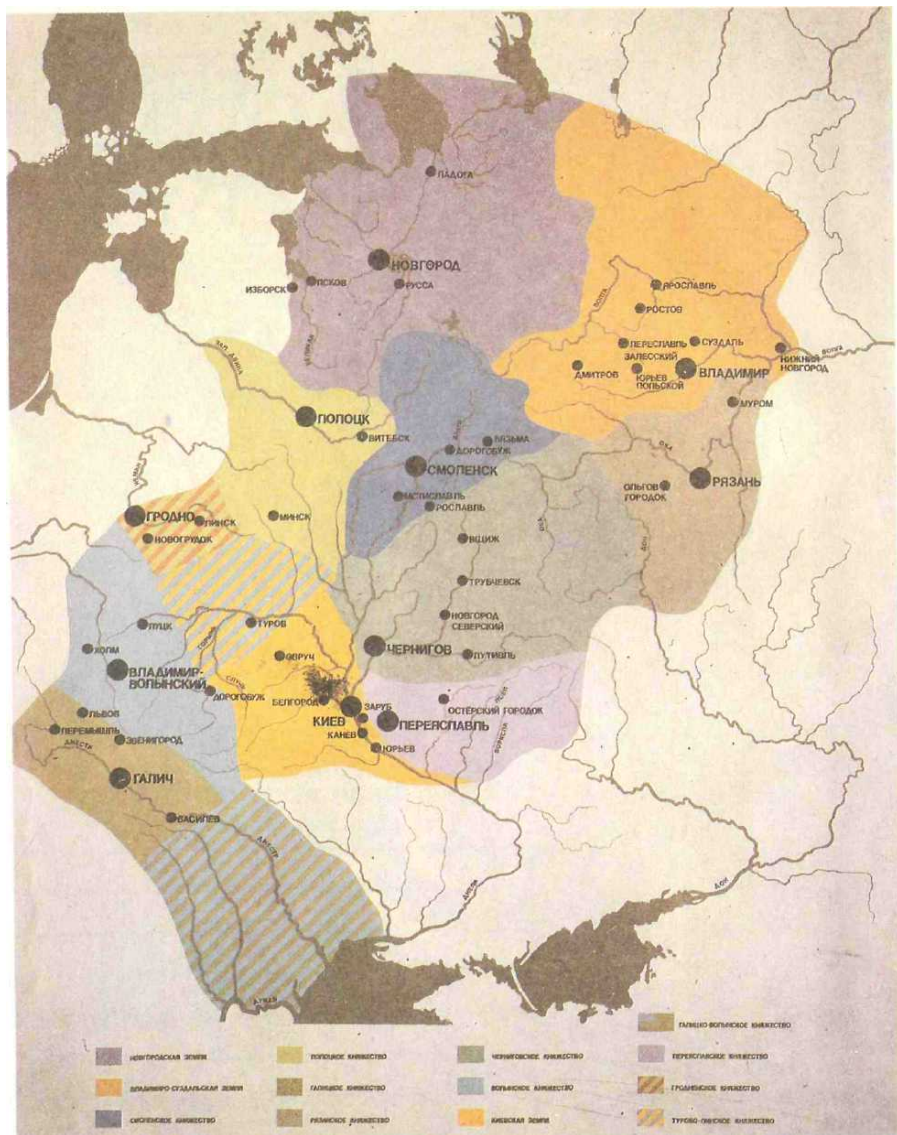
ДРЕВНЕ- РУССКАЯ АРХИТЕК- ТУРА

THE OLD RUSSIAN
ARCHITECTURE

Библиотека
Историка
С.С.Селиванова

Древней Руси   Map of the Old Russia.

П.А.Ряппопорт

ДРЕВНЕ РУССКАЯ АРХИТЕК ТУРА

THE OLD RUSSIAN
ARCHITECTURE

Санкт-Петербург
Стройиздат СПб отделение

Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура.— СПб.: Стройиздат. С.-Петербургское отделение, 1993.— 000 с: ил.— ISBN 5-274-00981-6.

В книге в краткой форме рассматривается история русской архитектуры с X по начало XVIII в. Основное внимание уделено характеристике периодов развития русской архитектуры, историческим причинам, вызвавшим те или иные изменения в развитии архитектурных форм, взаимным влияниям и связям различных архитектурных школ. При этом древнерусское зодчество рассматривается не только с точки зрения развития художественных форм, но и как процесс эволюции строительной техники. В книге излагается общая концепция процесса, приведшего к созданию величайших шедевров мирового зодчества.

Книга написана популярным языком, богато иллюстрирована, имеет большой справочный аппарат и представляет большой интерес не только для узких кругов специалистов, но и для широкого читателя.

Для архитекторов, искусствоведов и историков архитектуры.

Печатается по решению секции литературы по архитектуре гражданских зданий и градостроительству редакционного совета С.-Петербургского отделения Стройиздата.

Рецензент — доктор архитектуры *Т. Л. Славина*

Eapport P. A. The Old Russian Architecture. St. Petersburg Stroyizdat, 1993,

This book describes in a concise way the history of Russian architecture from X to the beginning of the XVIII centuries. Special attention is paid to the characteristics of different periods of development of Russian architecture; to the historic events which lead to certain changes in architectural forms, to mutual influences and bonds between different schools of architecture. As a result the Old Russian architecture is being studied here not only from point of view of development of its artistic forms but also as a process of evolution of its building technique. The book presents a general conception of the process that lead to the creation of great masterpieces of world architecture.

The book is well written, rich in pictures and has an extensive list of notes. It will be read with equal interest by professionals and by a wide public.
Important for architects, art experts and historians.

Reviewer — T. A. Slavina, Doctor of Architecture.

4902010000-171

^p 047(01)-93

ISBN 5-274-00981-6

© П. А. Раппопорт, 1993

ОТ РЕДАКЦИИ

Подготовка этой книги к изданию уже начиналась, когда внезапно скончался автор Павел Александрович Раппопорт. Поскольку объем издания позволял, было решено, ничего не меняя в рукописи, дополнить ее двумя статьями Раппопорта. Эти статьи вводят читателя в круг вопросов методики изучения древнерусской архитектуры, некоторых аспектов строительного производства, а также отражают различные направления научной деятельности автора в области истории архитектуры. Кроме того, помещена историко-хронологическая схема строительства всех известных памятников архитектуры домонгольской Руси (X—XIII вв.). Книге предпослан очерк творческой биографии П. А. Раппопорта, написанный Е. Г. Шейниной и О. М. Иоаннисяном.

Редакция выражает благодарность кандидату исторических наук Олегу Михайловичу Иоаннисяну за помощь в виде консультаций при редактировании рукописи и текст, комментирующий хронологическую таблицу, а также жене и другу П. А. Раппопорта Евгении Григорьевне Шейниной за неоценимую помощь в подготовке этой рукописи к изданию — предоставление семейных архивных и других материалов (статей, фотографий, цветных слайдов), дополнения к справочному аппарату (составление словаря архитектурных терминов и топографического указателя).

П. А. РАППОПОРТ

В 1983 г. состоялось заседание ученого совета Института археологии ЛОИА АН СССР, посвященное 70-летию Павла Александровича Раппопорта. Вопреки сложившейся традиции доклад делал сам юбиляр. Темой доклада «О методике изучения древнерусского зодчества», явившегося впоследствии основой статьи, помещенной в начале этой книги, были проблемы изучения древнего зодчества. В докладе было сказано, что изучение русской архитектуры выходит на качественно новый уровень, характеризующийся комплексным подходом к исследованию памятников с учетом исторического, художественного и конструктивно-технического аспектов в равной мере. Несомненно, научная деятельность самого Павла Александровича явилась большим вкладом в достижение этого уровня.

Павел Александрович Раппопорт родился в 1913 г. в Петербурге. Его отец был архитектором, мать — врачом. В 1931 г. Павел Александрович поступил на архитектурный факультет ЛПИИКа (впоследствии ЛИСИ). Уже в институте, где одним из его учителей был историк и теоретик архитектуры профессор И. Б. Михаловский, проявился интерес П. А. Раппопорта к истории архитектуры. Однако дипломы на исторические темы в то время не были разрешены, и в 1937 г. Павел Александрович защитил дипломный проект на тему «Общественное здание». Он решил поступать в аспирантуру ЛПИИКа на кафедру истории архитектуры. Однако обстоятельства, характерные для 1937 г. (на него был написан донос за рисунок или заметку в стенной газете, которую он редактировал), вынудили его сразу же после окончания института уехать из Ленинграда. Это спасло ему жизнь. Павел Александрович уехал в Киев, потом

в Симферополь, где преподавал 2 года историю архитектуры и архитектурный рисунок в Крымском филиале МИИКа. Когда в 1939 г. Павел Александрович вернулся в Ленинград, Михаловского уже не было в живых. Раппопорт решил поступать в аспирантуру ИИМКа (впоследствии ИА АН СССР) и, сдав экзамены за полный курс истории и археологии, был зачислен в аспирантуру института. В этом институте он проработал до конца своей жизни.

Научным руководителем П. А. Раппопорта стал историк и археолог, крупнейший специалист по истории древнерусской архитектуры Н. Н. Воронин. В его лице Павел Александрович нашел не только руководителя диссертационной темы, но и учителя, коллегу, друга, теснейшее сотрудничество с которым продолжалось до самой смерти Николая Николаевича в 1976 г. Именно под влиянием Н. Н. Воронина определился круг научных интересов Павла Александровича и основные направления его деятельности.

Первой научной темой Раппопорта стало русское шатровое зодчество конца XVI в. Изучая памятники того времени, работая в разных архивах в начале 1941 г., Павел Александрович обратил внимание на одно изображение в Атласе Московской губернии, хранившемся в отделе архитектурной графики Исторического музея. Рисунок имел подпись «Вид Борисова городка» и изображал небольшую крепость, стоящую на холме над берегом реки, и рядом с ней стройную шатровую церковь, необычайно высокую — надпись на рисунке гласила: «...святых князей Бориса и Глеба». Так им был обнаружен первый и самый поздний из «исчезнувших» городов с удивительной шатровой церковью. Как показало обследо-

вание, проведенное летом того же года, в натуре сохранились лишь городище у села Борисово да ямы от фундаментов сооружений.

Начало войны застало Павла Александровича в Подмоскowie, где он обследовал архитектурные памятники по теме диссертации. П. А. Раппопорт сразу же вернулся в Ленинград и в июле 1941 г. вступил добровольцем в народное ополчение. Он был назначен начальником инженерной службы отдельного пулеметного артиллерийского батальона, участвовал в боях на подступах к городу. В упорных боях близ Ропши батальон почти полностью погиб. Павел Александрович чудом остался жив, воевал в пехоте, командовал саперной ротой. В конце 1941 г. был ранен. После госпитализации — снова командир саперной роты в частях Ленинградского фронта. В начале 1943 г. он был переведен в береговые части Балтийского флота (в инженерный отдел). Участвовал в обеспечении деятельности береговой дальнобойной артиллерии, в изыскании способов обезвреживания неразорвавшихся бомб и мин. После снятия блокады Ленинграда П. А. Раппопорт занимался разминированием Балтийского побережья. Им написаны несколько руководств по разминированию, две большие статьи по современному военно-инженерному искусству, напечатанные в бюллетене Военно-инженерного управления ВМФ. Конец войны застал Раппопорта инженер-капитаном с боевыми наградами, хорошими служебными перспективами. Однако при первой же возможности в 1946 г. Павел Александрович демобилизовался и вернулся к научной деятельности.

Вновь обратившись к истории Борисова городка, он обнаружил в Государственном архиве древних актов десятки неопубликованных описаний Борисова городка, а в Центральном военно-историческом архиве нашлись 8 листов чертежей. Эти находки позволили не только воссоздать историю Борисова городка, но и реконструировать облик его исчезнувших сооружений, в том числе неизвестную до тех пор Борисоглебскую церковь, не уступающую по высоте церкви в селе Коломенском под Москвой.

Первый послевоенный полевой сезон Павел Александрович начал в Подмоскowie, продолжая обследование памятников, прерванное войной. Там он попал в автомобильную катастрофу, получив

тяжелые переломы. К счастью, все обошлось без последствий, и он смог в течение последующих лет провести 40 полевых сезонов, в некоторых из них по несколько экспедиций.

В 1947 г. Павел Александрович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Русское шатровое зодчество конца XVI века», важнейшей частью которой было открытие резиденции Бориса Годунова — Борисова городка с его уникальной шатровой церковью. Все материалы о Борисовом городке были опубликованы им в 1947 г., а затем более подробно в 1955 г., после чего этот памятник с его графической реконструкцией стал упоминаться во всех общих курсах и учебниках по истории русского искусства и русской архитектуры.

В одной из статей Павел Александрович писал: «В историю русской архитектуры вошел ранее неизвестный выдающийся памятник, игравший для своего времени роль важнейшего архитектурного монумента эпохи, занимавший в русском зодчестве конца XVI века то же место, какое занимал храм Василия Блаженного в середине этого века или церковь в сеж Коломенском — в его первой половине». Позднее, в 1963 г., в хранилище Отделения рисунка Эрмитажа были обнаружены новые неизвестные чертежи Борисова городка, по которым можно было детально судить об архитектурных формах шатровой церкви. Появилась возможность создать более детальную графическую реконструкцию. Дальнейший анализ показал стилистическое сходство во всех архитектурных формах и деталях этой церкви с церковью в Вяземах, которая входила когда-то в состав дворцового комплекса, также не дошедшего до наших дней, — резиденции Бориса Годунова еще до его воцарения. Так выяснилось, что оба комплекса построены одним мастером. Сохранились еще две шатровые церкви, близкие по своим формам к церкви в Вяземах. Таким образом выявился почерк крупного русского зодчего конца XVI в. — «мастера Борисова городка» или «зодчего Бориса Годунова», как назвал его Раппопорт. Почти детективная история открытия Борисова городка продолжалась около 20 лет. Первая статья Павла Александровича «Годуновская церковь в Борисовом городке» вышла в 1947 г. (КСИИМК. Вып. 18. Л., 1947), а статья «Зодчий Бориса Годунова» —

в 1966 г. в сборнике «Культура Древней Руси», посвященном 60-летию Н. Н. Воронина.

Но вернемся к началу научной деятельности П. А. Раппопорта. Успешно защищенная диссертация и вышедшая в 1949 г. небольшая монография «Шатровое зодчество конца XVI века» (МИА СССР. № 12), в которой уже выявились присущие ему особенности научного подхода архитектора и историка, — все вело к тому, чтобы продолжать удачно начатую тему по изучению истории древнерусской архитектуры. Однако судьба распорядилась иначе.

Уже в 1948 г. плановой темой научной работы Раппопорта стало изучение военного зодчества Древней Руси. И хотя он продолжал участвовать в археологических раскопках монументальной архитектуры в составе археологических экспедиций Н. Н. Воронина и М. К. Каргера в Киеве, Владимире, Гродно, Переяславле (ныне Переяслав-Хмельницкий), основной его деятельностью стало обследование оборонительных сооружений. Начиная с 1948 г. ежегодно Павел Александрович руководил работой специального археологического отряда по изучению крепостей, производившего разведку и раскопки на городищах и в крепостях.

Хронологически работы отряда по изучению крепостей делятся на три периода. Первый (с 1948 по 1953 г.) — обследование районов среднего Поднепровья, оборонительной системы Киевской Руси. Итог — первая большая монография «Очерки по истории русского военного зодчества X—XVI вв.» (МИА. № 52. М., 1956). Второй период (1954—1958 гг.) — обследование северных районов Древней Руси — современные области Московская, Калужская, Владимирская, Костромская, Ярославская, Ивановская, Псковская, Новгородская. В результате написана вторая монография «Очерки военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.» (МИА. № 105. М., 1961). Наконец, с 1959 по 1962 гг. обследованы городища западных областей — на территории Белоруссии и Украины (Брестская, Гродненская, Волынская, Ровенская области, Прикарпатье и Закарпатье) — и третья монография «Военное зодчество западно-русских земель X—XIV вв.» (МИА. № 140. М., 1967). Все три тома построены по единой схеме и включают разделы по истории изучения древнерусского военно-

инженерного искусства (общий раздел, для всех трех томов), по планировке оборонительных сооружений, их конструкции, организации обороны (тактика и стратегия) и общие выводы по оборонительным сооружениям (вопросы строительства и социального облика укрепленных поселений, местные школы, национальное своеобразие).

Трехтомная монография была защищена Раппопортом в 1965 г. в качестве докторской диссертации. В автореферате диссертации Павел Александрович пишет: «Настоящая работа коренным образом отличается от предшествующих прежде всего тем, что она основана на археологическом материале, на изучении самих памятников военного зодчества... В ряде районов проведено обследование почти всех сохранившихся остатков древнерусских оборонительных сооружений. Многие важнейшие памятники военного зодчества впервые введены в научный обиход... В основе работы лежат не уникальные памятники каменной и кирпичной архитектуры (хотя и они привлечены с достаточной полнотой), а массовый материал — сотни городищ... В работе удалось мобилизовать сведения о 540 памятниках; из них более 200 изучены автором в натуре. Кроме того, для изучения оборонительных конструкций было исполнено 45 прорезок оборонительных валов, в том числе... в Киеве, Переяславле, Галиче, Суздале, Новгороде и др. ... Привлечен обильный материал археологических исследований целого ряда экспедиций... Широко привлекаются также данные письменных источников... Это дало возможность впервые поставить вопрос об общих закономерностях развития военного зодчества и об его связях с социально-экономическими явлениями..., установить основы периодизации древнерусского военно-инженерного искусства, ...показать наличие в различных районах Древней Руси местных вариантов, а также выявить общие национальные особенности древнерусского военного зодчества».

Военному зодчеству Древней Руси посвящены также небольшая научно-популярная книжка П. А. Раппопорта «Древние русские крепости» (М., 1965) и более 70 научных статей.

Следующей научной темой Павла Александровича стало изучение древнерусского жилища. К концу 50-х — началу 60-х гг. на территории Древней Руси многочисленными археологическими

экспедициями было выявлено около 2000 славянских и древнерусских жилищ, относящихся ко времени от VI—VII до XIII вв. Несмотря на такое обилие памятников, общая картина развития жилища Древней Руси была неясна. Не существовало единого взгляда и на способ классификации жилищ: что следует брать за основу — конструкцию стен, уровень пола, план, тип печи? Не было и четкой картины распространения разных типов жилищ на территории Руси, их периодизации. Именно поэтому Павел Александрович все свои усилия направил на то, чтобы свести воедино уже накопленный материал и классифицировать его, а затем попытаться выявить основные типы жилищ, обрисовать общую картину их развития и сформулировать основные вопросы истории домостроительства.

В дополнение к материалам по жилищам, имевшимся в научной литературе, Павел Александрович в течение пяти полевых сезонов проводил раскопки памятников в тех районах и тех периодах, по которым данные отсутствовали или были недостаточными. Для того чтобы использовать максимальное количество материала и объективно учесть все полученные в процессе раскопок данные, П. А. Раппопортом был применен метод ареального исследования, т. е. картографирования наиболее существенных признаков жилища — конструкции, плановой схемы и устройства печей. При этом картографирование было проведено по нескольким смежным хронологическим этапам, что позволило проследить развитие каждого из этих элементов. Сопоставление и обобщение сведений по эволюции конструкций, плановой структуры жилищ, а также печей дали возможность выявить общую картину развития жилищ.

Монография «Древнерусское жилище» была закончена в 1971 г., но вышла только через 4 года (САП. Вып. Е 1—32. Л., 1975). В первом разделе монографии приведен перечень памятников — более 300 поселений, где учтено более 2300 жилищ. Памятники сгруппированы по хронологическим периодам и ареалам распространения. Второй раздел «Развитие жилищ» включает исследование вопросов распространения типов жилищ, основных их компонентов (конструкций, плановой структуры, типов печей), а также их эволюции в хронологических периодах. В моно-

графию включено большое количество данных картографирования. Труд явился основательным исследованием по истории, теории и археологии древнеславянского и древнерусского жилища.

Кроме этой монографии, вопросам истории древнего жилища посвящено еще более 20 статей П. А. Раппопорта.

В период работы по изучению истории военного зодчества и жилищ выявилось еще одно направление — поиск исчезнувших городов. Многие русские города, известные по упоминаниям в летописях и других письменных источниках, совершенно исчезли из памяти поколений, и местоположение их неизвестно. Поиски таких городов заняли несколько полевых сезонов.

В одной из неопубликованных работ П. А. Раппопорт писал, что в древнерусском языке слово «город» обозначало всякое укрепленное поселение независимо от его величины или экономической сущности. Поэтому под древнерусское понятие города попадали как настоящие средневековые города, так и чисто военные крепости, княжеские замки, укрепленные монастыри, боярские усадьбы. Среди таких «городов» были крупнейшие города площадью в несколько десятков гектаров, но были и крохотные укрепленные пункты в несколько сот квадратных метров. Главной причиной, вызвавшей запустение древних поселений, были военные действия — набеги печенегов, половцев, а также нашествие монголов и жестокие сражения между русскими князьями. Обычно на городищах — заброшенных городах — сохраняются, остатки оборонительной системы — оплывшие земляные валы, рвы.

Наиболее ранние из исчезнувших городов, обнаруженные П. А. Раппопортом при обследовании Галицкой и Волынской земель, — Острожец и Коршев около г. Луцка (Волынская область), Листвин в районе г. Дубно (Ровенская обл.), Ступница в предгорьях Карпат, — крупные городища с остатками мощных оборонительных сооружений. Эти большие древнерусские города были покинуты в одно и то же время в XI в. Выяснилось, что страшное бедствие, которое привело к частичному запустению территорий и гибели большого количества укрепленных поселений, — следствие вторжения кочевников, сначала печенегов, а затем половцев. Считалось, что основ-

ным объектом половецких ударов было Поднпровье. Однако найденные городища позволили Павлу Александровичу сделать вывод о том, что район, подвергавшийся набегам половцев, был значительно более обширным и включал всю Галицкую землю и значительную часть Волыни.

Другой пример — г. Данилов. По летописи известно, что на пути к Владимиру-Волынскому и Галичу монголы не могли взять только два города, выделявшиеся неприступностью укреплений, — Кременец и Данилов. Кременец известен и в наше время. Данилов настолько забыт, что потеряно его местонахождение. В результате длительных поисков в окрестностях села Даниловка (Тернопольская область) была обнаружена гора под названием «Святая Троица». Горизонтальная площадка на ее вершине сплошь насыщена археологическим материалом, датируемым XIII в. Крутые склоны горы превращали это поселение в совершенно неприступную крепость. П. А. Раппопорту удалось убедительно доказать, что именно здесь и располагался упомянутый в летописи город Данилов.

Можно назвать целый ряд больших и малых городищ XI—XIV вв., которые были определены Раппопортом как города, замки, усадьбы, гарнизонные поселения. Это города на западе Киевской земли — Кудин, Деревин, Губин; Гологоры и Судовая Вишня в районе Львова; Мстибогов городок в Гродненской области; Хабаров городок и Мстиславль в районе Юрьева-Польского (Владимирская область); Заруб в Смоленской области и ряд других. Заслуживает отдельного упоминания история поисков города Рай — резиденции волынского князя Владимира Васильковича, в связи с этим была уточнена северная граница Волынского княжества.

В результате большого объема поисковых и археологических работ, летописных и историко-географических изысканий П. А. Раппопорту удалось определить и идентифицировать целый ряд древнерусских поселений, уточнить многие моменты исторического, историко-географического и социального порядка. Данные этих изысканий изложены им в ряде статей.

Работая над такими значительными темами, как военное зодчество и жилище Древней Руси, потребовавшими оеромного объема археологиче-

ских работ, обобщения материалов и написания фундаментальных монографий, П. А. Раппопорт не оставлял тему монументальной архитектуры. Вернее сказать, он все время ею занимался. Определились временные границы наиболее интересующего его периода — домонгольский период древнерусской архитектуры (X—XIII вв.). В 1962 г. в журнале «Советская археология» (№ 2) опубликована его статья «Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв.» В ней подведены итоги изучения домонгольских памятников и заложены все основные направления изучения истории архитектуры, которые получили дальнейшее развитие в многочисленных работах Павла Александровича.

В 1962 г. была создана Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция. Ее начальником стал И. Н. Воронин, а заместителем — П. А. Раппопорт. Экспедиция проработала в Смоленске до 1967 г., затем после перерыва, связанного с болезнью И. Н. Воронина, была восстановлена в 1972 г. уже под руководством Павла Александровича и работала еще 4 года. За 10 полевых сезонов экспедиция вскрыла 10 монументальных построек XII—XIII вв. Кроме того, были найдены и исследованы две кирпичеобжигательные печи, раскопаны галереи у двух сохранившихся храмов и один храм XVI в. Все эти годы экспедиция вела систематические археологические разведки с целью выявления еще неизвестных сооружений. В результате было изучено 19 памятников древнего зодчества (до 1967 г. в Смоленске было известно всего три сохранившихся памятника и семь частично вскрытых раскопками). Кроме того, был получен большой материал по строительной технике и строительному производству.

Итогом этой экспедиции явились 15 научных статей, часть из которых написаны совместно с И. Н. Ворониным, и большая написанная совместно с ним же монография «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.», вышедшая уже после смерти Николая Николаевича. Благодаря этой экспедиции в Смоленске было открыто множество неизвестных до того сооружений и выявлена целая школа древнерусской архитектуры. Выяснилось, что в последнем десятилетии XII в. — первой трети XIII в. Смоленск превосходил по размаху строительства все архитектурно-строительные центры

Руси. Книга Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.» стала большим событием в области изучения древнерусской культуры.

В 1970 г. вышла небольшая книга П. А. Раппопорта «Древнерусская архитектура», предназначенная для широкого круга читателей. В ней в очень четкой и ясной форме дается характеристика периодов русской архитектуры X—XVI вв., прослежены основные линии ее развития. Следует отметить, что и в популярных изданиях Павел Александрович никогда не допускал упрощенности изложения. Вне зависимости от сложности проблем он излагал их в ясной и доступной форме, но на современном научном уровне.

С середины 70-х гг., когда древнерусское монументальное зодчество домонгольского периода становится, наконец, основной темой исследований Павла Александровича, интенсивность его научной деятельности, очень напряженной и до этого времени, необычайно возрастает и остается такой до его последних дней. Широко разворачивается деятельность Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА, во главе которой он стал в 1975 г. Она охватывает многие города, где сохранились памятники X—XIII вв. или их остатки. Некоторые отряды экспедиции организуются совместно с ЛГУ, Эрмитажем, археологическими и реставрационными организациями городов, где ведутся раскопки. Отряды работают во Владимире-Волынском, Галиче, Чернигове, Новгород-Северском, Луцке, Полоцке, Витебске, Гродно, Переславле-Залесском, Ростове Великом, Ярославле, Новгороде, Старой Ладоге. К известным уже древнерусским сооружениям прибавилось много новых, некоторые вновь раскопаны для уточнения. Большой частью это лишь остатки нижних частей стен или фундаменты, а иногда лишь фундаментные рвы. Однако даже этих данных в большинстве случаев было достаточно Павлу Александровичу для определения основных характеристик сооружений и реконструкции планов, а зачастую и архитектурных форм. Этому способствовал определенный методический подход в изучении архитектуры, разработке которого он придавал большое значение, посвятив данному подходу более 10 работ: инструкции по обмерам открываемых в раскопках архитектурных соору-

жений, методика их раскрытия, изучения, фиксации, которые, по его мнению, обязательно должны включать стратиграфические наблюдения, анализ архитектурных форм и декоративных элементов, а также конструктивных и строительно-технологических процессов. Павел Александрович показал недостатки одностороннего изучения, когда перевес был на стороне только археологического или только искусствоведческого подхода. В результате им был разработан и сформулирован комплексный подход к изучению архитектурных памятников, включающий исторический аспект, архитектурно-художественную и строительно-техническую стороны.

Надо отметить, что в нем самом счастливо сочетались специальности архитектора, археолога и историка. В большой степени это можно увидеть в его статьях — публикациях исследований памятников, раскопанных им или под его руководством или же изученных по материалам, имеющимся в литературе или в архивах. Эти статьи как бы иллюстрируют применение того комплексного системного подхода, который Павел Александрович стремился ввести в изучение архитектуры. Таковы статьи о церкви Василия в Овруче, церкви Нового Ольгова городка в Старой Рязани, о Мстиславовом храме (Успенский собор) и о церкви «Старая кафедра» во Владимире-Волынском, о Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке (совместно с Г. М. Штендером), о дворце (там же), церкви Михаила в Переяславле (совместно с М. В. Малевской), церквях Пантелеймона, Ивана на Опоках и Успения на Торгу в Новгороде, Благовещения в Витебске, Климента в Старой Ладоге (совместно с Л. Н. Бояшиковым) и др.

Следует отметить, что Павел Александрович всегда очень быстро, насколько это от него зависело, публиковал результаты исследований открытых памятников при обследовании как оборонительных сооружений и жилищ, так и архитектурных сооружений. Он считал, что новые научные данные тогда ценны, когда они введены в научный оборот. У Павла Александровича много совместных публикаций о результатах раскопок. Все, кто принимал участие в раскопках, обмерах, обследованиях, всегда становились соавторами статей независимо от объема и характера участия.

Открытие, изучение памятников, даже самых интересных, сенсационных, никогда не было самоцелью Раппопорта. Он стремился создать целостную картину развития древнерусской архитектуры, в которой каждая архитектурная школа, каждый памятник занял бы свое место. В связи с этим в деятельности П. А. Раппопорта с середины 70-х гг. можно выделить три направления: работа по созданию каталога памятников архитектуры домонгольского периода, исследования в области строительной техники и строительного производства, проблемы архитектурных школ Древней Руси. Конечно, это разделение чисто условное, поскольку все три направления тесно переплетены и каждое является дополнительным источником для другого.

С 1974 по 1978 гг. с перерывом в 1—2 года вышли несколько статей, которые во многом явились определяющими по ряду проблем, касающихся работы над каталогом. Это статьи по ориентации древнерусских церквей, о методе датирования памятников зодчества по формату кирпича, о знаках на плинфе, а также по исследованию строительных растворов. Все эти разработки дали возможность значительно дополнить сведения, уточнить данные о многих сооружениях домонгольского периода.

С самого начала работы П. А. Раппопорта, связанной с историей архитектуры, сформировалась своеобразная система фиксации всех данных о памятниках древнерусского зодчества X—XVII вв. (для домонгольского периода более детальная). Своеобразный банк данных находился в небольшой по формату старинной записной книжке (несколько более 200 страниц), куда мельчайшим почерком заносились все сведения о памятниках, расположенные в хронологическом порядке: планы, разрезы, аксонометрия, библиография. В нее вносились и все новые сведения. Кроме того, на страничках с буквами алфавита на одной стороне расположены соответственно перечни памятников, на другой — фамилии авторов печатных работ по древнерусской архитектуре. Эту емкую систему Павел Александрович выбрал в отличие от распространенного способа карточек. Записная книжка, а по сути дела справочник, послужила основой для создания каталога памятников домонгольского зодчества «Древнерусская архитек-

тура X—XIII вв.» (САИ.Е 1—47. Л., 1982). На подготовку каталога к печати в институте Павел Александрович запланировал 1 год. Когда его спросили, как можно за год собрать все материалы, он ответил, что собирал их всю жизнь. В предисловии к каталогу он писал: «Благодаря археологическим исследованиям, широко развернувшимся в Советском Союзе в послевоенные годы, значительно увеличилось количество известных памятников домонгольского зодчества. Впервые появилась возможность изучать историю древнерусской архитектуры на многочисленных примерах, относящихся ко всем периодам ее развития и всем архитектурным школам. Проведены очень серьезные работы по выявлению первоначальных форм сохранившихся памятников...». • • Назрела необходимость критически обработать и свести воедино сведения о памятниках русской архитектуры X—XIII вв.— подготовить их каталог». И далее: «В каталог включены все памятники каменно-кирпичного зодчества, возведенные на территории Руси... от X в. до 40-х гг. XIII в., как сохранившиеся, так и погибшие, если о них имеются хотя бы минимальные данные... Каталог построен по территориальному принципу. • (...). В статьях каталога материал расположен в определенном порядке: сперва — сведения древних письменных источников о возведении здания или его перестройке, затем — основные сведения по истории памятника, истории его изучения, его состоянию и сохранности, а также о реставрации... При описании памятника указывается тип сооружения, схема его плана, основные размеры... Каждая статья каталога сопровождается библиографией... Иллюстративный материал к каталогу — таблицы и рисунки. Таблицы содержат схематические планы тех памятников, для которых, их можно было установить. Все планы даны в одном масштабе.»

Г. К. Вагнер в рецензии на каталог (СА. № 1. М., 1985) писал: «Главная ценность каталога состоит в исчерпывающей полноте его текстовой части, изложенной предельно сжато, но очень информативно. Не меньшую ценность представляет щедрое графическое иллюстрирование. В каталоге приведены основные сведения о 203 известных, существующих в натуре или в археологических фрагментах памятниках архитектуры X—XIII вв. и о 45, известных только по письменным источ-

никам. Всего т. о. по каталогу набирается 248 сооружений. Из них автор смог графически воссоздать планы 145 памятников, т. е. почти 2/3. 145 графических планов, сведенных к тому же к одному масштабу,— превосходная база для дальнейших исследований... В каталоге представлено много памятников, раскрытых в последние два-три десятилетия, в частности, самим автором. Доскональное знание П. А. Раппопортом архитектурно-археологического материала позволило внести много уточнений в прежние публикации и интерпретации... Каталог памятников русской архитектуры будет бессменной настольной книгой всех историков древнерусского зодчества».

Как было сказано выше, в каталоге приведены сведения о 248 сооружениях. Интересно сравнить эту цифру с данными статьи Павла, Александровича, вышедшей в 1962 г. («Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв.»), т. е. 20 лет назад, где упоминается о 150 известных тогда сооружениях. За 20 лет в научный оборот было введено почти 100 новых памятников. Следует отметить, что и после выхода каталога Павел Александрович не оставлял работы по сбору материалов, и к 1988 г. у него накопилось большое количество дополнений для возможного второго издания. По замыслу П. А. Раппопорта, каталог памятников должен был составить второй раздел книги «Русская архитектура X—XIII вв.»; в первом, исследовательском, разделе излагалась история развития домонгольского зодчества — та целостная картина, к созданию которой он стремился. Но из-за ограничения объема замысел этот не осуществился. Вот почему он, несколько переработав, опубликовал эту часть в виде небольшой книги «Зодчество Древней Руси» (Л., 1986). Книга охватывает историю русского монументального зодчества с конца X в. до монгольского вторжения. В ней учтены все новые исследования сохранившихся зданий и памятников, открытых раскопками. Показана тесная связь развития архитектуры с историческими событиями, связь древнерусских строительных артелей с определенными княжескими династиями. История древнерусской архитектуры изложена не только как история развития архитектурных форм, но и как реальная картина архитектурно-строительной деятельности.

В более полном и подробном изложении, в расширенных временных границах (X—XVII вв.) история древнерусской архитектуры публикуется в настоящей книге.

По окончании работы над каталогом Павел Александрович приступил к обобщению всех имеющихся данных по строительной технике и организации производства строительных работ в домонгольской Руси, которые у него накопились в процессе многолетних археологических раскопок, изучения сохранившихся сооружений, ряда публикаций, а также самых новых сведений, которые он получал от коллег-специалистов, с которыми он всегда поддерживал тесную связь.

В 1982 г. рукопись монографии «Строительное производство Древней Руси» была завершена, но выпуск ее в свет, к сожалению, задерживался. Вследствие этого некоторые разделы Павел Александрович публиковал в других изданиях, а в рукопись продолжал вносить дополнения вплоть до 1988 г., когда она была закончена в новой редакции. В данное время эта монография готовится к изданию, где во Введении Павел Александрович пишет, что строительное производство Древней Руси до сих пор еще не было объектом монографического исследования, несмотря на то что изучение строительного производства раскрывает многие стороны русской культуры, не говоря уже о том, что оно является необходимой предпосылкой объективного понимания древнерусского зодчества. В монографии подробно рассматриваются строительные материалы, применявшиеся в тот период в Древней Руси, их производство, приемы и способы строительства зданий, начиная от фундаментных рвов до завершающего главу креста, а также вопросы организации производства.

В 1985 г. вышла статья П. А. Раппопорта «Строительные артели Древней Руси» (СА. № 4), явившаяся продолжением и развитием более ранней его статьи «Зодчие и строители древнего Смоленска» (в кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978). В определенной степени эта статья явилась этапной для понимания процессов организации строительного производства. В ней впервые были четко сформулированы принципы организации строительных артелей, выяснены роль мастера-зодчего, состав артелей, связь их с заказчиком и роль последних, сроки строительства зданий, подсчита-

но количество работавших на Руси строительных артелей, прослежена география их передвижений. В качестве иллюстрации этого положения дается графическая схема передвижения строительных артелей. В выводах Павел Александрович пишет, что о тесной связи деятельности строительных артелей с князьями свидетельствуют и факты перехода строителей из одной земли в другую, всегда совпадавшие с династическими, союзными отношениями или переездами самих князей.

Наконец, третье направление, а по сути основное, вобравшее в себя результаты и итоги двух предыдущих, занимающее первенствующее место в творчестве Раппопорта,— это вопросы сложения и развития архитектурных школ и направлений. Он считал, что проблема возникновения, развития, взаимовлияний и взаимосвязей архитектурных школ является ключевой для создания целостной картины архитектурно-строительной деятельности в домонгольской Руси. Над этой проблемой он работал многие годы, разрабатывая разнообразные ее аспекты: само понятие «архитектурная школа», соотношение с понятием и деятельностью строительных артелей, традиции, наличие кадров мастеров, роль заказчиков, территориальные признаки, общесторические факторы, роль внешних влияний, наличие местных строительных традиций, социальные заказы и пр.

Одно лишь перечисление основных публикаций говорит о широте и глубине проникновения в этот раздел истории архитектуры. Началом надо считать статью «Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв.» (СА. № 2. 1962), где сведены результаты исследований предшествующего периода, выявлены этапы развития древнего зодчества — архитектура Киевской Руси (конец X—XI вв.), отдельные школы крупных центров периода феодальной раздробленности (конец XI—XIII вв.), впервые выделен самостоятельный этап, сложившийся в конце XII в.— 1-й половине XIII в.

Затем следуют статьи: «К вопросу о сложении Галицкой архитектуры» (см.: Славяне и Русь. М., 1968); «Некоторые вопросы истории русской архитектуры конца XII в.— первой половины XIII в.» (Югославия, Старинар, 1969); «О взаимосвязях русских архитектурных школ в XII в.» (Труды II Ин-т им. Репина. Сер. Архитек-

тура. Вып. 3, Д., 1971); большая этапная статья «Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв.» (см.: Древнерусское искусство. М., 1977); «Полоцкое зодчество» (СА. № 3. М., 1980); «К вопросу о сложении Новгородской архитектурной школы» (СА. № 3. М., 1982); «Из истории Киево-Черниговского зодчества XI—XII вв.» (КСИА. Вып. 179. М., 1984); «О взаимосвязях русских архитектурных школ на рубеже XII—XIII вв.» (совместно с О. М. Иоаннисяном. Югославия, 1989) и еще несколько статей, подготовленных к печати.

Каждая следующая статья, более углубленная и более обобщающая, написана на основании самых последних данных. Особенно много дали для этих статей исследования строительно-технической стороны зодчества.

Павлу Александровичу удалось не только создать картину существования архитектурных школ домонгольского периода, ему принадлежит также выявление в русском зодчестве самостоятельного этапа развития, охватывающего конец XII — первую половину XIII вв. Основное отличие памятников той поры от памятников середины XII в.— динамичность композиции, острота силуэта, чрезвычайно богатая декоративная разработка, фасадов. Он прослеживает появление этого типа сооружений почти во всех архитектурных школах, во всех крупных центрах. В одной из статей мы читаем: «...широкая сеть связей между школами на рубеже XII и XIII вв. привела к тому, что в это время все древнерусское зодчество оказалось вовлеченным в единый процесс выработки новых национальных форм, зодчества при сохранении местных региональных особенностей». Этот этап развития древнерусской архитектуры оказал решающее влияние на развитие композиционных форм раннемосковского архитектурного зодчества.

Многообразная деятельность Павла Александровича способствовала тому, что в начале 1980-х гг. он смог достичь цели, к которой стремился,— создания общей картины истории русской архитектуры домонгольской поры, в которой каждая архитектурная школа, каждый памятник нашел свое место. Но затем он пошел дальше — к разработке такой историко-хронологической системы, которая позволяла предсказывать существование еще не найденных сооружений. В те-

зисах одного из докладов в 1985 г. Павел Александрович писал, что существующие в настоящее время различные методы датирования памятников (по архитектурным формам, строительной технике, формату кирпича и др.) позволяют насытить схему деятельности строительных артелей хронологически конкретными объектами. При этом отсутствие выявленных памятников в определенный период деятельности какой-либо артели в ряде случаев позволяет прогнозировать существование еще не обнаруженных объектов. Эти положения нашли отражение в графической схеме, в которой на хронологической сетке нанесены основные архитектурно-строительные центры, строительные артели и архитектурные сооружения. Эта схема публикуется в настоящем издании; она проверена на практике: некоторые предсказанные памятники обнаружены в результате раскопок.

П. А. Раппопорт показал, что изучение русского зодчества домонгольского периода благодаря разработке целого ряда проблем вышло на качественно новый этап. Вместе с тем он формулирует задачи, которые стоят перед историками архитектуры в изучении этого периода: поиски и изучение не обнаруженных до сих пор памятников, создание методов точной датировки памятников, детальное изучение уже известных памятников и выяснение их первоначальных форм вплоть до графической реконструкции, продолжение углубленного изучения строительной техники и организации строительного производства, раскрытие методов работы древних мастеров и систем построения архитектурных форм древнерусскими зодчими, попытки раскрытия объективной логики художественной эволюции зодчества этого периода методом искусствоведческого анализа.

Таким образом, можно считать, что Павел Александрович своей деятельностью завершил определенный цикл изучения истории древнерусской архитектуры. Он подвел итоги предшествующего периода и определил программу последующих действий, затем благодаря ряду фундаментальных исследований он вывел изучение древнего зодчества на новый этап и наметил также направление дальнейших поисков.

Высокий уровень научных трудов, всеобъемлющие знания в избранной им области в соче-

тании с эрудицией, доброжелательностью и заинтересованностью в научных успехах коллег, готовность помочь в работе создали Павлу Александровичу высокий авторитет. Его постоянно приглашали с докладами на конгрессы и конференции, предлагали печататься в СССР и за рубежом. Он вел обширную переписку с множеством коллег из разных стран и городов. Практически П. А. Раппопорт возглавил целое направление в изучении древнерусской архитектуры, объединяя ученых своим авторитетом. Поскольку годы расцвета его деятельности пришлись на сложный период, у него не было оформленной научной школы. Однако с определенного времени фактически существование такой школы, такого центра осознавалось уже всеми специалистами в этой области.

Сектор славяно-русской (позже отдел славяно-финской) археологии ЛОИА благодаря Павлу Александровичу стал центром по архитектурно-археологическому изучению древнерусского зодчества. Научная жизнь здесь протекала очень интенсивно. На доклады П. А. Раппопорта всегда собиралась большая аудитория. Он постоянно привлекал специалистов из других городов с докладами на заседания сектора, тем самым помогая им публиковать новые материалы в научных изданиях института.

Особенно интенсивно, оживленно и заинтересованно проходили ежегодные обсуждения результатов раскопок по окончании полевых работ, когда начальники отрядов, сотрудники экспедиций собирались на заседания сектора в институте или же дома.

Для Павла Александровича научная работа была главной, ей он подчинял всю свою жизнь. Но он не замыкался только в ней. Павел Александрович любил и преподавательскую, и лекционную работу, любил общаться с заинтересованными людьми, особенно с молодежью.

В течение 34 лет (начиная с 1954 г.) П. А. Раппопорт вел курс истории средневековой архитектуры (русской, народов СССР и западноевропейской) на архитектурном факультете Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. В лекциях, как и в научной деятельности, Павел Александрович стремился дать студентам целостную систематизированную картину истории архитектуры, причем на самом современ-

ном научном уровне. Курсы менялись, совершенствовались вместе с научными достижениями в этой сфере. Он сумел привить многим студентам интерес к истории архитектуры. Многие из бывших его студентов работают в области истории и реставрации древних памятников в Ленинграде, Новгороде, Пскове и других городах.

Около 20 лет П. А. Раппопорт читал лекции по истории древнерусской архитектуры в лектории Русского музея. И здесь его просветительская деятельность была на современном научном уровне, чувствовалось, что выступает ученый, а не профессиональный лектор. Его лекции были очень популярны, залы всегда были полны. Он никогда не отказывал студентам разных институтов, когда они обращались с просьбой прочитать цикл лекций по истории архитектуры в их кружках или лекториях.

Надо отметить, что свои лекции в институте и лектории Павел Александрович иллюстрировал слайдами, большей частью снятыми им самим. Он увлекался фотографией еще в юности, и всю жизнь, начиная с первых шагов профессиональной деятельности, сам вел фотофиксацию раскопок (как, кстати, и графическую фиксацию), бесчисленно снимал и снимал архитектуру.

П. А. Раппопорт был удивительно доброжелательным человеком вообще и особенно, когда это касалось науки. Он всегда был готов поделиться идеями, помогал, консультировал каждого, кто обращался к нему, будь то студент или ученый. Стремился и умел пробуждать в молодежи интерес к изучению архитектуры. Участие в его экспедициях для многих становилось школой археологического изучения зодчества. Вечерами в

экспедициях он в ненавязчивой форме проводил фактически занятия, рассказывал истории изучения и открытий в этой области. Из сезона в сезон люди, чьи профессии не имели отношения к археологии, ездили с ним и становились настоящими специалистами в области истории архитектуры. Большой вес имело его мнение при обсуждении проблем реставрации. К нему постоянно обращались за консультацией и советами. Он всемерно поддерживал научную реставрацию и был противником «новодела».

Зная объективность и доброжелательность Павла Александровича, к нему часто обращались с просьбой быть оппонентом на защите диссертации. Он много занимался редактированием.

Очень большую работу Павел Александрович проделал после смерти своего коллеги и близкого друга А. Л. Яковсона, отредактировав и выпустив в свет две его последние работы.

Павел Александрович ушел из жизни в расцвете творческих сил, несмотря на преклонный возраст. Он был полон новых идей и замыслов. Как ни удивительно, ухудшение состояния здоровья в последние годы, ограничивавшее его возможности в плане поездок и чтения лекций, привело к еще большей интенсивности научной работы за письменным столом. Он трудился до последнего дня, написал уже в больнице после инфаркта дополнительную главу в одной из книг. П. А. Раппопорт оставил 25 законченных работ (16 статей вышли уже после его смерти), в том числе три крупные монографии. Выход одной из них — этой книги — лучшая память о нем.

О. М. Иоаннисян, Е. Г. Шейнина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнерусская архитектура — одна из важнейших и ярчайших сторон русской культуры. Вплоть до начала XVIII в. зодчество в России было ведущим видом искусства, в значительной мере подчинившим себе, или вернее, вобравшим в себя остальные художественные жанры. Многие архитектурные произведения и поныне поражают нас своей красотой, а облик и своеобразие некоторых городов даже и теперь определяют сохранившиеся в них древнерусские здания. Однако архитектура — не только искусство, но и техника, строительное производство. Многогранность архитектурных произведений делает их важнейшими источниками для понимания культуры прошедших веков. Идеология, политические и экономические отношения, культурные связи, развитие техники — все эти стороны находят свое яркое отражение в памятниках зодчества. Именно поэтому архитектура всегда привлекала к себе пристальное внимание историков, художников, писателей, широкой общественности.

Самые первые работы по истории древнерусской архитектуры написаны в XIX в., но первая попытка обобщения всего накопленного материала относится уже к рубежу XIX и XX вв. После Великой Октябрьской социалистической революции, в 30-х гг., появились работы, в которых авторы не только суммировали фактические данные, но и стремились выявить картину развития зодчества. Особенно интенсивным стало исследование древнерусских памятников архитектуры в последние 45 лет, т. е. после Великой Отечественной войны. Гибель и разрушение многих памятников зодчества показали, как хрупко наше драгоценное наследие, какие усилия надо приложить, чтобы сохранять и изучать его. Широко развернувшиеся работы по исследованию и реставрации сохранившихся памятников, археологические раскопки остатков погибших построек ныне позволяют с гораздо большей чем ранее полнотой обрисовать историю древнерусской архитектуры от конца X до начала XVIII в., т. е. от появления на Руси первых каменно-кирпичных сооружений до перехода к архитектуре нового времени.

Изложить в сжатой форме этот путь развития русской архитектуры — задача настоящей книги.

І. МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА X-XIII вв.

Полноценное изучение памятников зодчества возможно лишь в том случае, если известен их подлинный первоначальный облик. Ошибочные выводы историков архитектуры очень часто объяснялись тем, что исследователи исходили из понимания памятника в его искаженном виде. В отношении древнерусского зодчества такие ошибки бывали особенно многочисленны, поскольку ни одна из древних построек не дошла до наших дней неискаженной. Даже лучше других сохранившиеся здания за века своего существования, как правило, сильно изменили формы. Вот почему и в хорошо сохранившихся памятниках обычный обмер сооружения совершенно недостаточен для того, чтобы понять, как оно выглядело вскоре после постройки.

Выяснением первоначального облика памятников занимаются в основном архитекторы-реставраторы. В процессе консервационных и реставрационных работ обычно удается установить места утрат древней кладки, а также более поздних переделок. Задача, решить которую стремится архитектор-реставратор, состоит не только в том, чтобы укрепить разрушающееся здание, но и исследовать его тщательнейшим образом с целью графически точно воссоздать первоначальный облик сооружения. Таким образом, каждый архитектор-реставратор должен быть, по существу, и исследователем.

В очень редких случаях, когда графическая реконструкция оказывается полностью документированной и не вызывает ни малейших сомнений в достоверности, может быть поднят вопрос о восстановлении памятника в натуре. Так, среди памятников русской архитектуры домонгольского времени в 1950—60-х гг. удалось восстановить

в первоначальном виде Пятницкую церковь в Чернигове, а также церковь Петра и Павла в Смоленске (П. Д. Барановский), Борисоглебский собор в Чернигове (Н. В. Холостенко), в дореволюционные годы — Успенский собор во Владимире-Волынском (Г. И. Котов) и церковь Спаса-Нередицы в Новгороде (П. П. Покрышкин).

При отсутствии совершенно достоверных данных о верхних частях здания приходится ограничиваться частичным восстановлением. Например, Пятницкая церковь в Новгороде восстановлена лишь на половину своей первоначальной высоты (Г. М. Штендер). Следует также иметь в виду, что поздние пристройки и перестройки древнего памятника могут сами по себе представлять значительный исторический и историко-архитектурный интерес, а поэтому их уничтожение в процессе реставрации возможно только в том случае, если они безусловно не представляют ни исторической, ни художественной ценности. К сожалению, существует опасная тенденция «воссоздания» древних памятников без документального обоснования, только лишь исходя из соображений, которые самому автору реконструкции кажутся убедительными. Наиболее яркий пример тому — постройка заново Золотых ворот в Киеве. Такие «новodelы», конечно, не имеют никакого исторического значения и отражают лишь запоздалые отклики романтических реставраций XIX в.

Изучение любого памятника древнерусского зодчества, даже отлично сохранившегося, будет неполным без археологических раскопок. Вследствие этого такие исследования входят в программу любого реставрационного задания. Раскопки дают возможность получить очень ценные сведения о памятнике, об устройстве его фундамен-

тов, о первоначальных полах, а также об окружающем здании культурном слое, который может многое рассказать о судьбе сооружения.

Довольно-таки часто над поверхностью земли возвышается только фрагмент здания, а остальные его части уничтожены и от них сохранились лишь фундаменты. В таком случае даже план памятника может быть установлен лишь с помощью археологических раскопок. Таким образом удалось, например, выявить первоначальный план киевской церкви Спаса на Берестове, собора Выдубицкого монастыря и ряда других построек. Иногда раскопки совершенно меняют наши представления о первоначальном облике хорошо сохранившихся зданий, и памятники эти предстают перед нами в новом, часто неожиданном виде. Так, когда в 1954—55 гг. Н. Н. Воронин в результате раскопок обнаружил остатки галерей у церкви Покрова на Нерли и сделал попытку графической реконструкции, многим казалось, что новый, гораздо более пышный облик этого памятника зодчества нарушает достоверность его архитектурного образа. А между тем задача, которую поставил в XII в. перед зодчим заказчик, князь Андрей Боголюбский, несомненно требовала именно такого торжественного облика. Ведь это должно было быть сооружение, которое отмечало бы въезд на территорию княжеской резиденции, имевшей исключительно парадный характер и должноствовавшей символизировать власть и величие владимирского самовластца. Конечно, не может быть и речи о каких-либо намерениях восстановить галереи этой церкви в натуре, однако первоначальный архитектурный облик храма все же лучше раскрывает не современное его состояние, а графическая реконструкция Н. Н. Воронина.

Археологические раскопки играют значительную роль при изучении хорошо сохранившихся памятников древнерусской архитектуры, при исследовании же плохо сохранившихся зданий археологические раскопки становятся большей частью основным методом их изучения. В настоящее время на всей древнерусской территории сохранилось в более или менее целом состоянии всего около 30 построек времени до монгольского нашествия. Если даже добавить к этому те памятники, которые были уничтожены сравнительно недавно, а также здания, сохранившиеся частич-

но (хотя бы на половину своей первоначальной высоты), то и тогда общее количество памятников не достигнет 60 (на территории Древней Руси). Причем это относится к времени от конца X до середины XIII в., т. е. к двум с половиной векам русской истории. Между тем в полном каталоге памятников русского зодчества X—XIII вв. зарегистрировано около 200 объектов. Следовательно, примерно три четверти всех известных памятников выявлены исключительно путем раскопок.

Археологические раскопки памятников русского зодчества получили широкое распространение лишь после Великой Отечественной войны; таким образом, это сравнительно молодой раздел историко-архитектурной науки. Естественно, что на первых порах методика исследований была очень слабо разработана. Часто архитектурно-археологические раскопки проводились по обычной методике археологических исследований, не учитывающей специфики памятников архитектуры. Порой это приводило к потере важнейших сведений, причем потере безвозвратной, поскольку многие постройки в процессе раскопок, а особенно после них, сильно разрушались. В настоящее время методика архитектурно-археологических исследований уже достаточно хорошо разработана и даже самые слабые следы разрушенных памятников при внимательном археологическом изучении теперь дают возможность получать достоверные данные для включения таких памятников в общую картину развития древнерусской архитектуры.

Детальный обмер, обследование кладок, зондажи, археологические раскопки — все эти методы должны быть (по возможности) применены при изучении памятников. Конечно, в зависимости от состояния изучаемого объекта значение каждого метода может существенно меняться; некоторые из них становятся ведущими, другие — второстепенными или даже полностью неприменимыми. Важно, чтобы все сведения, какие могут быть получены, были бы действительно получены. Чем большее количество хорошо проверенных и документированных данных будет известно по каждому сооружению, тем большие возможности получит исследователь для интерпретации памятника и определения его места и значения в истории архитектуры.

В каждом произведении искусства важно соотношение его содержания и формы. Однако в архитектурных сооружениях, являющихся памятниками не только истории искусства, но и техники, форма выражается двояко — и как художественная, и как конструктивная. Изучение памятников зодчества в соответствии с этими тремя основными сторонами архитектуры может проводиться в историческом, искусствоведческом и техническом аспектах.

Исторический аспект позволяет, прежде всего, раскрыть содержание архитектурного произведения, искусствоведческий — его художественную форму, а технический — конструктивную. Такое разделение, конечно, условно, поскольку четких границ между этими аспектами нет и вряд ли возможно вести исследование, строго ограничиваясь рамками одного из этих аспектов. Тем не менее, при изучении здания обычно основное внимание все же уделяется одной из сторон. Подобное изучение вполне закономерно и может дать ценные научные результаты, однако их следует рассматривать лишь как часть сведений, которые можно извлечь при исследовании. Полностью оценить заложенную в произведении зодчества информацию возможно только при комплексном изучении, т. е. изучении, учитывающем все три стороны проблемы.

Исторический аспект изучения связан главным образом с историей памятников на основании письменных источников, которые должны привлекаться в полном объеме: летописи, церковная литература, художественные произведения, свидетельства иностранных путешественников и пр. Обязательно следует учитывать не только литературу, синхронную времени возведения памятника, но и всю более позднюю, которая может содержать сведения о дальнейшей судьбе постройки, ее ремонтах и перестройках. Как правило, должны быть тщательно изучены и опубликованные источники, и архивные документы. Большую роль могут играть сведения о политических событиях и экономической обстановке, во время которых возводилось здание, даже в том случае, если сам памятник в этих источниках не упоминается. Наконец, при изучении храмов важно и само название церкви, т. е. какому святому Она была посвящена.

Изучение памятников русского зодчества домонгольского периода (X—XIII вв.) и сопоставление этих памятников со сведениями письменных источников показывают, что постройка каменно-кирпичных зданий была в это время очень дорогостоящим предприятием, доступным лишь князьям и высшим церковным иерархам. Это была архитектура высшей прослойки господствовавшего класса.

Памятники той поры ясно показывают, что строительные артели и стоявшие во главе этих артелей зодчие были, как правило, связаны с княжескими дворами. Переезд строителей из одной земли в другую почти всегда был связан с междукняжескими династическими отношениями. Лишь в Новгороде со второй половины XII в. появились свободные строители, работавшие по боярским заказам.

Тщательное изучение исторической обстановки необходимо и потому, что только при таком условии легко понять, какие сведения можно извлечь из данного памятника. Использование произведений зодчества в качестве иллюстраций, обогащающих и делающих более ярким и образным изложение истории, конечно, правомерно, но основная цель их изучения все же не в этом. Памятник архитектуры прежде всего — не иллюстрация истории, а самостоятельный исторический источник. В каждом памятнике заключен целый комплекс исторической информации, которую необходимо выявить и понять. Особого рассмотрения заслуживает также функциональный подход к изучению памятников как одной из сторон исторического аспекта.

Во многих случаях изучение памятников зодчества раскрывает такие аспекты жизни общества, которые не зафиксированы никакими другими источниками. Это относится и к политической истории, и к борьбе идеологий, и к экономике. Так, исследование памятников зодчества Владимира-Волынского показало, что их строили мастера перемыславской строительной артели. Об этом безусловно свидетельствует строительная техника, и особенно система формовки кирпичей. В самом же Переяславле монументальное строительство в то время полностью прекратилось.

Обращение к письменным источникам позволяет объяснить сложившуюся ситуацию: в 1154 г.

умер киевский и волынский князь Изяслав; его старший сын Мстислав, сидевший в Переяславле, не пытался бороться за киевский стол, а, бросив Переяславль, возвратился в свою вотчину — Волынь. При этом он забрал с собой всю переяславльскую строительную артель, которая и начала в 1156 г. строительство Успенского собора во Владимире-Волынском, где до того монументальных зданий не было.

Поступок Мстислава даже более определенно, чем письменные источники, указывает на его политические взгляды. До него волынские князья не вели на Волыни монументального строительства, так как считали себя потенциально киевскими князьями и, заняв киевский стол, вели строительство в Киеве. Мстислав же, очевидно, понимал, что процесс дробления Руси усиливает значение отдельных земель-княжеств и, следовательно, основное внимание следует уделять укреплению «своей» земли и своего положения в ней. Этому способствовало не только усиление оборонительных сооружений стольного города Волыни, но и развитие здесь монументального строительства, и огромный размер заложенного собора. Впрочем, это не помешало Мстиславу в 1167 г. все же занять киевский престол.

Другой пример — открытие при археологических раскопках в Смоленске круглой постройки, оказавшейся латинской церковью. На основании археологических и письменных источников (особенно текста торгового договора 1229 г.) между Смоленском, Ригой и Готским берегом (о. Готланд в Швеции) было известно, что Смоленск являлся крупнейшим экономическим центром, через который шла значительная часть торговли Руси с Северной Германией и Скандинавией. Обычно считали, что этот экономический расцвет Смоленска относится к XIII в. Между тем наличие церкви североευропейских купцов, построенной в 70—80-х гг. XII в., свидетельствует о том, что крупная роль Смоленска во внешнеторговых отношениях сложилась уже, по крайней мере, со второй половины XII в.

Подобные примеры, когда изучение памятника зодчества раскрывает неизвестные (или, во всяком случае, малоизвестные) стороны исторического процесса, многочисленны. Можно без преувеличения сказать, что каждый памятник ар-

хитектуры является источником богатой исторической информации. Следует отметить, что это обстоятельство иной раз приводило к неправомерному «перекосу» внимания исследователей. Получение общен исторических сведений казалось основной задачей изучения памятников зодчества. Между тем, при всем огромном значении этой информации, она все же является лишь частным вопросом в их исследовании, а основной частью должно стать раскрытие общей картины развития архитектуры.

Второй аспект изучения зодчества — искусствоведческий. Он дает возможность исследовать художественную сторону здания, позволяет выполнить детальный и тонкий анализ композиции, форм, стиля, впечатления, которое данное произведение архитектуры производит на зрителя. Без подобного анализа нельзя понять памятник архитектуры как произведение искусства, а следовательно невозможно определить и пути развития архитектурных форм.

Раскрытие архитектурного образа, т. е. выяснение того, с помощью каких художественных приемов выражено содержание архитектурного сооружения, — задача искусствоведческая. А. В. Луначарский писал: «...в том-то и заключается очаровательная сила искусства, что оно, придавая тому или иному жизненному содержанию художественную форму, подымает способность его проникновения в человеческие сердца до неслыханной силы»*. И далее в этой же статье: «Отсюда ясно, что все чисто художественные и формальные проблемы приобретают колоссальный интерес. И с этой точки зрения, всякое пренебрежение к чисто художественным, специфическим вопросам искусства является признаком варварства»**.

Сложность художественного анализа состоит прежде всего в том, что по отношению ко всем памятникам зодчества, возведенным до XVIII в., у нас нет письменных данных, в которых *были бы* изложены художественные приемы, из которых исходил автор постройки. Следовательно, единственным источником могут служить только сами памятники. Вследствие этого всегда существует опасность того, что художественный анализ может

* Луначарский А. В. Статьи об искусстве. М.-Л.: Искусство, 1941. С. 502.

** Там же. С. 314.

оказаться субъективным, что он внесет в понимание памятника такие черты, которых в нем в действительности нет и которые отвечают лишь взглядам современного искусствоведа, а не современника строительства. Очевидно, что художественный анализ должен выполняться крайне осторожно и быть тщательно аргументирован объективными доказательствами.

Другая опасность искусствоведческого анализа заключается в том, что он подчас выполняется отвлеченно, рассматривая только художественную сторону и не учитывая специфики архитектурного произведения, т. е. строительной технологии, функциональных особенностей, системы организации строительного производства и пр. Так, непонимание коренного различия в организации и производстве работ по возведению каменно-кирпичных и деревянных сооружений привело Н. И. Брунова к мысли, что древнейшие киевские здания строились плотниками, научившимися вести кирпичную кладку. Отсюда следовали выводы, что византийская кладка из плинфы со скрытым рядом была изобретена в Киеве в качестве подражания деревянному срубному строительству из венцов, а «отчетливое расчленение киевской Софии на отдельные ячейки было подготовлено, вероятно, привычкой плотников компоновать здание из отдельных срубов»*.

В том, что опасность одностороннего искусствоведческого подхода к памятникам архитектуры была вполне реальна, убеждает, например, дискуссия, развернувшаяся по этому поводу между искусствоведами и архитекторами — историками архитектуры в 1935 г. Когда же художественный анализ опирается на хорошо проверенные и правильно понятые факты, а также учитывает специфику данного вида искусства, он дает очень многое для понимания зодчества.

Положительные примеры в отечественном искусствоведении уже довольно многочисленны: в области древнерусской архитектуры ими являются работы М. А. Ильина, А. И. Комеча, монументальной живописи — В. Н. Лазарева, скульптурного декора — Г. К. Вагнера и ряда других исследователей. М. А. Ильин изложил основные за-

дачи, которые стоят в этой области перед исследователями древнерусского зодчества.

При художественном анализе памятников зодчества большую роль играет изучение системы пропорционального построения сооружений. В западноевропейской искусствоведческой литературе широкое распространение получил формальный метод, при котором на чертежах памятников зодчества строятся сложнейшие геометрические фигуры, а из них выводятся также очень сложные, часто иррациональные, числовые соотношения. В итоге получаются выводы, в которых основным достижением оказывается, например, заключение, что в основе пропорций Парфенона господствуют прямоугольник со сторонами $\sqrt{E}$ и золотое сечение, а в Миланском соборе — равнобедренный треугольник и прямоугольник со сторонами $\sqrt{3}$.

Конечно, нельзя отрицать, что формальный метод имеет определенные достоинства, так как позволяет понять некоторые закономерности построений зданий, но только такие, которые помогают нам при изучении памятников и не имеют никакого отношения к приемам, которыми пользовался автор произведения. Значительно большую ценность имеют попытки вскрыть те закономерности построения, которые использовали сами древние зодчие. Так, Б. П. Михайлов писал, что задача его работы «заключается в том, чтобы раскрыть античную теорию архитектуры, которая строилась на представлении самих творцов великих произведений античного зодчества и лежала в основе их плодотворной деятельности».

В изучении древнерусского зодчества формальный метод также получил распространение. Наиболее ярким выразителем такого метода был А. И. Некрасов, всячески подчеркивавший, что «пытался всегда показать обусловленность тех или иных архитектурных решений всей совокупностью исторической обстановки, а формальные и геометрические моменты рассматривать как выражение художественных воззрений данной эпохи». В практическом анализе памятников А. И. Некрасов всюду склонялся к отвлеченным геометрическим и математическим выводам, подчас в очень усложненной форме.

Опасной тенденцией является и увлечение цифровыми закономерностями, начиная от золо-

* Брунов Н. И. Киевская София — древнейший памятник русской архитектуры // Византийский временник. 1950. Т. 111. С. 196.

того сечения и рядов Фибоначчи до попыток выявления в каждом памятнике многочисленных различных мер. Дело доходит до таких курьезов, как якобы использование различных мер в одном и том же памятнике, которые к тому же отражают социальную иерархию, — меры княжеские, церковные, народные и пр. При таком большом количестве различных мер и их производных можно, конечно, подобрать соответствие любому имеющемуся в памятнике размеру, а тем самым и «доказать» что угодно. Критика отвлеченных искусствоведческих построений при анализе памятников зодчества была уже убедительно высказана несколькими авторами (например, А. И. Комечем, Л. Н. Большаковым, М. В. Степановым).

Третий аспект изучения памятников зодчества — строительно-технический. На необходимость изучения строительной техники исследователи архитектуры указывали уже давно. Так, в отношении древнерусских памятников об этом еще в дореволюционные годы писал В. В. Суслов. Однако практически эти вопросы привлекали мало внимания и почти не разрабатывались. Лишь в недавнее время строительно-техническая сторона памятников древнерусской архитектуры стала предметом специального изучения. И первые же попытки в этой области дали важнейшие результаты, показали, насколько полнее и ярче раскрывается картина истории древнерусского зодчества при комплексном его изучении, учитывающем и вопросы строительной техники, строительного производства.

За последние 35 лет археологическими раскопками было открыто несколько кирпичеобжигательных печей и печей для выжигания извести, относящихся к домонгольскому времени. Это позволило в значительной степени понять процесс изготовления кирпича-плинфы и строительного раствора. Благодаря этому удалось выяснить, какой смысл имели знаки на плинфах, уже давно вызывавшие большой интерес и недоумение исследователей. Детальное изучение самих плинф дало возможность составить шкалы датировки памятников по формату их кирпичей. Очень интересные результаты дает анализ строительных растворов. Так, состав раствора может с большой точностью указать на строительную традицию мастеров — принимали ли участие в возведении сооружения приез-

жие каменщики из Византии или же византийская традиция здесь уже полностью сменилась местной. В ряде случаев, при очень плохой сохранности остатков раскапываемого памятника, анализ строительного раствора может оказаться одним из решающих факторов при определении того, к какой архитектурной школе этот памятник относится.

Своеобразная система деревянных субструкций под фундаментами древнейших киевских построек давала основание исследователям полагать, что строителями были мастера, приехавшие из Малой Азии, с Кавказа или с Балкан. Изучение этих конструкций опровергло такие предположения и показало, что мастера принадлежали к столичной (константинопольской) строительной школе.

Детальное изучение древнерусских кирпичных кладок, в частности обнаружение «двойных» швов раствора, позволило уточнить производительность труда древних каменщиков. Это, в свою очередь, дало возможность подсчитать примерное количество каменщиков, участвовавших в строительстве, а затем и определить примерный состав древнерусской строительной артели как по составу специалистов, так и по их количеству. В изучении организации процесса возведения зданий многое могут подсказать сохранившиеся в стенах древних памятников отверстия от пальцев строительных лесов.

Пренебрежительное отношение к изучению строительно-технической стороны памятников зодчества нередко приводило к существенным ошибкам в понимании процесса развития архитектуры. Характерным примером может служить решение проблемы изменения системы кирпичной кладки в Киеве в 1-й половине XII в. В это время кладка из плинфы со скрытым рядом сменилась равнослойной плинфяной кладкой. Это изменение техники кладки сопровождалось резкими видоизменениями композиции зданий, их стилистических особенностей и даже архитектурных деталей. Тем не менее, большинство исследователей древнерусской архитектуры полагало, что все эти изменения были вызваны внутренним развитием киевского зодчества и обязаны деятельности одной и той же строительной организации, т. е. киевской строительной артели. В то же время сравнительное изучение обоих типов кладки показывает, что та-

кие превращения не могли произойти внезапно, если бы здесь продолжали работать одни и те же мастера, поскольку различия в системе кладок касались не только характера перевязки швов и внешнего облика поверхностей стен, но коренным образом менялся сам процесс работы. А коренные различия в организации работы каменщиков эпохи средневековья безусловно свидетельствуют о смене строительной традиции, т. е. о переходе строительства в руки других мастеров. Естественно, что такое заключение приводит к совершенно иным выводам.

Изучение строительно-технических особенностей сооружения памятников зодчества позволяет подойти к проблеме раскрытия методов работы древних мастеров, т. е. выяснения, как проектировали древнерусские зодчие, как они производили разбивку плана, как намечали высоты здания и т. д.

Сложность решения данной задачи усугубляется полным отсутствием подобных сведений в письменных источниках. Сами же памятники свидетельствуют о том, что зодчие обладали какими-то достаточно разработанными инструкциями, позволявшими им возводить здания, существенно отличавшиеся одно от другого как пропорциями, так и деталями. Очень возможно, что сведения о системе построения храмов передавались в качестве традиции от мастера к мастеру и, вероятно, были даже в какой-то степени зафиксированы письменно. Во всяком случае, древнерусский зодчий обладал знаниями, дававшими ему возможность заранее наметить размеры плана и верхних частей здания, не пользуясь чертежами. Так, в Дмитриевском соборе во Владимире камни с рельефами изготавливали заранее и затем включали в кладку в процессе строительства. Следовательно, зодчий еще до начала строительства мог указать резчику размер камней, намеченных для верхних частей собора.

Чрезвычайно интересны работы тех исследователей, которые пытались выявить системы построения древнерусских храмов с помощью простых геометрических схем. Наиболее серьезной в этом плане является работа К. Н. Афанасьева, которая позволяет сделать выводы, очень существенные для понимания закономерностей размерных соотношений различных частей храма.

К сожалению, даже и эта работа, несомненно дающая много ценных наблюдений в отношении системы построения древнерусских храмов, является все же системой нашего, современного, анализа и не раскрывает методики, применявшейся древними зодчими. Разнообразие схем построения и мер, выражаемых в различных метрических системах, в разных памятниках, а также усложненная система геометрических построений не дают оснований полагать, что такими методами мог вести разбивку сооружения древний мастер. Кроме того, принимая за первичный размер сторону подкупольного квадрата, Афанасьев входит в противоречие в письменными источниками, где задаваемыми размерами заказываемого храма всегда являлся его наружный габарит. В последние годы было сделано несколько попыток разгадать отдельные черты метода работы древнерусских зодчих, но в целом эта задача еще далека от разрешения. С методом работы мастеров тесно связан и вопрос о применявшихся при строительстве мерах длины.

Анализ технических приемов, отраженных в памятниках, позволяет выделить почерк различных строительных артелей. На этом основании можно проследить, как работали строительные артели Древней Руси, как они перебазировались из одного княжества в другое, как делились на части или, наоборот, сливались с другими артелями. Появилась возможность подсчитать количество строительных артелей, работавших на Руси в различные периоды XI и XII вв. Выяснилось, что таких артелей было сравнительно немного: даже в начале XIII в. на всей территории Руси их количество не превышало восьми. Таким образом, не каждое древнерусское княжество имело своих мастеров-строителей.

Наконец, исследование технической стороны памятников зодчества может послужить основой для изучения развития самой древнерусской строительной техники. Исследователи неоднократно отмечали, что во второй половине XII — начале XIII в. в памятниках архитектуры Древней Руси явно проступают черты некоторой небрежности кладки, упрощения техники строительства. Казалось, что это — черты регресса, и кое-кто из ученых был склонен связывать такое явление с потерей высоких традиций византийской архитек-

туры. Между тем в действительности это — признаки прогресса, развития строительной техники, поскольку отказ от излишних запасов прочности, значительное ускорение темпов строительства, экономичность свидетельствуют о накоплении древнерусскими мастерами богатого опыта. Замечательно, что точно такие же явления и в то же самое время происходят и в других областях древнерусского ремесла в связи с массовостью изготавливаемой продукции. При этом упрощение строительно-технических приемов в подавляющем большинстве случаев не отражалось на сложности, а порой даже изысканности архитектурных форм памятников. Встречаются памятники, в которых техника исполнения здания явно упрощена и в то же время конструкция завершения виртуозно усложнена. Исключением являются памятники Новгородской земли, где упрощение коснулось и архитектурных форм, что связано с существенными изменениями социальной обстановки: здесь впервые в истории Руси заказчиками начали выступать не князь и высшие церковные иерархии, а бояре, требовавшие от зодчих ускорения и удешевления строительства.

Таким образом, изучение строительно-технической стороны памятников зодчества позволяет дополнить картину развития архитектуры конкретными чертами реальной строительной деятельности на Руси.

Как уже отмечалось, полноценное изучение истории архитектуры должно быть комплексным, учитывающим все три аспекта. При этом изучение должно идти не путем механического соединения итогов исследований, проводимых исходя лишь из одного аспекта, а именно комплексно, в органическом сочетании этих сторон. Только такое изучение может полностью осветить эволюцию архитектурного образа, исторические связи, развитие архитектурных форм и их взаимосвязь с конструкцией, изменения самой конструкции и пр. В конечном счете комплексное исследование должно выявить реальную многоплановую картину развития архитектуры и общие закономерности этого развития. Такой результат даст для изучения истории культуры определенного периода значительно больше, чем любые, даже самые яркие выводы историков архитектуры.

Например, исследование общей картины развития русского зодчества предмонгольской поры приводит к выводу, что на рубеже XII и XIII вв. в этом зодчестве, наряду с продолжающимся процессом дифференциации, отчетливо начинает проявляться тенденция интеграции — первые, еще очень робкие шаги в сторону сложения общерусского архитектурного стиля. Следует отметить, что такие тенденции в русском зодчестве появились тогда, когда в политической жизни Руси подобные тенденции еще не возникали. Примечательно, что параллельный процесс можно отметить и в русской литературе этого времени.

Естественно, что все явления в развитии архитектуры следует рассматривать в связи с социально-экономическими изменениями в жизни общества. Развитие архитектуры в конечном, счете определяется способом производства, и связь эту всегда можно вскрыть при тщательном анализе. Но нельзя сводить все исследования к голой социологической схеме, ибо архитектура, как и всякое искусство, теснейшим образом связана со всеми видами идеологии и зависит от них. Во многом она зависит также от художественных традиций прошлого и, наконец, как и всякое самостоятельное развивающееся явление, имеет собственные, лишь одному ему свойственные особенности развития. Как и любое историческое явление, архитектуру необходимо изучать в процессе диалектического развития: для этого ее необходимо рассматривать в теснейшей взаимосвязи со всеми другими культурно-историческими явлениями в жизни общества. Тесная связь архитектуры с идеологией эпохи не вызывает никаких сомнений.

Г. В. Плеханов писал: «Люди делают не несколько отдельных одна от другой историй — историю права, историю морали, философии и т. д., — а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собой лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории»*. Именно поэтому учет особенностей идеологии эпохи — обязательное условие правильного понимания произведений зодчества. Так, в эпоху средних ве-

* Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории. М., 1948. С. 40.

ков в искусстве важны были «отношения не между визуально воспринимаемыми формами, а между некими значениями, которыми наделялись материальные структуры»*. Важна была поэтому идеальная модель, а не конкретные формы. «Отступления от идеальной формы, вызванные условиями преходящего бытия, попросту игнорировались»**. Следовательно, и сравнение архитектурных форм памятников с точки зрения современного «рационалистического» их истолкования не будет соответствовать тому, как это понимали люди средневековья.

Задачу строителям всегда ставил заказчик. И тем не менее, народные художественные традиции властно проникали в архитектуру через художественные взгляды мастеров. Это могло сказываться и на общей композиции сооружения, и (особенно) на его деталях. Так, вряд ли могут быть сомнения в том, что плоскостность резьбы на фасадах собора в Юрьеве-Польском связана с влиянием деревянной резьбы. Очевидно, мастера, воспитанные в среде, где господствовали деревянная архитектура и деревянная резьба, перенесли выработанную там стилистическую манеру и на резьбу по камню.

Архитектурные формы сооружений определялись, однако, не только традициями строительной артели, но и индивидуальностью мастера, художественным вкусом руководителя строительства — зодчего. Детальное изучение памятников позволяет теперь выделять (даже для домонгольского периода) не только почерк строительной артели, но порой и почерк отдельных мастеров. Без такой индивидуализации история русской архитектуры всегда будет казаться несколько обобщенной. Несомненно, например, что перелом в киевском зодчестве на рубеже XII и XIII вв. отмечен сложением совершенно нового облика храма с динамической композицией объема и связанной с ней конструкцией завершения в виде ступенчато повышающихся арок. Есть все основания связывать этот перелом с деятельностью упомянутого в летописи талантливого зодчего Петра Милонегга. Точно так же с творчеством какого-

то очень яркого зодчего связано внезапное сложение в конце XII в. нового архитектурного направления в Гродно. Совершенно справедливо отмечал В. Н. Лазарев: «Социальная среда и расстановка общественных сил очень важны, но им нельзя придавать... исключительного значения... иначе роль индивидуальной творческой личности сводится на нет и множественность факторов развития искусственно подменяется одним лишь фактором».

В изучении истории архитектуры зачастую острые дискуссии вызывают вопросы о национальном своеобразии зодчества и о внешних влияниях. Следует отметить, что автохтонное развитие архитектуры отдельной страны, не подверженное никаким влияниям архитектуры других стран или районов,— явление исключительное. Как правило, в архитектуре каждой страны можно обнаружить внешние воздействия. Это естественное явление, нисколько не нарушающее и не снижающее национального своеобразия зодчества. «На протяжении всего мирового развития действует закономерность, согласно которой заимствования дополняют внутреннее развитие, служат одним из основных источников обогащения и совершенствования культуры... Культура каждого народа самобытна — но это проявляется не в мнимом отсутствии в ней чужеземных влияний, а в ее способности поглощать и по-своему перерабатывать эти влияния»*.

Попытки обрисовать исключительно автохтонный процесс развития древнерусского зодчества приводили лишь к конфузу, поскольку впоследствии оказывались полностью опровергнутыми фактическим материалом. Порой такие попытки были вызваны плохим знанием памятников, а иногда и откровенно националистическими тенденциями. Встречались и явления противоположного характера, когда внешние воздействия видели повсюду, даже там, где их в действительности, не было. Обычно это связано с поверхностным пониманием самого механизма передачи влияний. Ведь в эпоху, когда не существовало чертежей, влияния могли переноситься только вместе с их реальными носителями, т. е. мастерами. Вот почему о влияниях в русском зодчестве домонголь-

* Иконников А. В. Смысловые значения пространственных форм средневекового города // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М.: Советский художник. 1981. С. 105.
** Там же. С. 115.

* Артановский С. Н. Историческое единство человека и взаимное влияние культур. Л.: Просвещение, 1967. С. 251, 252.

ского периода можно говорить лишь тогда, когда имеется не внешнее, иногда случайное сходство, а явные признаки участия в строительстве на Руси иноземных мастеров. Такое участие обычно сказывается не столько на типологии зданий (хотя и такие случаи известны), сколько на их архитектурных формах и строительных приемах.

Обычно иноземные мастера попадали на Русь в результате тесных политических и культурных связей, поэтому неудивительно, что византийские зодчие несколько раз приезжали в Киев в XI в., а польские мастера начали строительство в Галицкой земле в начале XII в. Но далеко не всегда тесные культурные связи сопровождались приездами строителей; иногда зодчие прибывали как раз из таких краев, связи с которыми бывали sporadическими. Так, Новгород теснее всех остальных русских земель был связан с романским Западом, но на новгородской архитектуре XII в. это никак не отразилось. В то же время сильное романское влияние можно отметить во Владимиро-Суздальской земле, дальше всех русских княжеств отстоявшей от западных рубежей.

Изучение внешних воздействий ни в коем случае не должно мешать выявлению национальных особенностей зодчества. Процесс переработки влияний, пути кристаллизации самостоятельных национальных форм остаются одной из важнейших задач в изучении истории древнерусской архитектуры. В свое время значительный шаг в этом направлении был сделан д-ром истор. наук Н. Н. Ворониным. Появившиеся за последние три десятилетия новые материалы, однако, вызывают необходимость дальнейших серьезных исследований в данной области.

Архитектура — одна из наиболее ярких и выразительных сторон истории мировой культуры. Это сложное, многоплановое явление, отражающее самые различные материальные и идеологические аспекты общественной жизни, требует для своего исследования глубокого и многостороннего подхода. Лишь правильные методологические установки, комплексность изучения и достаточно полная изученность памятников могут обеспечить успешное раскрытие картины развития зодчества.

П. ЗОДЧЕСТВО КИЕВСКОЙ РУСИ

конца X—XI вв.

Истоки древнерусской архитектуры прослеживаются в строительной деятельности восточных славян, племена которых были ядром славянской древнерусской народности. В настоящее время нам известны поселения восточных славян, относящиеся, по крайней мере, к V—VI вв. Все эти поселения были неукрепленными. Археологическими раскопками на местах таких поселений вскрыты многочисленные остатки жилищ. Начиная, по-видимому, с VII—VIII вв. стали строить и укрепленные поселения. По древнерусской терминологии, всякие укрепленные поселения назывались городами, поэтому остатки их, т. е. места, где прежде располагались такие поселения, получили название городищ. Археологические исследования городищ позволили изучить конструкции оборонительных сооружений. Таким образом, мы имеем некоторое представление о типах жилищ и оборонительных построек восточных славян, относящихся ко времени еще до сложения древнерусского государства.

В результате археологических раскопок выяснилось, что в южной части восточнославянского ареала все жилища строили из дерева — столбовой или срубной конструкции. Стены их снаружи были присыпаны землей, пол углублен ниже уровня поверхности земли. Такие жилища в научной литературе принято называть полужемлянками, хотя иногда понижение уровня пола в них настолько незначительно, что практически стены почти целиком возвышаются над землей. Размер жилищ обычно был около 4X4 м, окон они не имели, а вход находился с южной стороны. Печь, топившуюся по-черному (без отвода дыма с помощью дымохода), в одних районах сооружали из камней, а в других вырезали

в глинистом материковом останце. Печь, как правило, располагалась в правом заднем от входа углу. В северной части восточнославянской территории все жилища были наземными. Стены их делали рубленными «в обло», т. е. врубкой с остатком. Пол был деревянный, иногда несколько приподнятый над землей с помощью лаг, врубленных в стены жилища. Печи складывали из камней.

Постепенно, в течение VIII—X вв., шел процесс эволюции восточнославянских жилищ. Особенно усилился этот процесс в XI—XII вв., т. е. в эпоху, когда уже сложилось древнерусское государство. Наземные жилища широко распространились к югу, постепенно вытесняя и заменяя собой полужемлянки. Изменилась и внутренняя планировка жилищ, так как печь теперь чаще ставили в правом переднем от входа углу. Печи в то время уже обычно были глинобитные, хотя в северных районах по-прежнему клали каменные. Появились и более богатые жилища несколько больших размеров, а также двухкамерные и трехкамерные.

Оборонительные сооружения восточных славян представляли собой деревянные стены, стоявшие на земляных валах, перед которыми были выкопаны рвы. Стены были различной конструкции — от простых частоколов до более капитальных, иногда срубных. В тех случаях, когда это было возможно, при сооружении оборонительной системы широко использовали естественные защитные рубежи — склоны оврагов, берега рек и пр. Начиная примерно с X в. появляются укрепления, площадка которых была окружена по всему периметру земляным валом со срубными стенами на нем. Единичные примеры возведения оборонительных стен из камня (в Ладогe, Изборске),

относящиеся к IX—X вв., представляют собой грубые кладки из слабо отесанных плит, сложенных насухов, без раствора.

Археологические раскопки показали, что культовые места, святилища восточных славян были открытыми площадками, где стояли идолы и горели священные костры. Площадки эти большей частью имели многоленестковую форму. Хорошим примером может служить святилище, раскопанное на Перыни близ Новгорода. В последние годы удалось обнаружить также несколько деревянных языческих храмов, однако по сохранившимся их остаткам невозможно судить ни о конструкции храмов, ни, тем более, об их внешнем облике и декоративном убранстве.

Широкий размах археологических исследований, развернувшихся на всей территории Древней Руси и, в частности, в таких древнейших центрах, как Киев, Чернигов, Новгород, Ладога, позволяет уверенно утверждать, что вплоть до конца X в. все строительство на Руси осуществлялось из дерева. Каменного или кирпичного строительства на Руси до этого времени не знали.

Началось такое строительство уже в конце X в. В истории восточных славян X в.— период крутого перелома. К тому времени заканчиваются разложение родоплеменных отношений и сложение классового общества и государства. К концу X в. структура древнерусского государства (Киевской Руси) приобретает уже достаточно законченные формы. Естественно, что вместе с социально-экономическими изменениями должны были существенно измениться и все надстроечные явления, характер культуры и важнейшая идеологическая сила средневековья — религия.

Князь Владимир Святославич сделал попытку объединить языческие племенные культы и создать единый общерусский языческий пантеон богов. Однако языческая религия восточных славян, зародившаяся в недрах доклассового общества, оказалась неспособной отвечать новым условиям. Между тем почти рядом с Русью находилось государство — Византийская империя, где феодальный строй сложился значительно раньше и все формы идеологии, соответствующие этому строю, были уже полностью разработанными. Естественно, что многие идеологические формы, и прежде всего религию, Русь могла получить здесь

в готовом виде. При этом обе стороны — Русь и Византия — были одинаково заинтересованы в тесном контакте.

Византия крайне нуждалась в военной поддержке русских войск, поскольку ее северные границы находились в постоянной опасности вторжения кочевников-печенегов. Русь же была заинтересована в новой религии, способной укрепить молодой государственный строй. Вместе с религией на Русь пришли и связанные с религией литература и искусство. К тому же из Византии привозились и предметы роскоши, в которых нуждался господствующий класс. Несомненно, что для своего времени принятие Русью христианства было прогрессивным шагом, способствовавшим укреплению феодальных отношений. Принятие Русью христианства не в западном, римском его варианте, а из Византии открывало путь приобщению к наиболее высокой европейской культуре того времени и наиболее совершенному искусству.

Первую попытку христианизации страны сделала принявшая христианство княгиня Ольга. Видимо, тогда же было построено и первое на Руси каменное здание; так, описывая события 945 г., летописец отметил наличие в Киеве каменного терема при княжеском дворце. Возможно, что этот терем был возведен для княгини Ольги византийскими мастерами. К сожалению, среди раскопанных в Киеве остатков древних построек ни одна не может быть с уверенностью отождествлена с упомянутым в летописи теремом.

Окончательная христианизация Руси, а вместе с тем и начало монументального строительства относится уже к концу X в. В 989 г. русское войско помогло византийскому императору подавить крупное восстание Варды Фоки, а князь Владимир Святославич со значительной армией вторгся в Крым и подчинил отложившийся от императора главный город византийского Крыма — Корсунь*. Вскоре после этого в Киев прибыло византийское посольство. Оно доставило византийскую царевну Анну, предназначенную в жены киевскому князю. Этот династический брак резко повысил престиж русской княжеской династии в глазах остальных европейских государей. Вместе с ца-

* Этим именем называли византийский Херсон (во времена античности — Херсонес, ныне район Севастополя).

ревной Анной прибыли священники для введения на Руси христианства. Сразу же вслед за этим в Киеве была построена первая каменная церковь. Князь Владимир «помысли создати церковь... и послав приведе мастера от грек». Постройка была начата в 989 г., а завершена и торжественно освящена в 996 г. На содержание церкви была выделена «десятина» княжеских доходов, и ее поэтому стали называть церковью Богородицы Десятиной*.

Десятинная церковь рухнула во время взятия Киева войсками Батые в 1240 г. После этого она долго стояла в руинах, затем на ее месте была построена новая церковь, и лишь после того, как новая церковь в 1935 г. была разобрана, здесь произвели археологические раскопки. Раскопки показали, что от древнего памятника сохранились в основном лишь фундаментные рвы, в которых частично уцелели фрагменты фундаментов. Плохая сохранность остатков сооружения и сложность структуры раскопанного здания не дают возможности с полной уверенностью и в деталях реконструировать план древнего храма. Вследствие этого в научной литературе предложено несколько вариантов реконструкции, существенно различающихся между собой. Что же касается объемной композиции церкви, то здесь возможны только самые общие предположения. Достаточно уверенно можно утверждать лишь то, что Десятинная церковь была трехнефным храмом крестово-купольного типа с тремя апсидами и тремя парами столбов. С трех сторон к церкви примыкали галереи, значительно усложненные в западной части, где, очевидно, находились лестничная башня и крещальня. В летописи имеется указание, что церковь имела 25 глав, но эти сведения внесены в летопись уже в конце XIV в., когда сама церковь стояла в руинах; разумеется, свидетельство это не может считаться достоверным.

При раскопках найдены сохранившиеся участки мраморных полов, мраморные капители колонн, фрагменты фресковых росписей, мозаичная смальта и другие элементы убранства интерьера. Обломки кладок позволяют определить, что стены были сложены из плоского византийского кирпича — плинфы на известковом растворе.

* В дальнейшем она будет упоминаться под укрупнившимся названием «Десятинная».

ре с заполнителем из толченой керамики (цемянки). Кладка была исполнена в технике со скрытым рядом, при которой на фасадную поверхность выходили не все ряды кирпичей, а через ряд, тогда как промежуточные ряды плинф несколько отступали от фасада и были прикрыты снаружи слоем раствора. Такая кладка, создававшая чрезвычайно живописную полосатую поверхность стен, была в то время характерна для константинопольской школы архитектуры. Эта техника, как и сохранившиеся фрагменты богатого убранства здания, свидетельствуют, что строителями были столичные византийские мастера. Исследователи же отмечают, что в плане Десятинной церкви имеется деталь, которая характерна скорее для памятников византийской провинции, чем для Константинополя: апсиды храма примыкают непосредственно к восточной паре подкупольных столбов, не имея здесь дополнительного членения, так называемой *в имы*. Вместе с тем церкви, не имеющие *вимы*, известны и в самом Константинополе, поэтому данное обстоятельство не может ставить под сомнение создание Десятинной церкви именно столичными мастерами.

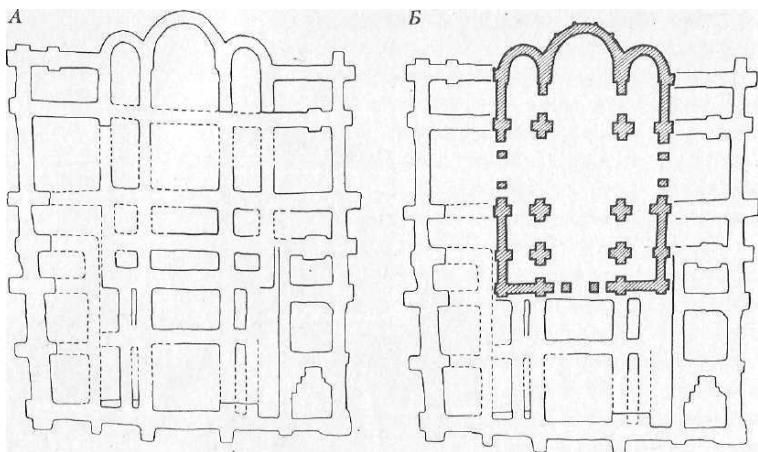
Кроме Десятинной церкви, мастера построили кирпичные ворота — парадный въезд на укрепленную территорию киевского «города Владимира», а также несколько дворцовых зданий. Очень плохая сохранность остатков этих зданий не дает возможности судить об их первоначальном облике. Ясно лишь, что это были не жилые, а парадные помещения, тогда как жилые были деревянными и находились либо на втором этаже, либо рядом с кирпичными дворцами. На площади перед Десятинной церковью были установлены вывезенные из Корсуня трофейные скульптуры. Так, на рубеже X и XI вв. в Киеве был создан первый на Руси ансамбль монументальных построек, резко выделивший стольный город среди всех остальных русских городов.

Закончив этот цикл строительства, мастера, видимо, возвратились на родину; каменно-кирпичное строительство на Руси прервалось примерно на 30 лет, и следующий этап строительства относится уже к 30-м гг. XI в.

После смерти князя Владимира Русская земля оказалась разделенной на две части. Территорией к востоку от Днепра владел князь Мсти-

Десятинная церковь.
А — план раскопанных
фундаментов,
Б — частичная рекон-
струкция плана.

Desyatinnaya Church.
a — plan of uncovered
foundations;
b — partial recon-
struction of the plan.

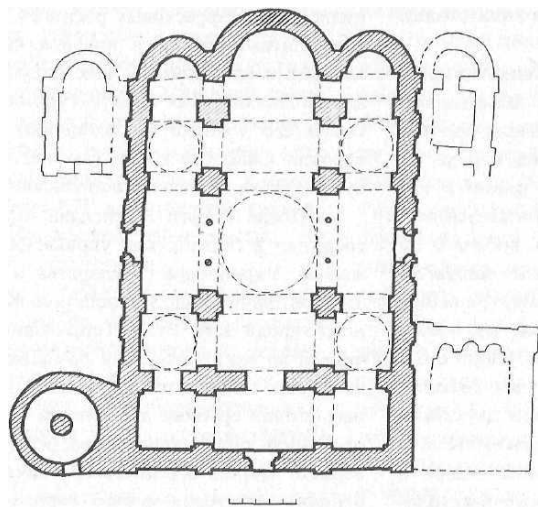
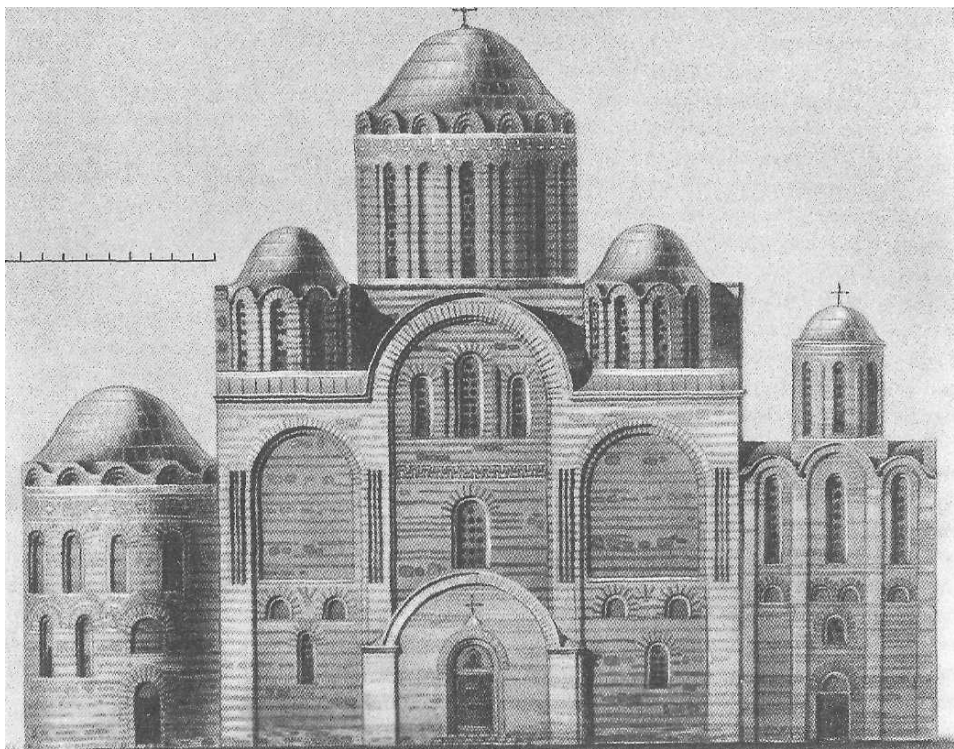

слав, а к западу — Ярослав (впоследствии прозванный Мудрым). Уже в 1022 г. по распоряжению Мстислава была построена церковь Богородицы в Тмутаракани — далекой колонии Руси в районе нынешней Тамани. Раскопками удалось обнаружить фундаменты, возможно, принадлежавшие именно этой церкви. Судя по технике каменной кладки, памятник был возведен местными, нерусскими мастерами. Несколько позднее, в 30-х гг., Мстислав начал строительство Спасского собора в своем стольном городе — Чернигове. Ко времени смерти Мстислава в 1036 г. Спасский собор был достроен до высоты «яко на кони стояще рукою досящи».

Черниговский Спасский собор является древнейшим полностью сохранившимся памятником каменного зодчества на Руси. Строительная техника его близка технике Десятинной церкви — это кладка из плинфы со скрытым рядом и полосами крупных, почти необработанных камней. На некоторых участках здания (на апсидах, на башне) кладка имеет декоративный характер. Храм трехнефный, с тремя апсидами. Западное его членение четко отделено стенкой от основного помещения с целью выделить нартекс. С севера к нартексу примыкает круглая лестничная башня, а с юга была пристроена двухэтажная часовня-крещальня (не сохранилась). К восточному членению Спасского собора с севера и юга также некогда примыкали маленькие бесстолпные часовни.

В отличие от Десятинной церкви, в соборе имеется вима — дополнительное членение между подкупольным пространством и апсидами. Удлиненность здания и частый ритм лопаток на его северном и южном фасадах, не отвечающих внутренним членениям, придают храму характер купольной базилики, хотя завершается собор чистой крестовокупольной структурой сводов и пятью главами. Над нартексом размещены хоры, опирающиеся на своды; кроме того, хоры на деревянных балках тянулись и над северным и южным нефами до самых апсид. В интерьере сохранились следы фресковых росписей. Пол был выстлан плитами красного шифера (пиррофилитовый сланец) с врезанным в них рисунком, заполненным мозаикой. Как архитектурные формы храма, так и его техника не оставляют сомнений, что строили Спасский собор так же, как и Десятинную церковь, константинопольские зодчие.

После смерти Мстислава его брат Ярослав соединил в своих руках управление всей Русской землей. Укрепление государства и поражение печенегов значительно усилили роль Киева как стольного города всей Руси. Территория Киева увеличилась во много раз. Она была окружена линией земляных оборонительных валов, на гребне которых стояли срубные деревянные стены. В отличие от старой территории Киева, известной под названием «город Владимира», значительно расширенная территория нового города получила название «город Ярослава». В городе развернулось

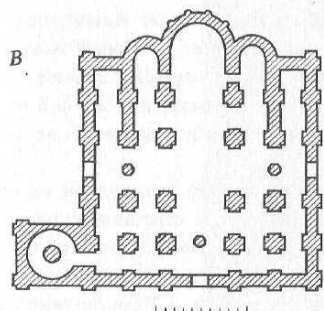
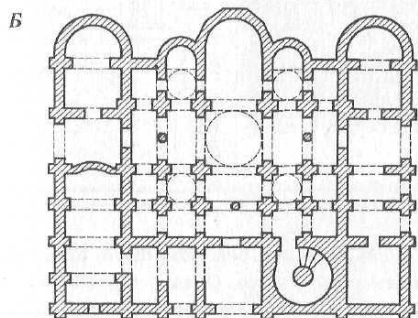
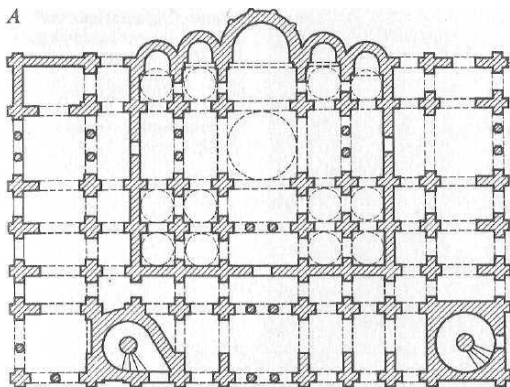

Чернигов. Спасский
собор.
Западный фасад.
Реконструкция.
План.

Chernigov. Cathedral
of the Savior
(Spassky).
View from the West.
Reconstruction and plan.

Планы Софийских
соборов. А — в Киеве,
Б — в Новгороде,
В — в Полоцке.

Plans of cathedrals
of St. Sophia
a — in Kiev;
b — in Novgorod;
c — in Polotsk.

ружи в стиле украинского барокко, дошел до наших дней почти целиком. Строительная техника и архитектурные формы Софийского собора не вызывают сомнений в том, что строители были из Константинополя, и отражают традиции столичного византийского зодчества. Однако огромный размах проведенных работ нельзя было осуществить силами одних только приезжих мастеров, а это позволяет думать, что к делу были широко привлечены и русские строители. Высокий уровень киевского гончарного ремесла значительно облегчал задачу создания местных строительных кадров. К окончанию возведения Софийского собора киевская строительная артель, несомненно, состояла уже не только из греков; существенную роль должны были играть и их русские ученики.

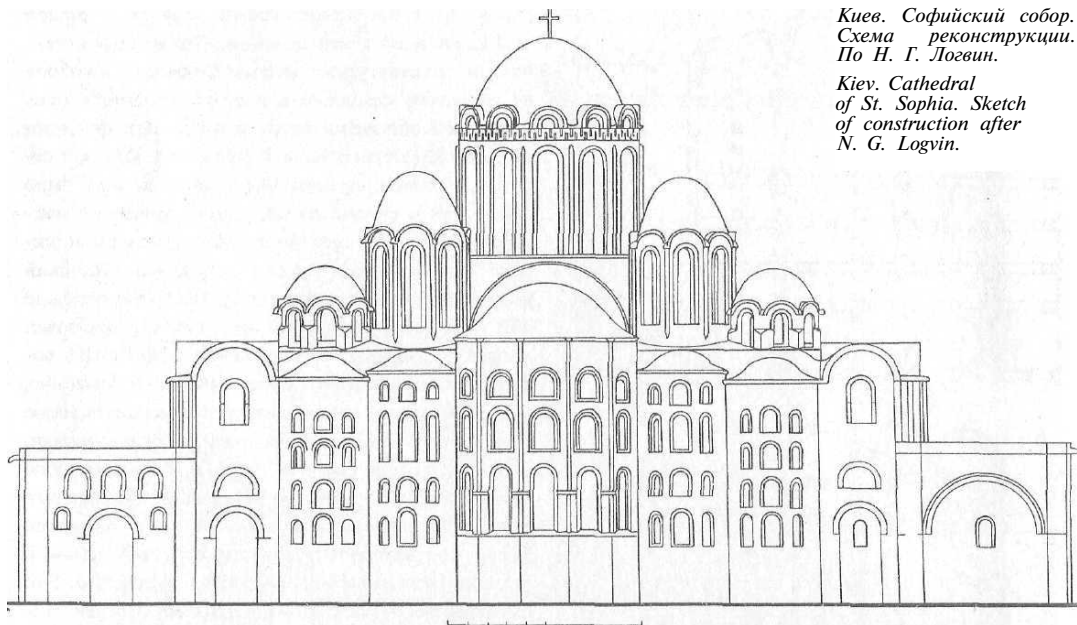
Софийский собор — грандиозное здание, уже самими своими размерами свидетельствующее, что оно было создано как главный храм Киевской Руси, как памятник, демонстрирующий мощь и величие сложившегося молодого государства. Это пятинефный храм с пятью апсидами. С трех сторон к зданию примыкают галереи: внутренние — более узкие, двухэтажные, и наружные — более широкие, одноэтажные. В западную внешнюю галерею включены две лестничные башни. Общий размер собора с галереями по длине составляет 41,7 м, а по ширине — 54,6 м. Храм имеет большие хоры, создающие в центре крестообразное в плане пространство, освещенное сверху окнами, размеренными в барабане главного купола, диаметр которого равен приблизительно 7,6 м. Кроме главного, собор имеет еще 12 меньших куполов.

Четко выраженная пирамидальная структура здания придает цельность его композиции. Основные декоративные элементы фасада — двух- и трехступенчатые ниши и окна, тонкие колонки на апсидах, выложенные из плинфы меандры и кресты. Но наибольшую декоративность фасадам придает живописная структура кладки со скрытым рядом и полосами цветного необработанного камня. Исследования, проведенные в Софийском соборе, позволяют довольно точно графически реконструировать его первоначальный облик.

Интерьер Софийского собора менее подвергся искажениям и сохранил значительную часть своего первоначального убранства. Центральная часть здания — подкупольное пространство

интенсивное кирпичное строительство. Очевидно, Ярослав Мудрый получил из Византии сильную строительную артель, которую он, вероятно, подкрепил мастерами, работавшими в Чернигове.

В 1037 г. в центре города Ярослава было начато строительство Софийского собора, законченного, по-видимому, в начале 1040-х гг. Собор, хотя и сильно искаженный и оформленный сна-

Киев. Софийский собор.
Схема реконструкции.
По Н. Г. Логвин.

Kiev. Cathedral
of St. Sophia. Sketch
of construction after
N. G. Logvin.

и главная апсида — покрыты великолепной мозаикой, а боковые части украшены фресками. Интерьер собора и поныне производит сильнейшее художественное впечатление несмотря на то, что полностью исчезли мозаичный набор пола, алтарная преграда, светильники и прочие элементы убранства.

Зодчие, строившие Софийский собор, стремились создать внутреннее пространство, поражающее не только размерами и роскошью отделки, но и живописностью. Хотя план здания и очень четкий, интерьер кажется сложным и удивляет многообразием открывающихся ракурсов. При этом отчетливо чувствуется, что в здании различаются два аспекта обозрения: людям, стоящим в полузатененном пространстве внизу, верхние, залитые светом части собора кажутся божественно прекрасными, но недостижимыми, тогда как князю и его приближенным, находящимся на хорах, все сверкающее великолепие интерьера открывается здесь же, рядом. Хоры собора велики по площади и служили залами для торжественных церемоний княжеского и епископского дворов.

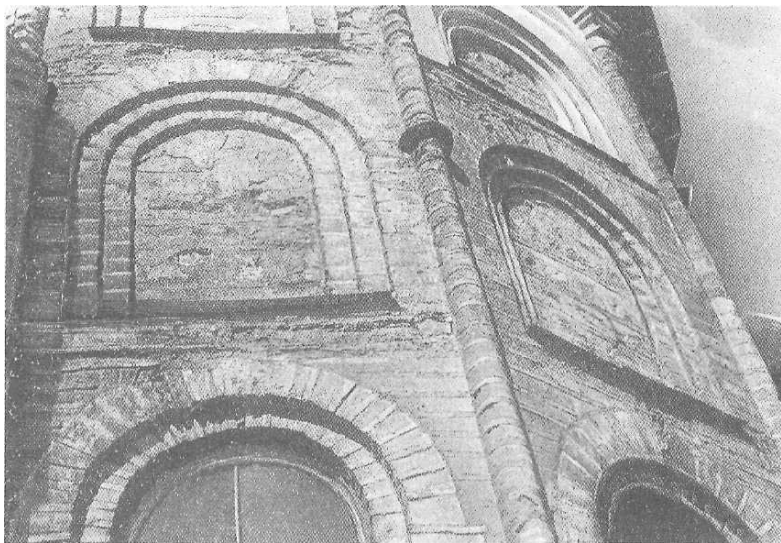
Весь облик собора должен был пропагандировать идею величия христианской церкви, а

вместе с ней и идею божественного происхождения княжеской власти. О том, что именно такие задачи были поставлены перед зодчими, можно судить хотя бы по «Слову о законе и благодати», написанному пресвитером Иларионом вскоре после построения храма. О Софийском соборе Иларион пишет как о «церкви дивной и славной всем окружающим странам, яко же она не обращается во всем полунощи земнемь от востока до запада».

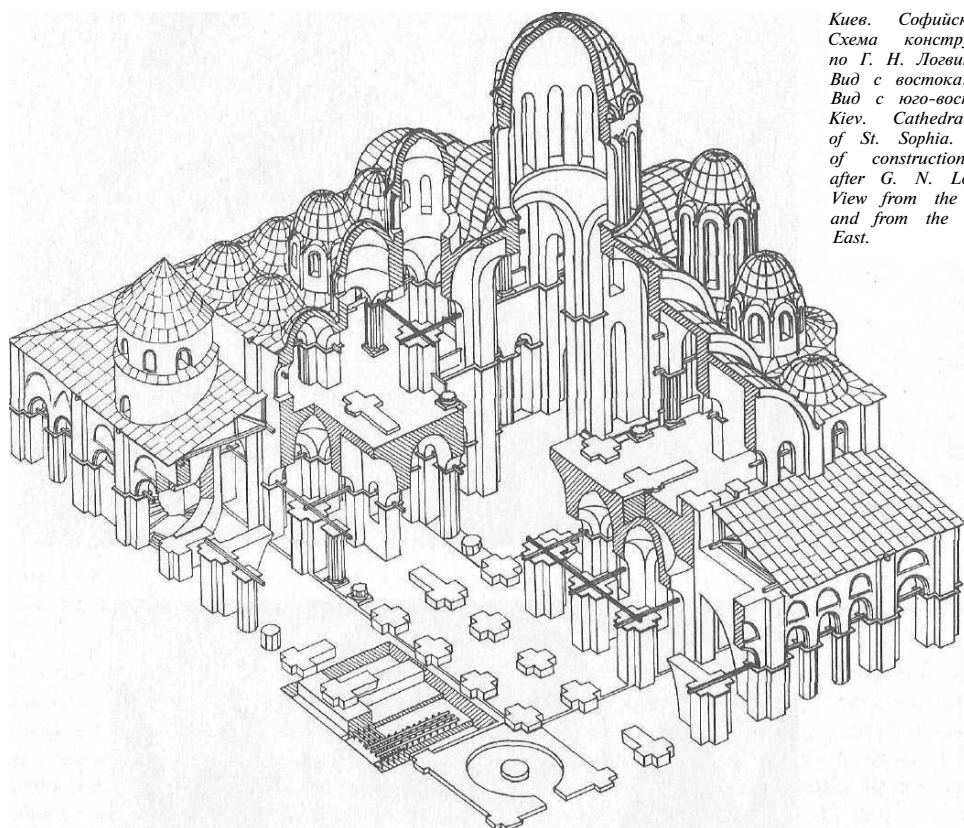
Несмотря на то, что руководили строительством Софийского собора константинопольские зодчие, сравнение этого храма с одновременными византийскими памятниками показывает, что прямых аналогий ему ни в Константинополе, ни в других византийских городах нет. В отличие от сравнительно небольших и трехнефных византийских церквей той поры Софийский собор имеет огромные размеры, он пятинефный и многоглавный. Эти особенности объясняются прежде всего тем, что киевский собор должен был стать главным храмом мощного раннефеодального государства, и естественно, что его хотели сделать грандиозным. В Византии к тому времени процесс развития феодальных отношений зашел уже очень далеко,

Киев. Софийский собор.
Деталь апсиды.
Интерьер.

Kiev. Cathedral
of St. Sophia. Detail
of the apse. Interior.

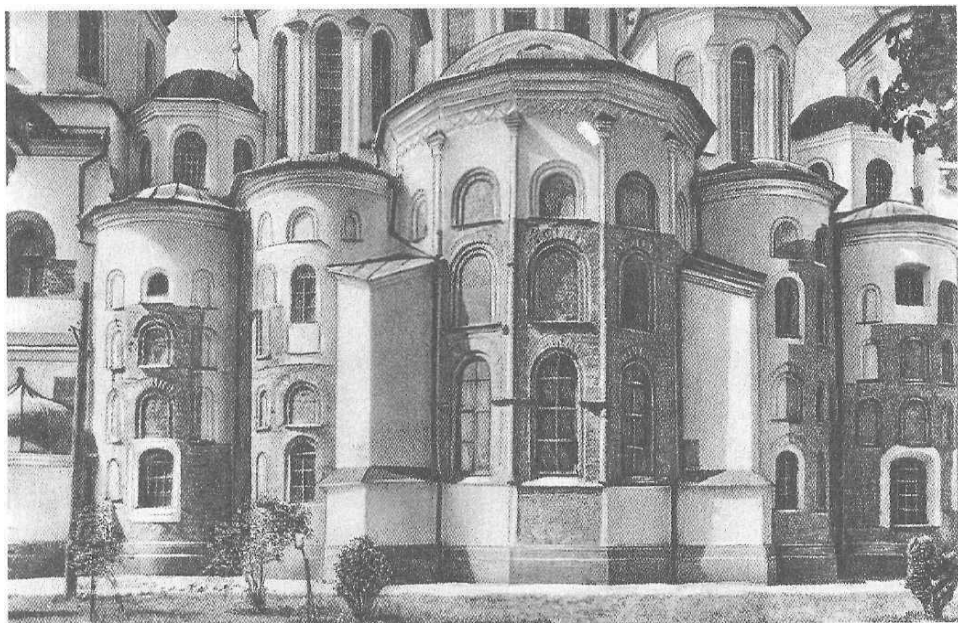
Киев. Софийский собор.
 Схема конструкции
 по Г. Н. Логвину.
 Вид с востока.
 Вид с юго-востока.
 Kiev. Cathedral
 of St. Sophia. Sketch
 of construction
 after G. N. Logvin.
 View from the East
 and from the South-
 East.

и церкви строили как замкнутые вотчинные или монастырские храмы, предназначенные для незначительного количества молящихся. Таким образом, константинопольские церкви и киевский собор отличались разным социальным содержанием.

При трехнефной схеме сильно укрупнить здание невозможно, так как это значительно увеличило бы диаметр купола, поэтому увеличение размеров собора было исполнено за счет добавления еще двух нефов, что превратило его в пятинефный. Нехарактерное для Византии многоглавие также объясняется спецификой заказа, а вовсе не древними славянскими традициями, как это порой ошибочно полагали. Следует помнить, что приехавшим в Киев мастерам была поставлена задача, с которой им не приходилось сталкиваться у себя на родине: нужно было построить огромный храм с обширными хорами, необходи-

мыми для церемоний княжеского двора. Осветить такие хоры, покрытые снаружи вторым ярусом галерей, по византийской системе можно было только через окна барабанов глав. Конечно, зодчие использовали многоглавие не только как функциональный, но и как художественный прием, с помощью которого они создали торжественную и пышную композицию.

Большую роль в отличии киевского собора от византийских церквей сыграло и применение местных строительных материалов. На Руси не было мрамора. Капители, карнизы и другие мраморные детали можно было привезти из Греции, но вместо принятых в Константинополе мраморных колонн, привезти которые было невозможно, пришлось возводить кирпичные столбы, что существенно изменило характер интерьера. Для убранства полов вместо мрамора применяли мо-

заику, плиты красного шифера, поливные керамические плитки. Таким образом, иной характер задания и иные условия строительства привели к появлению архитектурного памятника совершенно другого, чем в Византии, облика.

Раскопками были обнаружены кирпичная ограда, окружавшая Софийский собор и митрополичью усадьбу, и на этой территории — остатки маленькой кирпичной бани, видимо, принадлежавшей митрополиту.

После завершения строительства киевского Софийского собора строители построили еще два больших собора в крупнейших городах Руси — в Новгороде (1045—1050 гг.) и Полоцке (по-видимому, в 50-х гг. XI в.). Новгородский собор сохранился до наших дней почти целиком, а от полоцкого уцелели только фрагменты стен, включенные в более позднее здание. Несомненно, что при строительстве обоих этих храмов мастера ориентировались на киевский собор как на образец. Связь между этими памятниками архитектуры выявляется как в совпадении общей плановой схемы, так и в повторении некоторых размеров. Однако и новгородский, и полоцкий соборы представляют собой не полное повторение, а как бы несколько сокращенные реплики киевского: они меньше по размерам и имеют только три апсиды. У новгородского собора пять глав, одна галерея и одна лестничная башня. Вместо дорогой мозаики в его интерьере использована только фресковая роспись, да и то выполненная далеко не сразу после завершения строительства.

По-видимому, в Новгороде на первых порах было нелегко наладить массовое производство плиток, поэтому опытные мастера при строительстве широко применяли местную постелистую известняковую плиту, затирая поверхности стен известковым раствором. Кирпич же они употребляли очень экономно, в основном для кладки сводов и арок. В результате характер поверхности стен новгородской Софии существенно отличается от фактуры стен киевской Софии.

Исследования показали, что новгородский собор был задуман как храм с одноэтажными галереями. Однако в процессе строительства здание было изменено и галереи сделаны двухэтажными. При одноэтажных галереях новгородский собор должен был иметь четко выраженную пи-

рамидальную композицию и тем самым напоминать по силуэту киевскую Софию. В окончательном же виде он приобрел более лаконичный объем. Это обстоятельство, а также покрытые обмазкой стены придавали новгородскому Софийскому собору менее живописный и гораздо более суровый характер.

Полоцкий Софийский собор первоначально был возведен вообще без галерей, но вскоре к нему с запада пристроили галерею. Лестничная башня в этом храме примыкала к западному членению его северного фасада. В полоцком соборе (в отличие от киевского и новгородского) имеется в м а — дополнительное членение между апсидами и подкупольным пространством. Из письменных источников известно, что полоцкая София венчалась семью главами.

После окончания возведения новгородского и полоцкого соборов мастера, очевидно, вернулись в Киев, и строительство в Новгороде и Полоцке надолго прекратилось. В 40—50-х гг. XI в. в Киеве были построены три церкви — Георгиевская, Ирининская и неизвестная по названию. Вскрытые раскопками их фундаменты дают основания полагать, что это были либо небольшие пятинефные храмы, либо (что более вероятно) трехнефные с примыкающими с севера и юга галереями. Возможно, что в эти же годы в Киеве было сооружено и несколько дворцовых зданий, от которых уцелели лишь остатки фундаментов.

Особый интерес представляют Золотые ворота в Киеве, построенные, видимо, почти одновременно с Софийским собором. Это была проездная башня, ведшая сквозь оборонительный зал Киева и имевшая сверху маленькую надвратную церковь Благовещения. Ворота имели оборонное значение и служили для защиты въезда, но основное их предназначение было все же связано не с чисто фортификационной, а идеологической задачей: надвратная церковь осуществляла «небесную» защиту города. Роскошно оформленные ворота с церковью как бы подчеркивали, что Киев ни в чем не уступает Константинополю; даже названия киевских построек повторяли византийские: главный храм города — Софийский, дворцовая церковь — Богоматери, главные ворота — Золотые. От Золотых ворот сохранились небольшие участки двух параллельных стенок проезда, но ар-

*Новгород. Софійський
собор. Вид с запада.*

*Novgorod. Cathedral
of St. Sophia. View
from the West.*

хеологические исследования и рисунки, исполненные в XVII в., позволяли, в общих чертах, графически реконструировать их первоначальный облик. К сожалению, в 1982 г. над подлинными руинами ворот была построена фантастическая «реконструкция».

После окончания возведения полоцкого Софийского собора все строительство вновь сконцентрировалось в Киеве. Очевидно, на Руси в то время существовала лишь одна строительная артель, способная вести самостоятельные строительные работы. Князья, сменявшие друг друга на киевском престоле, заказывали постройку храмов главным образом в своих вотчинных монастырях. Видимо, в 60-х гг. XI в. был заложен собор Дмитриевского монастыря, в 1070 г. — собор Выдубицкого монастыря, в 1073 г. — Успенский собор Печерского монастыря. Вскоре после него началось строительство церкви Бориса и Глеба в пригороде Киева — Вышгороде, затем собора Кловского монастыря, в 1086 г. — Андреевского Янчина монастыря и в 1108 г. Михайловского Златоверхого монастыря. За это же время были построены не упомянутые в летописи, но вскрытые археологическими раскопками церкви в Зарубском монастыре на Днепре близ Киева, Николы Иорданского и на усадьбе Художественного института в Киеве, а также надвратная церковь и трапезная в Киево-Печерском монастыре.

Из всех этих построек до наших дней полностью дошла лишь надвратная церковь Печерского монастыря — маленькая четырехстолпная церковь над воротным проездом, оформленная в настоящее время снаружи в стиле украинского барокко. От собора Выдубицкого монастыря уцелела лишь западная половина здания: восточная уже в древности обрушилась в Днепр. Во время Великой Отечественной войны погиб собор Печерского монастыря, а еще ранее был разобран собор Михайловского Златоверхого монастыря. Остальные памятники архитектуры известны по вскрытым раскопками нижним частям стен, по фундаментам или даже только фундаментным рвам, а планы церквей Николы Иорданского и Янчина монастыря вообще не установлены.

За исключением Кловского собора, все остальные храмы того времени трехнефные, с нартексом (т. е. шестистолпного варианта), без галерей.

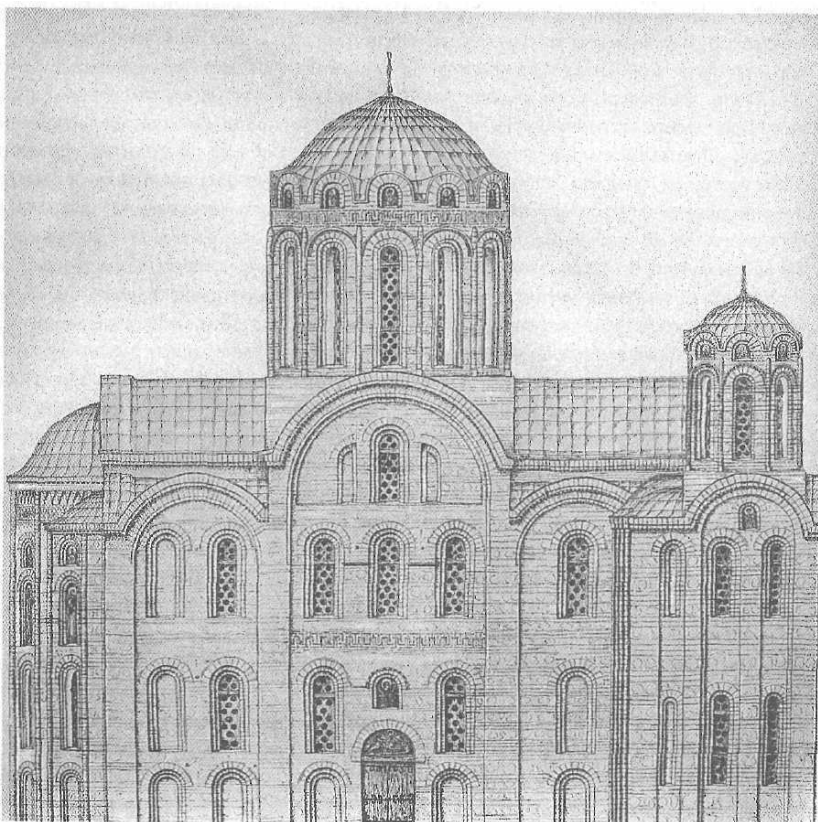
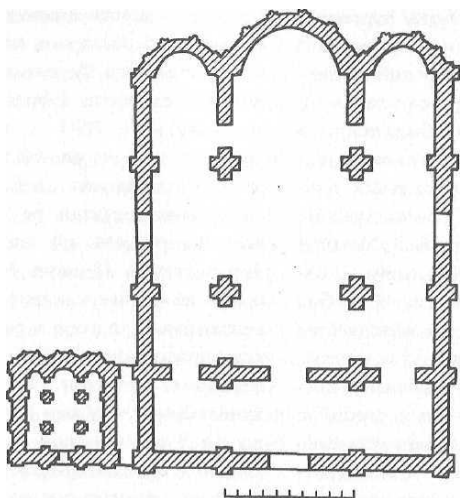
Они имели лестничную башню, встроенную в одно из членений нартекста или несколько выступающую наружу из основного объема здания. В Успенском соборе Печерского и церкви Михайловского Златоверхого монастырей в Киеве к храму примыкала небольшая четырехстолпная часовня-крещальня. Вышгородский собор имел очень вытянутые в плане пропорции (длина его 42 м), что связано с наличием дополнительного восточного членения — вимы. Высказывалось предположение, что подобную структуру имел также и собор Выдубицкого монастыря, однако по результатам новейших исследований, здание это не имело вимы, так же как не имели ее и все остальные храмы того времени. Техника сооружения всех этих памятников более или менее идентична и в основном повторяет технику Софийского собора — это кладка со скрытым рядом и полосами слабо обработанных камней. Все храмы были внутри расписаны, а в соборах Печерского, Михайловского Златоверхого и Дмитриевского монастырей первоначально имелась не только фресковая живопись, но и мозаика.

Для дальнейших путей развития русского зодчества большую роль сыграл Успенский собор Печерского монастыря. Строительством собора руководили зодчие, приехавшие из Константинополя, — «мастера церковнии 4 мужи». Они, очевидно, возглавили киевскую строительную артель. Близость композиционной схемы Печерского собора к композициям остальных киевских храмов той поры дает основание полагать, что строители стремились сохранить освященную уже традицией структуру первого христианского храма Киева — Десятинной церкви, основной объем которой также представлял собой трехнефную шестистолпную постройку. По-видимому, византийские зодчие, строившие Печерский собор, были вынуждены считаться с требованиями заказчиков, желавших, чтобы здание отвечало тем формам, которые сложились в киевской архитектуре. Позднее в монастыре была создана легенда, что здание собора построено чудесным образом — по личному указанию Богоматери.

Вскоре после постройки Печерского собора игумен этого монастыря Стефан покинул монастырь и основал новый на окраине Киева, на Клове, названный по константинопольскому образ-

Киев. Успенский собор
Печерского монастыря.
План. Северный фасад.
Реконструкция
Н. В. Холостенко.

Kiev. Cathedral
of the Dormition
(Uspensky) in the
Pechersk Monastery. The
North facade and plan.
Reconstruction
after N. V. Holostenko.

цу Богородичным Влахернским. Очень вероятно, что собор этого монастыря возводили те же мастера, которые до того строили Печерский Успенский собор. Кловский собор не сохранился, и только часть его фундаментных рвов была вскрыта раскопками. Сложная система рвов позволяет предложить несколько вариантов реконструкции плана. Согласно наиболее вероятной реконструкции, предложенной Г. Н. Логвиным, это был большой храм с куполом, опирающимся на восемь столбов. Купол имел диаметр около 9,6 м, т. е. был самым крупным куполом во всем русском зодчестве домонгольского периода. Возведение такого купола, очевидно, было сопряжено с трудностями, поскольку завершение строительства затянулось до 1108 г. Подобный тип храма хорошо известен в Византии, особенно в Греции. По всей вероятности, в данном случае заказчик посчитал возможным отказаться от принятой на Руси традиции и не возражал против применения типа храма, который до этого не использовался на Руси.

В 80-х гг. XI в. княживший в Чернигове Владимир Мономах предпринял попытку начать монументальное строительство в своем стольном городе. Здесь была построена небольшая церковь, которая, судя по вскрытым раскопками остаткам, имела подклетный этаж, предназначенный для погребений, т. е. была храмом-усыпальницей. Церковь была четырехстолпной; очевидно, в церкви такого назначения нартекс, как и находящиеся над нартексом хоры, не были нужны. Строительная техника памятника совпадает с киевской, но иная система формовки кирпичей свидетельствует, что здесь работали не киевские, а приезжие византийские мастера. Тогда же в Чернигове была возведена и вторая постройка, остатки которой были обнаружены раскопками под более поздним Борисоглебским собором. Назначение этой постройки пока неясно; бытующее в литературе предположение, что это был княжеский терем, далеко не бесспорно.

Вскоре началось строительство еще в одном русском городе — Переяславле. Этот город в конце XI в. стал важнейшим оплотом, защищавшим Киевскую землю и все Среднее Поднепровье от набегов половцев. Под 1089 г. летопись сообщает о постройке в Переяславле церкви Михаила, «каменного города» с надвратной церковью, церкви

Андрея «у ворот» и каменной бани, о которой отмечено, что «сего же не бысть прежде в Руси». Строительство в Переяславле было начато по инициативе епископа Ефрема, а затем поддержано Мономахом, с 1094 г. переяславльским князем.

Ни одно из переяславльских зданий не сохранилось до наших дней, но раскопками удалось обнаружить остатки не только всех перечисленных памятников, но еще несколько неупомянутых построек. Церковь Михаила оказалась крупным храмом, имеющим очень своеобразный план, неизвестный до того в русской архитектуре. Церковь представляет собой квадратную постройку с четырьмя необычно толстыми квадратными подкупольными столбами (их стороны имеют примерно по 3 м) и одной большой апсидой. С трех сторон к основному объему храма примыкают более узкие помещения, отделенные от центрального пространства широкими проемами с тройными арками. Таким образом, здание это имеет как бы промежуточный характер между пятинефным храмом и трехнефным с галереями. Перед порталами расположены небольшие притворы. В церкви имелись роскошные мозаичные полы, а стены и своды были расписаны фресковой живописью. Вскоре после окончания строительства к церкви пристроили храмики-усыпальницы, превратившие здание в сложный архитектурный комплекс.

Остальные церкви, раскопанные в Переяславле, представляли собой маленькие храмики, большей частью бесстолпные и одноапсидные, хотя некоторые имели три апсиды, а Спасская церковь-усыпальница — два столба. К группе переяславльских памятников относится и церковь Архангела Михаила в г. Остре — также одноапсидный двухстолпный храмик, частично сохранившийся до наших дней. Раскопками вскрыта и гражданская постройка, по-видимому, именно та баня, которая упомянута в летописи.

За сравнительно короткий промежуток времени в Переяславле было возведено не менее девяти кирпичных зданий. Учитывая, что в Киеве в то же время также велось достаточно энергичное строительство, очевидно, что здесь работали не киевские, а какие-то другие мастера. Это явствует также из некоторых особенностей строительной техники, несвойственных архитектуре Киева. По качеству строительства и богатству от-

делки архитектурные памятники Переяславля не уступали киевским, причем отделочные материалы готовили на месте, о чем свидетельствует найденная при раскопках мастерская по изготовлению смальты для мозаик.

Организация в Переяславле собственной строительной артели, видимо, связана с приглашением группы византийских мастеров, что подтверждается как постройкой бани греческого типа, найденной в этой бане капителью из проконесского мрамора, так и плановой схемой Михайловской церкви, совершенно не применявшейся на Руси, но типичной для Константинополя. Известно, что Ефрем ранее жил в Византии и, по свидетельству письменного источника, «тамо всякой красоте научився». Впрочем, несмотря на явные признаки работы византийских мастеров, в памятниках архитектуры Переяславля видны черты, говорящие о том, что здесь учитывали и опыт киевских строителей (например, в применении красного шифера).

Очень вероятно, что Мономах, перейдя из Чернигова в Переяславль, перевел туда и своих черниговских мастеров, подкрепив ими здешнюю строительную артель. Обладая столь сильной строительной организацией, Мономах смог в первые годы XII в. организовать строительство соборов в центрах принадлежавших ему земель — в Смоленске, Суздале, Владимире. Остатки смоленского собора полностью закрыты построенным на этом месте более поздним зданием, но россыпь его строительных материалов была выявлена раскопками. Суздальский собор также был позднее перекрыт новой постройкой, однако участки его стен все же удалось обнаружить, что дало возможность схематически реконструировать даже его план — трехнефный трехапсидный храм с нартексом. Строительство в Переяславле продолжалось очень недолго. По-видимому, Мономах, став в 1113 г. киевским князем, перевел туда и переяславльских строителей.

Так развивалось русское зодчество от конца X до начала XII в. Каково же соотношение, русского зодчества с византийским и насколько самостоятельным было зодчество Киевской Руси? Несомненно, что византийские мастера неоднократно приезжали в это время на Русь и вели строительство. Так, с византийскими мастерами

связано возведение Десятинной церкви в Киеве в конце X в., черниговского Спасского собора и киевского Софийского собора в 30-х гг. XI в., Успенского собора Печерского монастыря и Кловского собора в 70—80-х гг., начало строительной деятельности в Чернигове и в Переяславле в 80-х гг. И несмотря на такое активное участие греческих зодчих, памятники архитектуры Киевской Руси существенно отличаются от византийских.

Чем можно объяснить эти различия и самостоятельность русских памятников? Высказывалось предположение, что византийские зодчие, приехав на Русь, привлекли к участию в строительстве местных строителей-плотников, которых они быстро переучили на каменщиков. Такое предположение совершенно невероятно. Каменщики и плотники — совершенно различные квалификации, и выучить на каменщиков (работавших в кирпичной технике) гораздо легче гончаров, чем плотников. Поэтому традиции деревянного зодчества языческой поры не могли играть существенной роли в строительстве кирпичных христианских церквей Киевской Руси.

Причиной своеобразия русских памятников была совершенно иная, чем в Византии, обстановка строительства. Приехав на Русь, византийские мастера столкнулись с необходимостью решать новые задачи, связанные с полученным ими заданием. Требовалось создать крупные храмы с очень большими хорами, что было нехарактерно для византийских церквей того времени. В стране, недавно принявшей христианство, большую роль должны были играть помещения крещален, что тоже не было присуще памятникам Византии той поры. Все это заставляло греческих зодчих принимать совершенно иную, чем они привыкли на родине, схему планового и объемного решения. Кроме того, они должны были приспособливаться к наличию местных строительных материалов. К этому следует добавить, что они должны были к тому же считаться с вкусами заказчиков, эстетическое чувство которых было воспитано на традициях деревянного строительства.

Таким образом, своеобразие задания, наличие или отсутствие определенных строительных материалов и местные условия уже на самых первых порах вызвали появление зданий, непохожих на те, которые греческие зодчие строили у себя

Ворота древнерусского
города. Реконструкция
П. А. Раппопорта.

Gate of an old Russian
town. Reconstruction
after P. A. Rappoport.

на родине. В дальнейшем же именно первые памятники архитектуры и их особенности стали отправными пунктами, на которые ориентировались строители следующего поколения. Церковный авторитет древнейшего христианского храма — Десятинной церкви, а позднее «богосозданного» Успенского собора Печерского монастыря не позволял зодчим отходить от сложившейся традиции. В тех же случаях, когда греческие мастера все-таки отступали от этой традиции, как например, при постройке Кловского собора и переяславльской церкви Михаила, созданные ими здания не оказали существенного влияния на развитие киевского зодчества.

Так сложилось и развивалось зодчество Киевской Руси. И хотя это зодчество возникло на базе византийской архитектуры, оно даже на самой ранней стадии имело своеобразный характер и уже во второй половине XI в. выработало собственные традиции, получило свой, киевский, а не византийский путь развития.

Беспокойная обстановка, связанная с частыми набегами кочевников на юг Руси, литовских и финских племен — на севере, настоятельно требовала укрепления и приспособления к защите

большинства поселений. Это стимулировало сложение приемов организации обороны поселений и строительства оборонительных сооружений.

Уже к XI в. на Руси сложилась определенная тактическая система как захвата укреплений, так и их обороны. Тактика захвата заключалась в следующем: прежде всего пытались напасть врасплох, захватить укрепленное поселение внезапным набегом (это называлось изгоном или изъездом). Если такой захват не удавался, приступали к осаде: войско окружало данное поселение и становилось здесь лагерем, имея задачей прервать связь осажденных с внешним миром, не допустить подхода подкреплений и доставки воды и продовольствия. Подобная система осады (пассивная блокада) называлась облежанием. Осада могла продолжаться длительное время, иногда до нескольких месяцев. Прямой штурм укреплений, как правило, не применялся, за исключением случаев, когда оборонительные сооружения были очень слабыми, а гарнизон малочисленным.

Учитывая такую систему осады, укрепленные поселения старались расположить так, чтобы местность вокруг хорошо просматривалась и противник не мог внезапно подойти к городским стенам и особенно воротам. Обычно выбирали высокие места, защищенные естественными пре-

пятствиями — склонами оврагов, рекой. Чаще всего использовали мыс, образованный слиянием ручьев или оврагами. В западных районах Руси большее распространение имели укрепления, расположенные на плоской местности и имевшие в плане округлую форму. Там, где не было естественных оборонительных рубежей, отрывали рвы и насыпали земляные валы. В более крупных или лучше защищенных укрепленных поселениях валы сооружали по всему периметру, даже в том случае, если перед ними существовали естественные преграды. Для того, чтобы валы не расплывались, очень часто внутри валов помещали деревянную конструкцию в виде срубных стенок, забитых землей. При строительстве укреплений в конце X в. переднюю часть вала обычно заполняли конструкцией в виде деревянного каркаса, заполненного сырцовыми кирпичами. В XI в. от такой конструкции отказались, по-видимому, из-за ее трудоемкости.

На земляных валах по периметру укреплений ставили деревянные оборонительные стены, большей частью срубной конструкции. Ворота обычно представляли собой проезд сквозь земляной вал; над проездом возвышалась деревянная башня, защищавшая подход к воротам. Иногда на конце мыса или на самом высоком месте строили башню для наблюдения за окрестностями. Больше башен, как правило, не строили, так как стрельба со стен велась исключительно фронтальная, т. е. направленная прямо вперед от стен, а не вдоль них, и, следовательно, в башнях не было необходимости. Именно стрельба со стен не позволяла осаждавшим штурмовать укрепления и заставляла их ограничиваться пассивной осадой.

Особенно мощные укрепления имелись у крупных русских городов. Протяженность линий их оборонительных валов иногда достигала нескольких километров. Так, валы «города Ярославла» были протяженностью около 3,5 км, а их высота достигала 16 м; внутри валов находилась сложная конструкция из дубовых клетей, забитых глиной. Стоявшие на валах деревянные стены обычно имели не менее 3 м высоты. В верхней

их части находился боевой ход, т. е. галерея, прикрытая снаружи защитной стенкой-бруствером, называемой забором.

Оборонительные сооружения древнерусских городов образовывали как бы фасад города, определяя тем самым его внешний облик. В ряде случаев, особенно в наиболее крупных городах, эти оборонительные сооружения представляли собой не только мощную крепость, но и высокохудожественный памятник зодчества. Недаром в середине XI в. митрополит Иларион писал, что Ярослав Мудрый «славный град... Киев величеством яко венцом обложил».

Из дерева строили не только жилые постройки и оборонительные сооружения, но также и христианские церкви. Так, еще до принятия христианства, в первой половине X в., в Киеве стояла деревянная церковь Ильи. Позднее, в середине XI в., в Вышгороде был построен деревянный храм, посвященный первым русским святым — Борису и Глебу. В одном из письменных источников об этом храме говорится, что князь Ярослав, «вознаградил церковь велику, имеющую верхов пять и исписа всю и украси ее всею красотою».

В 60-х гг. XI в. был построен из дуба собор в Ростове. Когда он погиб в пожаре, летописец отметил, что это была «соборная, дивная и великая церковь, какой еще не было и не будет». К сожалению, никаких остатков таких церквей выявить не удалось, и судить об их существовании можно лишь на основании письменных источников.

Широкое развитие деревянного строительства содействовало его совершенствованию и специализации, выделению мастеров-профессионалов. Первые известные нам по имени русские мастера-строители — вышгородские «горододельцы» Миронег (начало XI в.) и Ждан-Никола (конец XV в.). Поскольку в руках мастеров-плотников сосредоточивалось все строительство — гражданское, военное и культовое, это способствовало общности технических и художественных приемов, пониманию законов архитектурного ансамбля.

III. ЗОДЧЕСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

XII в.

. . . . .

Развитие архитектуры XII в. происходило в совершенно иных условиях, чем в XI в. В стране начал интенсивно развиваться процесс феодального дробления, приведший к созданию значительного количества самостоятельных или полусамостоятельных княжеств. Порой княжества эти становились почти полностью независимыми как в политическом, так и в экономическом отношении. Феодальные распри часто приводили к военным столкновениям, а изменения политической ситуации вызывали сложение и развал политических союзов. В этих весьма сложных условиях развитие культуры, искусства и, в частности, архитектуры в разных русских землях проходило далеко не идентично.

Во многих крупных городах появились собственные строительные кадры, способные самостоятельно вести монументальное строительство. В ряде случаев в развитии архитектуры намечались настолько существенные различия, что можно говорить о возникновении самостоятельных архитектурных школ.

В зодчестве Киева в начале XII в. продолжали сохраняться традиции, возникшие еще в предшествующий период. Возможно, что с вокняжением Владимира Мономаха в Киев перешли и те строители, которые ранее работали в Переяславле, однако основу киевской строительной артели все же, несомненно, составляли кадры, сложившиеся здесь на месте.

Наиболее значительной постройкой была Спасская церковь в княжеском пригородном селе Берестове, возведенная между 1113 и 1125 гг. От этой церкви сохранилась только ее западная часть,

включенная в состав более позднего здания. Фундаменты восточной части церкви были вскрыты раскопками, что позволяет полностью реконструировать план памятника.

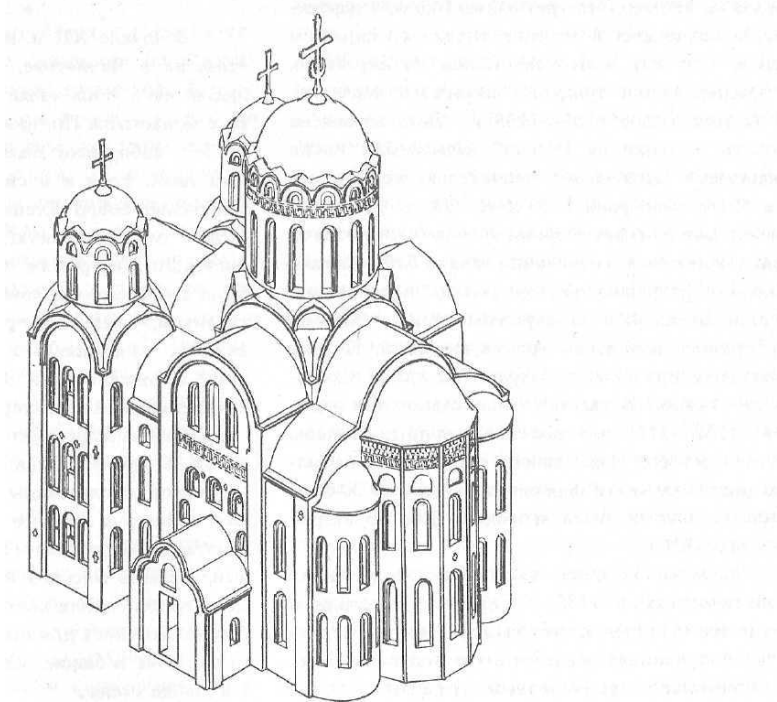
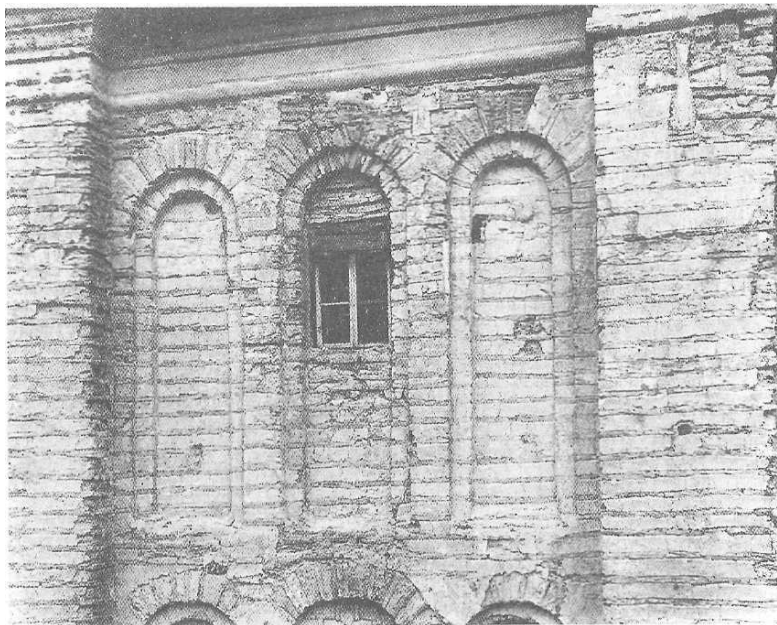
В плане церкви Спаса на Берестове имеются отличия от планов более ранних киевских храмов, хотя в основе здесь также лежит трехнефный трехапсидный храм с нартексом. Отличие заключается прежде всего в том, что примыкающие к нартексу лестничная башня и крещальня настолько расширяют нартекс, что он значительно выступает к северу и югу из основного объема здания. Кроме того, перед всеми тремя порталами некогда существовали небольшие притворы. Следы примыкания западного притвора к западной стене храма показывают, что притвор был перекрыт сводом трехлопастного очертания. Кладка церкви также несколько отличается от кладок более ранних киевских памятников — это та же кладка из плинфы со скрытым рядом, но уже без прослоек слабо обработанных камней на фасадах. Декоративные элементы фасадов — двухступчатые ниши, выложенные из плинфы кресты и полосы меандра.

Усложненный силуэт плана церкви и наличие трехлопастного свода над притворами дали основание некоторым исследователям предположить, что и завершение фасадов самого храма, быть может, тоже было трехлопастным. Поскольку над башней и крещальней, вероятно, существовали самостоятельные главы, храм в целом должен был представлять собой довольно сложную и очень живописную композицию.

Через несколько лет, в 1129 г. был заложен собор Федоровского монастыря в Киеве. Вскрытые раскопками его фундаменты и развал кладок

Киев. Церковь Спаса
на Берестове.
Фрагмент фасада.
Реконструкция
Г. М. Штендера.

Kiev. Church of the
Savior- on- Berestov.
Fragment of facade.
Reconstruction
after G. M. Shtender.

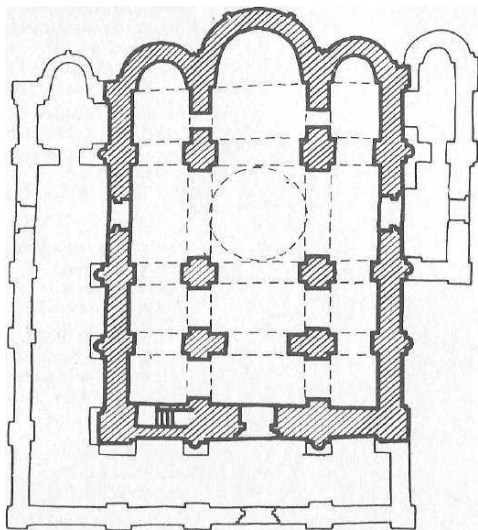

Чернигов.
Борисоглебский собор.
Фасад. План.
*Chernigov. Cathedral
of Boris and Gleb
(Borisoglebsky).
Facade and plan.*

показали, что это был трехнефный храм с нартексом, исполненный в технике кладки со скрытым рядом, т. е. как и церковь Спаса на Берестове, и продолжавший традиции киевского зодчества XI в. Наконец, в 1131—1135 гг. была возведена церковь Успения на Подоле, называемая также Пирогошей. Церковь эта, значительно перестроенная, была разобрана в 30-х гг. XX в. Вскрытые раскопками в недавнее время нижние части ее стен выявили лежащие в основании здания блоки кладки какой-то разрушенной постройки, исполненной в технике кладки со скрытым рядом. Видимо, особенности намывного грунта киевского Подола довольно скоро вызвали разрушение храма и замену его новым. В таком случае становится ясно, что к 1131—1135 гг. относится именно та церковь, остатки которой представлены этими блоками разрушенного здания, а церковь, стоявшая до 30-х гг. нашего столетия, была возведена уже во второй половине XII в.

Церковь Успения на Подоле, законченная строительством в 1135 г., является последним памятником старой киевской архитектурно-строительной традиции; после этого в зодчестве Киева произошел существенный перелом.

В начале XII в. начался новый этап строительства в Чернигове. Наиболее ранним памятником этого этапа является Успенский собор Елецкого монастыря. Построенный, по-видимому, около 1113 г., собор этот полностью сохранился до наших дней, хотя и в сильно перестроенном виде. Успенский собор Елецкого монастыря повторяет общую типологическую схему Успенского собора киевского Печерского монастыря, что, очевидно, было сознательным приемом, продиктованным заказчиком,— ведь он повторяет Печерский собор даже по названию — Успенский. Однако ни техника исполнения, ни архитектурные детали, ни стилистический характер здесь не совпадают. Кладка здания выполнена из плинфы, но не со скрытым рядом, а равнослойная; в качестве декоративных элементов использованы аркатурный пояс в основании закомар и мощные полуколонны в наружных лопатках. Общий облик храма статичный, лаконичный, с одной массивной главой и четким ритмом закомар, основания которых расположены в одном уровне. Лестница для подъема на хоры расположена здесь не в башне, как в киевских памятниках, а в толще стены.

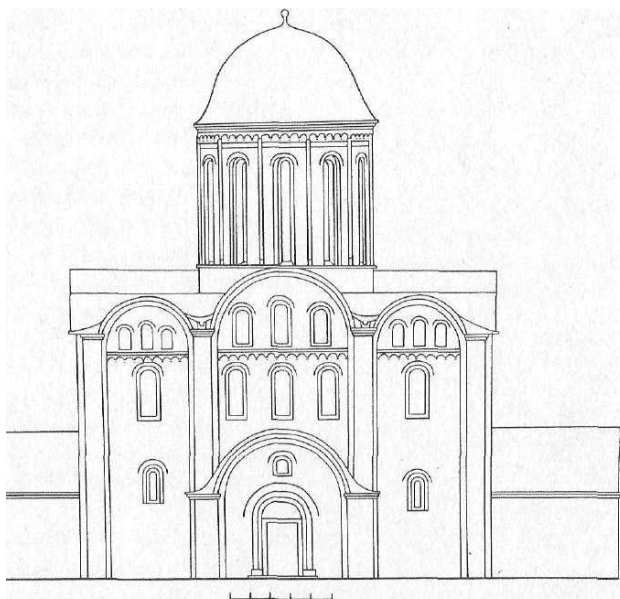
Совершенно ясно, что строили Елецкий собор какие-то мастера, не связанные ни с киевской, ни с переяславльской традицией. Вопрос о том, откуда прибыли эти новые мастера, до сих пор не решен. Дело в том, что характер техники здесь явно византийский, но, в отличие от киевских построек, скорее провинциально-византийский, чем столичный. В то же время эта византийская техника здесь сочетается с явными романскими элементами — аркатура, покрытие поверхностей кладки раствором с разработкой линиями под квадратную белокаменную кладку. Приехали эти мастера из какого-то центра, где византийская архитектура уже подверглась влиянию романской, или же это соединение византийских и романских особенностей произошло уже в Чернигове, пока неясно.

Несколько позже, видимо, уже в 20-х гг. XII в. в Чернигове был построен Борисоглебский собор, также почти полностью сохранившийся и к тому же восстановленный в 1960-х гг. в первоначальных формах. Этот храм имеет такой же статичный и четкий облик, как и Елецкий собор. Совпадает он с этим собором и по строительной технике, и по архитектурным формам. При рас-

копках Борисоглебского собора было найдено несколько белокаменных капителей, покрытых великолепной резьбой явно романского характера. К тому же времени относится и черниговская Ильинская церковь. Она очень небольшая, бесстолпная, с одной апсидой и примыкающим с запада нартексом. Барабан купола здесь поддерживают подпружные арки, опирающиеся не на столбы, а на пилоны в углах помещения. Бесстолпный тип храма применялся для маленьких по размеру церквей, а также для приделов, примыкающих к большим храмам. Ильинская церковь — единственный во всей русской архитектуре домонгольского времени бесстолпный храм, своды и глава которого сохранились до наших дней.

Продолжение деятельности мастеров, ведущих строительство в Чернигове, можно видеть в Рязани, входившей тогда в сферу владения черниговских князей. На Старорязанском городище археологическими раскопками были вскрыты остатки двух храмов, относившихся, видимо, к 20-м или 30-м гг. XII в. Храмы эти — Успенский и Борисоглебский — чрезвычайно близки черниговским, совпадая с ними и плановой схемой, и техникой, и даже названиями. При раскопках одного из рязанских храмов, а также вне зданий на территории городища обнаружены резные белокаменные архитектурные фрагменты.

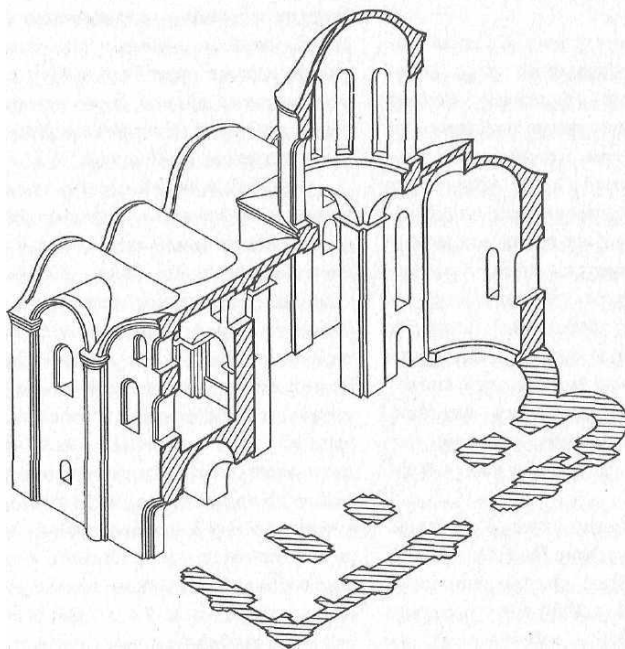
В 1139 г. черниговский князь Всеволод Ольгович стал киевским князем. Вместе с ним из черниговской земли перешли в Киев и строители. Именно они теперь взяли в свои руки все киевское монументальное строительство. Старую же киевскую строительную артель Всеволод передал своему временному союзнику — полоцкому князю. Сразу же по приезде в Киев, в начале 40-х гг., черниговские строители возвели там Кирилловскую церковь. Эта первая киевская постройка нового типа очень близка черниговским и рязанским. По длине Кирилловская церковь примерно равна черниговскому Елецкому собору, но несколько шире его, благодаря чему диаметр купола также получился больше и равным диаметру купола Софийского собора, т. е. 7,6 м. Очевидно, таково было задание, выданное зодчему и связанное с престижем занявшего киевский стол черниговского князя. Церковь сохранилась целиком, хотя в сильно перестроенном виде. Первоначальные ее формы изу-

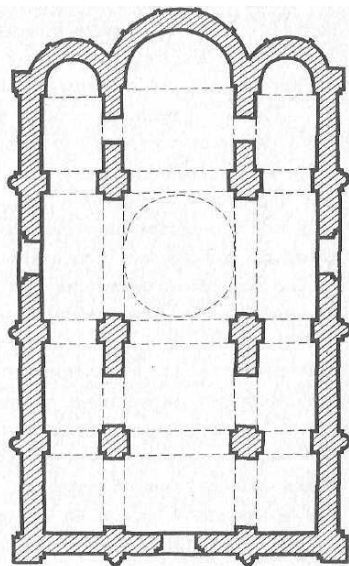

Чернигов. Собор
Елецкого монастыря.
Западный фасад.
Реконструкция
Н. В. Холостенко.
Chernigov. Cathedral
of the Elets Monastery.
View from the West.
Reconstruction
after N. V. Holostenko.

Киев. Кирилловская
церковь. Схема
реконструкции.
По Ю. А. Асееву. "。
Kiev. Church of St.
Cyril (Kirillovskaya).
Sketch of construction
after Y. A. Asseyev.

Владимир-Волынский.
Успенский собор.
Общий вид. План.
Vladimir-Volytsky.
Cathedral of the Dor-
mission (Uspensky).
General view and plan.

ченны с достаточной полнотой. В интерьере Кирилловской церкви расчищены значительные участки фресковой живописи. В 1144 г. построили церковь Георгия в Каневе, несколько меньшую, чем Кирилловская, и тоже полностью сохранившуюся в несколько перестроенном виде.

Во всех этих памятниках архитектуры применялась равнослойная плинфяная техника, впервые введенная на Руси в черниговском соборе Елецкого монастыря и с тех пор ставшая характерной особенностью черниговских, рязанских, а затем и киевских памятников. Техника эта, при которой все ряды кирпичей выходят к плоскости фасада, лишена живописной декоративности, которой обладала кладка со скрытым рядом. Кроме того, в качестве элементов декора перестали применять двух- и трехступчатые ниши: вместо этого на фасадах создавались иные декоративные элементы — аркатурные пояса, мощные полуколонны на пиллястрах.

Завершив строительство каневской церкви, мастера-строители перешли в Переяславль, где

возвели два храма: это вскрытые раскопками Воскресенская церковь и маленький бесстолпный храм. Очевидно, строительная артель была достаточно многочисленной и мощной, поскольку в те же годы (по-видимому, 1145 г.) часть строителей перешла в Смоленск, основав там собственную и самостоятельную строительную организацию.

В середине XII в. князь Мстислав Изяславич забрал строителей из Переяславля и перевел их во Владимир-Волынский — стольный город своей вотчины Волыни. В 1156—1160 гг. здесь был построен главный городской храм — Успенский собор. Сохранившийся почти целиком, собор этот еще в 1900 г. был тщательно реставрирован и восстановлен в первоначальных формах. Он настолько близок черниговским и киевским памятникам, в частности Кирилловской церкви, что различия здесь имеются лишь во второстепенных деталях. Очевидно, зодчим было дано указание не отходить от киевских образцов. Следует отметить, что владими́ро-во́лыньский собор — самый крупный храм среди памятников этого круга: его

наружные размеры 20,6 X 34,5 м. В здании не было лестницы для подъема на хоры и попасть туда можно было только через дверь во втором ярусе наружной стены; видимо, собор был непосредственно связан переходом с княжеским дворцом.

После Успенского собора во Владимире-Волынском были построены еще два храма, остатки которых обнаружены раскопками. Церковь «Старая кафедра» (по-видимому, Федоровская) оказалась почти полным повторением такого же типа киевских храмов, как Успенский собор, но значительно меньше по размерам. Другая церковь (возможно, церковь Дмитрия) имела очень своеобразный план: это был довольно крупный, но лишенный нартекса (т. е. четырехстолпный) храм со скругленными наружными углами и очень массивными квадратными столбами (2,8X2,8 м).

Кроме перечисленных архитектурных памятников, раскопками обнаружены остатки маленькой бесстолпной церкви на Садовой улице. Выяснилось, что здание это не было закончено, поскольку строительство было остановлено после заложения фундамента. В 1167 г. Мстислав стал киевским князем, и, уезжая в Киев, по-видимому, забрал с собой строительную артель; строительство во Владимире-Волынском прекратилось.

С этого времени вновь началось строительство в Киеве. Вероятно, первой постройкой, которую возвели мастера, вернувшиеся с Волыни, была церковь Успения на Подоле, построенная на месте рухнувшей церкви того же названия. Раскопки показали, что это было здание, в значительной степени повторявшее характерный для архитектуры Киева тип церкви с нартексом, мало отличающийся от таких памятников, как Кирилловская или каневская церкви.

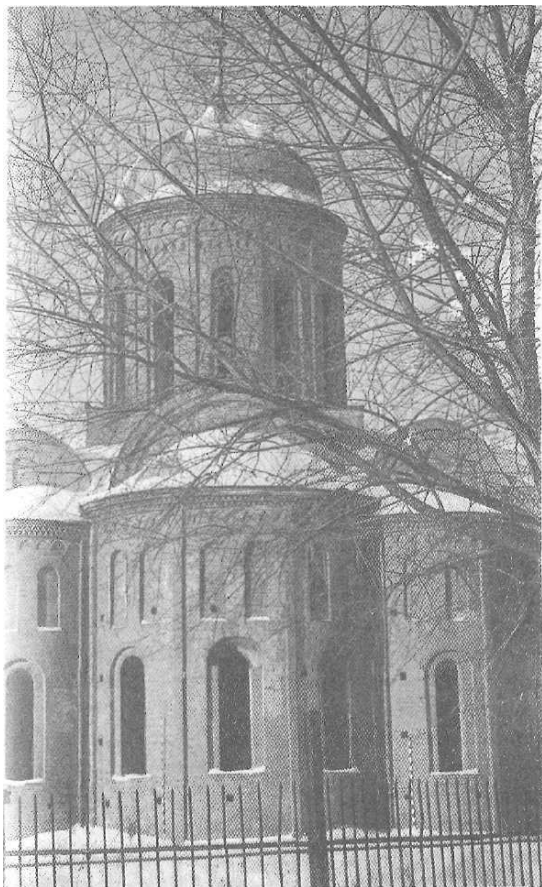
Вскоре обстановка в Киеве осложнилась. Взятие Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г. и последовавшая за этим неоднократная смена князей на киевском столе, вероятно, на некоторое время лишили строителей княжеских заказов и позволили выполнить заказ проживавших в Киеве иноземных купцов: была построена «Киевская ротонда» — по-видимому, католическая церковь. Это круглая постройка, имеющая диаметр несколько более 20 м, с одним массивным столбом в центре. Тип здания явно чужд русской архитектуре. Его появление, видимо, обязано како-

му-то приезжему иноземному зодчему, хотя строительная техника свидетельствует, что выполняли работу местные мастера.

В 1174 г. черниговский князь Святослав Всеволодович ненадолго захватил Киев и, уходя оттуда, видимо, забрал с собою строителей, которые и начали по его заказу строительство Михайловской церкви на княжеском дворе в Чернигове. Однако, вероятно, в Чернигов ушла все же не вся строительная артель, а только ее часть, поскольку уже в следующем году занимавший киевский престол князь Ярослав Изяславич добровольно покинул Киев и, возвратившись на Волынь, начал строительство в своем стольном городе — Луцке. Собственных строителей здесь не было и, следовательно, князь привел этих мастеров с собою из Киева. Вскрытый раскопками храм Иоанна Богослова в Луцком замке показывает, что здесь явно проявились уже некоторые новые стилистические особенности. Церковь эта была четырехстолпной, т. е. без нартекса, и имела всего одну апсиду. Обращает на себя внимание своеобразный прием скругления углов подкупольных столбов и лопаток на внутренних стенах, что, несомненно, меняло характер интерьера здания.

Очень вероятно, что после работы в Луцке те же мастера построили церковь в Турове. Вскрытые раскопками остатки этого храма показали, что здание было шестистолпным с тремя апсидами, т. е. более традиционного типа, чем в Луцке. Двухступенчатые со скругленными углами наружные пилястры туровского храма близки по форме внутренним лопаткам луцкой церкви. В северо-западном углу нартекса полукруглая стенка выделяет место, где находилась лестница для подъема на хоры, — необычный прием, который позднее применили лишь в гродненской архитектуре.

В 1176 г. князь Святослав Всеволодович стал киевским князем (на этот раз уже надолго), сохранив в то же время и сюзеренитет над Черниговом. Естественно, что в этих условиях он мог вести строительство как в Киеве, так и в Чернигове. В Киеве была построена церковь Василия (1183 г.), а в Киевской земле церковь в Юрьеве (современный г. Белая Церковь) и малая церковь в Зарубском монастыре, сменившая разрушившийся от оползня храм XI в. Все эти храмы — небольшие четырехстолпные.

Смоленск.
Петропавловская
церковь.

Smolensk. Church
of St. Peter and St. Paul
(Petropavlovskaya).

Наиболее крупной постройкой этих лет была Благовещенская церковь в Чернигове (1186 г.). Раскопки показали, что храм был большим, с нартексом и галереями. Судя по мощности наружных пилястр с примыкающими к ним полуколоннами, галереи были не одноэтажными, а поднимались на всю высоту здания. Это обстоятельство выделяло Благовещенскую церковь среди прочих памятников второй половины XII в. и, сохраняя традиционную схему трехнефного шестистолпного собора, сближало ее с пятинефными храмами XI в. Вряд ли могут быть сомнения, что такое решение было про-

диктовано заказчиком и связано с великокняжескими амбициями князя Святослава. В центральной части храма найдены остатки мозаичного пола, что для XII в. является уже весьма редким исключением.

Параллельно с мастерами, ведшими строительство в Киеве, Чернигове и на Волыни, интенсивно работала и другая строительная артель — в Смоленске. В 40-х гг. XII в. сюда приехала группа киево-черниговских мастеров, заложившая основы местной строительной организации. Судя по широко развернувшемуся строительству, здесь вскоре сложилась уже достаточно сильная строительная артель. В 1145 г. в Смоленске начали строить Борисоглебский собор Смядынского монастыря. Раскопки показали, что это был храм с нартексом, т. е. шестистолпный, с лестницей в толще стены и мощными полуколоннами на наружных лопатках. Храм имел в интерьере фресковые росписи, а пол его был покрыт поливными керамическими плитками.

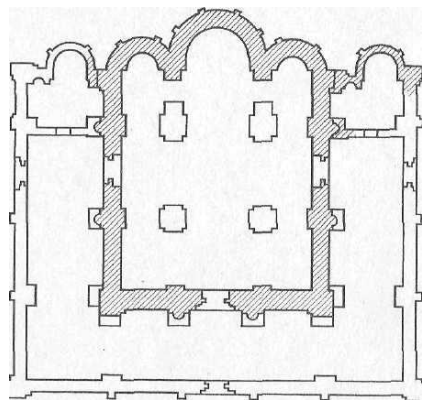
В середине XII в. в Смоленске была построена церковь Петра и Павла, полностью сохранившаяся до наших дней. Она подверглась тщательной реставрации, причем фасады ее не покрыли штукатуркой, оставив обнаженной первоначальную фактуру стен. Церковь очень нарядна: помимо аркатурного пояска она имеет на угловых лопатках полосы орнамента и выложенные из плинф рельефные кресты, а на барабане размещены полосы арочек и керамических вставок в виде нишек с килевидным завершением. В отличие от Смядынского собора церковь Петра и Павла была четырехстолпной. В дальнейшем к такому сокращенному варианту (т. е. без нартекса) относятся все позднее сооруженные смоленские храмы XII в.

На половину своей первоначальной высоты сохранилась церковь Ивана Богослова, построенная в 60-х или 70-х гг. XII в. Сразу же после постройки к ней были пристроены галереи с небольшими часовнями в их восточных торцах. Наиболее поздней из смоленских церквей того же типа является церковь Василия на Смядыни, возведенная уже в 80-х гг. XII в. В отличие от предыдущих смоленских храмов она не имела лопаток на внутренних стенах. Вполне возможно, что это связано с какой-то переделкой и верхних частей здания.

Особый вариант храмового сооружения представляет церковь, обнаруженная раскопками на детинце Смоленска. Это было сравнительно небольшое здание с лопатками на фасадах, соответствующими обычному членению четырехстолпного храма. Разница лишь в том, что лопатки здесь плоские, без примыкающих полуколонн. Но внешний вид здания не отвечал его конструкции: несмотря на наличие трех апсид и наружных лопаток, церковь была бесстолпной. Зодчие сделали здесь попытку создать сооружение с просторным бесстолпным интерьером и традиционным внешним обликом. Судя по мощным фундаментам и стенам, церковь перекрывали своды, но большая ширина интерьера (более 8 м) заставляет думать, что завершение было не обычным купольным, а каким-то более сложным. Этот храм построен в 60-х или 70-х гг. XII в. и служил княжеской дворцовой церковью. Неподалеку от нее был возведен терем княжеского дворца — небольшая четырехугольная постройка, остатки которой обнаружены раскопками.

В Смоленске было раскопано и совсем необычное здание — круглая постройка («Смоленская ротонда»), имевшая наружный диаметр около 18 м, с четырьмя довольно тесно поставленными столбами в середине. Это остатки «немецкой божницы» — церкви проживавших в Смоленске иноземных купцов. Руководство строительством, вероятно, принадлежало зодчему, приехавшему из Скандинавии, но выполнена постройка, судя по ее строительной технике, местными мастерами в 70-х или 80-х гг. XII в.

Несмотря на наличие в Смоленске собственной строительной артели, строительство здесь вплоть до 80-х гг. XII в. продолжало вестись в русле киевской архитектурной традиции. Очевидно, тесная связь смоленских князей с Киевом и их политическая ориентация на Киев заставляли их требовать от зодчих полного повторения киевских образцов. Конечно, памятники Киева, Чернигова, Рязани и Смоленска не вполне идентичны. Порой здесь можно отметить различия, сказывающиеся в деталях строительной техники, выявляющих «почерк» мастеров, но эти различия не затрагивают ни стилистических, ни строительно-технических принципов. Вот почему есть все основания считать, что эти памятники составляют одну архитектурную школу. Поскольку наиболее значитель-

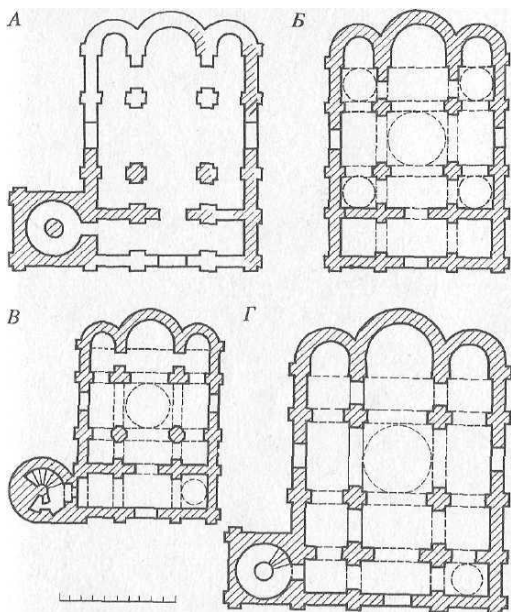
*Смоленск. Церковь
Иоанна Богослова.
План.*

*Smolensk. Church
of John the Theologian.
Plan.*

ным политическим и художественным центром был Киев, эту школу можно называть киевской архитектурной школой XII в.

Несколько большее количество самостоятельных черт можно видеть в памятниках зодчества Владимира-Волынского, где киевские архитектурные традиции тесно переплетались с традициями более ранней переяславской архитектуры. Так, о переяславских традициях свидетельствуют, например, мощные подкупольные столбы церкви, которую предположительно считают церковью Дмитрия; подобные столбы в русском зодчестве имела только церковь Михаила в Переяславе. С планами бесстолпных переяславских храмов почти точно совпадает план церкви на Садовой улице. Характер переяславской архитектуры имеет система формовки плинф во Владимире-Волынском. И все же близость к архитектуре Киева здесь настолько велика, что эту группу памятников нельзя исключать из киевской архитектурной школы.

Гораздо сильнее отличается от киевских памятников церковь Иоанна Богослова в Луцке. Расстановка подкупольных столбов, при которой боковые нефы получаются очень узкими, заставляет думать, что зодчий пытался создать композицию с высоко поднятой главой. Очень вероятно, что этот памятник зодчества свидетельствует о зарождении своеобразных особенностей, уже отрывающих его от киевской школы.

Новгород. Планы храмов.
А — церковь Благовещения на Городище,
Б — Николодворищенский собор, В — собор Антониева монастыря,
Г — собор Юрьева монастыря.

Novgorod. Plans of temples: a — Church of the Annunciation at Gorodishche; b — St. Nicholas Cathedral in the Yard; c — Cathedral of St. Anthony's Monastery; d — Cathedral of St. George in the Yuriev Monastery.

Другая архитектурная школа сложилась в Новгородской земле. После постройки Софийского собора монументальное строительство в Новгороде прервалось на полстолетия и вновь началось лишь в самом начале XII в. В 1103 г. в княжеской резиденции Городище под Новгородом была построена церковь Благовещения. Раскопками были вскрыты остатки этой церкви, оказавшейся трехнефным храмом с нартексом и квадратной башней, примыкавшей к западному членению северного фасада. Здание построено в технике кладки из плинфы со скрытым рядом и явно выдает руку киевских мастеров, работавших в традиции, сложившейся еще в XI в., однако здесь имеется и очень существенное новшество: обнаружив в Новгороде превосходный строительный материал — местную слоистую известняковую плиту — мастера широко использовали этот материал в строительстве. Сло-

жилась своеобразная система кладки, где ряды плинф перемежались рядами известняковой плиты.

Несколько позже был построен Никольский собор на Ярославовом дворище, обычно называемый Николо-Дворищенским собором (1113 г.). Этот памятник архитектуры сохранился почти целиком. Он также шестистолпный, с нартексом, четко отделенным от основного помещения. На хоры собора попадали по переходу из княжеского деревянного дворца через дверь во втором ярусе. Когда в конце XII в. дворец перестал функционировать, в одно из членений нартекса встроили лестничную башню. В настоящее время собор увенчан одной главой, но первоначально он был пятиглавым.

Вскоре после сооружения Николо-Дворищенского собора в Новгороде были построены храмы Антониева (1117 г.) и Юрьева монастырей (1119 г.). По плановой схеме эти здания близки церкви Благовещения на Городище: они шестистолпные с лестничной башней, примыкающей к северо-западному углу. В церкви Рождества Богородицы (Антониев монастырь) башня круглая, а в соборе Георгия (Юрьев монастырь) — квадратная. Оба храма полностью сохранились, хотя, как и Никольский собор, они еще не восстановлены в первоначальных формах.

Храмы этих монастырей трехглавые; наличие главы над лестничной башней создавало беспокойную асимметрию, и поэтому зодчие для организации уравновешенной композиции разместили над юго-западным углом здания еще одну небольшую главу. Письменные источники сохранили имя мастера, построившего собор Юрьева монастыря: «...а мастер трудился Петр» — первое известное нам имя русского зодчего. Декоративные элементы и строительные приемы, использованные в соборе Юрьева монастыря, почти полностью совпадают с таковыми в церкви Благовещения на Городище и Николо-Дворищенском соборе, тогда как церковь Антониева монастыря демонстрирует руку другого зодчего, явно стремившегося к большей лаконичности форм. Во всех трех сохранившихся зданиях уцелели фрагменты фресковой живописи.

Памятники новгородского зодчества той поры, несомненно, несут на себе еще черты киевской архитектурной традиции, хотя в них уже видны некоторые особенности, отличающие их от киевских

Новгород. Собор
Антониева монастыря.
Novgorod. Cathedral
of St. Antony's
Monastery.

Новгород. Георгиевский собор
Юрьева монастыря.
Novgorod. Cathedral
of St. George (Georgi-
evsky) in the Yuriev
Monastery.

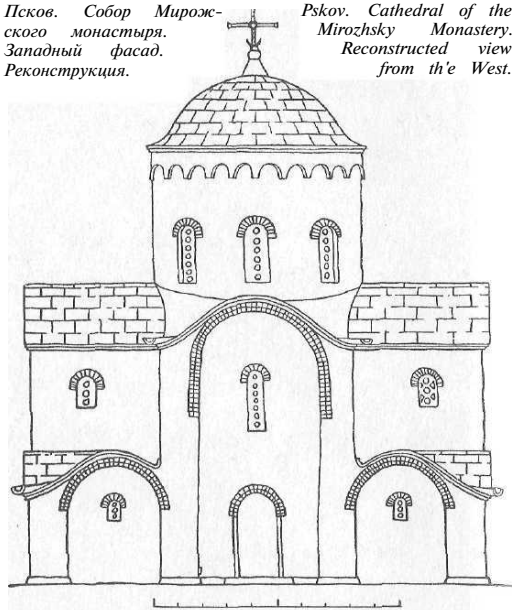
храмов. В первую очередь, эти особенности сказываются в строительной технике — широком применении местной известняковой плиты в сочетании с плинфой. Наиболее ярко новые черты проявились в церкви Антониева монастыря, во многом как бы предвосхитившие черты самостоятельной новгородской архитектурной школы. Несколько позже в Новгороде были построены церкви Ивана на Опоках (1127 г.) и Успения на Торгу (1135 г.). Оба храма полностью перестроены, но раскопками выявлено, что это были шестистолпные здания.

Б 30-х гг. XII в. строительная артель из Новгорода перебазировалась во Псков, где возвела один за другим четыре храма: Троицкий собор, церковь Дмитрия Солунского и соборы Ивановского и МИрожского монастырей, из которых уцелели последние два. В соборе Ивановского монастыря продолжается развитие новшеств, заложенных еще в новгородском соборе Антониева монастыря, — отсутствуют двухступенчатые ниши на фасадах, которые были основным декоративным мотивом фасадов соборов Николо-Дворищенского и Юрьева, крещатые в плане столбы заменены шестигугольными и круглыми. Собор Ивановского монастыря увенчан тремя главами, но в отличие от куполов новгородских соборов эти главы расположены симметрично и не имеют функционального значения, являясь, очевидно, лишь данью традиции. Очень существенное новшество — лестница для подъема на хоры, проходящая не в башне, а в толще западной стены. В интерьере собора Ивановского монастыря отсутствуют лопатки на стенах. В этом здании зодчие явно отошли от киевских традиций, которые еще сильно чувствовались в новгородских соборах первой трети XII в.

Завершает этап псковского строительства Спасо-Преображенский собор Мiroжского монастыря, построенный в конце 40-х — начале 50-х гг. XII в. Собор построен по заказу новгородского архиепископа Нифонта и значительно отличается от всех возведенных до этого памятников русской архитектуры. Его западные угловые членения резко понижены и также понижены боковые апсиды, благодаря чему здание имеет отчетливо выраженную снаружи крестообразную объемную композицию. Такая композиция характерна для византийского зодчества, особенно в византийских провинциях, на Балканах, в Крыму. Вероятно, строитель-

Псков. Собор Мiroжского монастыря.
Западный фасад.
Реконструкция.

*Pskov. Cathedral of the Mirozhsky Monastery.
Reconstructed view from the West.*

ством руководил какой-то византийский зодчий, что, может быть, связано с грекофильской политикой Нифонта. Но судя по строительной технике, возводили здание новгородские строители. По-видимому уже в процессе строительства выяснилось, что пониженные углы здания нецелесообразны в северном климате, так как здесь может скапливаться снег. Поэтому сразу же после завершения здания пониженные западные его углы были надстроены, что сблизило Спасо-Преображенский собор с более привычным на Руси типом храмов. В здании сохранилась значительная часть старинных фресковых росписей.

В 1153 г. Нифонт перевел строителей из Пскова в Ладогу — другой важнейший город Новгородской земли. Здесь они возвели церковь Климента. Вскрытые раскопками остатки этого храма показали, что зодчие сделали существенный шаг в дальнейшей разработке самостоятельных новгородских архитектурных форм. Церковь Климента повторяла схему Спасо-Мiroжского собора, но уже с надстроенными угловыми членениями и дополненным с запада нартексом. Лестница на хоры размещалась в толще западной стены, западные подкупольные столбы в плане квадратные, лопаток

на внутренних стенах нет. Здесь, таким образом, сложились уже все формы, которые характерны для новгородской архитектурной школы. Осталось только отказаться от заимствованного у Спасо-Мирожского собора Мирожского монастыря приема решения восточной части — резко пониженных боковых апсид — и возвратиться к привычной для русского зодчества обычной трехапсидной схеме.

Такой прием был использован в позднее введенных в Ладоге четырех храмах, из которых два (Успенский и Георгиевский) полностью сохранились. Это четырехстолпные одноглавые храмы, очень простые по композиции. Построены они из перемежающихся слоев плинфы и известняковой плитки, а снаружи затерты известковой обмазкой. На фасадах почти полностью отсутствуют декоративные элементы, и все убранство ограничивается плоской аркатурой с зубчиками на барабане под главой, а также двумя уступами и полосой зубчиков в полукружиях закомар. Интерьеры всех ладожских церквей первоначально были расписаны фресками, частично сохранившимися в Георгиевской церкви.

Последняя по времени сооружения Ладожская церковь (Георгиевская) была построена в 60-х гг. XII в., после чего монументальное строительство в Ладоге прервалось и возобновилось в Новгороде, куда, очевидно, вернулась строительная артель. Начиная с этого времени строительство в Новгороде ведется уже непрерывно. Сложившиеся в середине XII в. особенности новой архитектурной школы были полностью перенесены из Ладоги в Новгород: тот же вариант типа храма, те же конструкции и материалы, те же декоративные элементы. Большинство новгородских памятников зодчества второй половины XII в. известны лишь по итогам археологических раскопок, поскольку они либо разрушены, либо полностью перестроены. Почти целиком дошла до наших дней лишь церковь Петра и Павла на Синичей горе (1185 г.) и частично церковь Благовещения на Мячине (1179 г.), в которой уцелела даже часть фресковой живописи.

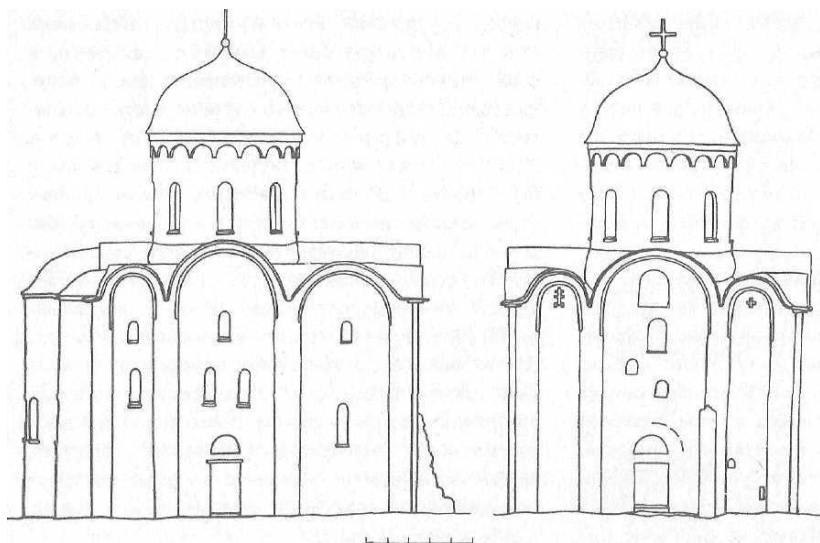
Причины сложения самостоятельных архитектурных форм в новгородском зодчестве следует видеть, главным образом, в изменившихся условиях заказа: с середины XII в. строительство

велось по заказам бояр и местных церковных властей, а мастера были уже не княжескими, а свободными городскими ремесленниками. Это существенно отличало условия строительства в Новгороде от обстановки в других русских землях. При таких условиях строительство должно было быть более массовым, быстрым, дешевым, чем строительство по заказам князя или митрополита. Действительно, письменные источники свидетельствуют, что новгородские церкви во второй половине XII в. строились обычно за один строительный сезон, причем только за последние 30 лет XII в. здесь было возведено не менее 17 каменных храмов. Кроме того, на изменение форм существенно повлияло также применение местных строительных материалов. Наконец, вероятно, здесь сказались и эстетические представления новгородцев, воспитанных в иной, чем в Киеве, художественной среде.

Довольно рано была сделана попытка начать самостоятельное каменное строительство в Полоцкой земле. В одном из важных политических центров этой земли, Минске, было начато строительство храма. Раскопки показали, что строительство было лишь начато — заложен фундамент, и на этом оно прекратилось. Здание должно было представлять собой небольшой четырехстолпный храм с тремя апсидами, прорисовывающими в плане трехлопастную кривую. С какой строительной традицией связана данная постройка, откуда приехали мастера, пока неясно. Судя по технике, в ней, по-видимому, использована романская традиция. Время сооружения строения храма также дискутируется — это могли быть 70-е гг. XI в. или первые два десятилетия XII в. Дальнейшего развития на Руси эта строительная традиция так и не получила.

Позднее самостоятельная архитектурная школа сложилась в стольном городе этой земли — Полоцке. Здесь, как и в Новгороде, после постройки Софийского собора строительство прервалось, поскольку храм возводили киевские мастера, а своих строительных кадров еще не было. Лишь в конце 30-х гг. XII в., когда на киевский стол пришел черниговский князь Всеволод Ольгович, он передал в Полоцк киевскую строительную ар-

Старая Ладога.
Успенский собор.
Old Ladoga. Cathedral
of the Dormition
(Uspensky).

Старая Ладога.
Георгиевская церковь.
Old Ladoga. Church
of St. George
(Georgievskaya).

тель, так как сам использовал других строителей, пришедших вместе с ним из Чернигова. Так Полоцк получил строителей, продолжавших блестящие традиции старой киевской архитектуры, сложившейся еще в XI в. Основной строительный прием этих мастеров — кладка из плинфы со скрытым рядом — стал типичным для полоцких построек XII в., тогда как все кирпичное строительство в других русских землях перешло уже к новой, равнослойной, технике. Сохранились в Полоцке и композиционные приемы, применяемые в старой киевской архитектуре, придающие памятникам более живописный и динамичный облик, чем статичный облик памятников киевской архитектурной школы XII в.

Первым возведенным в Полоцке зданием был Большой собор Бельчицкого монастыря. Его фундаменты были открыты раскопками и показали, что собор представлял собой шестистолпный храм с небольшими притворами перед порталами. План этого собора напоминает план киевской церкви Спаса на Берестове, однако здесь имеется и очень существенное новшество: подкупольный квадрат расположен не между восточными парами столбов, а между западными, т. е. сдвинут к западу на одно членение. Такое смещение купола, особенно при наличии пониженных притворов, не-

сомненно свидетельствует о желании зодчего придать постройке центричность и, очевидно, подчеркнуть этим высотность сооружения.

После возведения Большого собора строительство в Полоцке продолжалось непрерывно в течение примерно 40 лет. Были построены храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре и церковь на Нижнем замке; первый стал епископской усыпальницей, а вторая — княжеской. Остатки обоих храмов вскрыты раскопками. Наличие не трех, как обычно, а только одной апсиды и очень своеобразная форма примыкающих галерей позволяют думать, что в полоцкое строительство вошел еще какой-то новый, возможно даже, греческий зодчий.

К полоцкому Софийскому собору пристроили целый комплекс гробниц, причем вопреки тому, что было принято в русской архитектуре, этот комплекс прикрывал собой всю восточную сторону собора. В состав комплекса гробниц входила, в частности, небольшая бесстолпная церковь с прямоугольной в плане апсидой. Еще один подобный храм с прямоугольной апсидой (Пятницкая церковь) был построен в Бельчицком монастыре. Под этой церковью находилась подземная камера, вероятно, гробница. Пятницкая церковь, так же как и соседняя с ней Борисоглебская церковь того же

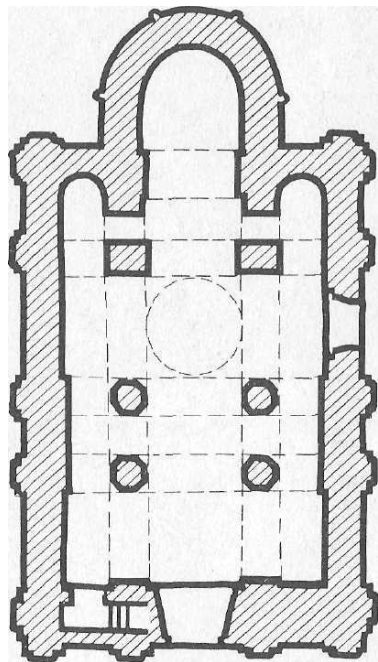
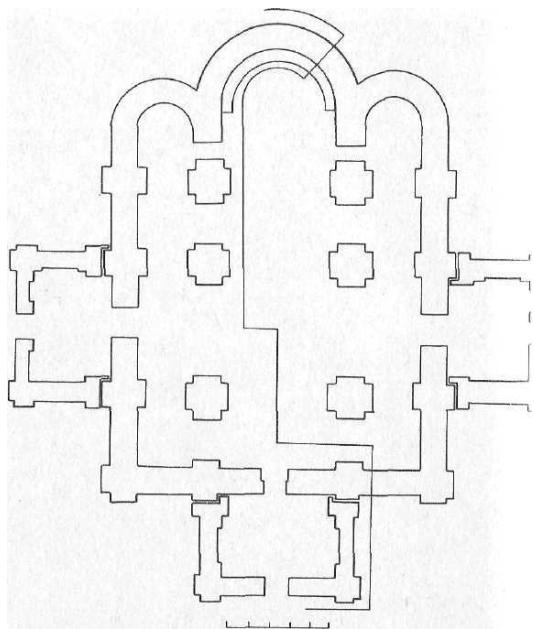

монастыря, еще в 20-е гг. нашего века представляли собой руины, возвышавшиеся до основания сводов. Было видно, что стены их сложены из плинфы в технике кладки со скрытым рядом, но без прокладок полос необработанных камней. Полосатость кладки подчеркивалась раскраской выступающих на фасад рядов плинфы красно-коричневым тоном.

Особый интерес представляет полностью сохранившаяся Спасская церковь Евфросиньева монастыря, построенная в 50-х гг. XII в. Из «жития» Евфросинии Полоцкой известно, что строителем храма был «приставник над делатели церковными Иван». Хотя церковь в настоящее время существует в сильно перестроенном виде, первоначальные ее формы восстанавливаются достаточно уверенно. Это был сравнительно небольшой, с нартексом и одной апсидой храм, в котором ярко проявились поиски новых композиционных решений. Его западное членение понижено, благодаря чему квадратная подкупольная часть здания оказывается выше остального объема. Высокий барабан главы поднят на специальный пьедестал, оформленный со стороны каждого фасада трехлопастной кривой. Поскольку эта форма не отвечает конструкции сводов, ее следует называть не закомарой, а кокошником. Стремление подчеркнуть вертикальную устремленность столпообразной композиции храма видно в слегка килевидной форме закомар, кокошников и бровок над окнами. Учитывая значительную нагрузку, которую дает массивный пьедестал барабана на подкупольные столбы, зодчий сделал боковые нефы храма очень узкими. В его расчет входило то, что благодаря этому давление распределится не только на столбы, но и на стены.

Таким образом, тщательно продуманная конструкция здесь полностью отвечает композиционному замыслу.

В этом замечательном памятнике архитектуры зодчий Иван вплотную подошел к решению тех задач, которые стали ведущими во всех архитектурных школах Руси в конце XII в. Он чутко уловил наиболее прогрессивные тенденции развития русского зодчества, смело создав совершенно новый архитектурный образ торжественного столпообразного храма. Спасская церковь является первым архитектурным памятником, в котором ви-

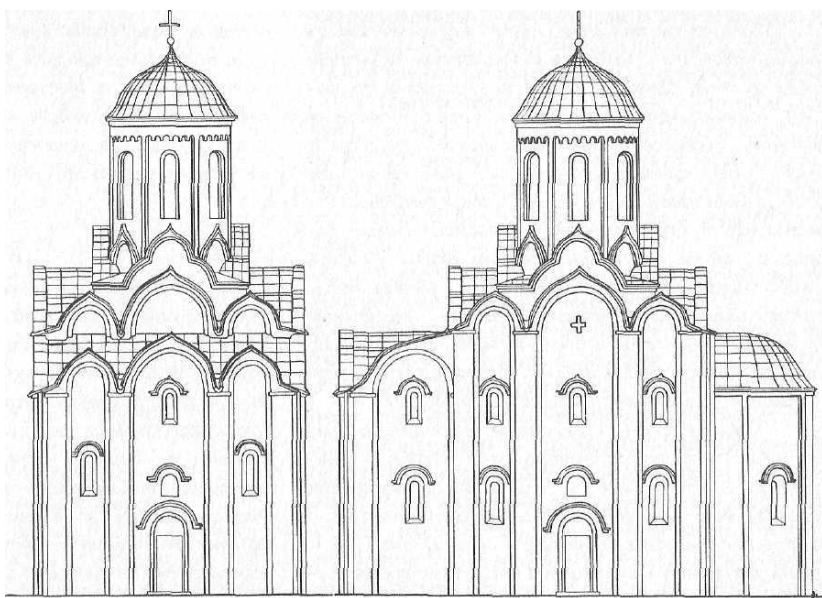

Полоцк. Большой собор Бельчицкого монастыря. План
Polotsk. Grand Cathedral of the Belchitsky Monastery. Plan.

Полоцк. Спасский собор Евфросиньего монастыря. План.

Западный и южный фасады. Реконструкция
 П. А. Раппопорта и Г. М. Штендера.

Polotsk. Cathedral of the Savior (Spassky) in the Efrossiyny Monastery. Plan. Views from the West and the South. Reconstruction after P. A. Rappoport and G. M. Shtender.

зантийские традиции уже начисто переработаны и переосмыслены в духе национального русского зодчества.

Однако дальнейшую разработку типа столпообразного храма полоцкие зодчие осуществили, опираясь не на композицию Спасской церкви Евфросиньева монастыря, а возвратившись к плановой схеме Большого собора Бельчицкого монастыря. Вероятно в 70-х гг. XII в. в полоцком детинце был построен храм, остатки которого обнаружены раскопками. Его план близок плану Большого собора: подкупольное пространство здесь также сдвинуто на одно членение к западу. Храм имел только одну выраженную снаружи апсиду, тогда как боковые были скрыты за плоскостью фасада. Боковые приделы также были с маленькими апсидами; профилировка наружных лопаток несколько сложнее, чем в Бельчицком соборе. Стремление зодчего подчеркнуть центричность композиции дает основания полагать, что подкупольная часть здания была заметно повышена.

Чем можно объяснить, что именно в полоцком зодчестве раньше, чем в других архитектурных школах Руси, проявились те тенденции, которые позднее, в конце XII в., стали характер-

ными для всего русского зодчества? Объясняется это, прежде всего, своеобразием условий, в которых развивалось полоцкое зодчество. Получив в наследство высокие традиции архитектуры Киевской Руси, Полоцк в дальнейшем мог развивать свое зодчество с гораздо большей свободой, чем такие строительные центры, как Смоленск или Владимир-Волынский.

Смоленские и волынские князья считали себя потенциально киевскими великими князьями; они всегда, как политически, так и в культурном отношении ориентировались на Киев. Естественно, что и в архитектуре они требовали от зодчих не отступать от того, что строили в Киеве. В противовес этому Полоцк почти всегда находился в оппозиции Киеву. Враждебность полоцких и киевских князей неоднократно отмечена летописью. В таких условиях от полоцких зодчих вовсе не требовали повторения киевских форм; скорее, наоборот, — непохожесть возводимых построек на киевские должна была более импонировать заказчикам. Поэтому в Полоцке не приняли таких новшеств киево-черниговской архитектуры XII в., как равнослойная кирпичная техника, уравновешенные и статичные композиции храмов.

Творчество полоцких зодчих не сдерживалось необходимостью повторять киевские или византийские формы. Однако создав предпосылки развития динамической композиции столпообразных храмов, полоцкое зодчество внезапно прекратило свое существование. Нам до сих пор не вполне ясно, какие причины привели к прекращению монументального строительства в Полоцкой земле. Вероятно, здесь сказались военная акция смоленского князя, нападения литовцев, а может быть, интенсивные династические распри, связанные с разделением княжества на мелкие уделы. Во всяком случае после 70-х гг. XII в. каменно-кирпичное строительство больше не ведется.

Параллельно с Полоцком началось строительство и в другом городе этой земли — Витебске. Здесь в 40-х гг. XII в. была построена церковь Благовещения. Руины церкви еще недавно достигали высоты до основания сводов, но в 1961 г. были частично разрушены и в настоящее время стены имеют высоту от 3 до 5 м. Храм одноапсидный, шестистолпный, причем западная пара его столбов соединяется с боковыми стенами, выделяя нартекс. Особенность плана здания — разделение его по длине между парами столбов на почти равные отрезки, благодаря чему в среднем нефе членения имеют приблизительно квадратный план, что нехарактерно для древнерусских памятников.

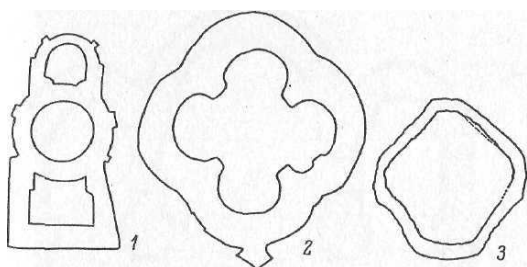
Оригинальна строительная техника: стены сложены из рядов тесаных известняковых квадров, перемежающихся вдвоенными рядами плинф, образуя живописную полосатую поверхность. Подобная техника до этого не применялась на Руси, но она характерна для зодчества византийских провинций, применялась на Балканах, в Крыму. В витебской церкви эта техника кладки не была видна зрителям, так как стены покрывала обмазка, по которой полосами имитировалась кладка из крупных каменных блоков.

Очень вероятно, что приезд мастеров, построивших витебскую церковь, связан с возвращением группы полоцких князей из ссылки в Византию. Артель, построившая витебскую церковь, после этого возвела еще одну постройку, но уже вне пределов Полоцкой земли — церковь Бориса и Глеба в Новогрудке, остатки которой сохранились под более поздней постройкой. Сразу же по завершении строительства новогрудского

храма к нему были пристроены галереи, но их судя по технике кладки, выполнили уже не витебские, а полоцкие мастера. На этом деятельность работавшей в Витебске группы мастеров закончилась, так и не оказав существенного влияния на развитие русского зодчества.

Иначе развивалось зодчество на крайнем юго-западе Руси, в Галицкой земле. В начале XII в. здесь существовали два княжества — Перемышльское и Теребовльское, князья которых действовали в тесном союзе. Сложение городов и укрепление феодальных отношений вызывали необходимость в создании монументальных каменных построек, прежде всего церквей. Однако заполучить строителей из Киева было невозможно, поскольку отношения с Киевом были враждебны. И перемышльский князь Володарь обратился в соседнюю Польшу, откуда и получил мастеров, построивших в Перемышле церковь Иоанна Крестителя (по-видимому, 1119 г.). Вскрытые археологическими раскопками остатки этой церкви показали, что она была возведена в романской белокаменной технике, но тип храма ничем не напоминал романскую базилику: это был характерный для Руси трехнефный трехапсидный крестовокупольный храм в сокращенном его варианте, т. е. без нартекса. Очевидно, приехавшим из Польши мастерам дали твердое указание не отходить от того типа храма, который к тому времени уже стал каноничным на Руси. Техника же заказчика не касалась, и в этом отношении мастера могли применять знакомые им романские приемы.

Несколько позднее, в 20—30-х гг. XII в., в другом значительном центре юго-западной Руси — Звенигороде, была построена церковь, повторявшая формы перемышльской, но в уменьшенном виде. А еще позднее, в 40-х гг., когда стольным городом объединенного княжества стал Галич, близ него были созданы загородная княжеская резиденция и при ней церковь Спаса, опять почти полностью повторяющая тот же тип храма. Все эти памятники зодчества известны лишь по их фундаментам, но найденные при раскопках белокаменные фрагменты позволяют судить, что, приняв общерусский храм в целом, мастера не

IIIIII

Галич. Планы храмов.
1 — церковь Ильи
Пророка, 2 — церковь
в Побережье,
3 — «Полигон».

Galich. Plans of temples
a — Church of St. Eli/ah
the Prophet; b — Church
at Poberezhye;
c — „Polygon”.

только в технике, но и в архитектурных деталях использовали чисто романские формы.

В конце 40-х или начале 50-х гг. XII в. построен главный храм Галича — Успенский собор. Судя по раскопанным фундаментам, он также представлял собой четырехстолпный храм, но значительно более крупный и с примыкающими с трех сторон галереями. Сложен этот храм также из прекрасно отесанных блоков, причем наряду с известняком здесь применялся и алебастр. Успенский собор имел иной стилистический характер, чем ранее построенные храмы: в сооружениях первой половины XII в. почти не использовалась резьба по камню, а в Успенском соборе каменная пластика играла существенную роль. Входы в храм были украшены декорированными резьбой перспективными порталами, применялись рельефы антропоморфного и зооморфного характера. Подкупольные столбы имели характер круглых колонн. Пол Успенского собора покрывали керамические плитки с рельефными изображениями зверей и птиц.

Отличие Успенского собора от более ранних памятников настолько существенно, что свидетельствует о работе других мастеров. Судя по техническим приемам и декоративному убранству, мастера эти прибыли из Венгрии. Так начался в зодчестве Галича новый период, связанный с влиянием венгерского зодчества.

Во второй половине XII в. в окрестностях Галича было возведено довольно много различных зданий, среди них — небольшие четырехстолпные церкви. По плану они были близки более

ранним храмам, но в них, как и в Успенском соборе, использовалась каменная резьба. Однако наряду с такими храмами традиционного типа строили и совершенно иные храмы — центрического типа — ротонды и квадрифолии. Так, церковь Ильи Пророка представляла собой небольшую круглую постройку, к которой с востока примыкала апсида, а с запада — прямоугольное помещение.

Возле с. Побережье в окрестностях Галича был раскопан храм в форме квадрифолия с четко очерченными четырьмя полукружиями. Близ Галича вскрыт и иной вариант квадрифолия — с мягко скругленными контурами (так называемый Полигон). Эти центрические постройки, судя по их фундаментам, очевидно, сильно отличались друг от друга. Так, мощные фундаменты квадрифолия возле с. Побережье свидетельствуют о его высоте и, скорее всего, о том, что он был двухъярусным, тогда как слабые фундаменты Полигона могли принадлежать только невысокой одноэтажной постройке. Западная часть церкви Ильи Пророка, вероятно, поднималась в виде башни. Все эти здания обладали перспективными порталами и декоративными деталями, украшенными белокаменной резьбой.

Постройки подобного типа неизвестны в русской архитектуре, но имеют прямые аналоги в романском зодчестве Центральной Европы и прежде всего в церквях Венгрии. Очевидно, разделение восточной и западной христианских церквей не зашло еще настолько далеко, чтобы русские церковные власти воспринимали типы католических храмов как недопустимые к применению на Руси. Не вполне ясно, каково узкое назначение галичских центрических построек: были ли это храмы пригородных монастырей или церкви боярских вотчин.

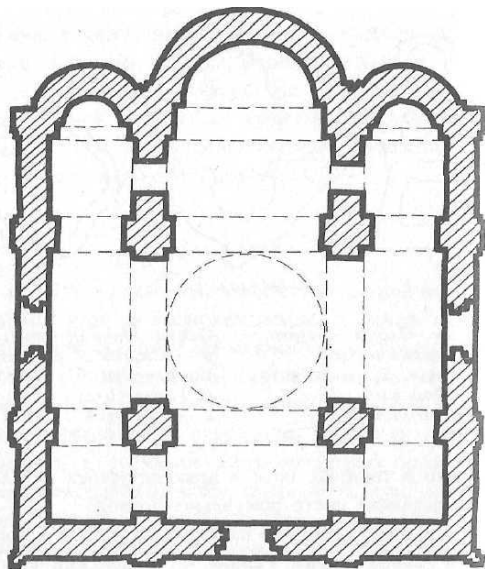
Раскопками в Галичской земле удалось обнаружить остатки нескольких деревянных церквей XII в., причем определена даже схема их плана. Например, Пятницкая церковь в Звенигороде была прямоугольной постройкой с прямоугольной же апсидой. На основании ряда косвенных признаков высказывалось очень правдоподобное предположение, что она имела завершение в виде деревянного купола на световом барабане, опиравшемся на «заломы», т. е. как бы имитацию в

дереве каменных парусов. Несомненно, что эта церковь строилась под сильным влиянием каменной архитектуры.

Остатки другой деревянной церкви вскрыты на городище Олешков. Это была многоугольная центрическая постройка, явно повторявшая тип каменных центрических построек. Городище Олешков было, по-видимому, укрепленной боярской усадьбой, и прямое заимствование венгерского типа храма, возможно, отвечало идеологическим стремлениям крупных галицких бояр, стремившихся подражать быту европейских феодалов-рыцарей. Пол раскопанных деревянных церквей покрывали поливные плитки, причем в Олешкове это были плитки с рельефными изображениями.

Таким образом, Галицкая земля была единственным районом Руси, где влияние романского зодчества сказалось не только в использовании романской строительной техники и декоративных элементов, но и в прямом переносе на Русь романских типов сооружений. Интенсивные политические и экономические связи Галицкой земли с западными соседями, а также конкретные обстоятельства истории древнего Галича привели к тому, что эта земля стала как бы контактной зоной взаимодействия русской и романской архитектуры.

На северо-востоке Руси находилась так называемая Залесская земля. На рубеже XI и XII вв. она принадлежала переяславльскому (познее киевскому) князю Владимиру Мономаху, который в первые годы XII в. построил храмы в главных городах этой земли — Суздале и Владимире. Остатки суздальского собора были выявлены под более поздней постройкой. Несмотря на то, что удалось раскрыть только очень небольшие участки древнего архитектурного памятника, общая схема его плана и материал стен определены достаточно отчетливо. Это был шестистолпный храм, построенный из плинфы в технике кладки со скрытым рядом. Совершенно очевидно, что строителями были присланные Мономахом южнорусские мастера. После завершения строительства этих двух зданий мастера, видимо, вернулись обратно и строительство в Залесской земле прервалось.

Переяславль-Залесский.
Спасский собор.
План. Общий вид

Pereyaslavl-Zalesky.
Cathedral of the Savior
(Spassky). Plan. General
view.

Следующий этап строительства начался в 40-х гг. XII в. Политическая обстановка в Залесской земле к тому времени коренным образом изменилась. Княживший тогда здесь Юрий Долгорукий вел энергичное строительство и укреплял города. Естественно, что появилась необходимость в организации монументального строительства. Однако враждебные отношения князя Юрия с Киевом не позволяли ему получить оттуда строителей. И Юрий Долгорукий обратился за строителями в Галич, к своему военному союзнику — галицкому князю Володимирку. В Галич в это время прибыла группа венгерских мастеров, начавшая строительство Успенского собора, и галицкий князь смог без ущерба для себя передать князю Юрию группу своих старых мастеров. Они и начали строительство в Залесской земле. До наших дней от этого этапа строительства полностью сохранился собор в Переяславле-Залесском и почти полностью церковь Бориса и Глеба в Кидекше — княжеской резиденции близ Суздаля. Оба они построены в прекрасной белокаменной технике; стены расчленены плоскими лопатками, декоративные элементы применены в очень ограниченном коли-

честве. Полное совпадение планов этих храмов с планами галицких церквей (в Перемышле, Звенигороде и Галиче) дает основания утверждать, что их строили те же мастера. Более того, декоративные детали верхних частей здания совершенно идентичны таким же деталям, находимым при раскопках галицких храмов.

Таким образом, в Северо-Восточную Русь были полностью перенесены типы и формы сооружений, сложившихся до этого в Галицкой земле. В соборе Переславля-Залесского по фасадам на середине их высоты проходит уступ, благодаря которому верхние части стен имеют несколько меньшую толщину, чем нижние. В церкви Бориса и Глеба вместо такого уступа размещен аркатурный пояс: это была церковь княжеской резиденции и ее, естественно, сделали более нарядной.

За неполные 10 лет в Северо-Восточной Руси были возведены четыре каменных церкви. Очевидно, что приехавшая из Галича группа мастеров смогла быстро подготовить здесь квалифицированных помощников и создать сильную строительную организацию.

В конце 50-х гг. XII в. происходит резкое усиление строительной деятельности. Князь Андрей Боголюбский перенес столицу из Суздаля во Владимир и начал энергично обстраивать этот город. Значительное усиление политической роли княжества в общерусских делах вызывало необходимость в строительстве гораздо более крупных и торжественных сооружений, которые самим своим обликом свидетельствовали бы о могуществе владимирского князя, диктовавшего свою волю большинству князей других русских земель, в том числе и самого Киева. Сложившаяся здесь строительная артель ни по размаху своей деятельности, ни по пышности возводимых построек, видимо, не могла удовлетворить таким требованиям. И князь Андрей Боголюбский в дополнение к имеющимся мастерам пригласил новых зодчих. Их прислал император Фридрих Барбаросса. Мастера эти происходили, видимо, из Южной Германии или Северной Италии. Так, в Северо-Восточной Руси в 60-х гг. XII в. сложилась сильная строительная организация, в которой совместно работали западноевропейские, галицкие и местные мастера. Именно в это время владими́ро-суздальское зодчество достигло своего расцвета.

Наиболее крупным объектом строительства был городской собор Владимира — Успенский (возведен в 1158—1160 гг.). В конце XII в. он был перестроен, но первоначальный его облик выявляется без особого труда. Общие типологические черты этого собора несомненно совпадают с принятыми на Руси: очевидно, приехавшие мастера должны были считаться с требованиями заказчика, не желавших отступления от освященных уже вековой традицией образцов. Успенский собор представлял собой шестистолпный одноглавый храм с крестовокупольной системой сводов и по закомарным завершением фасадов. В этом отношении он был близок киевским памятникам зодчества, например, Кирилловской церкви. В то же время, белокаменная кладка и все архитектурные детали здания выдавали их романское происхождение. Украшенные резьбой перспективные порталы, тонкие колонки на наружных пилястрах, аркатурно-колончатый пояс, проходящий по фасадам и апсидам, резные детали — все это совершенно преобразило характер здания. Даже в интерьере в основание арок были вложены камни с рельефными изображениями львов. Собор имел торжественно-величавый облик.

Неподалеку от Владимира была создана новая княжеская резиденция — городок Боголюбый* (1158—1165 гг.). Роскошно обстроенная резиденция была окружена каменными стенами, стоящими на земляных валах. В настоящее время от построек этого замечательного ансамбля сохранились только лестничная башня и переход, ведущий из помещения на втором этаже этой башни на хоры княжеского собора. Сам собор еще в XVIII в. был разрушен и заменен новым зданием, а остальные сооружения уничтожены. Тем не менее, проведенные здесь археологические исследования позволили в значительной мере выяснить и даже графически реконструировать первоначальный характер ансамбля.

Центром ансамбля являлся собор Рождества Богородицы. Он был четырехстолпным, одноглавым. Сложная профилировка его пилястр, по которым проходили тонкие полуколонки, придавала фасадам здания пластичность. Собор имел великолепную отделку, его перспективные порталы

* Ныне с. Боголюбове Владимирской области.

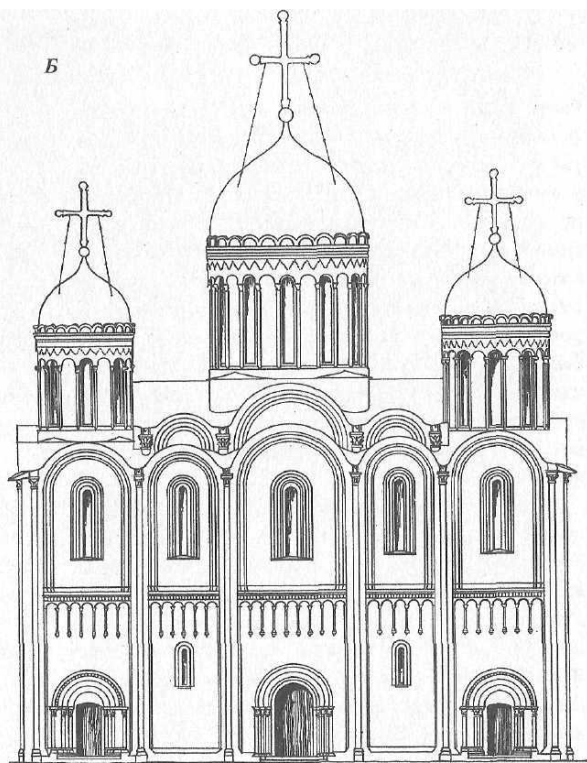
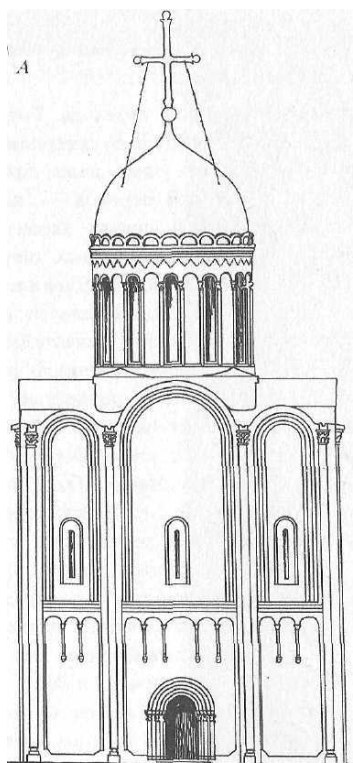
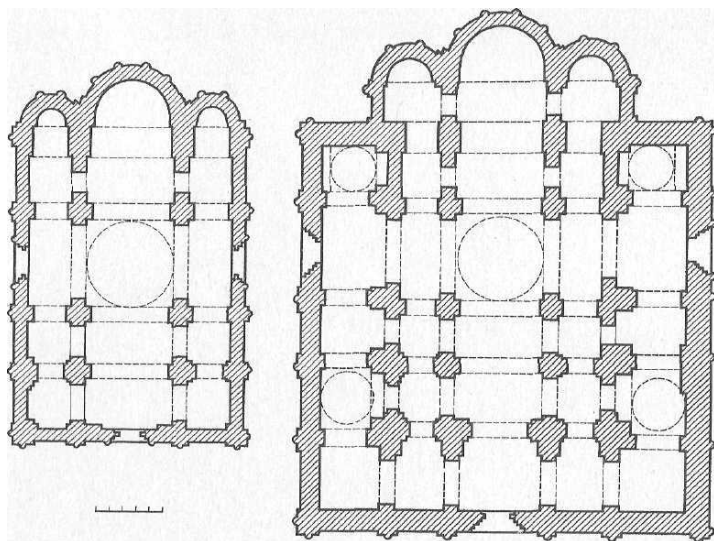
Владимир. Успенский
собор.
Планы первоначального
собора и после пере-
стройки.

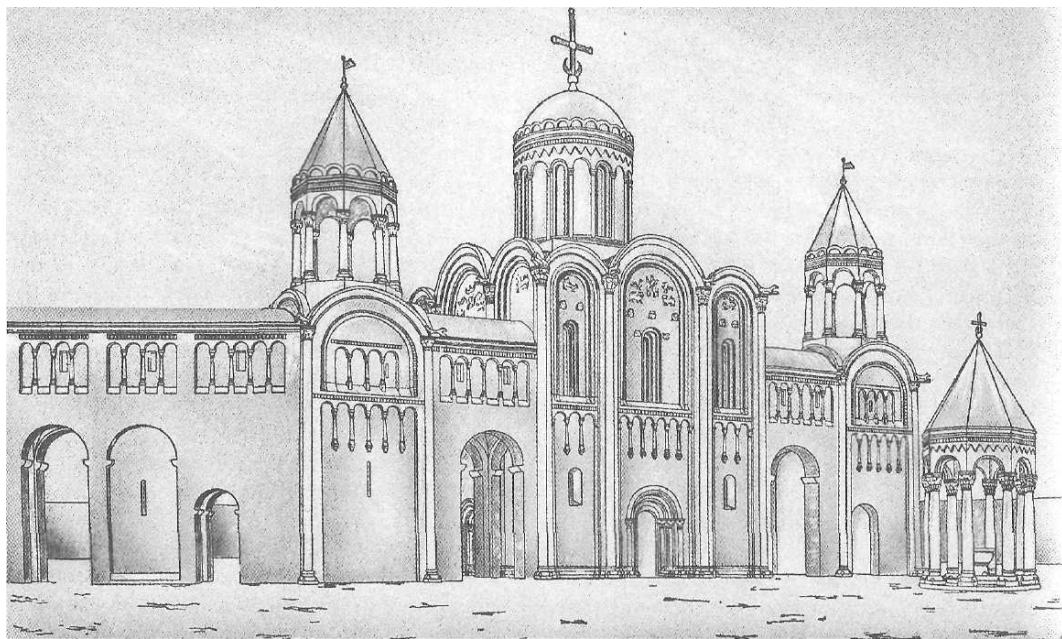
Западный фасад.
А — до перестройки,
Б — после перестройки.

Vladimir. Cathedral
of the Dormition
(Uspensky).

The original plan
and the plan after recon-
struction.

The West facade
a — original view;
b — view after recon-
struction.

были обиты золоченой медью, а пол покрыт полированными медными плитами. Подкупольные опоры собора представляли собой круглые колонны, увенчанные резными капителями. С хор собора по переходу можно было попасть на лестничную башню, а оттуда далее по второму переходу — в княжеский дворец, от которого, к сожалению, не сохранилось даже следов. В противоположную сторону с хор собора также по переходу можно было выйти на крепостные стены, откуда открывался вид на пойму Клязьмы. Площадь перед собором была вымощена каменными плитами, а в ее центре возвышалась каменная сень над водосвятной чашей.

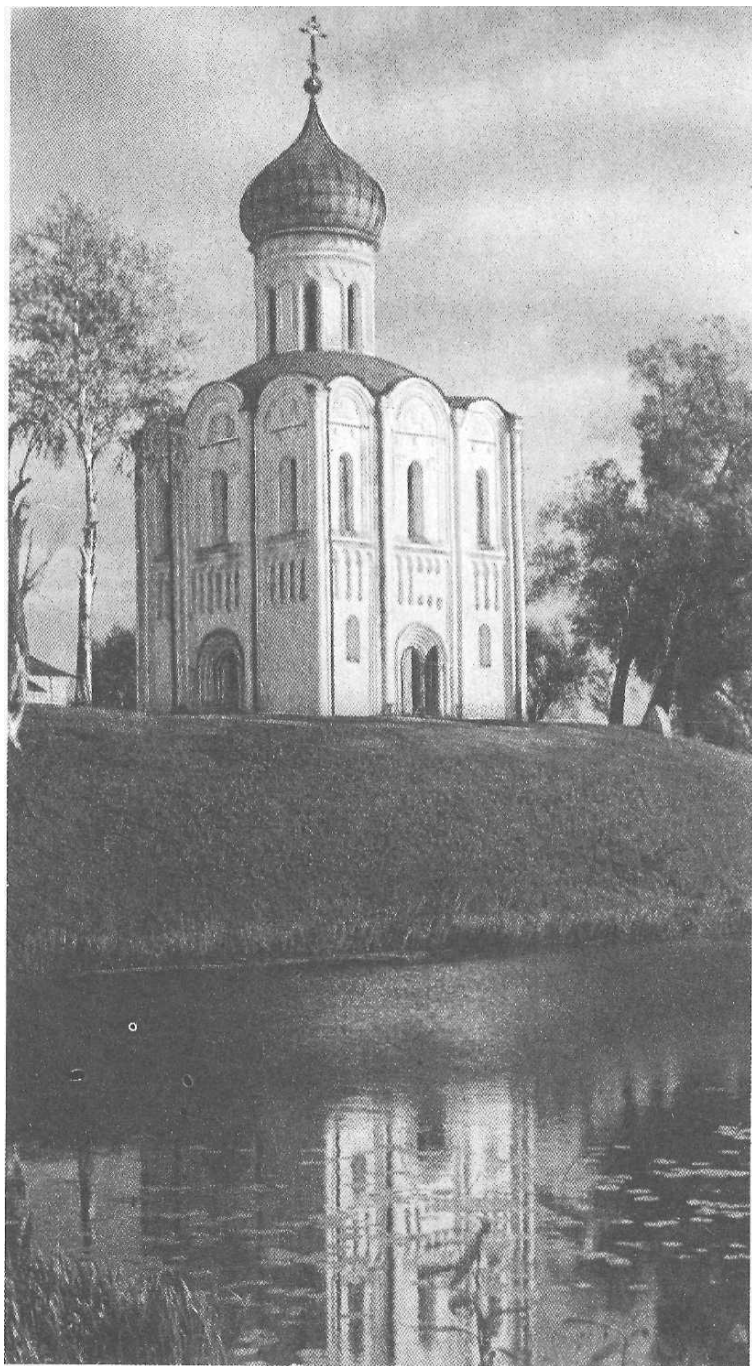
В Древней Руси существовал чрезвычайно своеобразный строительный прием — заканчивая строительство каждого объекта, мастера завершали его отделкой всех фасадных поверхностей, даже в том случае, если знали, что фасад будет тотчас же прикрыт при постройке следующего объекта. Вследствие этого северная стена боголюбовского собора была полностью закончена, включая выполнение аркатурно-колончатого пояса, который был

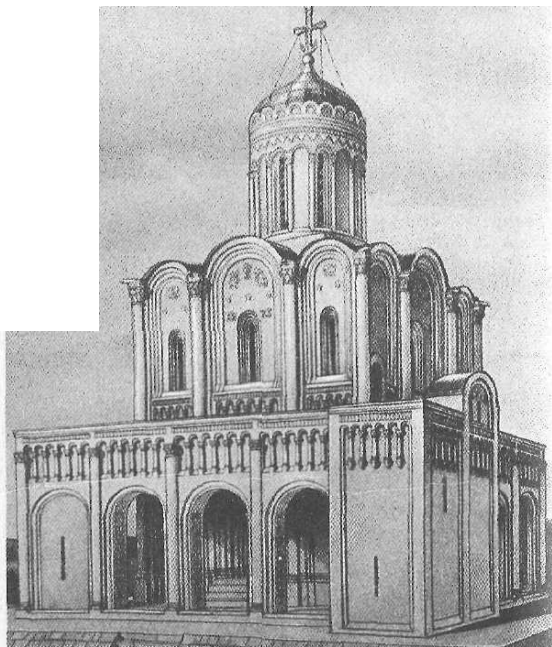
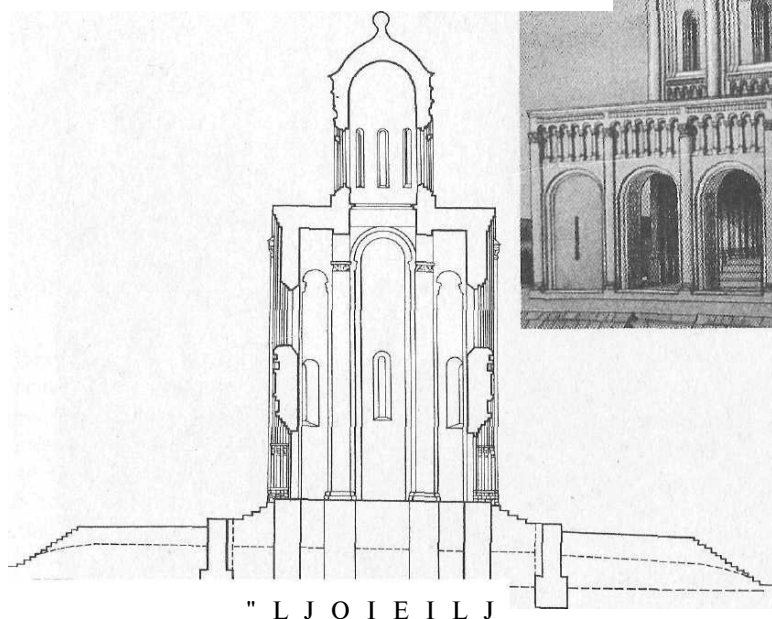
тут же закрыт постройкой перехода. Точно также аркатурный пояс проходит и по северному фасаду лестничной башни, хотя здесь даже сохранилась дверь, ведущая на второй переход — ко дворцу. Подобный строительный прием, характерный и для других русских архитектурных школ, часто смущал исследователей. Так, долго держалось ошибочное мнение, что наружные галереи киевского Софийского собора построены значительно позже основного ядра. Это мнение возникло в связи с тем, что они примыкают к полностью отделанным фасадам внутренних галерей.

Приблизительно в 1 км от Боголюбова, при впадении в Клязьму р. Нерли, была построена церковь Покрова (1166 г.). Здесь корабли поворачивали к княжеской резиденции и церковь служила как бы выдвинутым вперед элементом репрезентативного ансамбля, его предвратным монументом. Задача, поставленная перед зодчим, была сложной, поскольку намеченное для постройки место лежит в заливаемой пойме. Поэтому зодчий, заложив фундамент, возвел на нем каменный цоколь высотой почти 4 м и, засыпав землей,

Воголобово. Ансамбль
резиденции.
Реконструкция
Н. И. Воронина.
Bogolubovo. Residence.
Reconstruction
after N. N. Voronin.

Воголобово. Церковь
Покрова на Нерли.
Bogolubovo. Church
of the Intercession
of the Virgin on the
Nerl (Pokrova
na Nerly).

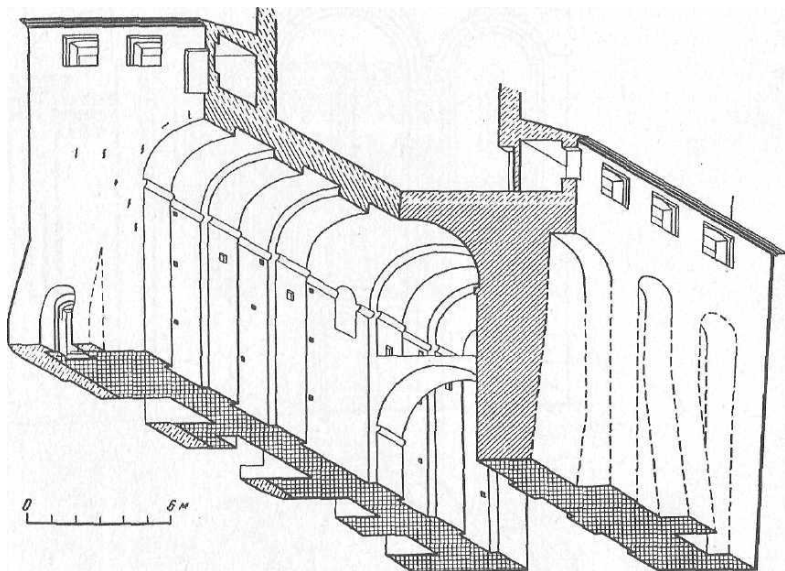
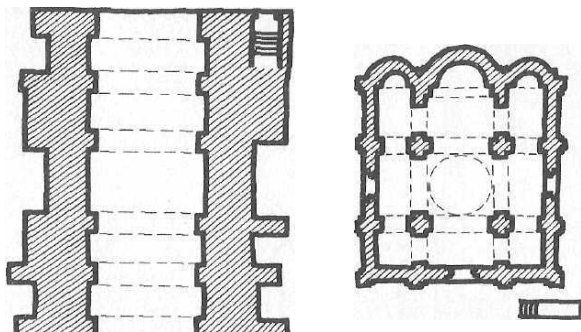
Боголюбове. Церковь
Покрова на Нерли.
Разрез. Реконструкция
Н. Н. Воронина.

Bogolubovo. Church
of the Intercession of the
Virgin on the Nerl
(Pokrova na Nerly).
Cross-section.
Reconstruction
after N. N. Voronin.

превратил его в искусственный холм, облицованный каменными плитами. На этом холме, как на пьедестале, и была воздвигнута церковь. Храм, небольшой по размеру, четырехстолпный, с примыкавшими с трех сторон галереями. В одной из стен галереи размещалась лестница для подъема на хоры. Галереи не сохранились, и их формы в настоящее время могут быть графически реконструированы лишь очень приблизительно. Но даже лишенная галерей, церковь Покрова на Нерли кажется вполне законченным сооружением и производит на зрителей неизгладимое впечатление.

Этот памятник зодчества — один из шедевров не только русской, но и мировой архитектуры. Сложная и рельефная профилировка пилястр придает зданию почти скульптурную выразительность. По высоте церковь разделена на две части аркатурно-колончатый поясом, колонки которого опираются на резные кронштейны. Ниже этого пояса стены гладкие, а выше размещены скульптурные вставки. Резьба украшает капители колонок на пилястрах, а также капители и архивольты, т. е. обрамления арок перспективных порталов.

Владимир. Золотые
ворота. План. Разрез.
По Г. Ф. Корзухиной.
Vladimir. The Golden
Gate. Plan. Cross-section
after G. F. Korzhukina.

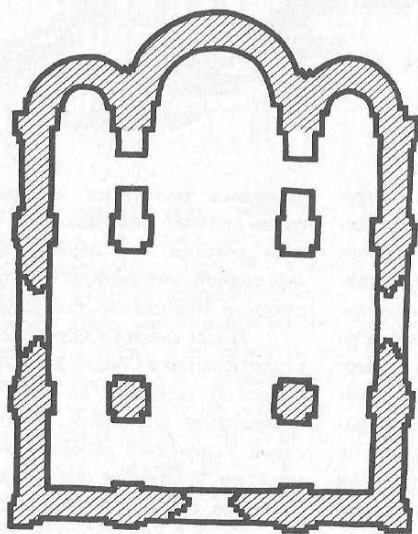
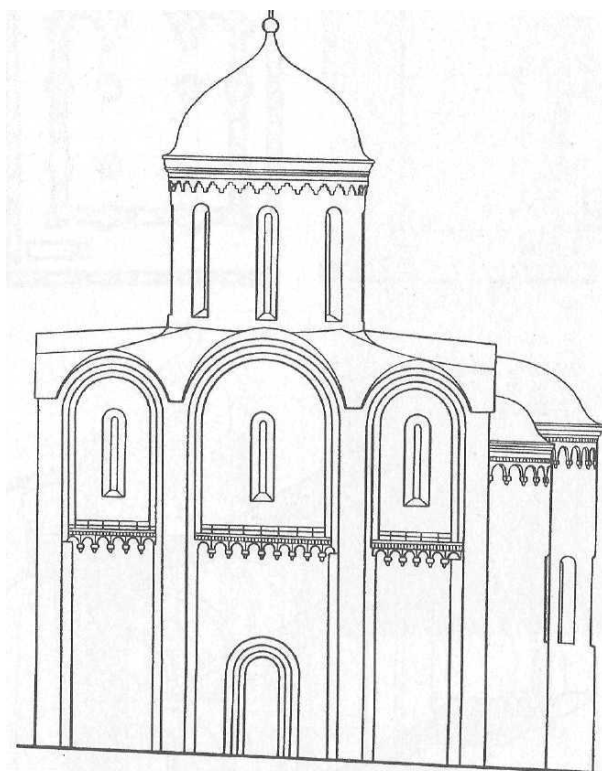
Город Владимир был в эти же годы укреплен строительством мощных земляных валов с деревянными стенами на них. Главные ворота города — Золотые — были каменными и представляли собой белокаменную башню, прорезанную воротным проездом. В одном из пилонов этой башни имелась лестница для подъема в надвратную церковь. В настоящее время ворота сильно перестроены, и от первоначального сооружения сохранился лишь кубический массив башни. Однако по сохранившимся чертежам XVIII в., исполненным до их перестройки, видно, что над воротами воз-

вышалась маленькая четырехстолпная церковь, очень скромно оформленная. Судя по архитектурным деталям, эту церковь возводил тот галицкий зодчий, который до того строил церковь в Кидекше и Переславле-Залесском.

После смерти Андрея Боголюбского (1174 г.) строительство в Северо-Восточной Руси приостановилось до середины 80-х гг., когда началось восстановление пострадавшего от пожара владимирского Успенского собора. Очевидно, к этому времени во Владимире уже перестали работать как галицкие, так и мастера, присланные Барбароссой.

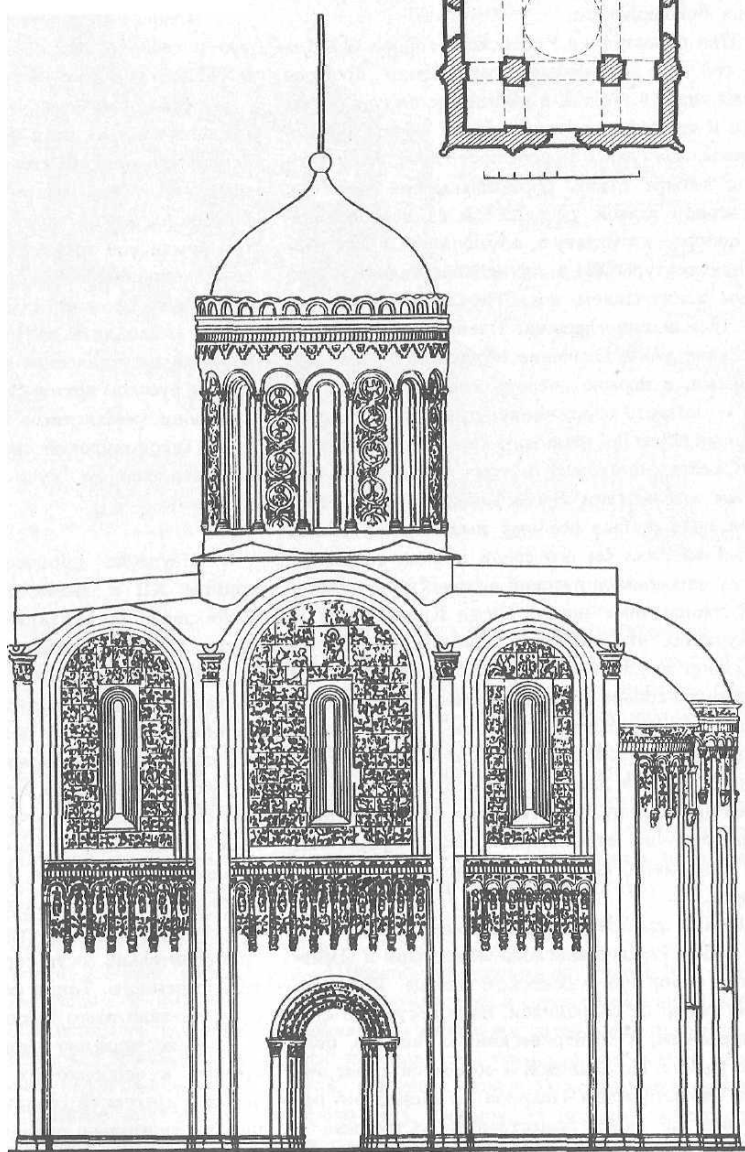
Кидекша.
Церковь Бориса и Глеба.
Южный фасад. План.

Kideksha. Church
of Boris and Gleb.
The South facade.
Plan.

Владимир. Дмитриевский
 собор.
 Южный фасад. План.
 Vladimir. Cathedral
 of St. Dmitry
 (Dimitriyevsky).
 The South facade.
 Plan.

Об этом говорят некоторые стилистические изменения, а также и прямые свидетельства летописи, отметившей, что при восстановлении Успенского собора епископ уже «не ища мастеров от немец». Видимо, теперь строительство вели местные зодчие, воспитанные на постройках эпохи Андрея Боголюбского.

При перестройке Успенского собора (1185—1189 гг.) его наружные стены были пробиты и превращены в столбы, а здание расширено с трех сторон и трансформировано таким образом в пятиглавое. На углах новой постройки были возведены четыре главы, образовавшие вместе с центральной главой, оставшейся от первоначального собора, пятиглавую композицию. Для русской архитектуры XII в. пятиглавие является редчайшим исключением, поскольку все церкви в ту пору строили одноглавыми. Очевидно, что в данном случае это исключение объясняется особыми причинами, в первую очередь идеологической задачей — создать сооружение, выражающее архитектурный образ центрального храма Владимиро-княжества, ставшего к тому времени самым сильным княжеством Руси. Главный собор Владимира должен был поэтому иметь такой облик, который выделял бы его среди прочих современных ему памятников русской архитектуры и напоминал грандиозные здания эпохи Киевской Руси. Не случайно, что именно владимирский Успенский собор в конце XV в. послужил образцом для главного собора Москвы и именно тогда, когда окрепло русское централизованное государство.

Перестроенный владимирский Успенский собор по формам и даже деталям близок к первоначальному собору, но гораздо величественнее и торжественнее его. Стены собора оформлены очень сдержанно, скульптурный декор почти отсутствует.

В 90-х гг. XII в. во Владимире были построены собор Рождественского монастыря и Дмитриевский собор при княжеском дворце. Рождественский собор не сохранился, но известен по старым чертежам, а Дмитриевский, к счастью, полностью уцелел. По плановой и объемной схеме эти здания близки церкви Покрова на Нерли, но отличия все же очень существенные. Стройные и женственно-изящные формы церкви Покрова сменялись в них торжественной уравновешенностью.

Особенно пышным является убранство Дмитриевского собора, в котором аркатурно-колончатый пояс и стены выше этого пояса богато декорированы скульптурной резьбой. Резьба также покрывает не только перспективные порталы, но и барабан купола.

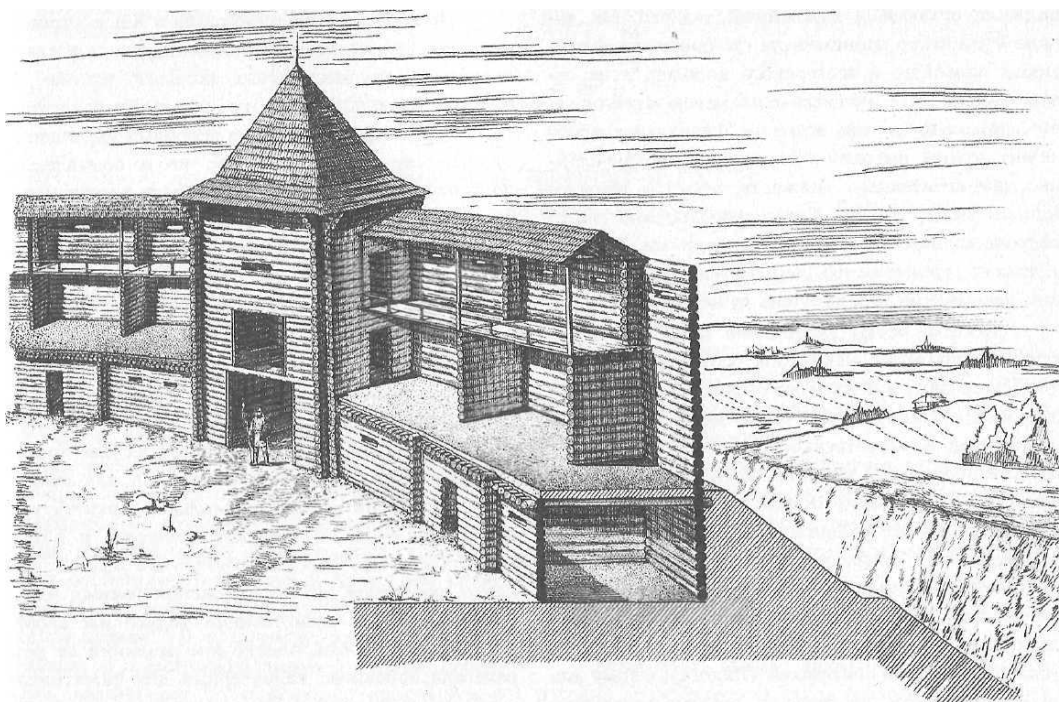
Старинные рисунки свидетельствуют о том, что первоначально к собору примыкали галереи и башни, уничтоженные в начале XIX в.

Органическое сочетание традиционных форм киевского зодчества с формами галицкой и западноевропейской архитектуры создали неповторимый облик владими́ро-суздальских памятников. Иногда эту архитектуру называли русским вариантом романской архитектуры, но такое определение совершенно неправомерно. Композиционные и конструктивные основы, сам тип сооружений здесь целиком восходят к архитектуре Киева, и поэтому владими́ро-суздальское зодчество, несомненно, является русской архитектурной школой, хотя и насыщенной романскими элементами.

Таков широкий спектр архитектурных школ, сложившихся на Руси в XII в.

Изучение процесса строительного производства XII в. выявило специфический «артельный» способ организации строителей. В настоящее время удалось установить приблизительную численность древнерусской строительной артели, ее состав по специальностям, сроки возведения сооружений, восстановить в общих чертах процесс строительства — от заготовок строительных материалов до окончательной отделки здания. На основании строительно-технических особенностей оказалось возможным различать «почерк» отдельных строительных артелей, групп каменщиков, плинфотворителей, а порой и индивидуальный почерк зодчих. Выяснилось, что артелей, которые могли самостоятельно вести строительство, было сравнительно немного. Так, в середине XII в. их на Руси существовало всего шесть.

Сопоставление деятельности строительных артелей и особенно их передвижения из одной земли в другую со сведениями письменных источников убедительно свидетельствует, что строители были тесно связаны с княжескими дворами. Только в Новгороде со второй половины XII в. появи-

Оборонительная стена,
конструктивно соединен-
ная с жилыми и хозяйст-
венными помещениями.
Реконструкция
П.А. Ратнопорта.

*The defence wall
and its connection
to the living quarters
and the farmstead.
Reconstruction
after P. A. Rappoport.*

лись свободные городские мастера-строители, работавшие «на рынок» — по заказам новгородских бояр и местных церковных властей. Во всех остальных землях передвижения строителей по древнерусским землям всегда были связаны с междукняжескими отношениями, военными союзами, династическими браками. Вследствие этого развитие русской архитектуры того времени хорошо отражает политическую обстановку и политические группировки Руси. В тех регионах, где политические и церковные связи между землями оставались достаточно прочными, сохранялось более или менее единообразное развитие архитектуры. Там же, где связи резко рвались, почти всегда это отражалось и в существенном расхождении путей развития зодчества. Вместе с тем русское

зодчество отражает и идеологические сдвиги, причем не только те идеи, которые господствовали в данном княжестве, но и общерусские.

Как в области разработки художественных форм, так и в организационном, и в строительнотехническом отношении в древнерусском зодчестве наблюдается процесс стремительного развития. Это развитие к концу XII в. привело к существенному скачку, сложению нового этапа в истории русской архитектуры.

Военная обстановка на Руси в XII в. значительно усложнилась: в степях появились половцы, сменившие кочевавших здесь ранее печенегов. Нависок половцев на южнорусские земли в конце XI в. привел к почти катастрофическому положению этих районов. И позднее, когда походы Владимира Мономаха в глубь половецких степей несколько облегчили положение, в течение всего XII в. борьба с половецкими вторжениями про-

должала оставаться важнейшей задачей. На западе Руси часто происходили столкновения с войсками польского и венгерского королей, а на северо-западе — с литовским племенем ятвягов. И что, пожалуй, важнее всего — феодальное дробление страны привело к сложению многочисленных самостоятельных княжеств, зачастую враждовавших между собой. Княжеские усобицы часто сопровождались серьезными сражениями. В таких условиях строительство оборонительных сооружений несомненно играло очень существенную роль.

Тактика осады укреплений продолжала оставаться такой же, какой она сложилась в XI в., т. е. сводилась, в основном, к пассивной осаде — облежанию. Однако армии стали значительно организованнее и, естественно, требовалось усиление средств обороны. В крупных древнерусских городах (Галич, Владимир-Волынский и др.) в XII в. строили все более мощные укрепления — с глубокими рвами и высокими валами, порой состоящими из нескольких параллельных линий. Оборонительные стены, стоящие на валах, по-прежнему сооружали из дерева. Каменные стены являлись исключительными примерами (Ладога), к тому же, часто имевшими не столько военное значение, сколько репрезентативное (Боголюбый).

На всей русской территории в XII в. строили изрядное количество небольших округлых в плане крепостей, расположенных большей частью на плоской местности, т. е. не используя защитных свойств рельефа. Возведение подобных укреплений отвечало не только военным, но и социальным потребностям: как правило, это были укрепленные усадьбы феодалов, т. е. как бы русский эквивалент западно-европейских замков.

Довольно широкое распространение получило и строительство укрепленных поселений типа государственных крепостей, населенных специальным гарнизоном — военными поселенцами. В таких крепостях деревянные клетки конструкции оборонительных валов часто делали пустыми, не засыпанными землей, используя их для хозяйственных нужд гарнизона, а иногда и для жилья.

В отличие от монументальной архитектуры памятники русского военного зодчества в XII в. не расчленились на самостоятельные школы. Конечно, оборонительные сооружения разных районов Руси имели свойственные только им характерные особенности, однако эти различия не затрагивали основных, характерных для памятников всей древнерусской территории военно-тактических и архитектурно-строительных принципов.

IV. ЗОДЧЕСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ конца XII — первой трети XIII в.

Сложение в XII в. различных архитектурных школ не означало, что русская архитектура разделилась на отдельные, совершенно самостоятельные части. Общность русской архитектуры не исчезла, несмотря на многообразие направлений, в которых она стала проявляться. Плановые схемы храмов, их объемные композиции, конструктивные решения и, что самое важное, стилистические особенности памятников более или менее совпадают во всех архитектурных школах Руси. Русские церкви XII в. повсюду, как правило, одноглавы, с крестовокупольной системой перекрытия, лаконичные по объему, со спокойным и статичным обликом. Каковы бы ни были техника кладки и декоративные детали, памятники русского зодчества того времени обладают целым рядом общих признаков, которые отличают их от памятников романского или византийского зодчества и объединяют в понятие «древнерусская архитектура».

Не менее важно и то обстоятельство, что характер эволюции зодчества во всех русских архитектурных школах был по существу единообразен, что особенно явно проявилось к концу XII в., когда наступил новый этап развития зодчества и на Руси сложилось новое архитектурное направление. На смену статичным храмам, увенчанным одной массивной главой, со спокойным ритмом закомар приходят здания со столпообразным постр гением объема, подчеркнутой динамичностью композиции, богатой декоративной разработкой фасадов и, как правило, трехлопастным их завершением. Если в памятниках середины XII в. имело место гармоничное соответствие решения интерьера и экстерьера, то в памятниках нового этапа интерьер оказывается полностью подчинен-

ным композиционному замыслу внешнего облика храма. При этом архитектурные формы порой приобретают чисто декоративный характер и не зависят от конструкции.

Новое направление зодчества проявилось во всех архитектурных школах Руси, причем общие закономерности построения композиции, а главное, архитектурные образы во всех школах были чрезвычайно близкими несмотря на многообразие форм, в которых эта общность получила свое отражение.

Переход к новым формам с большинстве русских архитектурных школ совершился в конце XII или даже начале XIII в., но некоторые черты, подготавливавшие перелом, появились уже во второй половине XII в. Особенно четко это проявилось в зодчестве Полоцкой земли, где разработка новых архитектурных форм привела уже в середине XII в. к созданию такого памятника, как Спасский собор Евфросиньева монастыря. В нем полоцкий зодчий Иван вплотную подошел к решению тех задач, которые в других русских землях получили развитие не ранее 80-х гг. XII в. Несмотря на некоторую непоследовательность архитектурного решения, Спасский собор безусловно является первым памятником, в котором столпообразная композиция объема храма выявлена уже с полной определенностью.

Следует отметить, что в полоцком зодчестве в большей степени, чем в других русских архитектурных школах, удерживались традиции зодчества Киевской Руси, сохранялись связи с живописным стилем киевского зодчества XI — начала XII вв. Последующее развитие киевской архитектуры, связанное с деятельностью переехавшей из Чернигова строительной артели, отмечено

созданием гораздо более статичных по композиции храмов. Влияние киевского зодчества сказывалось не только в тех землях, где архитектура развивалась в русле киевской школы, но проявилось к середине XII в. и в других землях, в частности в Новгороде, а в какой-то степени и во владими́ро-суздальской архитектуре.

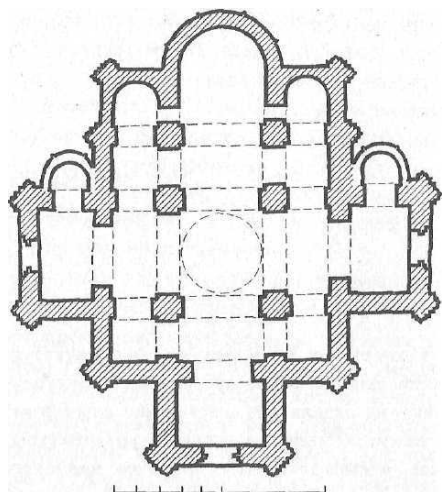
Зодчество же Полоцкой земли, в силу сложившейся политической обстановки, было менее других связано с влиянием форм киевской архитектуры XII в. и ориентировалось главным образом на киевские традиции более ранней поры. Но если в киевском зодчестве XI в. сложная живописная композиция масс еще в значительной степени связывалась с принципами византийского зодчества, то в русской архитектуре конца XII в. это определялось решительным отходом от византийских канонов и сложением самостоятельных форм национальной русской архитектуры.

* * *

Полоцкие мастера первыми в русской архитектуре пришли к созданию композиции, отвечающей новому этапу в развитие русского зодчества. После Спасского собора Евфросиньева монастыря это в еще большей степени отразилось в церкви на детинце. Однако эти новые формы сложились в полоцком зодчестве накануне того момента, когда монументальное строительство в Полоцкой земле вообще полностью прекратилось. И именно в то время новые формы получили развитие и распространение в других строительных центрах Руси.

Так, яркое развитие новое направление получило в Смоленской земле. Вплоть до 80-х гг. XII в. смоленское зодчество развивалось в русле киевской архитектурной школы. Безусловно, в таком сильном архитектурно-строительном центре, как Смоленск, со временем сложились бы свои самостоятельные формы, но, видимо, условия для этого еще не созрели. Между тем старые формы уже перестали удовлетворять художественным вкусам заказчиков, внимание которых привлекли композиционные решения, разработанные в соседнем Полоцке.

Для постройки в конце 80-х — начале 90-х гг. XII в. дворцового храма Архангела Михаила смоленский князь Давид Ростиславич пригласил

полоцкого зодчего. Таким образом, Смоленск как бы пожел плоды того интенсивного процесса архитектурного развития, которое протекало в Полоцке. Но в смоленских храмах можно отметить и существенные нововведения, свидетельствующие о том, что здесь был сделан следующий шаг в разработке нового архитектурного направления. Например, двухступенчатые наружные пилястры усложнены введением тонких полуколонок, что внесло в фасады большое количество дополнительных вертикальных членений, подчеркивающих высоту здания и остроту его пропорций. Другая характерная черта смоленских церквей — отказ от стенок, отделяющих притворы от основного помещения, что позволяло разработать единый интерьер, подчиненный композиции экстерьера. Оба этих нововведения не случайны: они вызваны стремлением зодчих к созданию вертикально устремленных, столпообразных композиций. Естественно, что подобные приемы почти одновременно появились и в других русских архитектурных школах — тонкие колонки на фасадах в киево-черниговской архитектуре, а открытые внутрь храма притворы — во владими́ро-суздальском зодчестве.

Смоленская церковь Архангела Михаила (часто упоминается в литературе под более поздним наименованием — Свирская церковь) сохранилась почти целиком, хотя в значительно пе-

Смоленск. Церковь
Архангела Михаила.
План.
Smolensk. Church
of the Archangel
Michael. Plan.

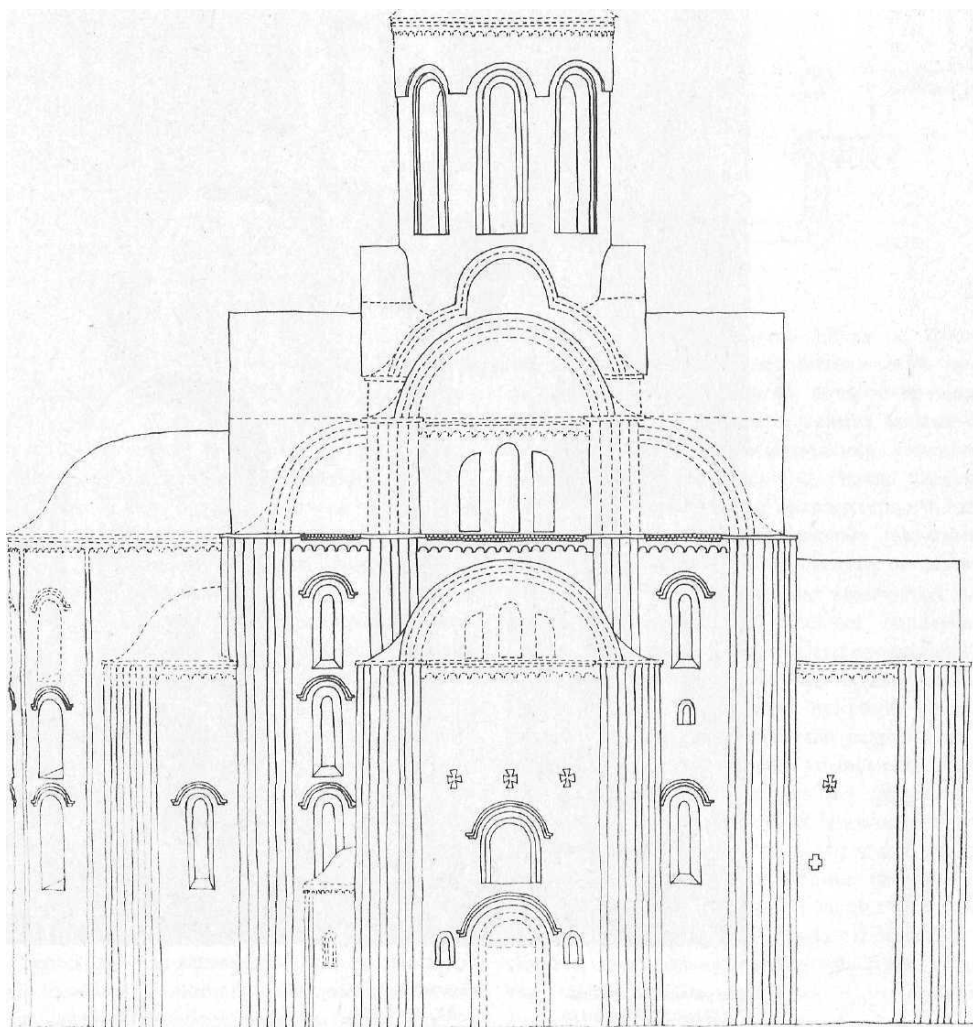

Смоленск. Церковь
Архангела Михаила.
Реконструкция
С. С. Подъяпольского.

Smolensk. Church
of the Archangel
Michael.
Reconstruction after
S. S. Podiyapolsky.

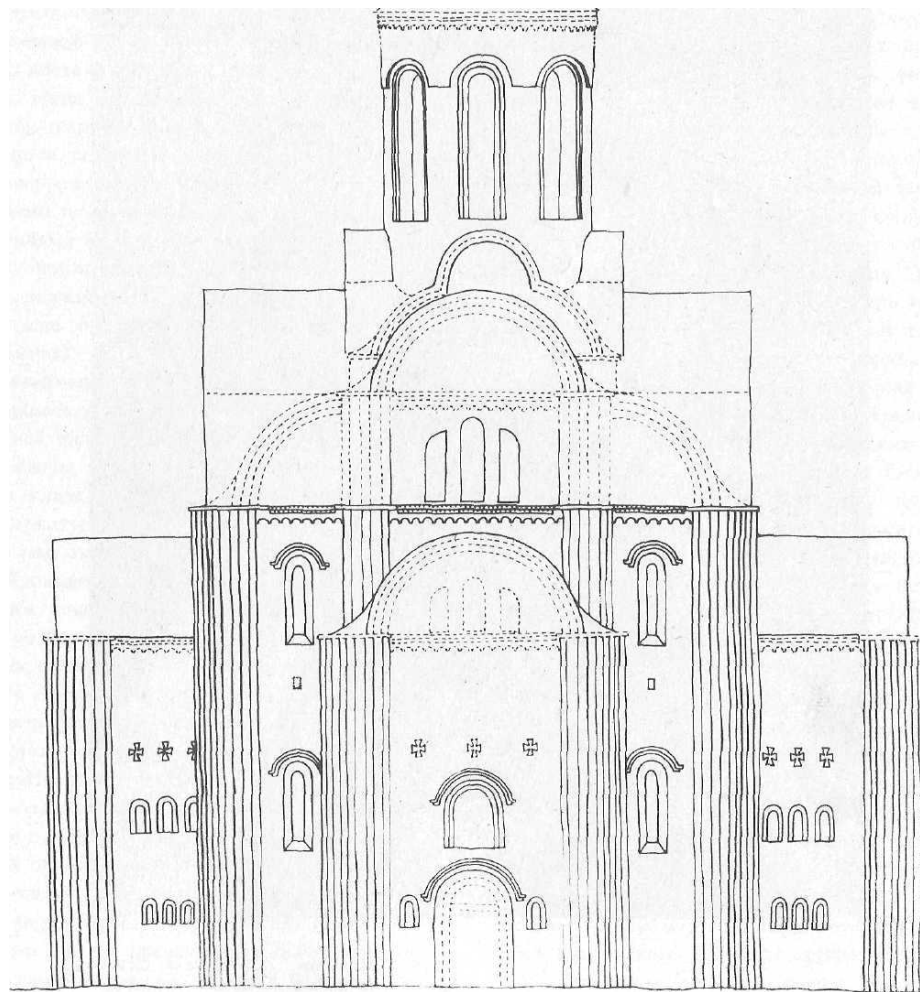
Смоленск. Церковь
Архангела Михаила.
Северный фасад.

Smolensk. Church
of the Archangel
Michael.
The North facade.

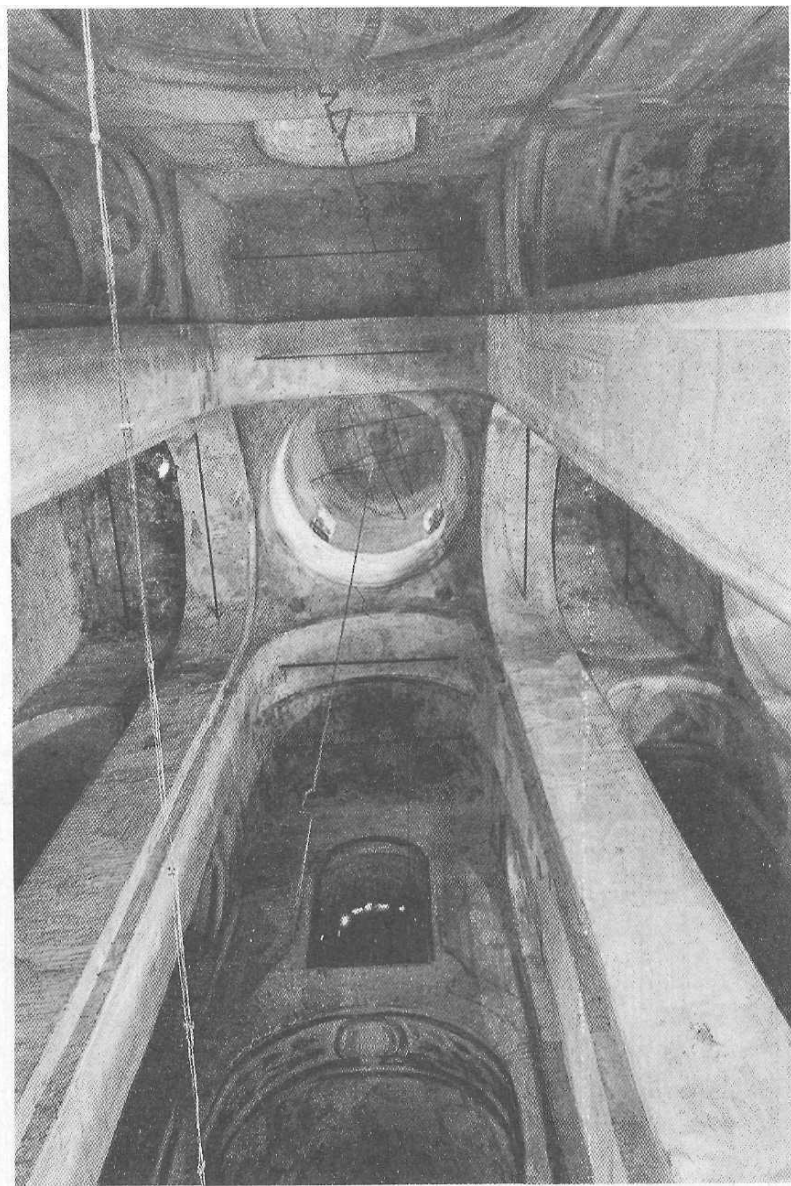

Смоленск. Церковь
Архангела Михаила.
Западный фасад.
Реконструкция
С. С. Подьяпольского.

Smolensk. Church
of the Archangel
Michael.
The West facade.
Reconstruction after
S. S. Podiyapolsky.

Смоленск. Церковь
Архангела
Интерьер. Michael.
Church
of the
Archangel
Michael.
Interior.

рестроенном виде. Ее очень высокий центральный объем завершался не тремя полукруглыми закомарами, как обычно, а лишь одной центральной полукруглой закомарой с примыкающими к ней по сторонам полу закомарами. Такое завершение фасадов вместе с высоким барабаном, поднятым на специальный пьедестал, создавали впечатление стремительного подъема вверх. Это впечатление подкреплялось наличием притворов, менее высоких, чем основной объем храма.

С востока на фасаде выдавалась лишь одна апсида, тогда как боковые были резко понижены и имели снаружи прямоугольную форму. Остро-та силуэта здания подчеркивалась многочисленными вертикальными членениями, создаваемыми сложными пучковыми пилястрами с тонкими полуколонками на них. Пол храма был поднят выше уровня окружающей земли и поэтому перед порталами должны были существовать небольшие лесенки, еще больше подчеркивавшие высотность сооружения.

Изменение завершения фасадов храма сопровождалось изменениями и конструкции: трехлопастной форме завершения отвечали полукоробовые своды в угловых членениях здания. Кирпичная кладка церкви очень нарядна; ее оживляют аркатурные пояски, декоративные ниши, бровки над окнами.

Проведенные в Смоленске археологические раскопки показали, что церковь Архангела Михаила не была здесь уникальным явлением. Раскопками обнаружены остатки еще шести храмов, близких по типу. Некоторые из них имели притворы, подобные тем, что были в церкви Архангела Михаила (собор Троицкого монастыря на Кловке), другие имели только один притвор с запада (Пятницкая церковь) или притвор с запада и маленькие приделы у восточных углов (Спасский собор). В одних имелись галереи (церковь на Малой Рачевке), в других не существовало ни притворов, ни пристроек (Кирилловская церковь). Еще один тип здания представляет собой церковь на Воскресенской горе — это был большой шести-столпный храм с галереями.

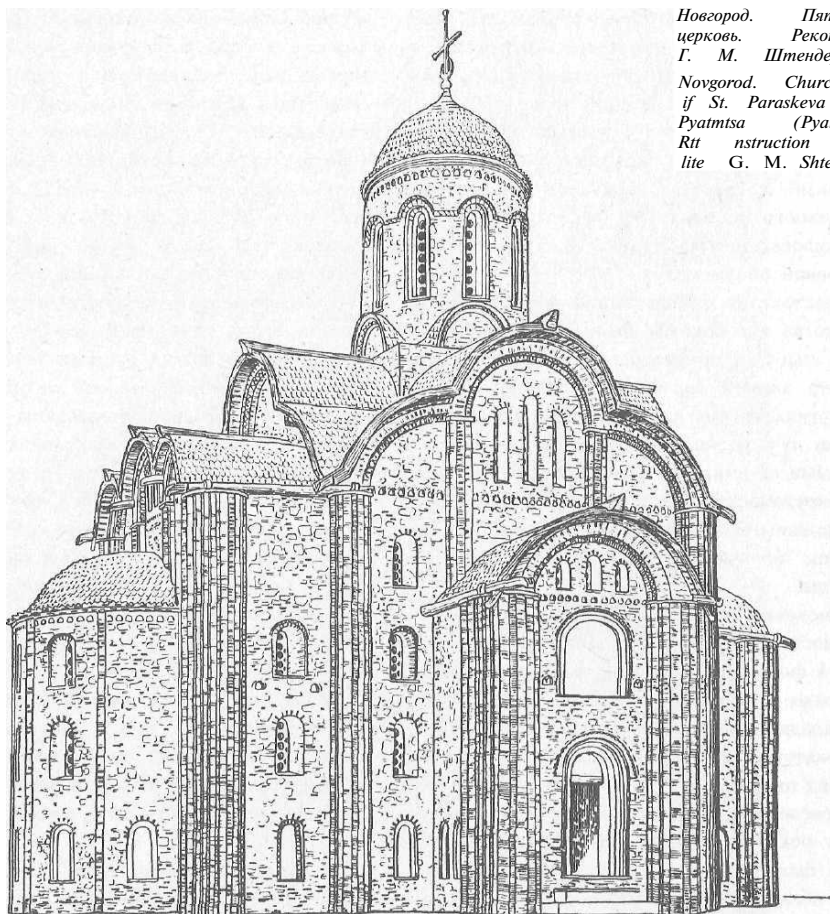
О сходстве композиции всех этих храмов с церковью Архангела Михаила говорят прямоугольные в плане боковые апсиды, поднятый выше уровня земли пол и особенно — наличие слож-

нопрофилированных пучковых пилястр на фасадах. Такие пилястры, создававшие большое количество вертикальных членений по фасадам, были бы бессмысленны в зданиях, не имевших динамической вертикальной устремленности композиции. Таким образом, церковь Архангела Михаила представляет собой не исключительное явление, а, наоборот, типичный, но единственный сохранившийся образец того нового направления в смоленском зодчестве, которое сложилось в 90-х гг. XII в.

Яркость архитектурного облика смоленских храмов этого типа привлекла к ним внимание заказчиков из других русских земель, а наличие достаточно многочисленных и опытных кадров строителей позволило смоленским мастерам осуществить строительство нескольких зданий и вне Смоленской земли. Так, несомненно, смоленскими строителями была возведена Спасская церковь в столице Рязанского княжества (теперь городище Старая Рязань). Вскрытый раскопками план этой церкви близок плану смоленской церкви Архангела Михаила. Очевидно, что смоленские мастера построили и маленькую бесстолпную церковь в Ольгове городке — резиденции рязанских князей. Судя по материалам раскопок, это была квадратная постройка с тремя выступами типа притворов и одной сильно уплощенной апсидой, т. е. как бы бесстолпный и упрощенный вариант того же типа, что и рязанская Спасская церковь.

В Новгороде в 1207 г. смоленский зодчий построил церковь Пятницы на Торгу. Сохранилась только нижняя половина этого храма, в недавние годы тщательно восстановленная в первоначальных формах. План этой церкви представляет собой вариант плана смоленской церкви Архангела Михаила: подкупольные столбы здесь не крещатые, а круглые, боковые приделы не имеют самостоятельных апсид. Изучение строительной техники здания показало, что начинали строительство смоленские каменщики, но вскоре их сменили местные новгородские мастера, хотя зодчий оставался смоленским. Изучение церкви Пятницы на Торгу позволило дать достаточно обоснованную графическую реконструкцию его первоначального облика.

Наконец, даже в Киеве раскопками были вскрыты остатки небольшой церкви (церковь на Вознесенском спуске), имеющей все характерные

Новгород. Пятницкая
церковь. Реконструкция
Г. М. Штендера.

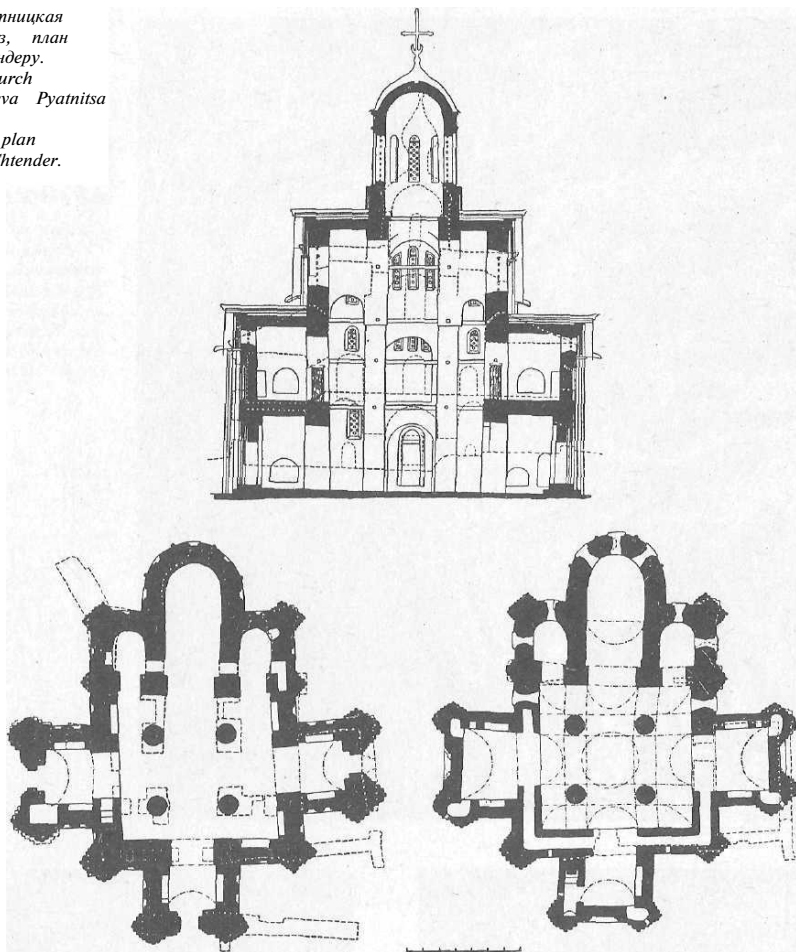
Novgorod. Church
of St. Paraskeva
Pyatmtsa (Pyatnitskaya).
Rit nstruction
lite G. M. Shtender.

особенности смоленской школы. Впрочем, здесь, видимо, работал только смоленский зодчий, поскольку, судя по технике строительства, возводили здание местные каменщики.

Раскопки в Смоленске показали, что с 90-х гг. XII в. местная строительная организация разделилась на две самостоятельные артели. Наряду с главной артелью, которая возвела все вышеперечисленные памятники, параллельно работала вторая, менее мощная артель, возможно, выполнявшая не княжеские, а епископские заказы. Сюда относятся вскрытые раскопками Большой собор на Протоке, церковь на Окопном кладбище

и маленькая церковь на нынешней Большой Краснофлотской улице. Все эти храмы имели очень своеобразные особенности: их апсиды снаружи были прямоугольными, а изнутри имели форму и виде пологой кривой. Профилировка их пилястр менее сложна, чем в храмах, построенных первой артелью, и, кроме того, профилировка началась не с самого низа, а от массивного цоколя в основании здания. Отличия имеются также и в деталях, и даже в строительной технике. Очевидно, артели были созданы таким образом, что включали мастеров, обеспечивавших все этапы строительства.

Новгород. Пятницкая
церковь. Разрез, план
по Г. М. Штендеру.
Novgorod. Church
of St. Paraskeva Pyatnitsa
(Pyatnitskaya).
Cross-section, plan
after G. M. Shtender.

По интенсивности строительной деятельности Смоленск в начале XIII в. вышел на первое место среди архитектурно-строительных центров Руси. В 1230 г. страшная эпидемия, а затем военные события прервали строительство.

И конце XII в. внезапно и ярко проявилась совершенно новая архитектурная школа в древнем Городенском (Гродненском) княжестве. Весьма вероятно, что сюда перешли мастера, работавшие в 70-х гг. XII в. в Луцке, а затем в Турове. С помощью мастеров, пришедших с Волыни, и при

участии полоцких строителей (главным образом плинфотворителей, т. е. формовщиков и обжигальщиков плинфы) здесь сложилась самостоятельная строительная артель.

Строительство в Гродно продолжалось очень недолго — в 80-е и 90-е гг. XII в. За это время построили три храма: Борисоглебская церковь на Коложе (обычно называемая Коложской), так называемая Нижняя церковь на детинце и Пречистенская. Было начато возведение еще одной церкви в небольшом городке Городенского княжества — Волковыске, однако строительство это по каким-то причинам прервалось на стадии

АРХИТЕКТУРНО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
СМОЛЕНСКА

ARCHITECTURAL
AND ARCHEOLOGICAL
STUDY
OF THE OLD RELICS
AND MONUMENTS
OF SMOLENSK.

*Собор на Протоке.
Раскопки западной части
комплекса.
The Cathedral
on the Channel
(na Protoke).
Excavations from
the Western side.*

*Церковь Иоанна
Богослова. Южный
придел, вскрытый
раскопками.*

*Church of John
the Theologian.
The South annex
uncovered during
excavations.*

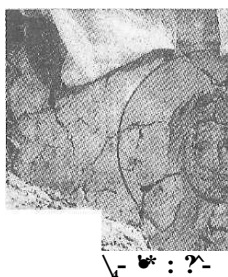
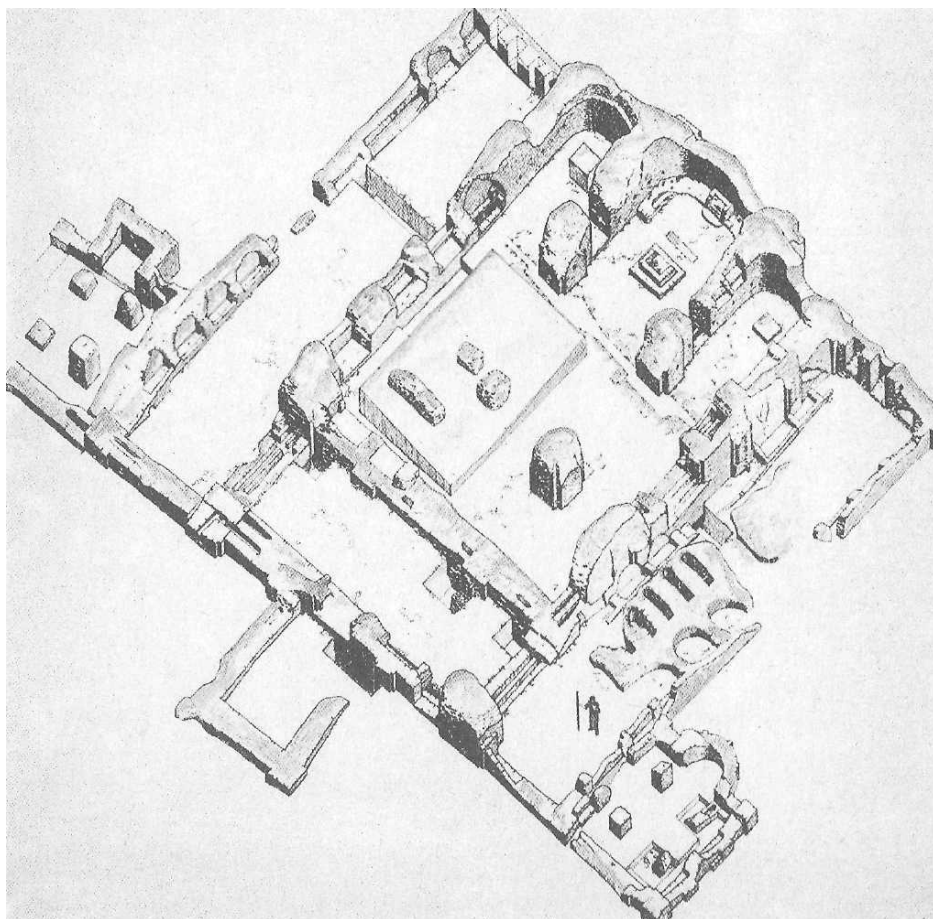

*Собор Троицкого
монастыря на Кловке.
Профилированная
лопатка северной стены,
вскрытая раскопками.*

*Cathedral of the Holy
Trinity Monastery
on the Klovka. Part of
the Northern wall
uncovered during
excavations.*

Собор на Протоке.
Аксометрический
чертеж раскопанного
здания.

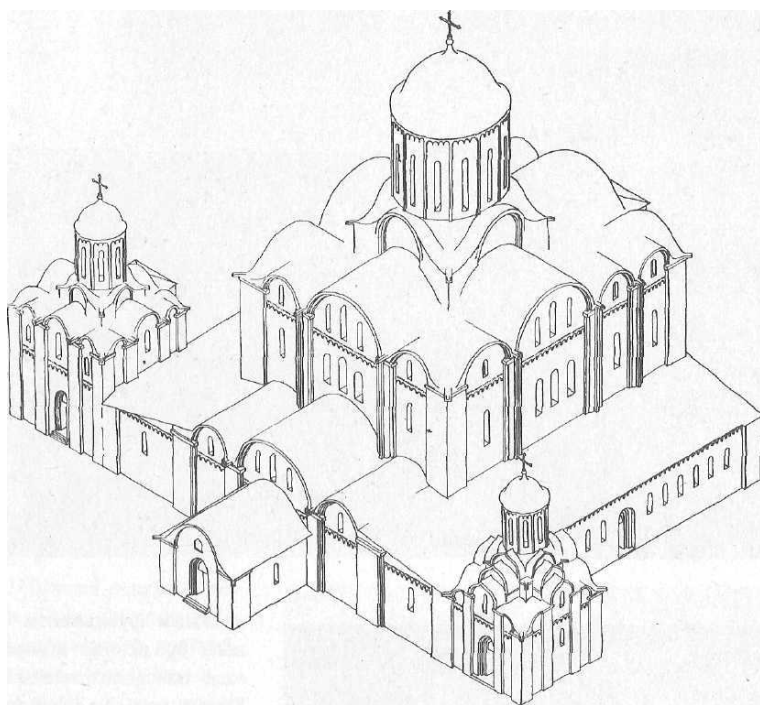
Cathedral on the Channel
(na Protoke). Draught
of the uncovered
building.

Начало раскрытия из-под
завала земли фрески с
изображением Параске-
вы-Пятницы.

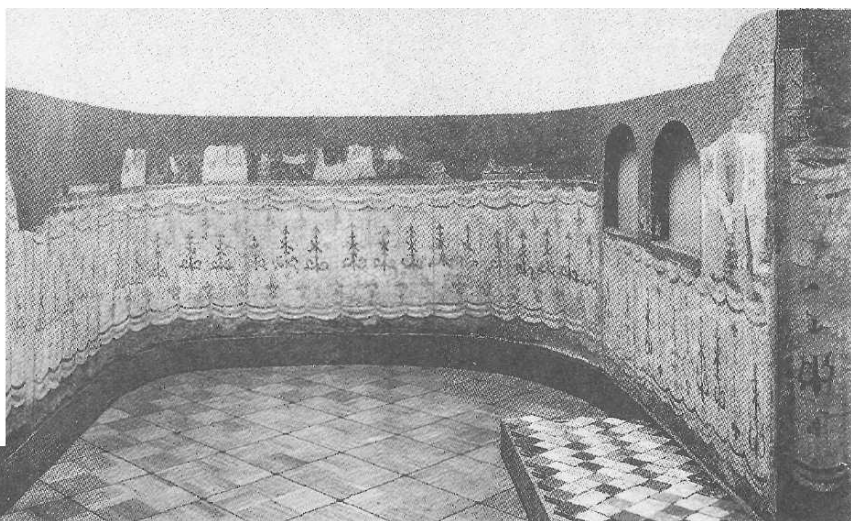
Uncovering fresco
of St. Paraskeva Pyatnitsa
from under the earth.

Собор на Протоке.
Реконструкция
П. А. Раммпорт.
Cathedral on the Channel
(na Protoke).
Reconstruction
after P. A. Rappoport.

Фрески подкупольного
столба.
Frescoes at the vaulted
pillar.
Подготовка к снятию со
стен фресок жертвенника.
Preparations to remove
frescoes from
the walls of the altar.

f •

закладки фундамента, и раскопками здесь выявлена брошенная строительная площадка с запасами неиспользованных строительных материалов. Кроме того, на детинце в Гродно был построен терем княжеского дворца и кирпичная оборонительная стена по периметру детинца.

Коложская церковь сохранилась на высоту до основания сводов, но южная стена ее отсутствует, так как обрушилась в Неман. Вскрытая раскопками Нижняя церковь уцелела на высоту 2—3 м, а от Пречистенской церкви сохранился только фундамент. Терем также частично уничтожен при строительстве крепости в более позднее время, но уцелевшие участки его стен имеют высоту до 2 м.

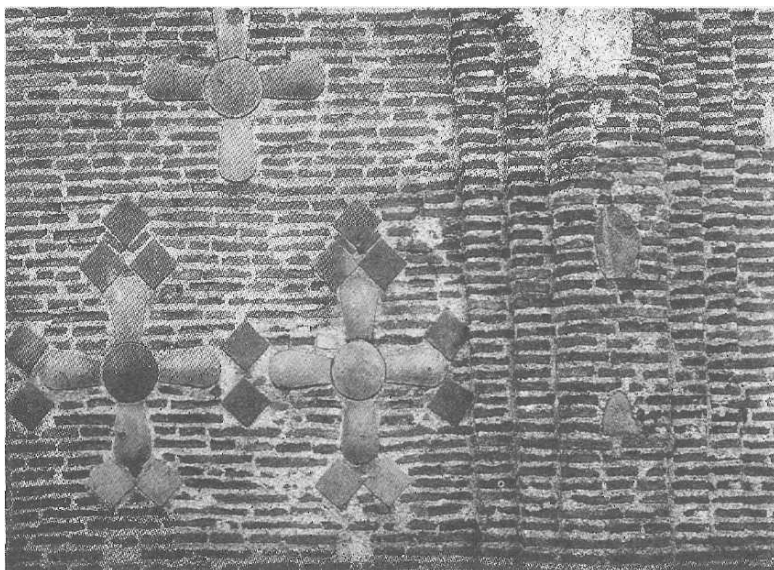
Все гродненские архитектурные памятники возведены из плинфы в равностойной технике, выдающей киевско-волынское происхождение их мастеров. Эти памятники зодчества обладают совершенно необычной системой декора: их фасады украшены вставками крупных цветных камней, шлифованных с наружной поверхности. Синеватая, зеленоватая и красная поверхность камней создавала яркие пятна, контрастирующие с кирпичной фактурой стен. Кроме того, в стены были вставлены многочисленные поливные керамические плитки, образующие кресты или иные узоры.

Фрески жертвенника и
фреска с изображением
Параскевы-Пятницы
в экспозиции
Государственного
Эрмитажа.

*Frescoes from the altar
and St. Paraskeva
Pyatnitsa at
the Hermitage museum.*

Гродно.
Коложская церковь.
Фрагмент фасада.
Деталь апсиды.

*Grodno.
Church in Kolozh.
Fragment of the facade.
Detail of the apse.*

Помимо этого в стены Нижней церкви вставлены еще и поливные блюда. Такая система декоративного убранства делает гродненские иконостасы исключительно живописными и нарядными.

Полы в гродненских храмах были устланы поливными керамическими плитками, причем не только квадратными, но и фигурными, позволявшими набирать различные рисунки. От пола Нижней церкви сохранились настолько значительные участки, что оказалось возможным исполнить его графическую реконструкцию.

Интерьеры гродненских храмов не имели росписи. Не рассчитанные на роспись внутренние поверхности были своеобразно оформлены в виде многочисленных сосудов-голосников, расположенных в определенном порядке и создававших декоративный эффект. Следует отметить, что в других архитектурных школах Руси голосники использовались в основном для облегчения веса сводов и лишь частично выходили отверстиями внутрь помещения (обычно в парусах, под барабаном), что способствовало улучшению акустики.

Нижняя церковь в Гродно и церковь в Волковыске очень близки по плановой схеме: обе они представляют собой шестистолпные храмы с одной апсидой и плоскими наружными лопатками. Крайне уплощенная форма апсиды указывает на то,

В

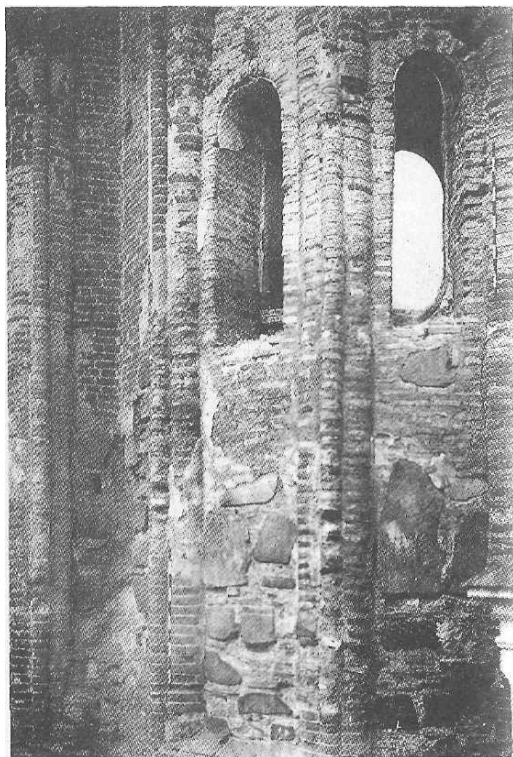
Щ

что боковые восточные членения были пониженными. Подобное решение в сочетании с переносом подкупольного пространства на западные пары столбов свидетельствует о том, что храмы имели повышенную центральную часть, т. е., видимо, были столпообразными по композиции объема.

Пречистенская церковь совпадала с Нижней по всем элементам плана, но отличалась тем, что ее апсида была не округлой, а прямоугольной. В Нижней церкви в юго-западном углу размещалась лестница на хоры, выделенная полукруглой стенкой, а в волковысской церкви к юго-западному ее углу снаружи примыкала квадратная башня, очевидно, лестничная. Иной характер Коложской церкви: здесь столбы имели круглую форму, подкупольное пространство, как обычно, занимало положение на восточных, а не на западных, парах столбов, у церкви были не одна, а три апсиды. Наружные пилястры церкви — двухступенчатые со скругленными углами.

Никаких следов романского влияния в гродненской архитектуре не имеется, несмотря на пограничное положение этого города. Обращает на себя внимание исключительная быстрота, с которой сложилась эта архитектурная школа, что, по-видимому, говорит о ведущей роли какого-то очень талантливого и самобытного зодчего. Возможно, что в полихромном убранстве архитектурных памятников Гродно отразились народные художественные вкусы, чему могла способствовать и оторванность от Киева.

В Киевской земле первым памятником зодчества нового направления была церковь Апостолов в Белгороде (1194—1197 гг.). Вскрытые раскопками остатки церкви показали, что это был довольно крупный шестистолпный храм с тремя апсидами. Очень широкая расстановка столбов, расширения фундаментов под угловыми пилястрами и наличие многочисленных лекальных кирпичей говорят о том, что здание имело повышенную центральную часть и сложную профилировку на фасадах. Раскопки показали также, что в стены храма снаружи были вмонтированы поливные керамические плитки. Интерьер церкви был расписан фресками, прием обнаружены и необычные фрески с золотым фоном. Все эти признаки не остав-

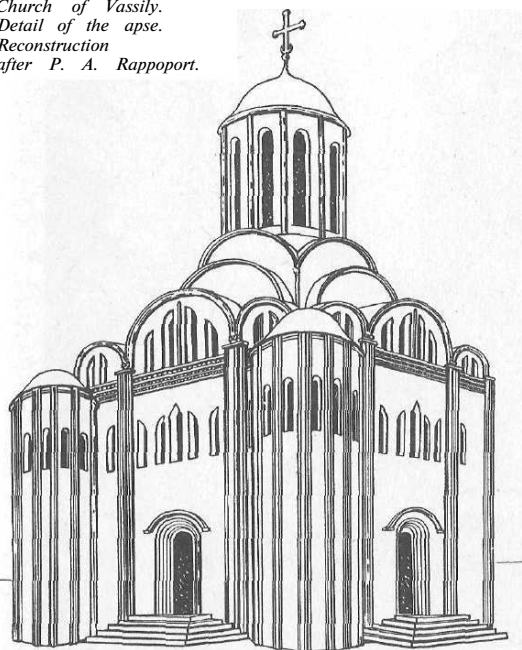
ляют сомнений в том, что церковь Апостолов относилась уже к новому этапу развития русского зодчества. Построена она была по заказу Юрика Ростиславича — с 1194 г. киевского князя.

Одновременно с церковью Апостолов в Киеве была построена церковь Василия на Новом дворе князя Рюрика. Остатками этой церкви, видимо, и являются те руины, которые вскрыты раскопками в Киеве на Вознесенском спуске. Судя по форме плана и профилировке пилястр, строительством этой церкви руководил смоленский зодчий. В эти же годы князь Рюрик передал часть своих строителей во Владимир князю Всеволоду Большое Гнездо. Эти мастера перенесли во Владимиро-Суздальскую землю киевскую технику плинфяного строительства.

Через несколько лет была возведена церковь Василия в Овруче — III в. и патрональная церковь князя Рюрика (Оурви Гъ > его личной вотчиной, а сам Рюрик к крещению СIII.I Насилием).

Овруч. Церковь Василия.
Деталь апсиды.
Реконструкция
П. А. Ратнопорт.

Ovrutch.
Church of Vassily.
Detail of the apse.
Reconstruction
after P. A. Rappoport.

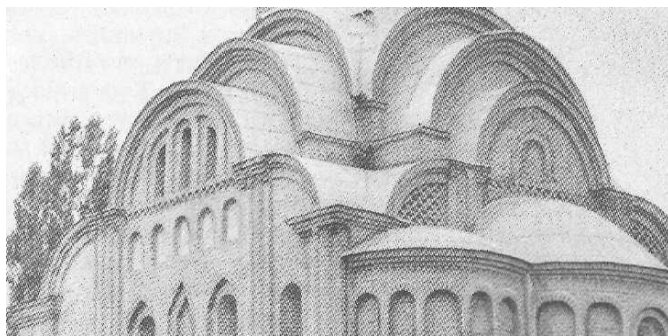
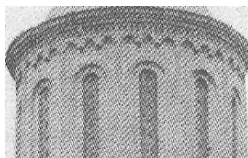
Стены овручской церкви сохранились почти до основания сводов, и в 1909 г. здание было восстановлено. Оно представляет собой четырехстолпный храм со сложнопрофилированными пилястрами, создающими на фасадах большое количество вертикальных членений. В нижних частях стен храма вмонтированы крупные шлифованные цветные камни. По сторонам западного фасада находились две круглые башни — явление для XII в. совершенно уникальное. Весь облик храма — роскошь отделки его фасадов и множество вертикальных членений — свидетельствует о том, что храм должен был иметь повышенную центральную часть, т. е. высоко поднятую главу. Однако при реставрации здания это не было исполнено. Внутри церковь имела фресковые росписи, а глава ее, судя по старинным описаниям, была золоченой.

Чрезвычайно активная строительная деятельность, которую развернул Рюрик, став киевским князем, специально отмечена в летописи,

где о строительстве церквей сказано, что Рюрик «имел любовь ненасытну о зданьи их». А еще через несколько лет, в 1199 г., опять по его же заказу возводится подпорная стена над Днепром у Выдубицкого монастыря, служившая, по-видимому, смотровой площадкой и этим поразившая современников. Летописец отметил, что строителем стены был зодчий Петр Милонег. Очевидно, что тот же зодчий строил и овручскую церковь Василия, и белгородскую церковь Апостолов. Упоминание в летописи имени зодчего, да еще «в приятелях» у князя, явление исключительное. Видимо, это была какая-то необычно яркая фигура, и недаром летописец сравнивал его с библейским зодчим Весеилилом.

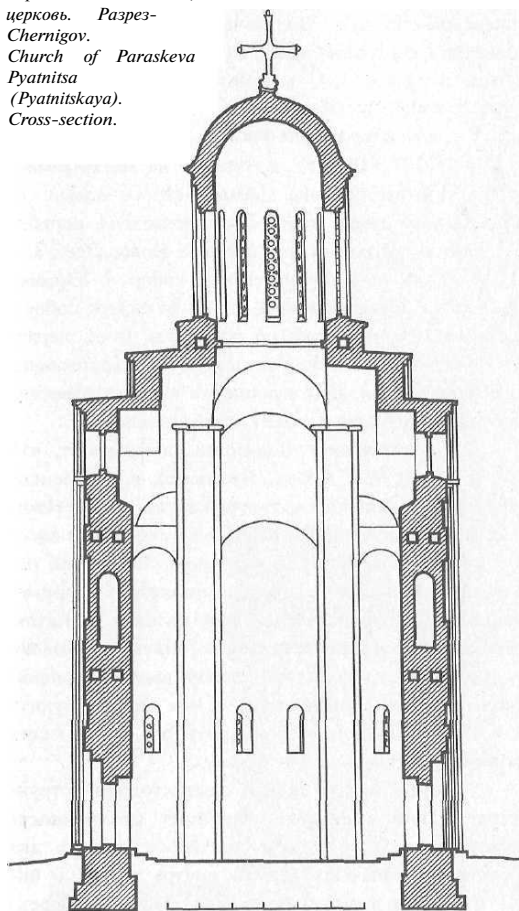
Таким образом, сложение нового архитектурного направления в Киевской земле относится к 90-м гг. XII в. и связано с деятельностью выдающегося зодчего, известного нам по имени. Несомненно, что строительство здесь осуществляли мастера старой киевской строительной артели, которую князь Рюрик получил после смерти предшественного киевского князя Святослава. Однако в памятниках зодчества, возведенных в 90-х гг., явно ощущается также и влияние гродненской архитектурной школы. Быть может, зодчий Петр Милонег был выходцем из этой школы, но не исключено, что и вся гродненская строительная артель могла переехать в Киев, поскольку строительство в самом Гродно именно в то время прекратилось. Если это так, то ясно, откуда в Киеве появилась столь многочисленная строительная организация, которая смогла развернуть широкое строительство в Киевской земле, отпустив в то же время часть мастеров во Владимиро-Суздальскую землю.

После 1200 г. строительство в Киевской земле прервалось, что объясняется бурными политическими событиями той поры — ожесточенной междукняжеской борьбой. С 1211 г. киевская строительная артель перешла в распоряжение черниговских князей, и все дальнейшее строительство проводится теперь уже в Чернигове и Чернигово-Северской земле. Одной из первых построек, возведенных к этим мастерами после переезда в Чернигов, была Пятницкая церковь. Она — единственный памятник того времени, полностью сохранившийся до наших дней.

*Чернигов. Пятницкая
церковь.
Chernigov. Church
of Paraskeva Pyatnitsa
(Pyatnitskaya).*

Чернигов. Пятницкая
церковь. Разрез-
Chernigov.
Church of Paraskeva
Pyatnitsa
(Pyatnitskaya).
Cross-section.

Во время Великой Отечественной войны церковь сильно пострадала, но затем была реставрирована и восстановлена в своих первоначальных формах. Это небольшой четырехстолпный трехапсидный храм. Средние членения его фасадов завершаются полукруглыми закомарами слегка стрельчатой формы, а боковые членения — полузакомарами, образуя, таким образом, трехлопастную форму. Совершенно своеобразно решена конструкция сводов: подпружные арки расположены здесь не ниже, как обычно, а выше прилегающих сводов. Введение ступенчато повышающейся конструкции сводов позволило образовать снаружи храма второй ярус закомар. В основании

барабана размещен третий ярус закомар, чисто декоративных и не отвечающих конструкции сводов, т. е. по существу уже не закомар, а кокошников. Подобное ярусное построение верха придает зданию столпообразность. Сложнопрофилированные пилястры еще более подчеркивают вертикальную устремленность и динамику композиции. Богатая кирпичная обработка (бровки, декоративные пояса) придает фасадам праздничную нарядность. Сравнение Пятницкой церкви с церковью Василия в Овруче показывает, что их строил один и тот же зодчий; очевидно, Петр Милонег перешел в Чернигов вместе со всей киевской строительной артелью.

Кроме Пятницкой церкви, в Чернигове в то время было возведено еще несколько небольших церквей и ворота княжеского двора с надвратной церковью на них. Остатки этих построек удалось обнаружить с помощью раскопок. Строительная деятельность киевских мастеров после завершения вышеперечисленных построек продолжалась уже не в самом Чернигове, а в городах Северной земли: были построены церкви в Новгород-Северском, Путивле, Трубчевске, Вщиже. Все они известны только по результатам раскопок.

Сложнопрофилированные пилястры являются свидетельством того, что эти храмы, так же как Пятницкая церковь, обладали вертикальной устремленностью композиции и, вероятно, имели ступенчато повышающуюся конструкцию сводов. Церкви в Новгород-Северском и Путивле имели на северном и южном фасадах выступающие полукружия типа апсид. Такой прием организации плана был, видимо, подсказан зодчему заказчиком, желавшим, чтобы эти церкви напоминали храмы высокочтимого на Руси Афонского монастыря. Характер чрезвычайно своеобразной профилировки фасадов новгород-северского храма дает основания полагать, что там работал уже не Петр Милонег, а сменивший его новый зодчий.

Несомненно, что памятники, возведенные в Киевской земле в конце XII в. и в Чернигово-Северской земле в первой трети XIII в., относятся к одной архитектурной школе. Здесь работала одна строительная организация, лишь в силу политических обстоятельств переброшенная из Киева в Чернигов, вот почему вполне логично называть эту архитектурную школу киевской. Пол-

ностью отвечая новому художественному направлению, памятники киевской архитектурной школы отразили этот этап в развитии архитектуры в наиболее логически завершенной форме.

Столпообразность храмов и их динамически устремленную композицию здесь создавали путем переработки конструкции завершения зданий. Подобный прием был впервые осуществлен именно в киевской архитектурной школе и является решительным и прогрессивным шагом в истории русской архитектуры. Лишь значительно позднее, и уже не имея генетической связи с Киевом, подобный конструктивный прием получил распространение в московской архитектуре, а вне Руси — в зодчестве Сербии.

Совершенно особняком стоят две церкви, вскрытые раскопками в Киевской земле — Малый храм в Белгороде и церковь Гнилецкого монастыря под Киевом, которые представляли собой четырехстолпные храмы с одной полукруглой апсидой и очень простой профилировкой наружных пилястр. Если они были построены еще до переезда киевских строителей в Чернигов, то это говорит о том, что кроме Петра Милонета в киевской артели имелся и второй зодчий, работавший в иной, гораздо более лаконичной манере. Более вероятно, однако, что после отъезда строительной артели в Чернигов, в Киеве все же осталась небольшая группа мастеров во главе с каким-то, возможно, второстепенным зодчим. Впрочем, вскоре и эта группа перестала работать, и строительство в Киеве полностью прервалось. Во всяком случае, когда потребовалось провести восстановление киевских храмов, пострадавших при землетрясении 1230 г., в Киеве не оказалось собственных строителей и пришлось обращаться к польским мастерам, которые произвели ремонт храмов (собор Киево-Печерского монастыря, церковь Михаила в Переяславле и др.) в романской кирпичной технике, т. е. из брускового кирпича — технике, которая незадолго до того была занесена в юго-восточную Польшу из Италии.

Своеобразно отразился новый этап развития зодчества во владими́ро-суздальской архитектуре. Вплоть до самого начала XIII в. в композиции храмов здесь не произошло существенных изме-

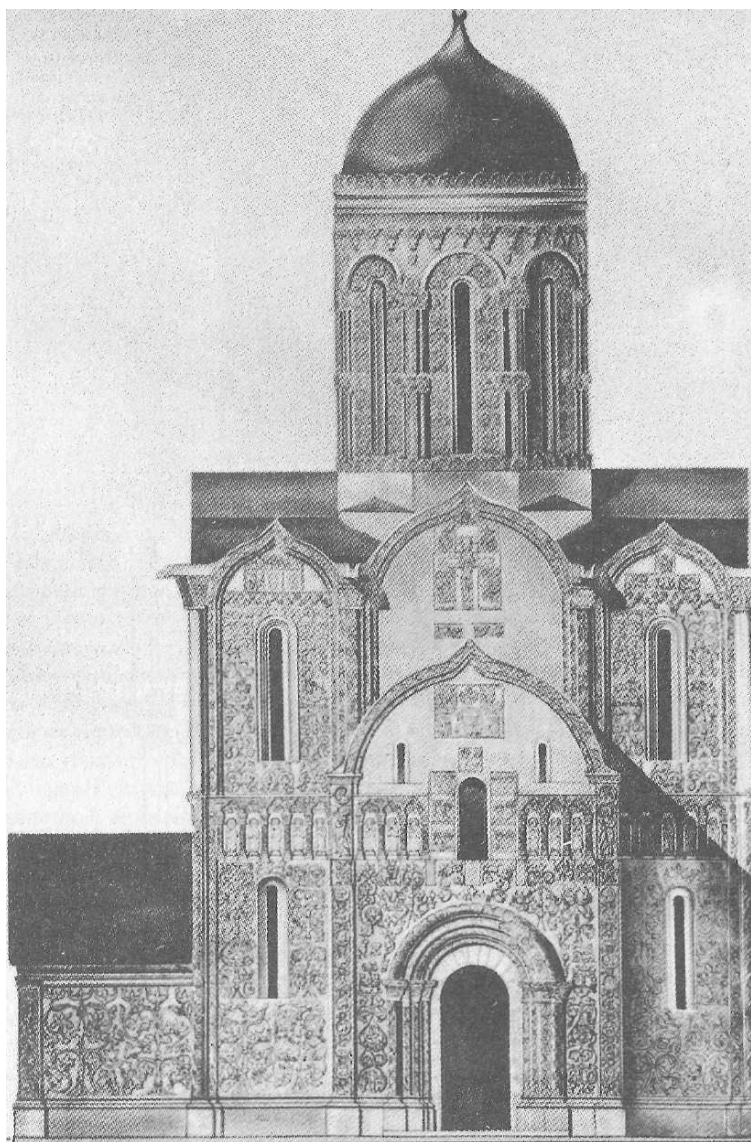
нений. Усиление роли декоративной резьбы в Дмитриевском соборе во Владимире не повлекло за собой трансформации всего архитектурного образа. Лишь в начале XIII в. новые веяния достаточно определенно выявились во владими́ро-суздальской архитектурной школе.

В 1222—1225 гг. в Суздале на месте разобранного более раннего храма построен новый собор. Вскоре после этого была возведена церковь Архангела Михаила в Нижнем Новгороде, а в 1230—1234 гг. — Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Суздальский и юрьев-польский соборы сохранились примерно до половины своей первоначальной высоты, будучи полностью перестроены в верхней части. Нижегородская церковь известна лишь по ее раскопанным фундаментам.

Эти памятники зодчества показывают, что характерная для Киева, Чернигова и Смоленска динамика композиции, подчеркнутая множеством вертикальных членений на фасадах, не нашла здесь отражения. Наоборот, в них виден частичный отказ от тонких полуколонок на пилястрах и применение в большинстве случаев плоских лопаток. Но башнеобразное построение объема с высоко и торжественно поднятой главой, видимо, проявилось и в этих памятниках, о чем можно судить хотя бы по наличию трех притворов, придающих зданию крестообразную форму.

В суздальском соборе шестистолпная структура здания несколько нарушает центричность композиции, а из трех притворов только два боковых полностью открыты внутрь храма. В нижегородском и юрьев-польском соборах четырехстолпный объем и открытые внутрь притворы придавали храмам строгую центричность композиции и слитность внутреннего пространства аналогично, например, интерьеру смоленской церкви Архангела Михаила.

Высоко поднятый аркатурно-колончатый пояс юрьев-польского «собора» дает основания утверждать, что это здание имело значительную высоту и стройные пропорции. На основании косвенных данных некоторые исследователи предположили, что Георгиевский собор имел повышенную конструкцию подпружных арок и декоративный пьедестал в основании барабана. Другие авторы реконструируют здание с обычной конструкцией арок. Однако даже если у собора и не было подня-

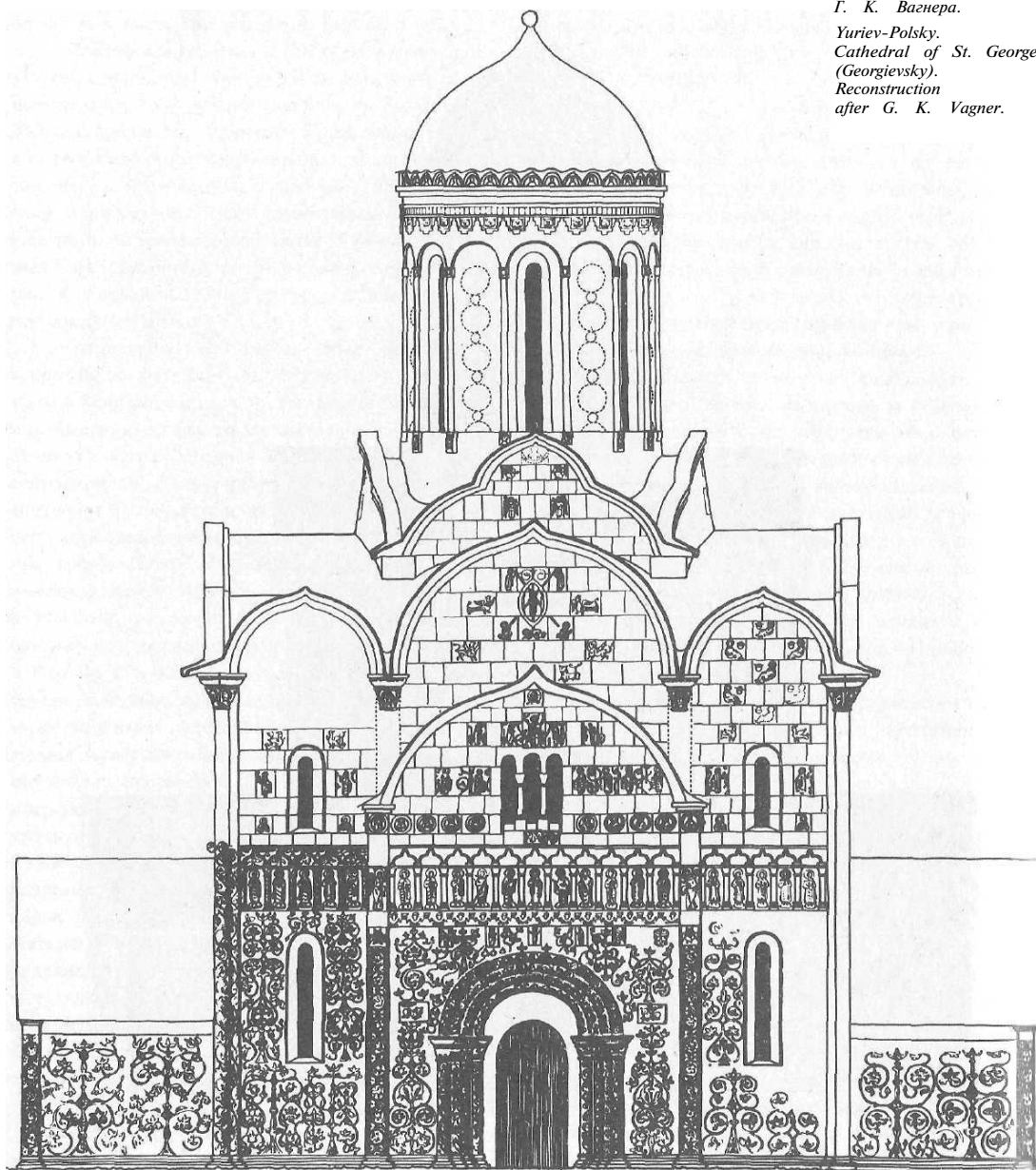
Юрьев-Польский.
Георгиевский собор.
Реконструкция
А. В. Столетова.

Yuriev-Polsky.
Cathedral of St. George
(Georgievsky).
Reconstruction
after A. V. Stoletov.

Юрьев-Польский.
Георгиевский собор.
Реконструкция
Г. К. Вагнера.

Yuriev-Polsky.
Cathedral of St. George
(Georgievsky).
Reconstruction
after G. K. Vagner.

того на пьедестал барабана, его стройные пропорции в сочетании с тремя притворами придавали храму ступенчато-столпообразный характер. Таким образом, если этот самый поздний памятник владими́ро-суздальского зодчества и уступал киево-черниговским и смоленским памятникам в отношении остроты и динамичности композиции, то он превосходил их торжественностью облика и роскошью наружного убранства. В Георгиевском соборе резьба не только украшает аркатурно-колончатый пояс, порталы и верхние части фасадов, но и покрывает все стены до самого низа. При этом в верхней части здания скульптура, судя по найденным фрагментам, имели такой же характер, как в более ранних памятниках, т. е. каждое изображение было нанесено на отдельный камень, вставленный в стену при постройке здания. В нижней части орнамент растительного характера покрывает все поле стены, не считаясь со швами кладки, т. е. он был нанесен уже после окончания кладки.

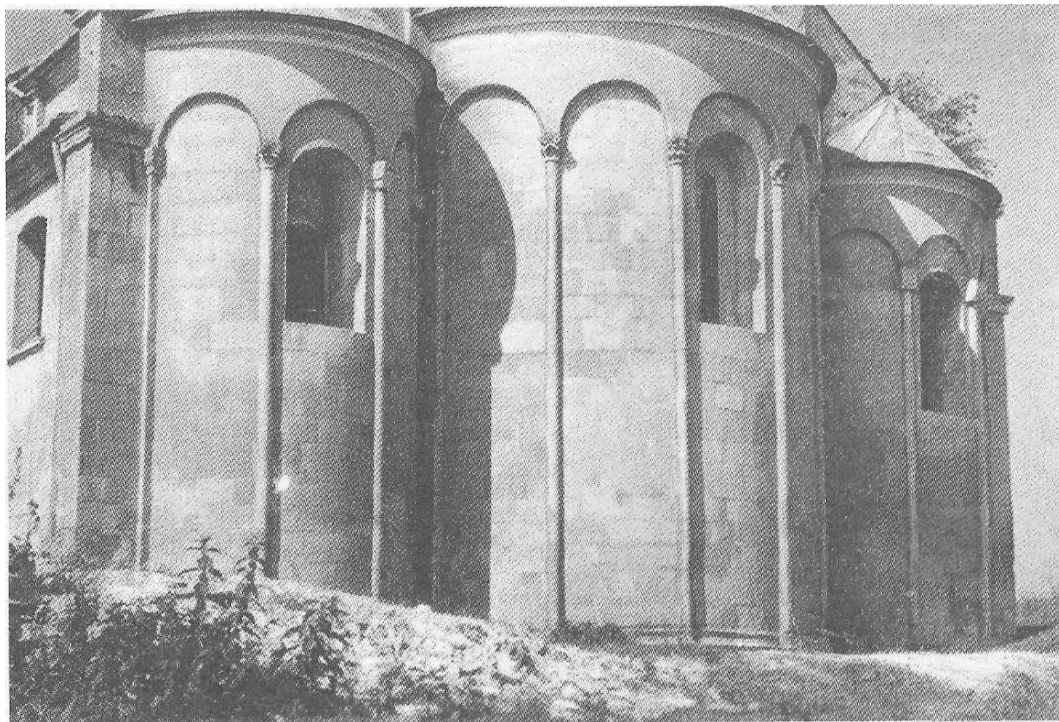
Мотивы резьбы Георгиевского собора очень разнообразны; многие сюжеты здесь скопированы с орнамента тканей, блюд и других драгоценных предметов, хранившихся в княжеской казне. Описывая построение собора, летописец добавил фразу о том, что князь Святослав создал эту церковь, «чюдну резаным камнем, а сам бе мас-

тер». Конечно, князь не сам руководил строительством храма, но, видимо, его роль была все же большей, чем роль обычного заказчика; весьма вероятно, что скульптурное убранство действительно было исполнено по личному указанию князя.

Резьба в памятниках владими́ро-суздальской архитектуры XIII в. по характеру заметно отличается от резьбы памятников предшествующей поры. Прежде все изображения были зрительно объемны, в памятниках же XIII в. они плоскостно-декоративны, напоминая резьбу по дереву. Весьма вероятно, что в стилистической эволюции резьбы основную роль сыграли вкусы местных мастеров, воспитанных в лучших традициях народной резьбы по дереву.

В суздальском соборе сохранились фрагменты фресковых росписей, а также элементы убранства, которые не уцелели больше ни в одном памятнике русской архитектуры XII—XIII вв.: это замечательные врата западного и южного порталов храма, исполненные в технике золотой наводки по черному лаковому фону на медных пластинах.

В конце XII в. во Владимир приехала строительная артель, присланная киевским князем и работавшая в технике плинфяной кладки. Таким образом, здесь стали работать две строительные организации, исходившие из разных строительных

традиций. Работали ли они всегда только по отдельности или же иногда строили и совместно, пока неясно, поскольку плинфяные постройки Северо-Восточной Руси той поры не сохранились и до настоящего времени еще очень слабо изучены.

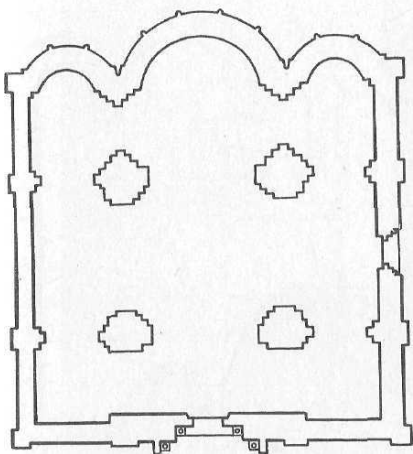
Первым зданием, выстроенным в кирпичной технике, был собор Княгинина монастыря во Владимире (1200—1202 гг.). От него остались лишь фундаменты, на которых позднее возвели новое здание. Раскопками удалось изучить также нижние части собора Спасского монастыря в Ярославле (1216 г.). Кроме того, следы плинфяных построек начала XIII в. обнаружены в Ростове. Судя по наличию лекальных кирпичей, постройки все эти обладали сложной профилировкой пилястр на фасадах.

Трудно судить о том, в каких формах отразился новый этап развития зодчества в Галицкой земле. От памятников той поры здесь уцелела

лишь одна постройка — церковь Пантелеймона близ Галича, возведенная на рубеже XII и XIII вв. Но и она сохранилась лишь несколько более, чем на половину своей первоначальной высоты, будучи полностью перестроена в верхней части при превращении ее в католический костел.

Выполненная в белокаменной технике церковь Пантелеймона представляет собой обычный для древнерусского зодчества тип четырехстолпного трехапсидного плана. Однако эта общерусская схема насыщена чисто романскими архитектурными деталями: прекрасным перспективным порталом, украшенным резьбой, профилированным цоколем, обходящим вокруг всего здания, тонкими колонками с резными капителями на апсидах. Резьба здесь совершенно иная, чем во владимиро-суздальском зодчестве, — она пышная, ювелирно тонкая, но несколько суховатая. Наружные лопатки храма плоские. Подкупольные столбы усложненной формы, с многочисленными выступами; им отвечают выступы на лопатках внутренних

Галич. Церковь Пантелеймона.
Апсиды. План. Деталь.
Galich. Church of St. Panteleimon.
Apse. Plan. Detail.

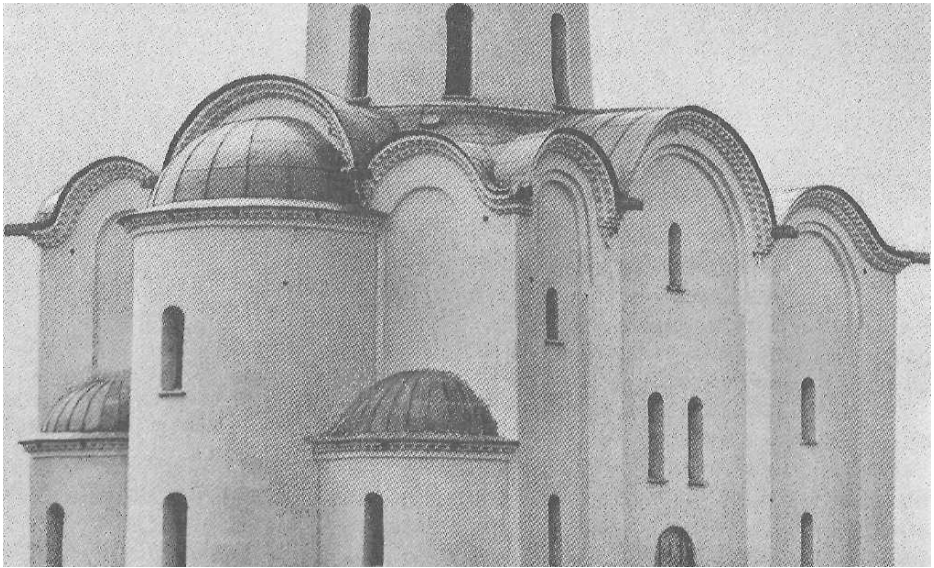
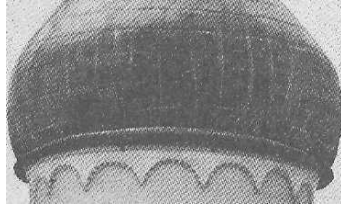
стен. Очевидно, что эта сложность опор отвечала наличию каких-то достаточно сложных сводов. Весьма возможно, что здесь была применена раннеготическая нервюрная конструкция перекрытия, для которой такая система опор характерна.

Отсутствие верхних частей церкви Пантелеймона не позволяет судить о первоначальной композиции храма в целом и, особенно, его завершения. Несомненно лишь то, что здание церкви отражает существенные изменения, происшедшие в галицком зодчестве и, видимо, связанные с новым архитектурным направлением. В данном случае это выразилось в сочетании древнерусской схемы пла-

на с западными формами, а может быть, и самими конструкциями.

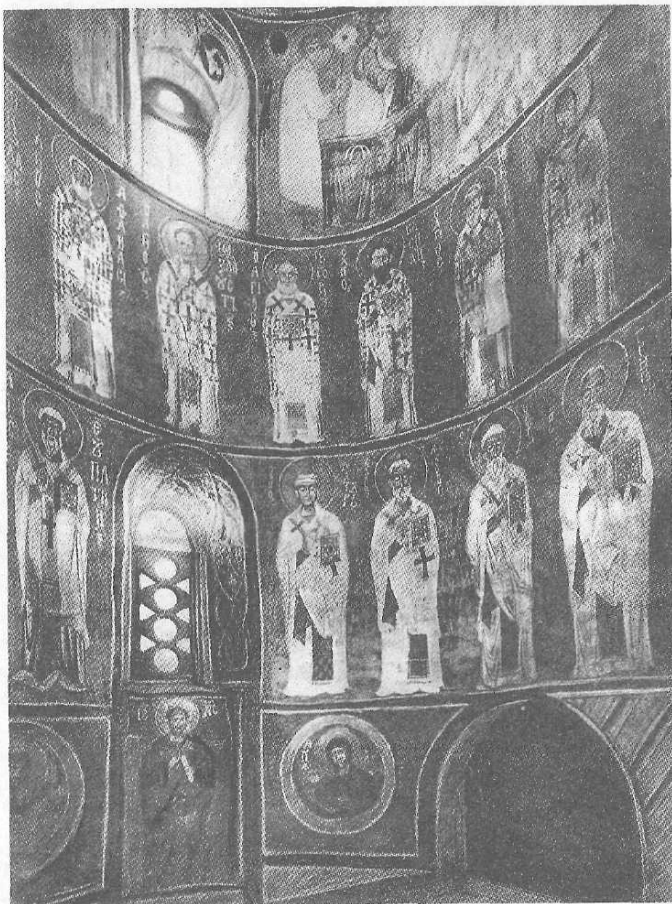
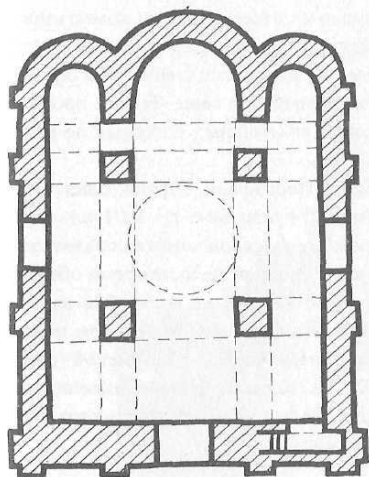
Вероятно, к первой четверти XIII в. относится церковь, вскрытая раскопками в Василёве на Днепре. Это тот же тип четырехстолпного храма, но суженные боковые нефы делают здание удлиненным. Столбы церкви крещатые, с дополнительным уступом в сторону подкупольного пространства, что дает основание предполагать наличие несколько усложненного, вероятно, приподнятого завершения.

В 30-х гг. XIII в. был сооружен архитектурный комплекс новой княжеской резиденции —

Новгород. Церковь
Спаса-Невдицы.
Общий вид. План.
Интерьер апсиды.

Novgorod.
Church of the Savior
Nereditsa.
General view. Plan.
Interior of an apse.

города Холм. Имеется подробное описание этого ансамбля — явление уникальное для русских летописей. Судя по этому описанию, в Холме были построены два великолепных украшенных храма. В одном из них (церкви Ивана) своды опирались на капители в виде человеческих голов, а порталы покрывала резьба, исполненная «неким хытрцем Авдеем». Кроме того, летописец отметил, что окна церкви были «украшены стеклы римскими», т. е. витражами. Остатки этих зданий при раскопках не удалось обнаружить, хотя были найдены многочисленные фрагменты их убранства, в том числе части перспективного портала и резные камни. Фрагменты позволяют судить о том, что памятник

Холма в стилистическом отношении близки церкви Пантелеймона. В политическом отношении Холм относился к Волыни, но владевший им князь Даниил привлек к строительству галицких мастеров, о чем совершенно недвусмысленно свидетельствуют как строительный материал (тесаный камень), так и фрагменты каменной резьбы.

Судя по летописи, на расстоянии одного поприща от Холма (т. е. несколько более 1 км), стоял «столп камен и на нем орел камен изваян», причем отмечено, что высота этого монумента вместе «с головами и с подножками» 12 локтей, т. е. около 4,5 м. Следы столба, к сожалению, не обнаружены.

Единственная архитектурная школа Руси, где на рубеже XII и XIII вв. не произошло никаких существенных изменений в композиции храмов, была новгородская. Построенная в самом конце XII в. церковь Спаса-Нередицы (1198 г.) почти полностью повторяет храмы предшествующего времени, не отличаясь от них ни общим композиционным решением, ни архитектурными деталями, ни техникой. Характерные черты этого храма — квадратные в плане подкупольные столбы, отсутствие лопаток на внутренних стенах, плоские одноступчатые наружные лопатки, чрезвычайная скупость декоративного убранства. Единственное отличие Нередицы от более ранних памятников новгородского зодчества — заметно пониженные боковые апсиды. Вплоть до Великой Отечественной войны в церкви сохранялся почти целиком ансамбль древней фресковой живописи.

Во время войны церковь была разрушена, но в настоящее время полностью восстановлена. С запада к церкви примыкал, ныне не сохранившийся, небольшой притвор.

Судя по вскрытым раскопками нижним частям стен, полностью сохраняли старую схему плана и остальные новгородские церкви конца XII в. — собор Хутынского монастыря (1192 г.), церкви Воскресения (1195 г.) и Ильи на Славне (1198 г.). Совпадает по плану и церковь Спаса в Старой Руссе (1198 г.), хотя здесь раскопками выявлена и примыкавшая к церкви лестничная башня — явление уникальное для того времени. Построенная в 1207 г. церковь Пантелеймона, судя по материалам раскопок, также представляла собой четырехстолпный трехапсидный храм с небольшим притвором с запада. Полное совпадение плановой схемы этих храмов дает основания полагать, что и объемная их композиция в общих чертах совпадала. Видимо, сложившийся тип новгородского храма — экономичный, возводимый с большой скоростью (их строили, как правило, за один строительный сезон), суровый и лаконичный по облику^{*У} — удовлетворял требованиям как заказчиков, так и строителей.

И все же к началу XIII в. консерватизм новгородских мастеров, вероятно, уже не мог соответствовать художественным вкусам тех заказчиков, которые знали, как строят в это время в дру-

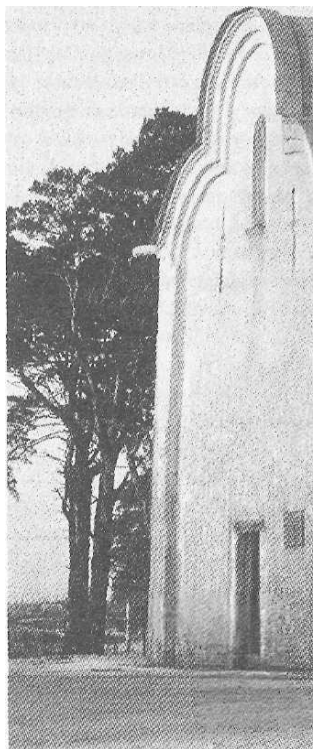
гих русских городах. В результате новгородски^{*} купцы, ведшие заморскую торговлю, заказали » 1207 г. строительство Пятницкой церкви не новгородским, а смоленским мастерам. Возведение в Новгороде такого яркого памятника смоленской архитектурной школы не могло пройти бесследно и для новгородских строителей. Они займет вовали от Пятницкой церкви такие формы, как трехлопастное завершение фасадов и одноапсидность, но претворили эти формы совершенно по иному, не приняв основных особенностей смоленского образца — ее декоративности, динамичности и вертикальной устремленности композиции. Продолжая тенденции, явно проявившиеся в новгородском зодчестве второй половины XII в., они пошли по пути разработки еще более простых объемных решений, лаконичных и скупых по декоративной обработке.

В маленькой Перынской церкви близ Новгорода (вероятно, 20-е или 30-е гг. XIII в.) трехлопастное завершение фасадов помогло создать памятник, обладающий редкой целостностью объема, благодаря чему даже маленькая постройка кажется величественной. Идея переработки форм новгородского храма, намеченная в Перынской церкви, позднее, в XIV в., легла в основу сложения совершенно самостоятельного и оригинального типа новгородских храмов.

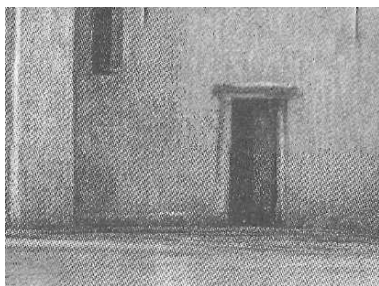
Новый этап в развитии русского зодчества проявился не только в художественном облике храмов, не только в их композиции, но и в строительной технике. Характеризуя архитектурные памятники того времени, можно отметить сокращение излишних запасов прочности зданий, отказа от излишне трудоемких работ, что явно свидетельствует о возросшем мастерстве строителей. И хотя в зданиях той поры иногда встречается не сколько небрежная на вид кладка, постройки сохраняют достаточно прочную и даже изысканность форм.

Наличие в большинстве крупных русских городов собственных опытных кадров строителей позволяло в значительно большей степени, чем ранее, проявляться местным художественным вкусам. Естественно, что конкретные архитектурные формы слагались прежде всего под влиянием мест-

*Новгород. Церковь
Рождества Богородицы
на Перыни.*

*Novgorod. Church
of Nativity of the Virgin
at Peryn.*

ных условий, куда входили и традиции мастеров, и их архитектурные связи, и наличие местных строительных материалов, и степень развитости ремесла. Большую роль играло и существование в каждой земле собственных художественных традиций и вкусов.

Возникновение нового этапа в развитии русского зодчества выявило и противоречивые тенденции этого развития. Так, несомненно, продолжался и даже усилился процесс дифференциации архитектуры, связанный с усиливавшимся процессом феодального дробления страны. Поэтому к концу XII в. происходит дальнейшее разделение русского зодчества на самостоятельные школы. Из киевской школы выделилась самостоятельная смоленская школа, сложилась новая архитектурная школа в Гродно. Архитектурные школы Новгорода и Галича приобрели еще большую самостоятельность, создавая собственные композиционные и конструктивные решения, заметно отличающиеся от тех, что бытовали в то время в других русских архитектурных школах.

Наряду с этим в русском зодчестве тогда явно проявились и тенденции интеграции, которые сказались, прежде всего, в том, что в разных районах Руси шло сложение композиционных форм, близких по характеру архитектурного образа. Это

явление объясняется близостью социальных процессов развития всех русских земель, общностью культуры и, в частности, ярким расцветом городской культуры.

Большую роль играли также общность происхождения основного типа древнерусского храма и многочисленные передвижения строителей из одного строительного центра в другой, обеспечивавшие активные контакты между мастерами. Наконец, тенденции к усилению декоративности, яркости силуэта и столпообразности построения здания определялись и внутренними закономерностями развития зодчества. Очевидно, что к этому периоду относятся самые первые и еще очень робкие шаги, которые вели к созданию общерусского архитектурного стиля.

Как развивалась бы в дальнейшем русская архитектура, мы не знаем, поскольку в 30—40-х гг. XIII в. яркий расцвет зодчества был прерван жестоким ударом монгольского вторжения. Исторические судьбы Руси сложились таким образом, что генеральная линия развития русской архитектуры — московское зодчество — опиралась на традиции лишь одной архитектурной школы — владими́ро-суздальской, хотя подготавливался этот процесс на гораздо более широкой базе многочисленных архитектурных школ домонгольской Руси.

V. ЗОДЧЕСТВО ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

2-й половины XIII — 1-й половины XIV в.

Монголо-татарское нашествие нанесло страшный удар развитию русского монументального зодчества: разгромлены и сожжены наиболее крупные архитектурно-строительные центры, уничтожены или уведены в плен мастера. На киево-черниговской территории разгром был настолько сильным, что монументальное строительство здесь вообще прервалось на длительный срок. В тяжелых экономических и военных условиях приостановилось строительство в Смоленской земле. Крайне неблагоприятные условия для развития монументального строительства сложились и на Северо-Западной Руси, т. е. в Новгородской земле. Хотя Новгород и не был разгромлен монголами, однако ослаблением Руси воспользовались немецкие рыцари, литовские и шведские феодалы. Естественно, что все внимание пришлось уделять оборонным нуждам. Только к середине XIV в. в Новгороде начался новый подъем в развитии зодчества. После разгрома монголо-татарами городов Владимиро-Суздальской земли строительство приостановилось и в Северо-Восточной Руси.

Лишь на крайнем западе Руси — на землях западных районов Галицкого и Волынского княжеств — продолжалось развитие русского зодчества. Конечно, и здесь монгольское вторжение принесло огромные разрушения, но все же в этих землях монументальное строительство продолжалось, и в развитии зодчества можно отметить яркий, хотя и короткий по времени расцвет.

Галицкая земля, по-видимому, сохранила свои строительные кадры, и галицкие памятники 2-й половины XIII — 1-й половины XIV в., несомненно, продолжают линию развития галицкого зодчества домонгольской поры. В конце 50-х — начале 60-х гг. XIII в. пострадавшие при пожаре

здания Холма восстановлены, причем, кроме починки уже существовавших зданий, была возведена и новая церковь Марии «величеством и красотой не мене сущих древних». Раскопками вскрыты остатки стены из известняковых блоков; это была прямоугольная в плане постройка размером 38 X 22 м, по-видимому, — сооружение дворцового характера.

Позднее, на рубеже XIII и XIV вв. строительство в Галицкой земле сосредоточилось, в основном, во Львове. Здесь было построено несколько зданий, в том числе сохранившаяся до наших дней Николаевская церковь. Исполненная в традиционной для галицкого зодчества белокаменной технике, архитектура этой церкви отражает существенные сдвиги, которые произошли в развитии архитектурных форм. Бесстолпный, одноапсидный храм имеет притвор с запада (типа нартекса) и примыкающие по бокам притворы с самостоятельными апсидами. В целом план Николаевской церкви образует крестообразную форму. Этот храм полностью лишен скульптурного убранства.

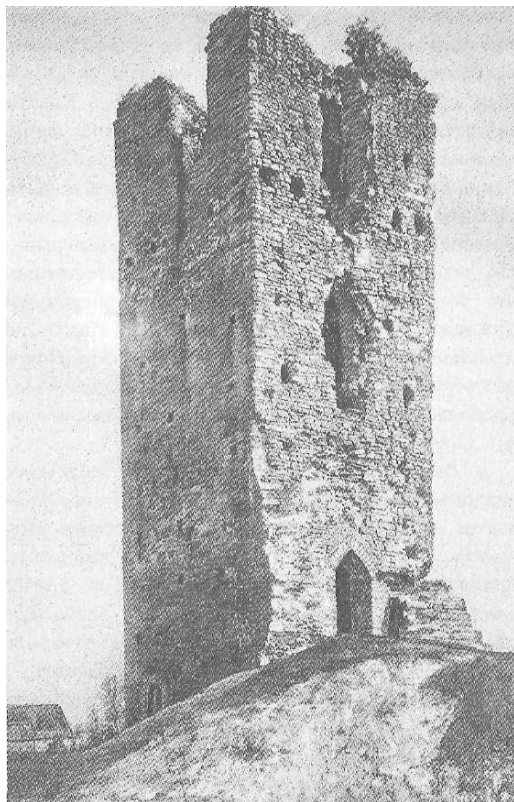
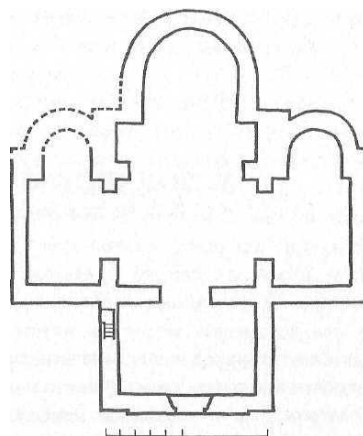
В самом конце XIII в. был построен собор Спасского монастыря близ Старого Самбора. Здание не сохранилось, но известно по письменным источникам и старинному рисунку.

Крайне беспокойная военная обстановка заставляла уделять большое внимание строительству оборонительных сооружений. Опыт показал, что при тактике прямого штурма, поддерживаемого действием камнеметных машин-пороков, округлые в плане крепости, характерные для XII в., оказывались малоэффективными. Это четко выявилось при защите русских городов во время монголо-татарского вторжения. Армия Батыея не смогла взять штурмом лишь несколько городов (Кременец,

Данилов), которые были расположены на крутых горах, поскольку такое их местоположение лишало нападающих возможности использовать камнеметы. Однако изыскать подобного типа площадки для размещения городов удавалось довольно редко и был найден другой способ защиты — строительство оборонительных башен. Такие башни (особенно если их строили из камня) хорошо противостояли ударам камнеметов и позволяли обороняющимся вести сверху круговой обстрел. Башни подобного типа, представлявшие собой основной узел обороны крепости, были по существу аналогичны западноевропейским донжонам, и строительство их было вызвано аналогичными военнотактическими условиями. Видимо, именно такая башня, судя по летописи, была построена в центре города Холм в 30—40-х гг. XIII в. Ее каменное основание имело в высоту более 5 м, а выше башня была деревянной и снаружи имела побелку.

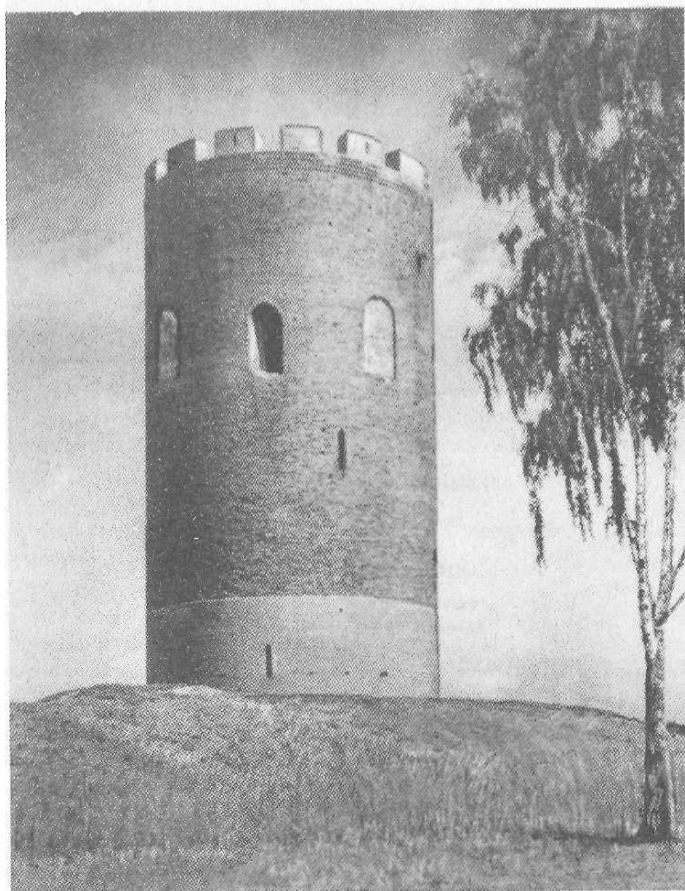
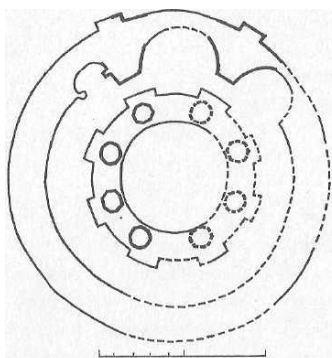
Позднее, в конце XIII — первой половине XIV в. подобные башни строили уже целиком из камня. В районе Холма до настоящего времени сохранилась такая башня в Столпье, а еще недавно существовали руины и другой башни — в Белаvine. Башня в Столпье была высотой 19,5 м, прямоугольной снаружи (размер 6,3 X 5,8 м) и круглой внутри. Нижний ярус башни, по всей видимости, перекрывался сводом, а выше сохранились отверстия от балок перекрытий. Верхний ярус башни был приспособлен под маленькую часовню. На высоте этого яруса снаружи имеются отверстия от балок: возможно, здесь вокруг башни обходила галерея, с которой защитники могли вести стрельбу. Башня в Белаvine также прямоугольная, но значительно больше по размерам — 12,4X11>8 м. Сохранившиеся части стен башни имели высоту почти 18 м. Внутри башни существовало несколько ярусов: над первым и вторым ярусами размещались деревянные балочные перекрытия, а над третьим ярусом некогда был свод. Над сводом, вероятно, находилась открытая площадка.

Кроме этих двух башен в районе Холма подобные оборонительные сооружения возводились и в других местах. Так, на территории бывшего Спасского монастыря под Старым Самбором раскопками вскрыты остатки большой четырехугольной башни конца XIII — начала XIV в. По-видимому, в конце XIII в. были построены и каменные

Львов. Николаевская
церковь. План.
Башня в Стопье.
Lvov. Church
of St. Nicholas
(Nicholayevskaya).
Plan. Tower at Stopye.

Владимир-Волынский.
Михайловская
церковь. План.
Башня в Каменце.
Vladimir-V
olynsky.
Church of St. Michael
(Michailovskaya).
Plan. Tower at Kamenets.

оборонительные сооружения замка во Львове; небольшие участки этих укреплений обнаружены при археологических раскопках.

В середине XIV в. Галицкая земля была захвачена польским королем Казимиром. В связи с этим развитие здесь древнерусского зодчества прекратилось.

Иначе развивалось зодчество на территории Волыни. Ко времени монгольского вторжения здесь не было собственных мастеров-строителей и после 70-х гг. XII в. не велось никакого монументального строительства. Оно возобновилось лишь в середине XIII в.

Одной из первых по времени построек являлась, по-видимому, церковь Михайловского монастыря во Владимире-Волынском, упомянутая в летописи под 1268 г. Вскрытые раскопками остатки этой церкви дали возможность установить ее план: это была круглая постройка-ротонда, имевшая диаметр около 20 м. Внутри ротонды размещались восемь колонн, образовавших кольцо. Круглые и шестигранные колонны чередовались. Они, очевидно, поддерживали купол, а круговой обход был, вероятно, ниже центральной части. В восточную часть круглой стены изнутри врезаны три полукруглые ниши, заменявшие апсиды. При раскопках найдены фрагменты фресковой росписи. Здание построено из брускового кирпича, а не из плинфы. Вероятно, восстановление строительной деятельности на Волыни было связано с участием мастеров из юго-восточной Польши, где незадолго до того развернулось строительство из брускового кирпича в технике так называемой вендской кладки, при которой в каждом ряду чередуются два ложка и один тычок.

В 80-х гг. XIII в. была построена Георгиевская церковь в Любомле. Раскопки под зданием более поздней церкви позволили обнаружить остатки древнего храма. Выяснилось, что церковь была трехапсидной, вероятно, четырехстолпной, построенной в той же кирпичной технике (вендская кладка из брускового кирпича), ставшей характерной для зодчества Волыни.

Несколько позже, в 1294 г., была построена Васильевская церковь во Владимире-Волынском, сохранившаяся до наших дней. Она также кир-

пичная, имеет центрический восьмилепестковый план, причем восточные полукружия несколько больше других и служат апсидой.

В западном и северном полукружиях расположены порталы. Западный портал — кирпичный, перспективного типа с полукруглыми арками, а северный выполнен из белого камня, с резными деталями и стрельчатым завершением. Церковь перекрыта сомкнутым сводом.

В конце XIII в. во Владимире-Волынском была построена также церковь Иоакима и Анны. Этот памятник зодчества пока не обнаружен во время археологических раскопок, хотя кирпичи от развала церкви неоднократно находили на территории древнего детинца.

В первой половине XIV в. строительство производилось и на территории так называемой Черной Руси, находившейся под сильнейшим политическим и культурным влиянием Волыни. Так, на детинце в Новогрудке были раскопаны остатки небольшой церкви и гражданской постройки. Строительная техника этих построек совпадает с техникой памятников Волыни. Церковь была одноапсидной, с небольшими выступами типа открытых внутрь притворов. Первоначально она была бесстолпной, но вскоре в нее встроили четыре столба. Гражданская постройка, вероятно, входившая в состав дворцового комплекса, представляла собой квадратный зал со столбом в центре. На этот столб опирались своды, пяты которых обнаружены при раскопках.

Судя по найденным лекальным кирпичам, своды церкви и гражданской постройки имели профилированные нервюры.

Незначительное количество обнаруженных и изученных на территории Волыни и Черной Руси построек 2-й половины XIII — 1-й половины XIV в. затрудняет выяснение хода развития здесь архитектуры. Несомненно лишь, что сохраняя, в основном плановую и, по-видимому, композиционную связь с архитектурой Древней Руси, памятники эти находились под сильным влиянием польской романо-готической архитектуры, что сказалось как в применении вендской кладки из брускового кирпича, так и в появлении стрельчатых форм арок (портал Васильевской церкви во Владимире-Волынском) и нервюрных сводов (церковь в Новогрудке).

«««a

Новгород. Софийский собор

Novgorod. Cathedral of St. Sophia.

Стр. 114—115:

Владимир. Успенский собор

Vladimir. Cathedral of the Dormission (Uspenshy).

Чернигов. Пятницкая церковь

Chernigov. Church of Paraskeva Pyatnitsa (Pyatnitskaya).

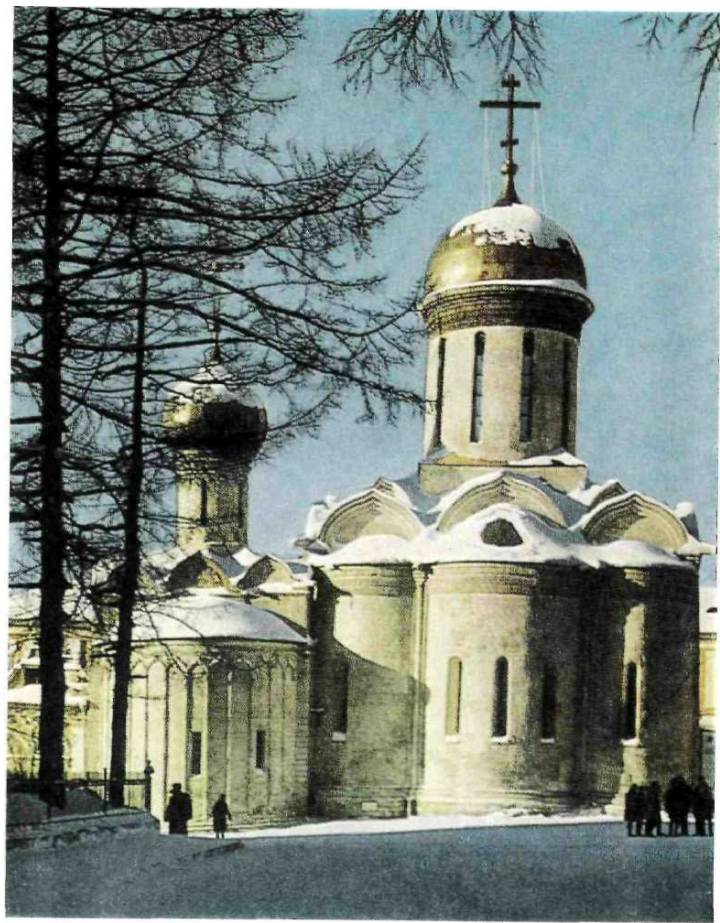

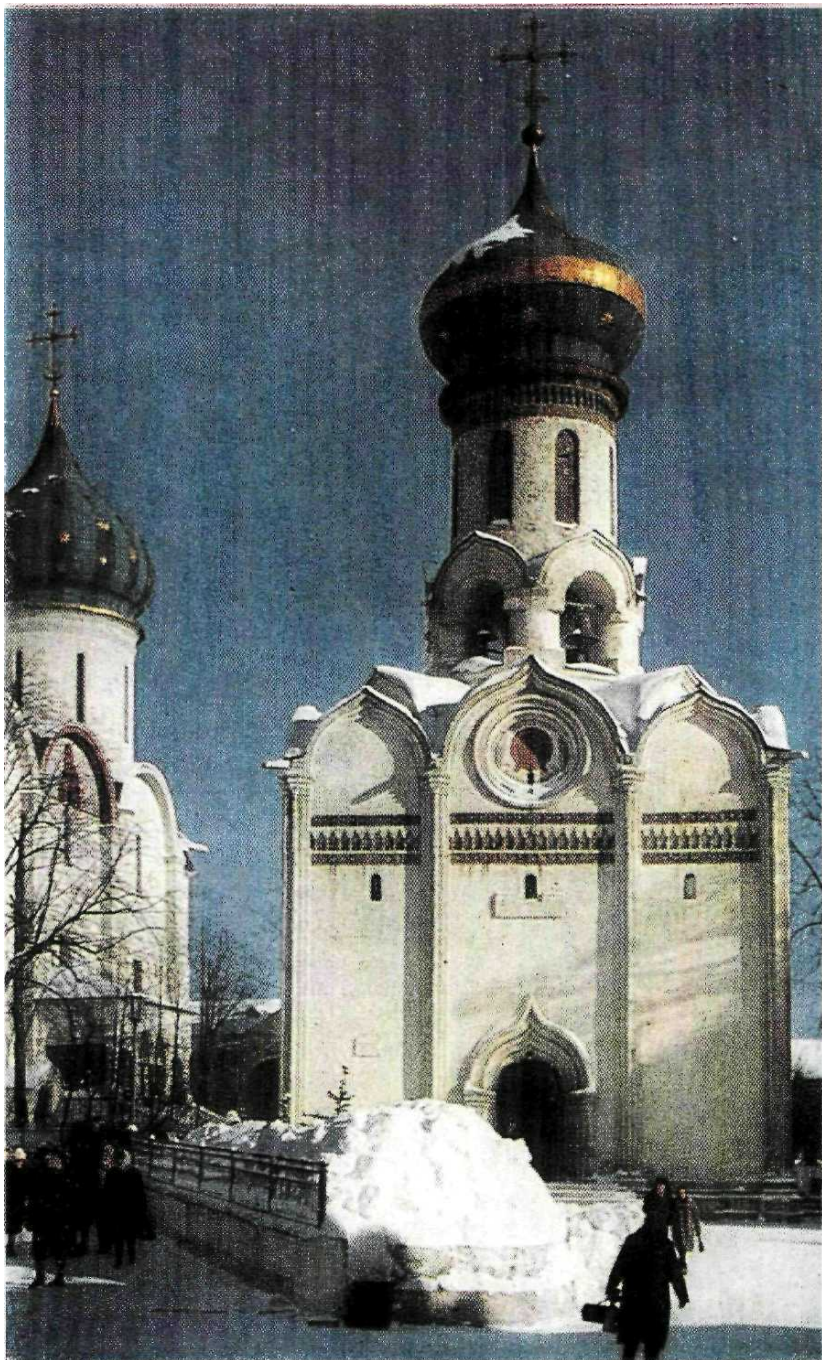

Троице-Сергиевский
монастырь.
Троицкий собор
The Trinity-Sergius
Monastery.
The Trinity Cathedral
(Troitsky).

Троице-Сергиевский
монастырь. Церковь
Св. Духа
The Trinity-Sergius
Monastery.
Church of the Holy
Spirit.

собор
Moscow. Cathedral
of the Annunciation

И в Галицкой земле, и на Волыни, и в Черной Руси в то время большое внимание уделяли оборонительному строительству. Здесь тоже получили распространение башни типа донжонов. Так, в 70—80-х гг. XIII в. построена сохранившаяся до наших дней круглая кирпичная башня в Каменце близ Бреста. Ее наружный диаметр составляет 13,5 м, а общая высота около 29 м. Внутри башни разделена деревянными перекрытиями на пять ярусов. Над верхним ярусом сохранились остатки нервюрного свода. Выше свода по периметру башни существовал проход, прикрытый массивными четырехугольными зубцами. Снаружи каменная башня отделана декоративными элементами. Однако элементы эти весьма скупые: пояски из нескольких полосок поребрика, плоские ниши на уровне верхнего яруса. Некоторые окна кирпичной башни имеют стрельчатое трехлопастное завершение.

Остатки другой, по-видимому почти идентичной башни, вскрыты раскопками в Черторыйске. Согласно летописи, эта башня была возведена в 1291 г. В летописи имеются сведения и еще о нескольких башнях, к сожалению, не обнаруженных пока даже с помощью раскопок. Так, в Берестье (современный Брест) «сзда стлпы камен высотыю яко и Каменецкый». Судя по ста-

ринным планам города Бреста, эта башня *была* снаружи квадратной, а внутри круглой. При раскопках найдены отдельные ее кирпичи. При описании осады Гродно в 1277 г. упомянут «столп бо бе камен высок стоя перед вороты города». В Новогрудке во 2-й половине — конце XIII в. также была построена башня, позднее вошедшая в состав каменного новогрудского замка.

В то же время была сделана и первая попытка создать крепость, окруженную каменными стенами с пристенными башнями. Таков был замок в Луцке, построенный в середине XIV в., — кирпичный на каменном основании. Раскопками внутри замка вскрыты остатки дворца, возведенного одновременно с крепостью.

Во 2-й половине XIV в. Волынь потеряла политическую независимость, войдя в состав великого княжества Литовского.

Развитие архитектуры западно-русских земель 2-й половины XIII — 1-й половины XIV в. представляет собой совершенно особый период в истории древнерусской архитектуры, в котором традиции Древней Руси оказались тесно связанными с влиянием романо-готической архитектуры. В дальнейшем именно эта архитектура послужила базой сложения самостоятельного зодчества Украины и Белоруссии.

VI. АРХИТЕКТУРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ конца XIII — 1-й половины XV в.

Во время монгольского вторжения Северо-Восточная Русь пострадала не меньше, чем южно-русские земли. Здесь также были захвачены, разграблены, а частично и сожжены города, перебита значительная часть населения, уведены в плен ремесленники. И все же Северо-Восточная Русь значительно быстрее оправилась от разгрома. Она не потеряла политической независимости, а затем именно этот регион стал тем центром, вокруг которого началось объединение Русской земли.

Монгольское вторжение прервало процесс интенсивной строительной деятельности, развивавшейся в Северо-Восточной Руси в 1-й трети XIII в. После 1234 г., когда было закончено строительство Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, строительство прекратилось. Однако, по-видимому, какая-то часть мастеров-строителей все же уцелела, и как только началось восстановление разоренных городов, началось и восстановление пострадавших каменных храмов. Так, уже в 1239 г. епископ Кирилл обновил и заново освятил церковь Бориса и Глеба в Кидекше. Во второй половине XIII в. небольшие восстановительные работы продолжались главным образом в Ростове. В 1253 г. здесь отремонтировали, а в 1287 г. и перестроили церковь Бориса и Глеба. В 1280 г. была починена кровля и сделан новый пол в ростовском Успенском соборе. Тогда же, в 1280 г., новой свинцовой кровлей покрыт и владимирский Успенский собор.

Все эти крайне немногочисленные ремонтные работы проводились по инициативе церковных властей — митрополита и епископа. Видимо в распоряжении церкви имелись какие-то, довольно скромные строительные кадры. Об этом свидетельствует и грамота Менту-Тимура 1267 г., где в

числе охраняемых церковных людей числятся и «церковные мастера».

Таким образом, во Владимире и Ростове во второй половине XIII в., хотя и не велось капитального строительства, но все же продолжали бытовать традиции владими́ро-суздальского зодчества. Постепенно к концу XIII в. вместо старых политических центров Северо-Восточной Руси начинают выдвигаться новые города — Тверь и Москва, и именно здесь начинается оживление строительной деятельности.

Тверь не была в домонгольское время крупным политическим или экономическим центром Северо-Восточной Руси. Значение города заметно возросло к середине XIII в.; здесь сложилось самостоятельное Тверское княжество, а во 2-й половине XIII в. и тверская епископия. В 1285—1290 гг. в Твери построили первый каменный храм — Спасский собор. В 1292 г. собор был расписан. На протяжении четырех столетий здание многократно перестраивалось, а в XVII в. было сломано. Судить об этом памятнике в настоящее время мы можем лишь по немногочисленным упоминаниям в письменных источниках и изображению на иконе. Очевидно, что собор был белокаменным, покрытым позлащенными и, вероятно, орноглавым. Эти данные не оставляют сомнений в том, что здесь еще полностью сохранялись традиции владими́ро-суздальской архитектуры. Остальные церкви, как и все жилые и оборонительные сооружения Твери, были деревянными.

Вторая каменная постройка — церковь Флора — возведена в Твери в 1323—1325 гг. И «соверши и украси» некий игумен Иван Царе

радец. Зодчий этот, судя по имени, был приезжим греком. Кто были мастера-каменщики — неясно. После постройки Спасского собора прошло уже 33 года, и вряд ли это были те же мастера. Возможно, что это были строители из новгородского города Торжка. Из летописи известно, что после взятия этого города новгородцами в 1315 г. тверской князь Михаил Ярославич «вся мастера их взя в Тверь». Через 96 лет после постройки церковь Федора как «ветхая» была заменена новой постройкой. Никаких данных о том, что представлял собой этот храм, не имеется. Разгром Твери в 1327 г. прекратил начавшееся здесь развитие монументальной архитектуры.

В середине и 2-й половине XIV в. некоторое оживление строительной деятельности происходило и в Суздальско-Нижегородском княжестве, выступавшем в эту пору соперником Твери и Москвы. В 1350—1352 гг. был перестроен Спасский собор в Нижнем Новгороде, не дошедший до наших дней, а в 1359 г. на месте древнего собора Архангела Михаила в Нижнем Новгороде было возведено новое здание собора. Позднее и это здание было сломано при постройке храма XVII в., однако раскопки дали возможность судить о том, что представлял собой архитектурный памятник середины XIV в. Это было белокаменное здание, шестистолпное, трехапсидное, с тремя притворами, полностью открытыми внутрь церкви. Таким образом, по плану новое здание собора почти полностью повторяло план собора XIII в., хотя оно было заметно сдвинуто к западу по отношению к древнему. Восточные столбы здесь в отличие от собора XIII в. превратились в поперечную стенку, отделявшую апсиды от основного помещения. Очень своеобразен был пол этого памятника, вымощенный квадратными кирпичами, имевшими на верхней поверхности врезной орнамент, заполненный белым гипсом.

В 1365 г. нижегородские князья сделали попытку создать в своей столице каменную крепость. Работы по постройке крепости вскоре прекратились и были возобновлены в 1372 г., но, по-видимому, строительство так и не было завершено. В 1370 г. там же в Нижнем Новгороде построили каменную церковь Благовещения, от которой, как и от каменной крепости, до наших дней не сохранилось никаких следов.

Третий город, где в XIV в. началась строительная деятельность — Москва. Ко времени монгольского вторжения это был небольшой город, не имевший существенного политического значения. Лишь с конца XIII в. Москва начинает расти и играть существенную роль в судьбах Северо-Восточной Руси. Судя по письменным источникам, каменное строительство здесь началось только в 1326 г., когда была построена «первая церковь камена» — Успенский собор. Этот собор не сохранился и об его формах существуют различные предположения. Фрагменты резного камня говорят о том, что здесь сохранялись традиции владимиро-суздальского зодчества. Откуда прибыли в Москву строители, неизвестно. Очень вероятно, что воспользовавшись разгромом Твери в 1327 г., в Москву забрали и всех работавших там строителей. Во всяком случае, в Твери строительство полностью прервалось, а в Москве после этого каменное строительство ведется уже непрерывно.

В 1329 г. в Москве возвели церковь Иоанна Лествичника. Известно, что она была церковью «иже под колоколы», т. е. имела в верхней части звонницу. Судя по тому, что ее построили за 1 год, церковь была очень небольшой. Она также не сохранилась, и первоначальные формы ее неизвестны. Еще через год, в 1330 г. была построена церковь Спаса на Бору. Многократно перестроенная, она была полностью возведена заново в XVIII в. и только по нескольким найденным фрагментам можно судить, что она была белокаменной и с элементами декоративной резьбы. В 1333 г. построили церковь Архангела Михаила, также возведенную за 1 год и, следовательно, имевшую небольшой размер. В 1344—1346 гг. все эти московские церкви были внутри расписаны.

Оборонительные и жилые постройки Москвы оставались деревянными. Известно, что в первой половине XIV в. здесь был построен деревянный дворец, а в 1339—1340 гг. — дубовый Кремль. В 1340 г. возведена и первая каменная церковь вне Кремля, на московском посаде — церковь Богоявленского монастыря, полностью уничтоженная в XVII в. Проведенные раскопки показали, что она была, по-видимому, белокаменной, четырехстолпной.

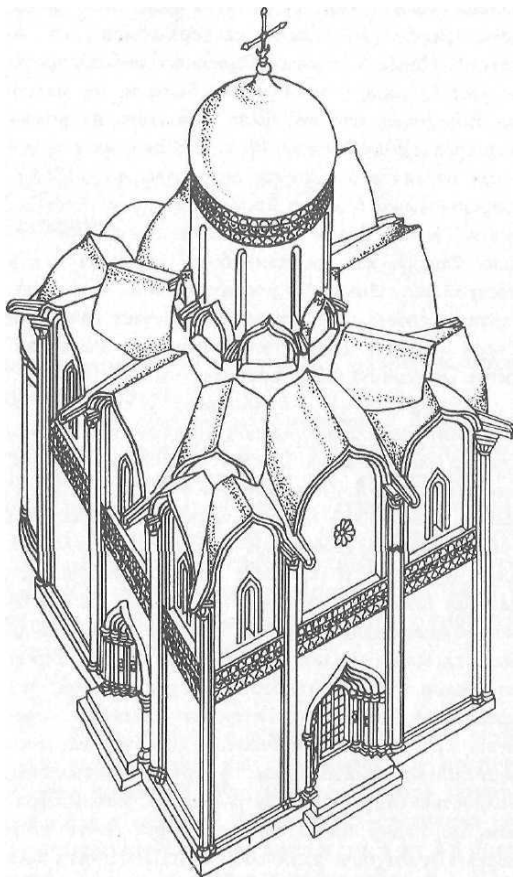
Таким образом, усиление значения Москвы во 2-й четверти XIV в. при Иване Калите нашло

прямое отражение в каменном строительстве. Как и в Твери, и в Нижнем Новгороде памятники той поры полностью исчезли, и можно уверенно говорить лишь о том, что во всех этих городах зодчество следовало по пути продолжения владими́ро-суздальских традиций. Но если в Тверском и Суздальско-Нижегородском княжествах подъем строительной деятельности был недолговечным и быстро оборвался, в Московском княжестве во 2-й половине XIV в. каменное строительство продолжает развиваться.

При Дмитрии Донском и митрополите Алексее строительная деятельность не только не затихает, но даже несколько усиливается.

Большое внимание уделялось оборонительному строительству, в том числе и каменному. В 1367—1368 гг. был построен белокаменный Кремль, сменивший дубовую крепость. Площадь Кремля при этом увеличилась и периметр каменных стен составил около 2 км.

В 1365 г. в Кремле построены собор Чудова монастыря и каменная трапезная, а в 1378 г. заложен собор Симонова монастыря, законченный строительством значительно позднее. Однако наиболее интенсивное строительство во второй половине XIV в. проводилось не в самой Москве, а в других городах Московского княжества, в первую очередь в Коломне, игравшей важную стратегическую роль в обороне территории княжества. Здесь было сооружено несколько каменных храмов. В 1379—1382 гг. возвели Успенский собор в Коломне; остальные памятники не имеют точных дат постройки (Воскресенская церковь, Богоявленская церковь в Голутвине монастыре, Рождественская церковь в Бобрееве монастыре под Коломной и церковь в с. Городище близ Коломны). Позднее все эти московские и коломенские памятники были полностью перестроены. Успенский собор и Воскресенская церковь, по-видимому, были четырехстолпными храмами, но их конкретные формы неясны и вызывают различные, но одинаково спорные реконструкции. Церкви же в Голутвине и Бобрееве монастырях, судя по материалам раскопок, были небольшими квадратными в плане бесстолпными зданиями. Купол в них опирался на четыре столба, встроенных в углы помещения. Такой же план имела и церковь в с. Городище. Таким образом, наряду с традицион-

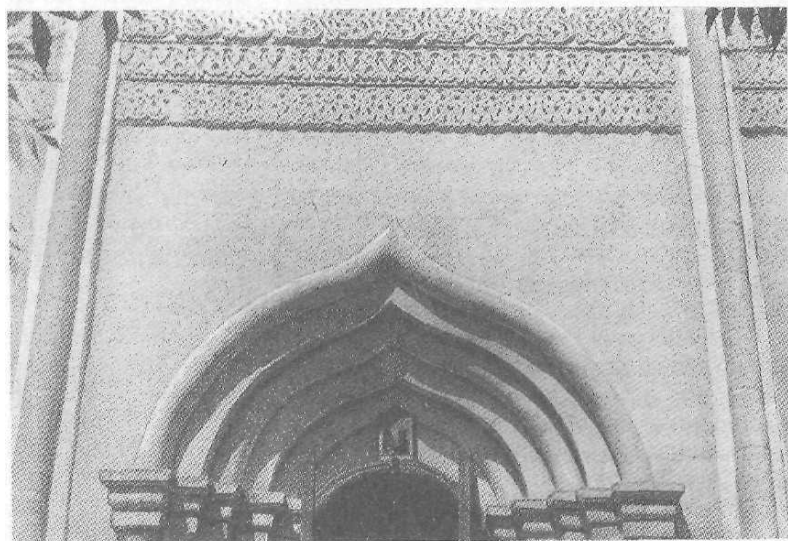
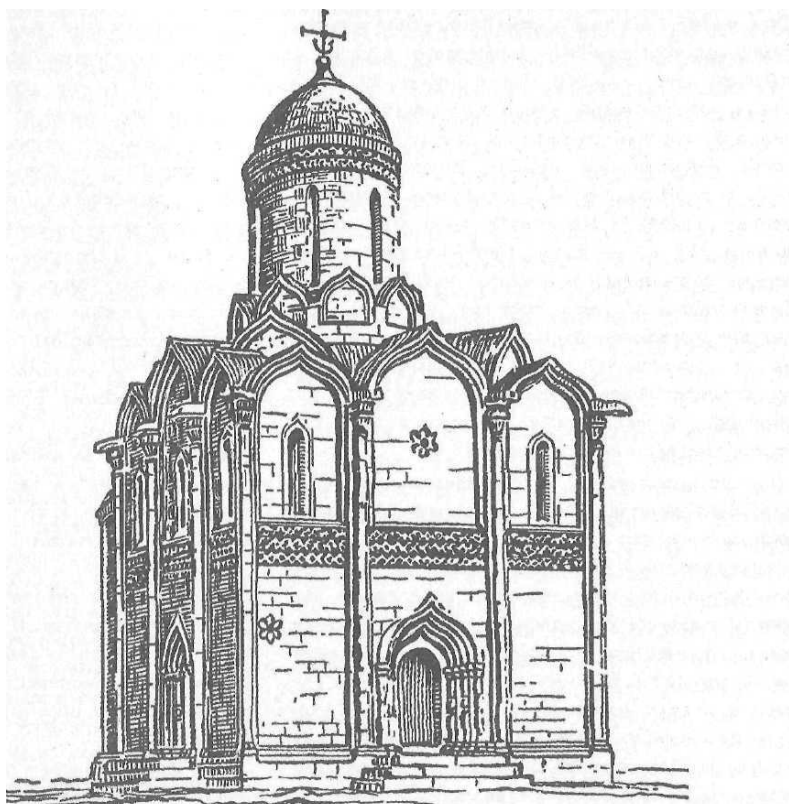
ными четырехстолпными храмами, московские зодчие выработали и совершенно новый тип маленькой бесстолпной церкви. Какой характер имело завершение таких церквей, неизвестно.

Кроме Коломны, каменное строительство началось и в других городах Московского княжества — в Серпухове и Можайске. Так, судя по письменным источникам, весьма вероятно, что каменные церкви были построены во второй половине XIV в. во Владычном и Высоцком монастырях в Серпухове. К тому же времени, по-видимому, относится и строительство Никольского собора в Можайске, который был полностью построен заново в середине XIX в., но так, что представлял собою полную копию предшествовавшего.

Звенигород. Успенский
 собор на Городке.
 Реконструкция.
 Рисунок.
 Фрагмент фасада.

Zvenigorod. Cathedral
 of Dormition
 (Uspensky) -na-Gorodke.
 Reconstruction. Drawing.
 Fragment of facade.

Судя по этим данным, древний храм был четырехстолпным, трехапсидным, одноглавым и стоял на высоком цоколе. Собор был сооружен из белого камня, его закомары имели килевидные очертания, а по середине высоты на фасадах проходила лента белокаменной резьбы. Видимо в конце XIV в. в Можайске была возведена вторая каменная церковь — Иоакима и Анны. Она уничтожена в XIX в., но часть северной стены древней церкви сохранилась в составе новой постройки. Таким образом, здесь имеются некоторые данные для суждения о формах первоначального храма. Он представлял собой белокаменное четырехстолпное здание. Сохранился северный портал, имевший по бокам тонкие колонки и завершавшийся килевидным архивольтом.

Несмотря на то, что ни один памятник каменного зодчества XIV в. не сохранился в более или менее целом состоянии, даже на основании сохранившихся фрагментов можно все же определить, что строительство явно продолжало развивать традиции владими́ро-суздальской архитектуры. К сожалению, конкретные формы памятников удастся установить лишь в нескольких случаях и, к тому же, очень приблизительно. Строительство, которое проводилось в Московском княжестве в XIV в., заложило прочные основы сложения на рубеже XIV—XV вв. яркой и самостоятельной московской архитектурной школы.

* * *

В самом конце XIV в. в Московском княжестве заметно усилилась строительная деятельность. В самой Москве, в Кремле, были построены Благовещенская церковь и церковь Рождества Богородицы. Благовещенская церковь, сооруженная между 1393 и 1397 гг., была разобрана и возведена заново в конце XV в., но в ее подклете сохранились белокаменные остатки первоначального здания. На основании этих остатков можно определить, что здание XIV в. представляло собой небольшую квадратную в плане церковь с одной апсидой и четырьмя столбами, встроенными в углы помещения, т. е. это было здание, близкое по типу к бесстолпным храмам, построенным в Коломне. Однако в отличие от них Благовещенская церковь имела подклет («казну») с опорным столбом в центре.

Значительно больше данных имеется по церкви Рождества Богородицы, возведенной в 1393—1394 гг. Ее строительство было, по-видимому, осуществлено в память о Куликовской битве. В 1395 г. церковь расписали художники Феофан Грек и Симеон Черный. Здание полностью перестроено в начале XVI в., причем нижняя часть древнего храма была перекрыта новыми сводами и использована как подклетный этаж нового храма. Таким образом, до наших дней сохранилась нижняя половина здания белокаменного четырехстолпного храма с тремя апсидами (в XVII в. центральная и северная апсиды были переложены). Восточные столбы церкви квадратные, а западные круглые. В толще северной стены размещена лестница, ведущая на хоры. Полностью сохранился западный белокаменный перспективный портал, колонки которого перебиты бусинами, а архивольты имеют килевидные очертания. В толще стен размещены многочисленные ниши со своеобразным многолопастным килевидным завершением. Маленькие окошки, освещающие камеры в северо-западном углу имеют характер восьмилепестковых розеток. Верхние части здания и обработка его наружных стен не сохранились.

Через несколько лет после возведения кремлевской церкви Рождества Богородицы (по-видимому, около 1400 г.) был построен Успенский собор в Звенигороде. Здание расположено на территории древнего укрепления и поэтому обычно называется собором на Городке. Это самый древний полностью сохранившийся памятник московской архитектуры. Собор представляет собой сравнительно небольшую одноглавую трехапсидную церковь с четырьмя широко расставленными столбами. В северо-западном его углу в толще стены находится лестница, ведущая на хоры. Здание возведено в прекрасно выполненной белокаменной технике.

Общая композиция Успенского собора близка памятникам владими́ро-суздальского зодчества. Владимиро-суздальские традиции отражены и в закономерном завершении фасадов, и в тонких колонках на лопатках, и в перспективных порталах, и в профилировке цоколя. Вместе с тем здесь имеются и заметные нововведения. Так, вместо аркатурно-колончатого пояса поперек фа-

садов проходит тройная лента белокаменной резьбы растительного характера, архивольты порталов и закомары имеют четкие килевидные заострения. Пол несколько приподнят над уровнем земли, и поэтому цоколь имеет довольно значительную высоту, а к порталам ведут ступени. Но самая главная отличительная особенность Успенского собора — ступенчато повышающаяся конструкция сводов и отвечающий этой конструкции усложненный верх: четыре дополнительных диагональных закомары и кокошники в основании барабана. В отличие от владими́ро-суздальских памятников наружные лопа́тки храма не соответствуют положению столбов, а распределены равномерно по фасаду и, таким образом, внешние членения здания не вполне отражают конструктивную схему сооружения. Такой прием свидетельствует о совершенно ином, чем у домонгольских мастеров, принципе композиционного подхода; он позволял зодчему решать пропорциональные построения внутреннего и внешнего объемов независимо друг от друга, и тем самым получить полностью уравновешенный наружный облик храма, не уменьшая для этого алтарную часть здания. Полное совпадение деталей звенигородского Успенского собора и кремлевской церкви Рождества Богородицы (порталы, маленькие круглые окна в розетках, обрамление ниш и пр.) не оставляет сомнений в том, что эти два здания возводили те же мастера.

В 1404 г. закончилось строительство собора Симонова монастыря, не сохранившегося до наших дней, поскольку позднее он был полностью перестроен. В 1405 г. в Кремле началось строительство каменной церкви Вознесенского монастыря, однако вскоре строительство прервалось в связи со смертью заказчицы — вдовы Дмитрия Донского Евдокии. Примерно в те же годы построили Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода, который во многом близок Успенскому собору на Городке. Как общая схема, так и конструкция этих зданий по существу идентичны. И в то же время они очень различны. По сравнению со стройным и изящным Успенским собором, собор Саввина монастыря выглядит гораздо более массивным и даже несколько грубоватым. Вместо тонких колонок на фасадах здесь простые плоские лопа́тки, которые к тому же перерезаются тройной лентой резьбы, которая по

рисунку почти совпадает с резьбой звенигородского Успенского собора. Здание не имеет хоров, столбы его не крещатые в плане, а квадратные. Как и в более ранних постройках, сохраняется точное соотношение размещения наружных лопа́ток и столбов. Собор полностью сохранился и восстановлен в первоначальных формах.

В 1422—1423 гг. был построен собор Троице-Сергиева монастыря. По общей схеме он так же, как и собор Саввина монастыря, полностью повторяет звенигородский Успенский собор, однако производит совершенно иное впечатление. Сравнительно невысокое и массивное здание тем не менее кажется стройным благодаря тому, что все его формы — стены, столбы, барабан — имеют небольшое сужение сверху, создающее перспективный ракурс. Между наружными членениями здания, осуществленными с помощью узких плоских лопа́ток, и опорными подкупольными столбами виден заметный разрыв: столбы сдвинуты к востоку, что никак не отражено на фасадах. Завершающие фасады закомары не отвечают реальному расположению сводов и являются, по существу, ложными. Кроме диагональных закомар, собор имеет еще и примыкающие к барабану закомары второго яруса, отвечающие конструкции ступенчато повышающихся арок. В отличие от звенигородского Успенского и Саввина соборов, в основании барабана нет кокошников, а размещен в нем прямоугольный пьедестал. В соборе отсутствуют хоры, а между восточными столбами размещена высокая (до 3 м) каменная стенка-преграда. Следует отметить также очень хорошее качество белокаменной кладки здания.

Имеется еще один памятник, вероятно, относящийся приблизительно к тому же времени, т. е. к 1-й четверти XV в. — это Никольская церковь в с. Каменском на р. Наре. Церковь очень небольшая, белокаменная, бесстолпная, почти кубическая по объему, с тремя апсидами. Она сильно перестроена в верхней части, но в общем достаточно хорошо сохранилась. В углах ее квадратного в плане интерьера размещены пилоны, поддерживающие арки параболической формы. Угловые паруса переходят в суживающийся кверху конусообразный свод, служащий основанием кольца барабана. Наружные стены церкви гладкие; они не имеют лопа́ток или членений. Порталы перспек-

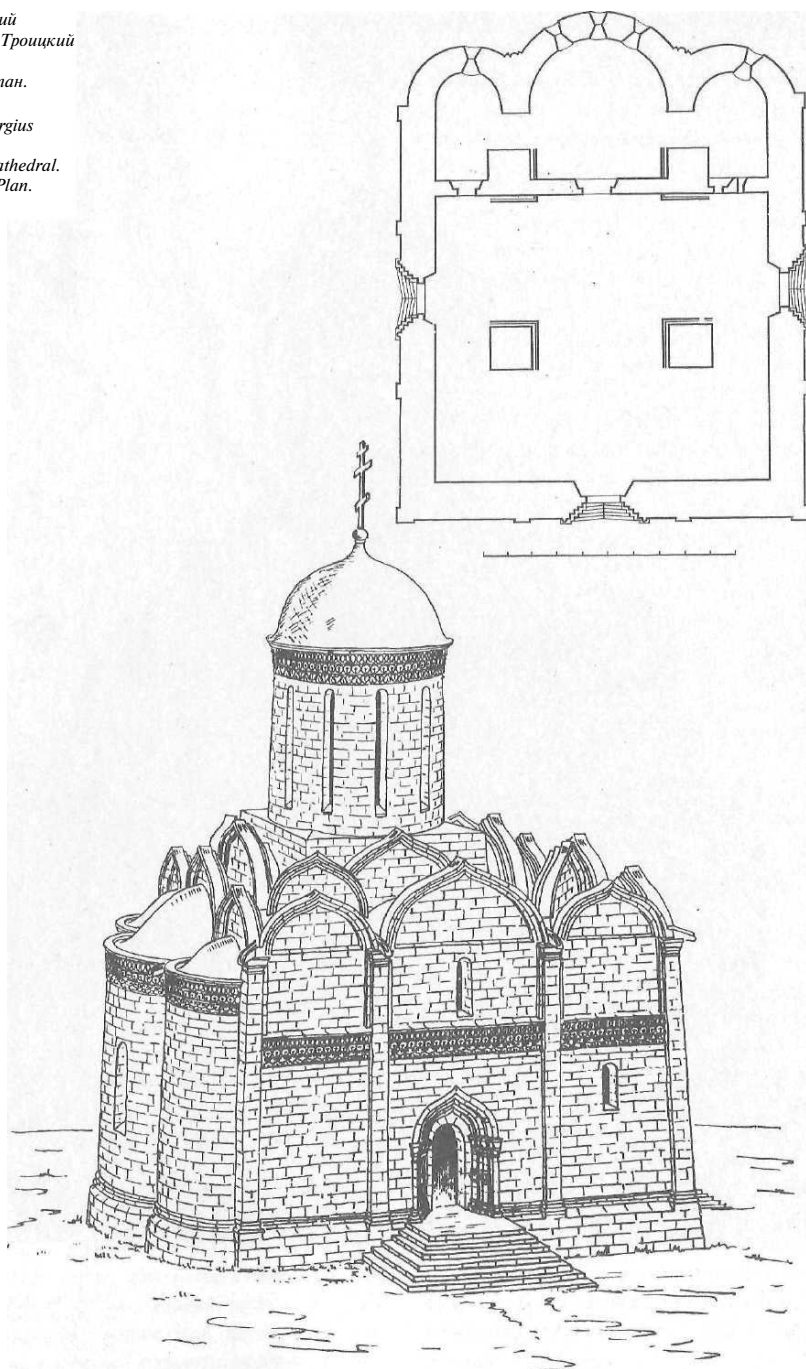
тивные, но они имеют на один уступ меньше, чем порталы звенигородского Успенского собора или Троицкого в Троице-Сергиевом монастыре; завершаются они килевидными архивольтами. В отношении первоначального завершения фасадов существуют различные предположения — либо они завершались плоскими карнизами, либо декоративными закомарами. Никольская церковь является единственным хотя бы частично сохранившимся храмом того бесстолпного типа, который московские зодчие разрабатывали во второй половине XIV в.

В XIV — начале XV в. строительство в Москве осуществлялось по заказу московских великих князей, а в Звенигороде и Троице-Сергиевом

монастыре — по заказу князя Юрия Звенигородского. Кроме того по письменным источникам известно, что велось строительство и на средства Ростовской епископии. Так, в 1411 г. произвели ремонт Успенского собора в Ростове, а в 1412 г. была построена не сохранившаяся до наших дней церковь Благовещения в Дорогомилове, на подворье Ростовской епископии в Москве. Таким образом, строительная деятельность в Московском княжестве в первой четверти XV в. была уже довольно интенсивной. Очевидно, что здесь имелись достаточно опытные и многочисленные строительные кадры.

Сравнение сохранившихся сооружений той поры показывает, что их возводили разные строи-

Троице-Сергиевский
монастырь. Троицкий
собор.
Общий вид. План.
Реконструкция.
The Trinity-Sergius
Monastery.
The Trinity Cathedral.
General view. Plan.
Reconstruction.

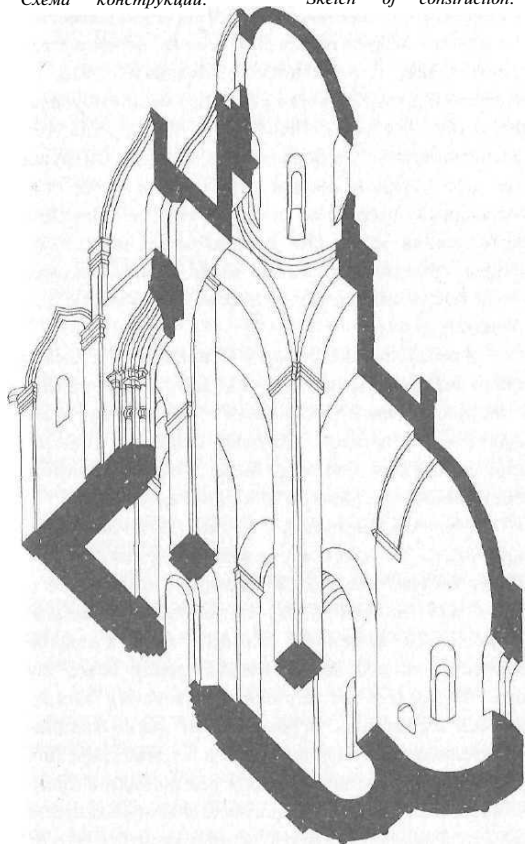

Москва. Собор
Андроникова монастыря.
Moscow. Cathedral
of Andronikov Monastery.

Москва. Собор
Андроникова монастыря
Схема конструкции.

Moscow. Cathedral
of Andronikov Monastery.
Sketch of construction.

тельные организации. Кремлевская церковь Рождества Богородицы и собор в Звенигороде, несомненно, строила одна и та же артель мастеров. Собор Саввино-Сторожевского монастыря, по-видимому, возвели строители из той же артели, но менее опытные. Однако собор Троице-Сергиева монастыря выдает руку совершенно иных зодчих — опытных, но связанных с иной архитектурной традицией. Очень возможно, что это были балканские, скорее всего, сербские строители. Кроме архитектурных и строительно-технических особенностей на присутствие приезжих строителей косвенно указывает и письменный источник, сообщающий, что игумен монастыря Никон при постройке собора «собирает отвсюду зодчих и каме-

носеща мудры». Типологическое сходство данного памятника архитектуры с остальными московскими постройками в таком случае может объясняться жесткими условиями заказа, поставленными перед приезжими мастерами. К работе тех же строителей, быть может, относится и строительство церкви в селе Каменском (ныне на территории Калужской области), если только она, как предполагают некоторые исследователи, не относится к более раннему времени.

В развитии раннемосковской архитектуры еще многое неясно. Например, остается нерешенным вопрос, как появилась в московском зодчестве ступенчато повышающаяся конструкция сводов, — была ли она здесь разработана самостоятельно или же унаследована из какого-то пока еще не выясненного источника. Как бы то ни было, но ясно, что в течение первой четверти XV в. московское зодчество, развившееся в основном на традициях владими́ро-суздальской архитектуры, уже превратилось в самостоятельную и яркую архитектурную школу. Завершающим звеном этого развития явилось создание замечательного памятника зодчества — Спасского собора Андроникова монастыря в Москве. Собор был построен, по-видимому, в 1425—1427 гг.; в настоящее время он полностью восстановлен в первоначальных формах. Здесь при сохранении той же схемы четырехстолпного плана полностью переработана вся композиция здания.

Большой подъем подпружных арок высоко поднимает барабан и создает основу второго яруса закомар трехлопастного очертания, с крупными кокошниками, повернутыми по диагонали. В основании стройного барабана главы — венки меньших кокошников. Угловые членения здания резко опущены, что создает ступенчато-башнеобразную структуру. Впечатление стройности и высоты еще более усиливают высокий цоколь и лестницы, ведущие к порталам. Несомненно, что в Спасском соборе ярко реализованы те тенденции, которые были характерны для предмонгольского этапа развития русской архитектуры (например, в черниговской Пятницкой церкви), однако если в черниговской церкви господствовало впечатление динамики, взлета, то в соборе Андроникова монастыря превалирует впечатление пышности, торжественности.

Вскоре после завершения строительства собора Андроникова монастыря был полностью перестроен собор Чудова монастыря в Московском Кремле (1431 г.). Позднее, в XVI в., здание построено заново, но на старом двухъярусном подклете. Таким образом, высокий цоколь раннемосковских храмов здесь уже превратился в подклётный этаж. Из письменных источников известно, что собор был «обаче высок». Весьма вероятно, что в этом здании получили дальнейшее развитие строительные приемы и стилистические особенности, отраженные в соборе Андроникова монастыря.

Традиции владими́ро-суздальской архитектуры в соборе Андроникова монастыря чувствуются достаточно явно, но уже в сильно переработанном виде. В Москве опора на владимирское культурное наследие базировалась не только на традициях местных зодчих, но и на вполне сознательном обращении к этому наследию со стороны заказчиков. В отличие от Новгорода и Пскова монументальное зодчество Москвы с самого начала имело целеустремленный характер. Москва, становившаяся средоточием русской государственности, стягивала из областных центров ремесленников и строителей, что делало ее творческой лабораторией национальной культуры.

На рубеже XIV и XV вв. вновь началась строительная деятельность в Тверском княжестве. Так, в 1396—1398 гг. во втором по значению городе княжества, Старице, был построен Архангельский собор. В 1399 г. производился капитальный ремонт Спасского собора в Твери и, по видимому, там же возвели каменный княжеский дворец. В 1404 г. построена Никольская церковь в Старице, а в 1404—1406 гг. церковь Успения Богородицы в Желтиковом монастыре (в Твери). В 1435—1439 гг. там же сооружена церковь Бориса и Глеба, а в 1452—1455 гг. — церковь Архангела Михаила. Кроме того, в первой половине XV в. (точная дата неизвестна) в с. Городне, т. е. в древнем городе Вертязине, возведена церковь Рождества Богородицы. Архитектурные памятники тверского зодчества погибли почти полностью. До наших дней более или менее сохранилась церковь в Городне. С помощью раскопок изучены фундаменты обеих старицких церквей.

Церковь в Городне — небольшой четырехстолпный трехапсидный храм на подклёте. Его квадратные столбы широко расставлены. Северная и южная подпружные арки слегка повышаются над сводами, а восточная и западная слиты со сводами. В плане эти арки образуют не прямоугольник, а как бы четырехконечную звезду, так как расширяются по направлению к центру. Снаружи этой конструкции сводов отвечает высокий прямоугольный пьедестал под барабаном. Верхняя часть здания искажена позднейшими перестройками и система завершения ныне неясна: фасады могли иметь как горизонтальные завершения, так и закомары.

Архангельский собор в Старице представлял собою четырехстолпный трехапсидный храм с широкой постановкой квадратных столбов. Он не имел подклета, но обладал высоким цоколем. Никольская церковь в Старице была очень маленькой бесстолпной постройкой с одной апсидой.

Конечно, Тверь в XV в. уже не могла конкурировать с Москвой в размахе монументального строительства. Если в Московском княжестве с конца XIV до середины XV в. было возведено не менее 20 каменных зданий, то в Тверском княжестве за это же время построили всего восемь. Видимо, в распоряжении тверских князей имелась всего одна, к тому же не очень мощная строительная артель, поэтому и стены тверского кремля и высокая центральная колокольня в кремле, известные нам по иконописным изображениям, были деревянными. Почти полное отсутствие сохранившихся архитектурных памятников крайне затрудняет изучение тверского зодчества. И все же сопоставление письменных и изобразительных источников с немногочисленными сохранившимися хотя бы в остатках постройками позволяет сделать уверенный вывод, что в Тверской земле не меньше, чем в Москве, постоянно сознательно обращались к владими́ро-суздальским традициям. Как в строительной технике (белокаменная кладка), так и в архитектурных формах тверских построек чувствуется близость к московским памятникам зодчества, хотя неясно, сказывалось ли в этом прямое влияние московской архитектуры или же только общность традиции.

Несомненно, что тверские князья рассматривали монументальное строительство как один из

важных способов противопоставить Тверь усилившемуся влиянию Москвы. Строительная деятельность тверского князя Бориса Александровича в 30—50-х гг. XV в. в письменных источниках того времени рассматривается как существенная сторона всей его жизни. С середины XV в. строительство в Твери прекратилось, а вскоре Тверь потеряла независимость и вошла в состав Московского государства.

В XIII—XIV вв. на Руси при осаде укрепленных поселений полностью сложилась и стала господствующей тактика штурма, поддерживаемого действием камнеметных машин-пороков. Естественно, что эта новая тактика должна была вызвать появление новой структуры оборонительных сооружений. Возводившиеся в XII в. округлые в плане укрепления, рассчитанные на тактику пассивной осады («облежание») и позволявшие вести стрельбу только фронтального характера, не могли противостоять штурму.

В XIV в. в Северо-Восточной Руси получили распространение укрепления «одностороннего» типа, в которых широко использовались защитные свойства рельефа местности. Камнеметные машины результативно действовали на расстоянии не более 150 м, кроме того, они не могли метать камни со значительным уклоном вверх. Поэтому там, где осаждающие были не в состоянии поставить камнеметы (высокие склоны, широкие овраги и прочие препятствия), оборона строилась по-прежнему исключительно на фронтальной стрельбе со стен. Так же, где можно было ожидать установки камнеметов, строили более высокие валы, а стены на них делали в виде более или менее прямолинейных в плане участков с башнями по краям. Если участок обороны состоял из нескольких таких прясел, то башни ставили в местах переломов. Подобная структура позволяет в момент штурма обеспечивать фланкирующий обстрел вдоль стен. Надо отметить, что все укрепления Северо-Восточной Руси в XIV и первой половине XV в. (за исключением Московского Кремля) были деревянными.

Хорошим примером такого типа укреплений может служить городище, представляющее собой

остатки г. Романова (городище в г. Тутаеве), основанного во 2-й половине XIV в. Не менее характерны укрепления г. Старицы, однако здесь кроме основной площадки, защищенной с напольной стороны прямолинейным валом с двумя башнями по сторонам, имеется еще вторая площадка, имеющая аналогичную систему обороны. Не изменилась организация оборонительных сооружений и в первой половине XV в. Появление в конце XIV в. огнестрельной артиллерии на первых порах, вплоть до середины XV в., не изменило тактики осады, поскольку по дальности и точности стрельбы ранние пушки мало превосходили камнеметы. Характерными примерами «односторонней» обороны, созданной в XV в., могут служить, например, укрепления г. Плёс (1410 г.), верхнего городища Галича Мерьского (начало XV в.).

В тех случаях, когда укрепления строились на участке, имеющем достаточно хорошие защитные свойства рельефа по всему периметру (например, остров или отдельное всхолмление) и, следовательно, нельзя было использовать при осаде города камнеметы или пушки, план оборонительных сооружений целиком подчинялся условиям местности.

Единственной каменной крепостью Северо-Восточной Руси в тот период был Московский Кремль, построенный в 1367—1368 гг. При постройке каменных стен площадь Кремля была значительно увеличена в напольную сторону, в то время как фланги продолжали опираться на естественные оборонительные рубежи — реки Москву и Неглинную. «Односторонний» характер обороны был здесь выражен очень четко: на боковых сторонах Кремля располагалось по одной башне, а на напольной стороне пять.

Белокаменный Кремль не сохранился, так как в конце XV в. он был сменен новой, кирпичной крепостью.

Архитектурный облик оборонительных сооружений той поры неизвестен, так как ни в одной крепости не сохранилось стен или башен. Однако, сама плановая структура укреплений предопределяет, что крепости должны были иметь явно выделенный «фасад», т. е. наиболее укрепленную напольную сторону.

VII. АРХИТЕКТУРА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

конца XIII—XV вв.

Во время монгольского вторжения армия Батые не дошла до Новгорода, и поэтому в отличие от городов Южной и Северо-Восточной Руси, он не был razoren. Тем не менее и здесь создалась обстановка, не позволявшая вести монументальное строительство. Воспользовавшись ослаблением Руси, активизировались враждебные соседи — шведские феодалы, немецкие рыцари, Литва. На новгородских землях приходилось думать не о гражданском и культовом строительстве, а о строительстве оборонительных сооружений. В трудных боях отстаивали новгородцы свою независимость. К тому же тяжелая дань, наложенная монголами, подрывала экономику города. В таких условиях монументальное строительство в Новгороде прервалось на целые столетия.

Лишь к концу XIII в. обстановка в Новгородской земле несколько стабилизировалась, и в 1292 г. была построена первая после перерыва каменная постройка — церковь Николы на Липне близ Новгорода — небольшая квадратная в плане постройка, четырехстолпная, с одной апсидой. Она имеет крестовокупольную систему сводов, причем в восточных углах размещены полукопоровые своды, а в западных — сомкнутые своды с ребрами. Восточная пара столбов в нижней части имеет квадратное сечение, а западная — восьмигранное; в верхней части все столбы крещатые.

Церковь Николы на Липне имеет хоры; в угловых членениях они представляют собой замкнутые камеры, а в средней части — настил на балках. Снаружи здания лопатки находятся только на углах, а промежуточные лопатки отсутствуют. Завершение фасадов трехлопастное, отвечающее конструкции сводов. Сверху стен, под линией кров-

ли, проходит ползучая аркатура, общим контуром повторяющая трехлопастную форму завершения.

В нижней части здание возведено из камня, а в верхней (и в том числе своды) — из кирпича, причем камни были разных пород и разного цвета, а кирпичи — брусковые, нескольких размеров и форм. Для кладки использовался известково-песчаный раствор. Поверхность фасадов не была затерта раствором или обмазкой.

Совершенно ясно, что общая композиция храма, основные его типологические особенности восходят к церкви Перынского скита, построенной примерно на 60 лет ранее. Поскольку монументального строительства в этот промежуток времени в Новгороде не велось, естественно возникает вопрос, откуда появились мастера, возведшие церковь Николы на Липне. Применение брускового кирпича, раствора с песком, возведение угловых западных сводов с ребрами-нервюрами, а также декорировка фасадов ползучей аркатурой свидетельствуют об участии мастеров романоготической традиции, наиболее вероятно, из Риги. Б то же время точное повторение типологических черт Перынской церкви, несомненно, связано с требованием заказчиков (в первую очередь, видимо, епископа Климента), желавших сохранить старые новгородские традиции. Очень возможно также, что в Новгороде сохранялись и какие-то собственные кадры строителей, быть может, работавшие на возведении укреплений или на ремонтах древних храмов.

Вслед за постройкой церкви Николы на Липне летопись отмечает возведение еще ряда сооружений. Так, одновременно со строительством церкви Николы восстанавливалась разрушившаяся церковь Федора, через несколько лет были построены

надвратные церкви Воскресения и Преображения, в 1300 г. возведена церковь Михаила на Торгу, а в 1302 г. заложены каменные стены детинца. Очевидно, что строительство церкви Николы на Липне было не случайным и единичным явлением, а началом нового этапа монументального строительства в Новгороде. К сожалению, памятники эти (кроме церкви Николы) до нас не дошли: одни были капитально перестроены, другие полностью разрушены.

В 1300 г. возведена церковь Успения Богородицы в Колмове; она была полностью перестроена в XVI в., и в настоящее время можно судить лишь о том, что схема плана древнего храма близка плану церкви Николы на Липне. Лучше сохранилась церковь Николы Белого (1312 г.). Удалось установить, что этот храм имел не трехлопастные покрытия фасадов, как в Перынской и Липецкой церквях, а восьмискатную кровлю с пощипцовым покрытием каждого фасада. В отличие от церкви на Липне, в церкви Николы Белого наружные лопатки имеются не только на углах здания, но и промежуточные, делящие фасады на три членения, соответственно положению внутренних столбов. В этой церкви впервые применен многолопастной декор венчания стен из ползучих арок, стягивающих все четыре лопатки каждого фасада.

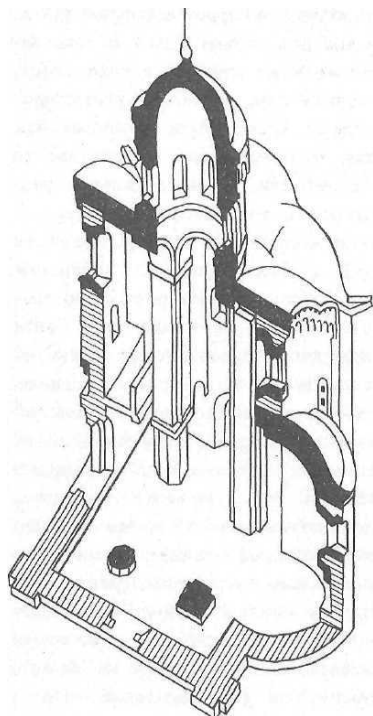
В 1342—1343 гг. на месте разрушенного храма XIII в. была построена церковь Благовещения на Городище. Своды этой церкви рухнули еще в древности, а само здание было разрушено во время Великой Отечественной войны. Тем не менее удалось все же установить, что здесь была создана ступенчато повышающаяся конструкция сводов, характерная для зодчества Москвы и Пскова, но в Новгороде являвшаяся уникальным примером, более ни разу не повторенным.

Еще через несколько лет, в 1345 г., построена церковь Спаса на Ковалеve. Она была разрушена во время Великой Отечественной войны, но после войны восстановлена. До разрушения в ней сохранялась прекрасная фресковая роспись, часть которой удалось собрать при разборке руин и смонтировать. Церковь имела квадратный план с четырьмя столбами и одной апсидой — план, ставший почти стандартным в новгородской архитектуре. Впрочем, в отличие от остальных новгород-

ских памятников зодчества первой половины XIV в., западная пара столбов в церкви Спаса на Ковалеve не восьмигранная и не круглая, а квадратная, так же как восточная пара. Наиболее существенными особенностями храма была позакомарная система покрытия, напоминающая домонгольские архитектурные памятники, а также наличие разноразмерных притворов с трех сторон здания.

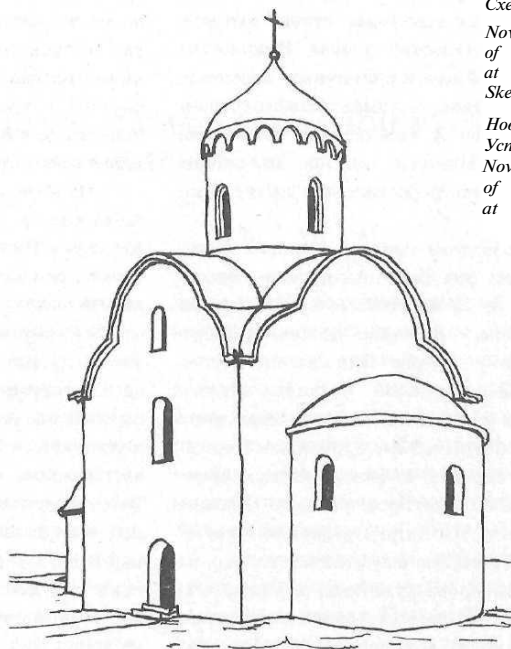
Вскоре после сооружения церкви Спаса на Ковалеve, в 1352 г., была возведена Успенская церковь в Болотове, которая почти полностью повторяет тип церкви Николы на Липне, но в более аскетическом виде: здесь отказались не только от промежуточных наружных лопаток, но и от лопаток на углах. С севера и запада к Успенской церкви примыкали притворы. В ней сохранялся полный ансамбль монументальной живописи, исполненной в 1363 г. Этот памятник зодчества, к сожалению, полностью погиб во время Великой Отечественной войны. Через 3 года после сооружения Волотовской церкви построена церковь Михаила в Сковородском монастыре. Она была сильно искажена позднейшими перестройками, а во время Великой Отечественной войны разрушена. Известно лишь, что эта церковь в значительной степени походила на Волотовскую. Храмы того времени в большинстве строились по заказу новгородского архиепископа Моисея.

Значительная часть новгородских памятников I-й половины и середины XIV в. не сохранилась, и формы их нам неизвестны. Уцелевшие фрагменты свидетельствуют о том, что в новгородском зодчестве шел интенсивный процесс разработки новых художественных и конструктивных решений. При этом сложилась плановая схема, которая стала типичной практически для всех памятников новгородской архитектуры: это были квадратные в плане здания с четырьмя столбами и одной апсидой. Но если планы памятников почти единообразны, то конструктивное решение сводов, система покрытия и декоративное оформление чрезвычайно разнообразны. Чаще всего применяли крестовокупольную структуру сводов с полуцилиндрическими сводами в угловых членениях, что создавало трехлопастную форму завершения фасадов. Однако при подобной конструкции сводов делались попытки и пощипцового покрытия фасадов (церковь Николы Белого). Параллельно с

Новгород. Церковь
Николы на Липне.
Схема конструкции.

Novgorod. Church
of St. Nicholas
at Lipna.
Sketch of construction.

Новгород. Церковь
Успения в Болотове.
Novgorod. Church
of the Dormition
at Volotovo.

этим не отказывались и от старой, характерной еще для XII в. структуры с цилиндрическими сводами в углах и позакомарным покрытием фасадов (церковь Спаса на Ковалеве). Известен пример и ступенчато повышающейся конструкции сводов (церковь Благовещения на Городище).

Разнообразно было и декоративное решение архитектурных памятников. В наиболее ранних храмах под трехлопастным завершением ввели аркатуру (церковь Николы на Липне), позднее эта аркатура превратилась в декоративные многолопастные арки (начиная с церкви Николы Белого). От применения лопаток на стенках в интерьере отказались с самого начала, в соответствии со старой новгородской традицией. Наружные лопатки чаще помещали только на углах, хотя иногда оставляли и промежуточные. Наконец, делали попытки вообще отказаться от лопаток, оставляя стены совершенно плоскими (церковь Успения в Болотове).

Таким образом, период с конца XIII до середины XIV в. был периодом исканий, когда разра-

батывали различные варианты храмового здания. Искания эти завершились к 60-м гг. XIV в.

К середине XIV в. экономическое положение Новгорода значительно укрепилось. Вместе с тем усилилась и строительная деятельность. Крупные новгородские бояре заказывают церкви, которые строятся одна за другой. И пышность оформления, и сам размер этих церквей должны были демонстрировать богатство их заказчиков. Как итог исканий предшествующего времени и как ответ на вновь появившиеся требования сложился почти каноничный тип новгородского храма, первым примером которого была церковь Федора Стратилата на Ручье (1360—1361 гг.). Этот храм представляет собой четырехстолпную одноглавую постройку с одной апсидой и трехлопастным завершением фасадов. Объемно-пространственная схема здания целиком восходит к схеме церкви Николы на Липне; именно такой тип церкви, разрабатывавшийся в различных вариантах в переходный период, и стал основой классического новгородского храма. Однако церковь Федора Стратила-

Новгород. Церковь
Федора Стратилата.

Novgorod. Church
of St. Theodore
Stratilates.

та все же существенно отличается от более ранних построек. Прежде всего она значительно крупнее. Ее фасады расчленены лопатками соответственно внутреннему членению столбами, т. е. каждый фасад разделен на три прясла. Под трехлопастным завершением проходят ползучие декоративные арки, связывающие между собой лопатки.

Особенность, резко отличающая церковь Федора Стратилата от более ранних, — богатое декоративное убранство фасадов. Аркатура на апсиде, бровки над окнами барабана, полоса богатого орнамента под основанием купола, фигурные кресты и ниши на стенах — таков набор декоративных элементов этого храма, делающих его нарядным и даже пышным. Внутри здание сохраняет старую крестовокупольную систему сводов с нормальными, т. е. пониженными, подпружными арками. На хорах устроены закрытые угловые помещения и в отличие от всех последующих новгородских храмов — закрытое каменной стенкой среднее членение; каменная лестница на хоры размещена в северо-западном углу здания. Окон-

ные проемы и порталы имеют стрельчатое завершение, видимо, отражая некоторое влияние готической архитектуры. С запада к церкви примыкал притвор, а с юга — небольшая пристройка, по-видимому, придел-усыпальница.

Церковь Федора Стратилата открывает целую серию памятников новгородского зодчества, хотя и отличающихся величиной и деталями, но по существу однотипных. К ним, например, относится построенная в 1367 г. церковь Петра и Павла на Славне, сильно пострадавшая в верхних частях, но восстановленная в первоначальных формах. Декоративное оформление этого храма значительно скромнее чем у церкви Федора Стратилата. Построенная через несколько лет (1374 г.) церковь Спаса на Ильине улице, наоборот, выделяется чрезвычайной насыщенностью декоративными элементами. Она самая нарядная из всех построек данного круга, отличающаяся к тому же прекрасными пропорциями и являющаяся одним из лучших памятников новгородского зодчества. Объединенные в группы окна и ниши разной ве-

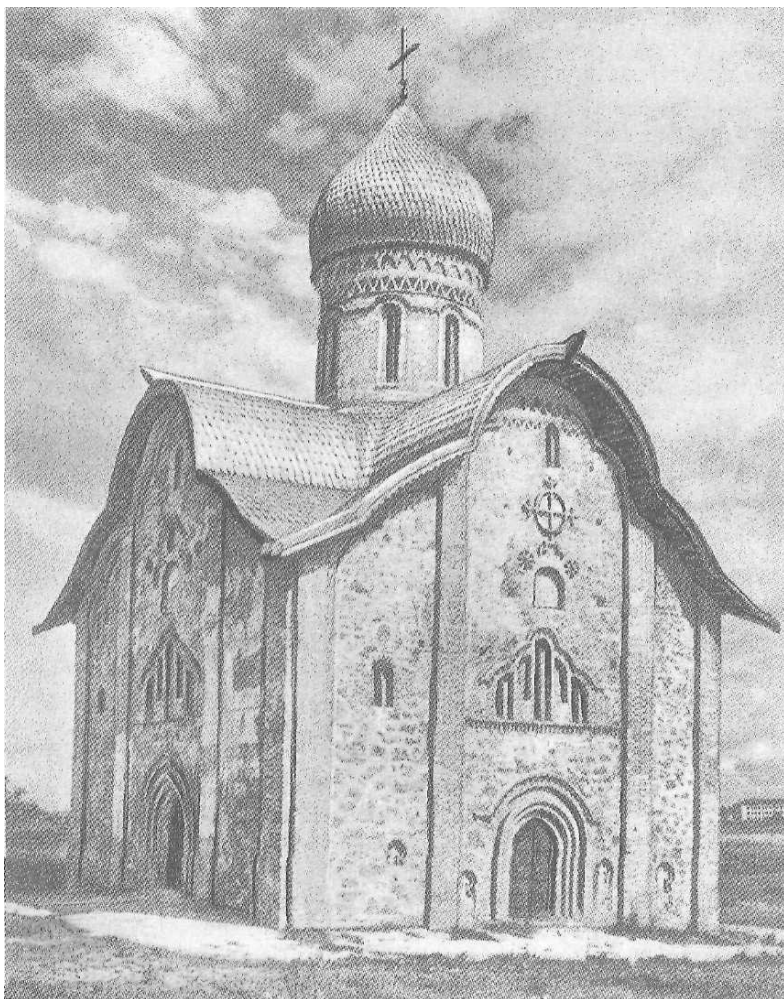
Новгород. Церковь
Спаса Преображения
на Ильине.
Novgorod. Church
of the Transfiguration
of Christ (Savior)
at Ilyino.

личины и формы, завершенные многолопастными бровками, многочисленные фигурные кресты украшают стены этого храма. Церковь полностью сохранилась, хотя ее первоначальное трехлопастное покрытие пока не восстановлено. Хоры церкви состоят из двух замкнутых камер по углам с деревянным переходом между ними, а лестница для входа на хоры размещена в толще западной стены. В интерьере церкви Спаса на Ильине сохранилась значительная часть фресковых росписей, исполненных в 1378 г. Феофаном Греком.

Близки по формам, хотя меньше по величине, церкви Рождества на кладбище (1382 г.) и Иоанна Богослова на Витке (1384 г.). Последняя имела с запада притвор (ныне перестроенный) и богато декорированный (почти как в церкви Спаса на Ильине) южный фасад, тогда как северный фасад решен очень аскетично. В церкви Рождества на кладбище сохранились фресковые росписи.

Все памятники данной группы были возведены из камня разных пород с небольшим количеством кирпича. В верхних частях зданий коли-

Новгород. Церковь Петра
и Павла в Кожевниках-
Novgorod. Church
of St. Peter and St. Paul
at Kozhevniky.

чество кирпича значительно больше. Первоначально фасады храмов не были затерты раствором и естественная их каменно-кирпичная фактура была открыта. При реставрации большинство памятников восстановили со штукатурным покрытием (церковь Власия, 1407 г.), хотя некоторые удалось реставрировать с открытыми поверхностями стен. Например, восстановлены церковь Петра и Павла на Славне и один из лучших памятников данной группы — церковь Петра и Павла в Кожевниках (1406 г.). Памятников, относя-

щихся к данной группе, было возведено довольно много. Так, в 1418 г. построена церковь Саввы, остатки которой были обнаружены раскопками, а в 1421 г. — церковь Иоанна Милостивого на Мячине, полностью перестроенная в XVII в.

Несколько храмов того же типа построили уже в середине XV в. Хорошим примером может служить церковь Двенадцати Апостолов (1455 г.). Церкви подобного типа строят и в 60-х гг. XV в. Внешне они почти полностью повторяют более ранние храмы, хотя внутри имеют существенное

новшество — наличие подклета, однако никак не выраженного на фасадах. Заметное увеличение роли кирпича за счет уменьшения естественного камня вызвало появление на фасадах широких многорядных полос узорной кирпичной кладки. В небольшом количестве, в виде узких полосок такой орнамент использовался в Новгороде уже со второй половины XIV в., но теперь именно такая декоративная обработка становится господствующей в верхних частях фасадов храмов. Подобный орнамент присутствует в Симеоновской церкви Зверина монастыря (1467 г.); судя по сохранившимся рисункам, он украшал стены уничтоженной еще в XIX в. церкви Лазаря (1462 г.). С наибольшей яркостью узорный кирпичный декор получил выражение в церкви Дмитрия Солунского (1463 г.). Следует отметить, что храмы подобного типа строили в Новгородской земле и вне самого Новгорода; примером может служить погибшая во время Великой Отечественной войны церковь Николы Гостинопольского.

Таким образом, тип новгородского храма, сложившийся к 60-м гг. XIV в., в дальнейшем продолжал применяться в течение целого столетия. Более того, даже существенные функциональные изменения (появление подклета) не изменили общей структуры экстерьера храмов. Очевидно, что тип новгородского храма сознательно пытались сохранить в неприкосновенности, даже вопреки конструктивной логике. Вместе с тем в середине XV в. в новгородском зодчестве можно отметить и еще одну необычную черту: восстановление в старых формах церквей домонгольского времени. Постройка нового здания церкви «на старой основе», т. е. на фундаментах или нижних частях стен более древнего здания, — явление достаточно обычное. Но в данном случае обращает на себя внимание то, что новые церкви строили «реставрационным» методом, т. е. в формах более древнего памятника, что противоречило всем традициям древнерусского зодчества. Так, церковь Ивана на Опоках, построенная в XII в., была полностью перестроена в 1453 г., а церковь Успения на Торгу — в 1458 г. Еще несколько позже, в 1465 г., также заново построили церковь Благовещения на Мячине. Эти храмы настолько близки по типу домонгольским памятникам архитектуры, что их долгое время считали относящимися к

XII в. и лишь несколько перестроенными в XV в., тогда как выяснилось, что они по существу заново возведены на старых фундаментах.

Такой «реставрационный» метод строительства, в сочетании с сохранением объемно-планировочной структуры сложившегося за сто лет до этого типа храма свидетельствует о каких-то чрезвычайно консервативных, «охранительных» тенденциях. Объяснение этому — политическая обстановка той поры. К середине XV в. Москва уже уверенно стала центром, вокруг которого шло объединение русских земель. Все ранее независимые княжества Северо-Восточной Руси одно за другим подчинялись Москве. И только Новгород, формально признавая московского великого князя своим сюзереном, пытался сохранить политическую самостоятельность. Защищая свои привилегии, новгородское боярство готово было пойти на союз с Литвой, с немцами, с кем угодно, только противостоять Москве, что нашло отражение в новгородской идеологии, причем очень активную роль играла в данном случае церковь. В области искусства и архитектуры это выразилось в стремлении опираться на собственные новгородские традиции, не допуская московских влияний. Этим и объясняется консерватизм и «реставрационность» новгородской архитектуры того времени.

Особенно четко проявились антимосковские тенденции в деятельности новгородского архиепископа Евфимия (1429—1458 гг.), по приказам которого строилось большинство новгородских храмов 2-й четверти и середины XV в. В новгородском детинце Евфимий произвел коренную перестройку Владычного двора, что должно было поднять престиж самого архиепископа, возглавлявшего Новгородскую республику. В 1433 г. была построена большая парадная палата для торжественных заседаний и приемов, так называемая Евфимиева палата (позднее по сходству с парадной палатой Московского Кремля ее стали называть Грановитой). Евфимиева палата представляла собой большое квадратное в плане помещение, имеющее в центре столб, на который опираются своды, имеющие откровенно готический характер. Из письменных источников известно, что на строительстве палаты вместе с новгородскими мастерами работали «немецкие мастера из Заморья». Через несколько лет по распоряжению Евфимия

здесь же были построены дворец и высокая башня — часозвоня.

Комплекс архиепископского дворца был позднее полностью перестроен и, кроме Евфимиевой палаты, не дошел до наших дней.

Тесная связь новгородского зодчества XV в. с политикой новгородского сепаратизма привела к тому, что архитектура Новгорода разделила судьбу Новгородской республики. В 1478 г. Москва вооруженной рукой подчинила себе Новгород. Конец новгородской независимости был и концом развития новгородской архитектурной школы.

* * *

•i В XIV в. из новгородского зодчества выделилась самостоятельная ветвь — псковская архитектура. Быстрый рост Пскова вел к укреплению его политической самостоятельности и постепенному освобождению от власти Новгорода. В итоге «господин великий Новгород» должен был по договору признать Псков своим «младшим братом». По средневековой терминологии это означало равенство и независимость: брат, а не сын. Укрепление экономической и политической мощи города создавало необходимые предпосылки для сложения самостоятельной строительной организации и начала монументального строительства.

Во второй половине XIII в. в Пскове было возведено несколько каменных зданий, построенных по заказу псковского князя Довмонта. Строительство велось, по-видимому, лишь sporadически; к тому же постройки эти не дошли до нас. Древнейшим из сохранившихся храмов является Рождественский собор Снетогорского монастыря, возведенный в 1310 г. Здание полностью сохранилось и в нем уцелела даже часть фресковых росписей, исполненных в 1313 г. Храм этот по своим формам почти полностью повторяет собор Спасо-Мирожского монастыря. Сама идея взять за образец Мирожский собор достаточно ясно указывает, что во Пскове хотели опираться уже на собственные архитектурные традиции, а не повторять новгородские типы сооружений. В Новгороде в то время строили совершенно по-иному (например, церкви Николы на Липне и Успения Богородицы в Колмове), а Мирожский собор стоял во Пскове уже около 170 лет и вполне мог в представлении псковичей казаться представителем «собственной»

традиции. О самостоятельности мастеров свидетельствует и тот факт, что в отличие от Новгорода здесь стали строить только из плиты, полностью отказавшись от кирпича, даже в кладке сводов. Псковская плита легко выветривается, и поэтому для защиты поверхностей стен их начали обмазывать раствором, что существенно изменило наружный облик зданий.

Дальнейшее развитие псковского зодчества очень плохо изучено, поскольку подавляющее большинство памятников XIV в. и I-й половины XV в. до нас не дошло. Строительство в то время уже полностью перешло в руки посадских людей — купцов и ремесленников, по заказам которых возводились церкви. По-видимому, одним из первых каменных храмов, построенных по заказам горожан, была церковь Архангела Михаила в Городище (1339 г.). Несмотря на очень существенные перестройки, этот памятник зодчества все же дает возможность судить о его первоначальной композиции и конструкции. План церкви очень близок новгородскому типу; храм являл собой квадратную четырехстолпную постройку с одной апсидой и притвором с запада. Характерная особенность здания — ступенчато повышающаяся конструкция сводов. Примерно в то же время подобную конструкцию применили и новгородцы — в церкви Благовещения на Городище (1342 г.). Однако в Новгороде эта система сводов не привилась, во Пскове же она стала любимым приемом зодчих того времени.

В научной литературе давно уже идет дискуссия, где раньше появилась ступенчатая конструкция сводов — во Пскове или в Северо-Восточной Руси, и, следовательно, кто на кого оказал в этом отношении влияние. Более ранние примеры подобной системы (Пятницкая церковь в Чернигове, начало XIII в.), по-видимому, могут не приниматься в расчет, так как связи с разгромленной монголами Южной Русью почти прервались. К сожалению, памятники архитектуры I-й половины XIV в. ни в Твери, ни в Москве до сих пор не изучены, и вопрос об источниках появления этой системы в русском зодчестве XIV в. так и остается пока открытым.

Близок к новгородским образцам и Никольский собор в Изборске, построенный между 1330 и 1341 гг. Однако и здесь, как и в церкви Ми-

хайла в Городце, своды сделаны не по-новгородски: ветви креста здесь перекрыты ступенчатыми арками, что при пониженных подпружных арках дает очень своеобразное решение, как бы промежуточное между ступенчато повышающейся конструкцией сводов и обычной старой их конструкцией. Видимо, именно в этот период псковские мастера еще разрабатывали различные варианты системы перекрытия. Впрочем, и в Никольском соборе, и в церкви Михаила верхние части храмов сильно перестроены и делать какие-либо уверенные выводы об их первоначальной конструкции до начала серьезного научного исследования преждевременно.

Судя по плану, к той же группе архитектурных памятников относится и церковь, раскопанная на территории Довмонтова города и предположительно определяемая как церковь Покрова, построенная в 1352 г. (по другому предположению, это церковь Рождества, 1387 г.). Она представляла собой квадратную небольшую постройку с четырьмя крещатыми столбами и одной апсидой. Со стен этой церкви при раскопках снято большое количество фресковых росписей. Конструкция завершения здания неизвестна.

В 1362 г. рухнул верх псковского Троицкого собора. В 1365—1367 гг. здание восстановили, причем, как отмечено в летописях, «по старой основе». Собор был уничтожен в конце XVII в., но известен нам по достаточно реалистическим изображениям (план и фасад). Судя по этим изображениям, основное здание сохранилось еще от домонгольского времени и восстановление коснулось лишь верхней части церкви, которую исполнили в виде ступенчатого пьедестала, перекрытого восемью двускатными кровельками (т. е. на 16 скатов). Зодчий здесь как бы продолжил творческую переработку завершения крестовокупольного храма, начатую еще на рубеже XII и XIII вв. Троицкий собор — главный храм города — венчал детинец Пскова (здесь он назывался Кром) и служил символом псковской независимости. Величественная и динамичная композиция Троицкого собора, несомненно, должна была оказать влияние на последующее развитие псковского зодчества, хотя история Пскова более не выдвигала перед архитектурой задач такого масштаба и идейного значения.

*Псков. Троицкий собор.
По рисунку XVII в.*

Pskov. The Trinity Cathedral. After a XVII century drawing.

Сагаый неясный период в истории псковской архитектуры — 2-я половина XIV в.— 1-я половина XV в. Некоторое представление о развитии зодчества этого периода можно получить, главным образом, по нескольким памятникам зодчества, раскопанным на территории Довмонтова города. Так, церковь, предположительно отождествляемая с построенной в 1383 г. церковью Николы на Гребле (по другим предположениям, это была церковь Воскресения, 1395 г.), показывает, что псковские зодчие начали существенно видоизменять план храма, полученный ими в наследство от Новгорода. Новгородские церкви имели лишь одну апсиду, а здесь появляются и две боковые, имеющие очень своеобразную форму, близкую к прямоугольной. Почти такую же форму плана имеют еще две церкви, открытые раскопками в Довмонтовом городе и, видимо, также относящиеся ко второй половине XIV в. Каковы были объемные композиции и завершения этих храмов, неизвестно, но частично об этом можно судить по тому, что точно такой же план имеет полностью сохранившаяся церковь Успения Богородицы в Мелетове, построенная уже во 2-й половине XV в. (1461—1462 гг.).

Столь близкое совпадение планов храмов, разделенных по времени примерно 80 годами, очень неожиданно и в дальнейшем, очевидно, потребует объяснения.

Церковь в Мелетове имеет ступенчатую конструкцию сводов, а покрытие ее очень сложное: средняя часть фасадов, покрытая на два ската, здесь ступенчато возвышается над боковыми частями, а глава приподнята на пьедестале, оформленном в виде восьми фронтончиков, т. е. покрытом 16 скатами. Подобный тип завершения храма почти полностью повторяет схему завершения Троицкого собора, однако в мелетовской церкви пьедестал настолько невысок, что почти не виден при рассмотрении здания с небольшого расстояния. Создается впечатление, что формы церкви в Мелетове — лишь дань традиции, идущей от Троицкого собора, а не самостоятельный художественный замысел. Видимо, к тому же типу относилась и церковь Космы и Дамиана с Примостя (1463 г.). Верх этого храма был полностью переделан в XVI в., однако плановая схема и некоторые особенности позволяют думать, что первоначальное покрытие было близко к покрытию мелетовской церкви.

Судя по материалам раскопок, параллельно с подобными памятниками уже во 2-й половине XIV в. псковские зодчие разрабатывали еще два типа храмов. Первым из них были маленькие бесстолпные одноапсидные постройки. Такова не сохранившаяся церковь Федора Стратилата в Довмонтовом городе (1384 г.). О системе перекрытий подобных бесстолпных храмов можно судить лишь по архитектурным памятникам XV в. Большой интерес представляла Успенская церковь в Гдове (1431 г.), погибшая во время Великой Отечественной войны. Она сохраняла конструкцию сводов в виде нескольких повышающихся арок, перекинутых поперек здания, оставляя в середине пространства широкую щель. Щель эта была, в свою очередь, перекрыта несколькими повышающимися к середине арочками, а в центре оставалось небольшое отверстие, над которым стояла главка. Подобная конструкция сохранилась и в Петропавловской церкви Сереткинского монастыря (по видимому, XV в.). Таким образом, псковские зодчие разработали совершенно своеобразный тип конструкции перекрытия бесстолпного храма, зна-

чительно более простой, чем изобретенный в Москве тип крещатого свода. Однако псковичи даже и этот тип, представленный гдовской церковью, применяли, как правило, в еще более упрощенном варианте, где поперек храма по сторонам от щели размещалось не по несколько, а только по одной арке. Такой была разрушенная в 1944 г. во время оккупации Пскова церковь Николы Гусятника «в поле» (1470 г.).

Другой тип псковского храма, также сложившийся в XIV в., представлен постройкой, раскопанной в Довмонтовом городе и определяемой как церковь Кирилла (1374 г.). Эта небольшая четырехстолпная церковь, в отличие от остальных храмов, имела три полукруглые апсиды. Именно такой вариант планового решения стал в дальнейшем наиболее типичным для Пскова. Как перекрывались храмы и какую они имели систему завершения фасадов, мы не знаем, поскольку сохранившиеся архитектурные памятники с подобным планом относятся уже к концу XV в. В более поздних храмах фасады перекрывались на два ската, образуя, таким образом, восьмискатное покрытие здания. Членились фасады лопатками соответственно внутренним столбам. Вверху, под кровлей, лопатки были стянуты декоративными ползучими арками.

Конструкция сводов имела два варианта — с повышенными арками и с арками, слитыми со сводами, т. е. не выделенными. К первому варианту относятся своды церкви Богоявления на Запсковьи (1496 г.), в с. Устье, в с. Назимово и другие, а ко второму — своды церкви Георгия со Возза (1494 г.), в селах Выбуты, Верхний Мост, Новая Усита и др. Несколько особое место занимает церковь Василия с Горки (1413 г.). В отличие от остальных четырехстолпных псковских церквей здесь на фасадах боковые членения завершаются не ползучими, а полукруглыми декоративными арками. Покрытие фасадов было, вероятно, выполнено по шипцам, т. е. церковь имела восьмискатное покрытие. В настоящее время завершение фасадов в верхней части срублено, и поэтому первоначальные формы вызывают различные предположения.

Многие псковские храмы составляли сложный ансамбль, включавший помимо основного здания галереи, крыльца, приделы, хозяйственные

пристройки, звонницы. Отличительными особенностями их являются крайняя экономичность, полное подчинение функциональным требованиям и в то же время — поразительная живописность и уравновешенность композиции. К тому времени псковские мастера полностью отказались от украшения интерьеров росписью, и единственным цветовым пятном в интерьере был иконостас.

Именно такого типа храмы продолжали интенсивно строить в Псковской земле и в более позднее время, в XVI в. • - • . . .

Политическая обстановка в Новгородской земле во 2-й половине XIII — 1-й половине XIV в. была настолько напряженной, что приходилось думать прежде всего о строительстве оборонительных сооружений, а не культовых. Письменные источники и археологические данные свидетельствуют, что в тот период велись энергичные работы по строительству новых и укреплению старых крепостей. В большинстве это были, как и в более раннее время, деревянные стены на земляных валах, однако кое-где начали возводить и каменные укрепления. Особенно мощными были оборонительные сооружения главных городов этого региона — Новгорода и Пскова.

В Новгороде постепенно перестраивают в камне новгородский кремль. В отличие от других русских городов, где древний термин «детинец» сменился термином «кремль», в Новгороде сохранялось название Детинец. Постройка каменных стен Детинца началась уже в самом начале XIV в.; так, в 1302 г. «заложиша город камен Новугороду». Построена была, видимо, лишь часть стен, так как в 1331—1334 гг. в летописи вновь упоминается о строительстве каменных стен Детинца со стороны реки. В 1361 и 1364 гг. проводится какой-то ремонт каменных стен, а в 1400 г. постройка еще одного участка стен. В течение XIV—XV вв. в летописях отмечено также строительство надвратных церквей у проездных башен Детинца. Все строительство велось, как правило, по инициативе новгородских епископов, ставших к тому времени номинальными главами Новгородской республики. Позднее, уже после подчинения Новгорода Москве, укрепления Детинца были полностью перестроены.

В XIV в. в Новгороде происходит постепенное сложение непрерывной линии обороны также вокруг всего города, т. е. создается окольный город. Это были земляные валы огромного протяжения с деревянными стенами на них. Но уже в 1335 г. часть стен была возведена из камня, а в конце XIV в. построены каменные проездные башни, расположенные соответственно направлению основных улиц города. Некоторые из башен оборонительной линии частично сохранились до настоящего времени.

Мощные оборонительные сооружения создаются и во Пскове. Детинец древнего Пскова (Кром) был окружен деревянными стенами, но, видимо, уже во 2-й половине XIII в. было проведено усиление напольной стороны, которую стали называть Перси, т. е. грудь, Крома. Возможно, что тогда же здесь начали заменять деревянные стены каменными. Южнее, перед Персями, была создана еще одна линия обороны — каменные стены так называемого Довмонтова города. В начале XIV в. построили линию каменных стен окольного города, а несколько позже — еще одну линию стен — Новое Застенье, сначала в дереве; в 1375 г. эти стены заменили каменными. Наконец, в середине XV в. возвели огромную по протяженности линию деревянных ртень наружного окольного города, включавшего Запсковье.

Линия обороны была перестроена в камне уже после падения псковской независимости.

Большинство укреплений Новгородско-Псковской земли в XIV и даже в XV в. продолжало оставаться дерево-земляными. В отличие от укреплений домонгольского времени они, как правило, имели одностороннюю систему организации обороны, что способствовало более успешному противодействию при штурме, поддерживаемом камнеметными машинами. Можно также отметить, что по сравнению с укреплениями того же времени в Северо-Восточной Руси здесь значительно большую роль играло использование естественных оборонительных рубежей, т. е. защитных свойств рельефа. Судить более детально о таких укреплениях в настоящее время трудно, поскольку от них сохранились лишь земляные городища. Гораздо больше данных имеется о тех немногочисленных крепостях, которые были пост-

Псков. Церковь
Богоявления
с Запсковья.
Pskov. Church
of the Appearance
of Christ at Zapskovye.

роены каменными. Это, прежде всего, Порховская крепость в Новгородской земле и Изборская — в Псковской.

Каменная Порховская крепость была построена в 1387 г. Крепость — типичный образец оборонительного сооружения с односторонней системой обороны. Со стороны р. Шелонь Порховская крепость имеет в плане округлые очертания; башен здесь нет. Совершенно очевидно: строители считали, что с этой стороны противник не решится штурмовать крепость, поскольку камнеметы, поставленные на другой стороне реки, не смогут причинить вреда каменным стенам. Поэтому и защитная стрельба со стен здесь предполагалась лишь фронтальная. С остальных сторон, там, где недалеко от стен, за оборонительным рвом, можно было поставить камнеметы, стены были построены в виде трех прямолинейных отрезков с башнями в местах перелома, что обеспечивало фланкирующий обстрел вдоль этих участков стен.

В 1428 г. Порхов осадила литовская армия князя Витовта. При осаде литовцы применили огнестрельную артиллерию, начинавшую в ту пору приобретать все большее значение. Осада не увенчалась успехом, но тем не менее в 1430 г. крепость реконструировали. При этом односторонняя система обороны была еще сильнее выявлена: сторона крепости, обращенная к реке, не подверглась усилению, тогда как стены и башни со стороны рва утолстили более чем вдвое.

Порховская крепость относительно неплохо сохранилась до наших дней и представляет собой хороший пример каменной крепости первой половины XV в. Речная же сторона крепости и ее Малая башня, не подвергшаяся реконструкции, являются уникальными для северных районов Руси образцами доогнестрельной фортификации. Стены крепости высотой около 7 м сложены из местной плиты; они увенчаны плоскими и довольно широкими зубцами.

В 1303 г. Изборскую крепость построили на новом месте. По-видимому, первоначально она была деревянной, но уже в 1330 г. ее перестроили в камне. Несмотря на существенные переделки, продолжавшиеся вплоть до XVI в., крепость в основном сохранила первоначальную плановую структуру. Она представляет собой хороший образец оборонительного сооружения с односторонней системой обороны. Из шести башен крепости четыре расположены с напольной стороны, где некогда проходил ров и где в случае нападения врагов можно было ожидать штурма. Еще одна башня защищала въезд и только одна башня, Луковка, была расположена на мысу. Но именно эта башня поставлена так, что не выступала наружу от крепостных стен и, следовательно, не могла быть использована для их фланкирующего прострела. Очень вероятно, что эта башня была построена еще тогда, когда вся крепость была деревянной. В таком случае она могла служить как бы опорным пунктом обороны, т. е. своеобразным вариантом донжона. Крепость относительно хорошо сохранилась, и ее башни (приспособленные в XV в. к обороне с помощью пушек) производят и сейчас сильнейшее впечатление, создавая образ неприступной каменной твердыни.

В 1323 г. построена крепость Орешек. Она была деревянной, но уже в описании 1348 г. отмечено, что здесь существовала и одна каменная башня. Видимо, эта башня была командно-наблюдательным пунктом и играла роль опорного оборонительного сооружения типа донжона. В 1352 г. «новгородцы заложиша город Орехов камен». Крепость 1352 г. на поверхности земли не сохранилась, но ее остатки вскрыты археологическими раскопками. Это была приблизительно четырехугольная в плане крепость с сильно скругленными углами. Возможно, что такой тип правиль-

ных четырехугольных укреплении применялся в XIV в. в Новгородской земле одновременно с крепостями, подчиненными рельефу местности. Так, подобную плановую структуру имеет и крепость Орлец, построенная на Северной Двине в 1342 г. В 1460 г. крепость Орешек была полностью построена заново в связи с необходимостью приспособить ее к растущему воздействию огнестрельного оружия.

К середине XV в. развитие пушек заставило полностью изменить систему организации обороны крепостей. Наиболее ярко это проявилось в Псковской земле, возможно, в связи с тем, что здесь значительно сильнее, чем в Новгороде, сказывалось прогрессивное влияние московского военно-инженерного искусства. Примерами могут служить деревянные крепости Володимерец и Кобыла, построенные в 1462 г. Сохранившиеся остатки земляных валов позволяют судить о первоначальной их плановой структуре. Они имели четырехугольную форму и на двух противоположных углах стояли башни, что обеспечивало фланкирующий обстрел всего периметра этих укреплений.

Еще четче выражены новые тенденции в Гдовской крепости. Здесь башни помещались на всех четырех углах, а на одной из длинных сторон имела еще одна башня посередине стены. К сожалению, время постройки крепости в Гдове пока не определено. Судя по письменным источникам, она заложена в 1431 г., но при этом каменная стена была построена лишь с одной стороны. Позднее крепость достраивали, по-видимому, еще несколько раз. Часть каменных стен крепости сохранилась до настоящего времени.

В этих псковских крепостях уже достаточно отчетливо проявились те тенденции развития фортификации, которые вскоре привели к сложению укреплений регулярного типа.

VIII. МОСКОВСКАЯ АРХИТЕКТУРА конца XV в.

Феодалная война, начавшаяся в Московском княжестве в 1432 г. и продолжавшаяся более 20 лет, прервала развитие архитектуры. Видимо, монументальное строительство тогда полностью приостановилось. Некоторое оживление строительной деятельности началось лишь в 50-х гг. XV в. Из письменных источников известно, что в Кремле было построено несколько церквей. К сожалению, церкви эти не дошли до наших дней, и их первоначальные формы неизвестны. Проводились также работы по ремонту и восстановлению обветшавших построек.

Большую роль в московском строительстве той поры играл Василий Дмитриевич Ермолин, хотя неясно, кем он был — зодчим или только организатором производства. В 1462 г. Ермолиным в Кремле «поновлена камнем стена городская» и возведена надвратная церковь над Фроловскими воротами. В 1468 г. Василий Дмитриевич завершил возведение недостроенного собора Вознесенского монастыря в Москве, а в 1471 г. восстанавливал полуразрушенный Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.

Кроме многочисленных реставрационных работ Ермолин вел и новое строительство; так, в 1469 г. он построил каменную трапезную в Троице-Сергиевом монастыре.

Наряду с московскими зодчими к строительству в Московском княжестве привлекались мастера и из других русских земель — псковичи, ростовцы и др. Следует отметить, что в московском строительстве кроме тесаного камня начали применять и кирпич. Кирпич брускового типа, очевидно, был заимствован из Новгорода или из Прибалтики. Судя по количеству построек, упоминаемых в письменных источниках, к 70-м гг.

XV в. строительство в Московском княжестве уже приобрело достаточно широкий размах, наступал новый этап в развитии московского зодчества.

* * *

Во второй половине XV в. резко возросло политическое значение Москвы. Процесс объединения русских земель, приостановленный феодальной войной в Московском княжестве, после ее окончания пошел ускоренными темпами. При московском великом князе Иване III (с 1462 г.) Московское княжество быстро превратилось в крупное централизованное государство, в подчинение которому попали все прежде независимые княжества Северо-Восточной Руси. В 1478 г. был подчинен Новгород, а после присоединения Твери в 1485 г. Иван III стал называть себя великим князем «всея Руси».

К. Маркс писал: «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли подозревавшая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах»*.

В 1472 г. Иван III женился на греческой царевне Софии Палеолог. После падения Византии она жила в Италии, вследствие чего этот брак не давал русскому князю никаких реальных прав, но важно было, что московские государи могли теперь считать себя преемниками византийских императоров. Роль Москвы как столицы мощного крупного государства должна была быть отражена и крупными сдвигами в идеологии. В те годы появились литературные произведения, возво-

* Карл Маркс. Секретная дипломатия XVIII в.

давшие род московских великих князей к римским императорам, *была* создана теория о Москве — третьем Риме: «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Естественно, что в таких условиях Москва и внешним обликом, и своими архитектурными сооружениями должна была соответствовать своему новому значению. В Москве началось энергичное монументальное строительство. Как размеры, так и великолепие московских построек были предназначены отражать мощь сложившегося централизованного государства. Основные работы проводились в Московском Кремле, коренным образом изменив его архитектурный облик.

Первым начали строить главный храм Кремля — Успенский собор. Старый белокаменный собор, возведенный в 1326—1327 гг., пришел в ветхость и, кроме того, уже не отвечал престижным требованиям нового времени. Собор был разобран и в 1472 г. начали возводить новое здание, значительно большего размера. Строительство вели московские мастера Кривцов и Мышкин, которым в качестве образца был указан владимирский Успенский собор. В 1474 г. почти законченное здание рухнуло. Приглашенные псковские мастера похвалили качество работы, а причиной катастрофы посчитали плохое качество известня. Сами они за продолжение работы не взялись. Тогда русскому послу было дано поручение найти и привезти хорошего мастера из Италии. Почему московское правительство обратилось к итальянским зодчим? Ведь в Москве к этому времени были достаточно многочисленные и опытные кадры строителей, а кроме того к работам в Москве привлекали мастеров и из других русских земель. Но очевидно, что русские мастера ни по размаху работ, ни по репрезентативности построек не имели достаточного опыта и не могли обеспечить успешного выполнения поставленных перед ними грандиозных задач. Италия же в то время была наиболее передовой страной Европы в архитектурном отношении.

В 1475 г. в Москву прибыл итальянский архитектор Аристотель Фиораванти. Уроженец города Болоньи, Фиораванти в Италии числился первоклассным специалистом, главным образом как инженер-конструктор и военный инженер. По приезду в Москву ему поручили строительство

Успенского собора, предписав, как и до того русским мастерам, взять за образец владимирский Успенский собор. Совершенно очевидно, что в этом указании сказалась не столько художественная, сколько общеидеологическая задача: московские государи считали себя наследниками владимирских «самовластцев», и памятники владимирской суздальской архитектуры олицетворяли для Москвы глубоко чтимую традицию. Фиораванти побывав во Владимире, внимательно обследовал там Успенский собор и, возвратившись в Москву, в течение 4 лет закончил строительство московского Успенского собора (1475—1479 гг.).

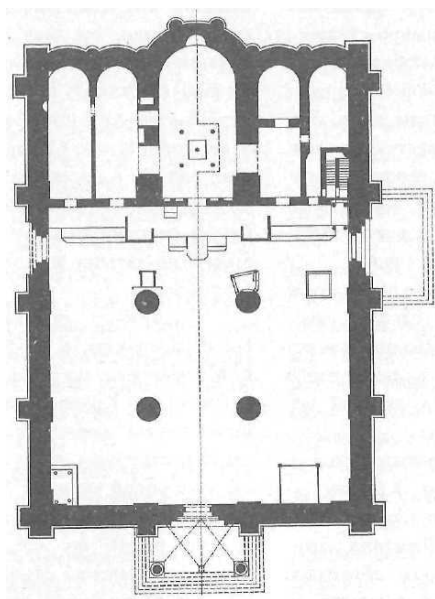
Фиораванти точно выполнил задание: построенный им собор имеет все основные типологические особенности владимирского образца. Он являет собой шестистолпный пятиглавый храм с закомарным завершением фасадов. По середине высоты здания проходит аркатурно-колончатый пояс, а порталы имеют романскую перспективную форму. Несмотря на то, что в строительстве широко использован кирпич, стены здания облицованы каменными плитками, что придает храму вид белокаменного сооружения. Яркий архитектурный талант Фиораванти сказался в том, что, поняв сущность великолепного древнерусского памятника и сохранив его типологические черты, зодчий интерпретировал храм в духе своего ренессансного понимания. И это точно отметил летописец, записавший, что Фиораванти выстроил собор «податным образом», т. е. по типу гражданского, дворцового здания. Действительно, в Успенском соборе явно чувствуется влияние композиции итальянского палаццо.

Во всех древнерусских храмах средний неф и трансепт шире боковых нефов, что находило откровенное выражение в разбивке фасадов наружными лопатками. Фиораванти сделал все нефы одинаковыми по величине, благодаря чему здание оказалось разделенным в плане на 12 одинаковых квадратных ячеек. Именно поэтому и фасады Успенского собора разделены на совершенно равные по величине прясла, а так как высота полукруглых закомар определяется их шириной, то и высота всех закомар у храма получилась одинаковой. Это сразу изменило общий характер памятника зодчества. Пятиглавие Фиораванти сделал очень компактным, сдвинув его к восточной части

Москва. Успенский собор.
Общий вид. План

Moscow. Cathedral
of the Dormission
(Uspensky).
General view and plan.

здания. Тем самым обе восточные главы потеряли функциональный смысл, но зато общая композиция получилась слитной и монументальной. Недаром летописец записал, что собор выглядит «яко един камень». Несмотря на очень сдержанное применение декоративных элементов, Успенский собор производит впечатление чрезвычайно величественного и репрезентативного сооружения.

Чтобы придать и восточной стене храма плоскостный характер и тем самым сблизить ее решение с решением остальных фасадов, Фиораванти придал центральной апсиде относительно малый вынос, а каждую из боковых апсид разделил на две. По краям восточного фасада расположены сильно выступающие лопатки, поддерживающие значительно вынесенную вперед кровлю закомар. В итоге восточный фасад действительно производит впечатление почти плоского. Перед западным порталом находилось крыльцо с двойными висячими арками и «гирькой» между ними — прием, который позднее, уже в XVII в. получил чрезвычайно широкое распространение в русской архитектуре.

Очень существенно отличие интерьера московского собора от его владимирского прототипа. Фиораванти сделал столбы храма не крещатыми в плане, а круглыми. Конечно, он и здесь мог видеть подобный прием во владими́ро-суздальском зодчестве — в соборе Боголюбова. Но в московском Успенском соборе тонкие круглые столбы-колонны и широкие амбразуры окон создают впечатление светлого, вполне светского зала, Фиораванти внес значительные усовершенствования и в строительную технику. Он ввел новый формат кирпича, улучшил качество извести, вместо деревянных заложил железные связи.

Талантливое и органическое сочетание древнерусских и итальянских приемов сделало московский Успенский собор крупным явлением в истории русского зодчества. Заметное влияние этого памятника зодчества сказывается в русской архитектуре в течение всего XVI в.

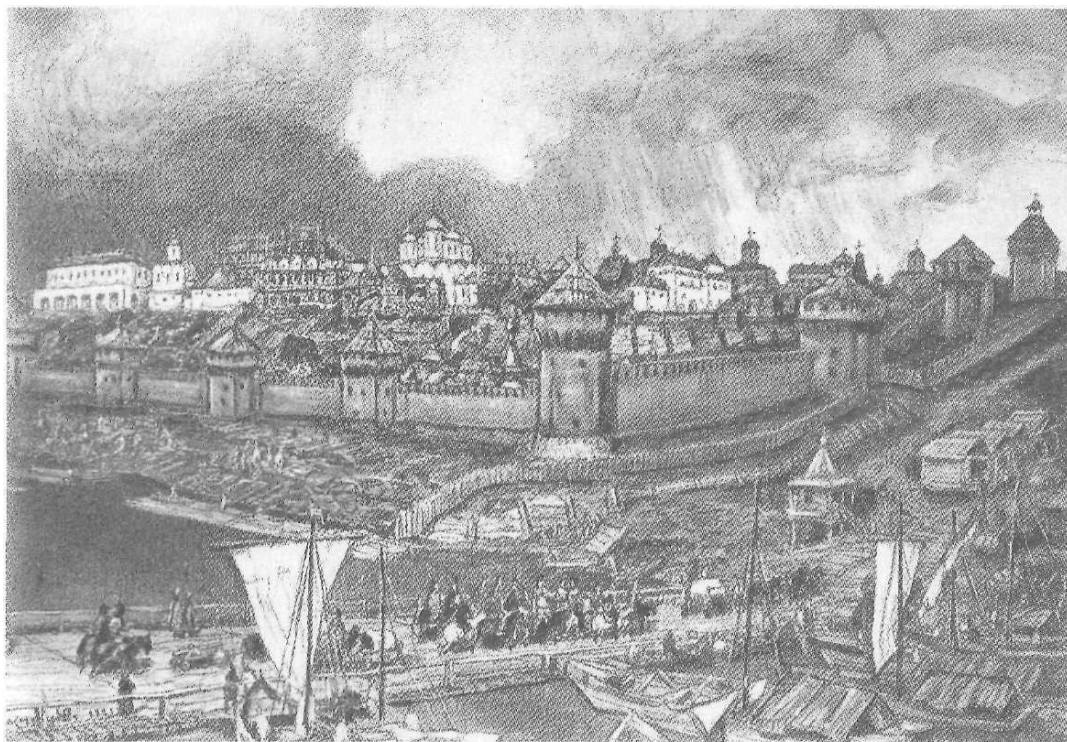
В середине 80-х гг. XV в. начался новый этап строительства в Московском Кремле — приступили к реконструкции самого Кремля, т. е. крепости. Белокаменный Кремль Дмитрия Донского к тому времени уже настолько обветшал, что требовал коренной перестройки; ремонты не

могли исправить положения. К тому же интенсивное развитие артиллерии привело к сложению новых тактических приемов обороны крепостей, которым старый Кремль уже не соответствовал.

В 1485 г. началось строительство нового, кирпичного Кремля. Крепость строили участками с таким расчетом, чтобы она в любое время, даже в процессе реконструкции, могла выдержать вражеское нападение. Новые укрепления сохранили в общих чертах треугольную форму старой крепости, хотя несколько увеличили ее в восточном направлении. Сохранение схемы плана старого Кремля объясняется, прежде всего, тем, что здесь проходили естественные оборонительные рубежи: крепость расположена на мысу при слиянии Москвы-реки и речки Неглинной. Вдоль стен устроены башни, причем в новой крепости они размещены более или менее равномерно вдоль периметра, позволяя хорошо простреливать любой участок вдоль стен фланкирующим огнем. Периметр кремлевских стен превышает 2 км.

Руководили строительством Кремля выписанные из Италии инженеры и архитекторы, но выполняли все работы русские мастера. Весьма вероятно, что в разработке схемы укреплений Кремля принимал участие Аристотель Фиораванти, бывший, как известно, опытным военным инженером. Однако, он был уже стар и вскоре умер. Строительство возглавили Антон Фрязин и Марк Руффо (Фрязин), а с 1490 г. — миланский инженер Пьетро Антонио Солари. По-видимому, среди этих строителей Солари был наиболее крупной фигурой. Летописец называл его «архитектон», а в построенной под его руководством Спасской башне сохранились две каменные доски с надписями (по-латыни и по-русски), где упоминалось имя Солари.

К 1499 г. основные строительные работы были закончены, а в 1508 г. от речки Неглинной к Москве-реке по линии, обращенной в сторону современной Красной площади, был проложен ров, выложенный кирпичом и белым камнем. Законченный строительством Московский Кремль представлял собой мощную крепость, полностью отвечающую военным требованиям своего времени. В то же время он создал прекрасное архитектурное обрамление центральному ансамблю Москвы. Вместо широких прямоугольных зубцов, при-

*Московский Кремль
в начале XVI в. Картина
А. Васнецова.*

*Moscow.
View of the Kremlin
in the XVI century.*

*Painting
by A. Vasnetsov.*

менявшихся в более ранних русских крепостях, стены Московского Кремля венчались узкими двурогими зубцами (форма «ласточкин хвост»). Внутри крепости стена открывалась вереницей высоких арок, несших боевой ход, что позволяло при значительной толще стен разместить в них бойницы нижнего яруса и вместе с тем придавало ритмическое членение протяженным кирпичным поверхностям. В дальнейшем архитектура Московского Кремля оказала большое влияние на строительство других русских крепостей — в Новгороде, Нижнем Новгороде и др.

Одновременно со строительством кремлевских стен и башен возводились здания и на территории Кремля. В 1484—1485 гг. псковские мастера построили церковь Ризоположения. Этот храм, несомненно, отражает традиции раннемосковского зодчества: он четырехстолпный, одноглавый,

с тремя апсидами, стоит на высоком подклете. По старой московской системе он имеет килевидную форму закомар и килевидный перспективный портал. В то же время апсиды невысокие, что характерно для псковского зодчества. К южному portalу ведет лестница с высоким крыльцом, а с северной и западной сторон прижимают паперти. Световой барабан главы приподнят на восьмиугольном пьедестале. Внутри переход от подкупольных столбов к кольцу барабана сделан необычно, без помощи парусов. Построена церковь из кирпича с небольшим количеством белокаменных деталей. По середине высоты фасадов проходит пояс терракотовых блясин.

Почти в те же годы в Кремле возвели Благовещенский собор (1484—1489 гг.), служивший домовою церковью великокняжеского дворца. Псковские мастера сохранили подклет старого

Москва. Благовещенский собор. Реконструкция.

Moscow. Cathedral of the Annunciation (Blagoveshchensky). Reconstruction.

храма, существовавшего на этом месте, укрепили этот подклет и построили на нем кирпичную четырехстолпную церковь с тремя апсидами. Так же как церковь Ризоположения, Благовещенский собор отражает старую московскую архитектурную традицию. Он имел килевидные завершения закомар и килевидные порталы; два из них вскоре были переделаны в итальянском духе. По стенам проходил аркатурно-колончатый пояс. Собор первоначально имел три главы — центральную, поднятую на килевидно оформленный пьедестал, и две меньших — над восточными угловыми членениями. Своды имели ступенчато повышающуюся конструкцию. Собор имел хоры, на которые вела винтовая лестница в толще стены в

северо-западном углу. Кроме того на хоры имелся и другой ход — по переходу из дворца.

Через несколько лет, в 1501—1504 гг., в Кремле был построен собор Чудова монастыря, ныне не существующий. Как и два предыдущие храма, собор стоял на подклете и был четырехстолпным, почти квадратным в плане. Он имел одну главу и ступенчато повышающуюся систему сводов, а снаружи почти у основания закомар проходил аркатурно-колончатый пояс.

Поскольку во всех трех перечисленных архитектурных памятниках четко отразилась старая московская традиция, можно предположить, что наряду с упомянутыми в летописи псковичами здесь работали и местные московские мастера.

В те же годы в Кремле велось гражданское строительство. Примыкавший к Благовещенскому собору деревянный великокняжеский дворец постепенно заменяли каменными зданиями. В 1485 г. итальянский архитектор Марк Руффо (Фрязин) построил рядом с собором каменную палату для хранения казны и архива — Казенный двор. В 1487 г. он возвел вторую, так называемую Малую, палату и приступил к строительству Большой палаты, которую закончил в 1491 г. уже Пьетро Антонио Солари. Эту палату, служившую тронным залом, стали называть Грановитой, поскольку ее фасад был украшен белокаменными гранеными квадрами.

Поставленная на высокий подклет, палата имела значительные размеры — 22 X 22 м, и поэтому перекрывавшие ее четыре крестовых свода были оперты на расположенный в центре помещения квадратный столб. Очень вероятно, что типологически Грановитая палата повторяла уже существовавшие в то время на Руси монастырские трапезные. К палате примыкало не сохранившееся до наших дней Красное крыльцо с фигурами львов. Окна палаты первоначально имели готический характер и стрельчатое завершение; в XVII в. они были растесаны и переоформлены. После завершения строительства Грановитой палаты приступили к сооружению жилых помещений дворца, для чего в 1493 г. начали ломать деревянный дворец. Строительство каменного дворца продолжалось с 1499 до 1508 г. под руководством milanского архитектора Алевиза.

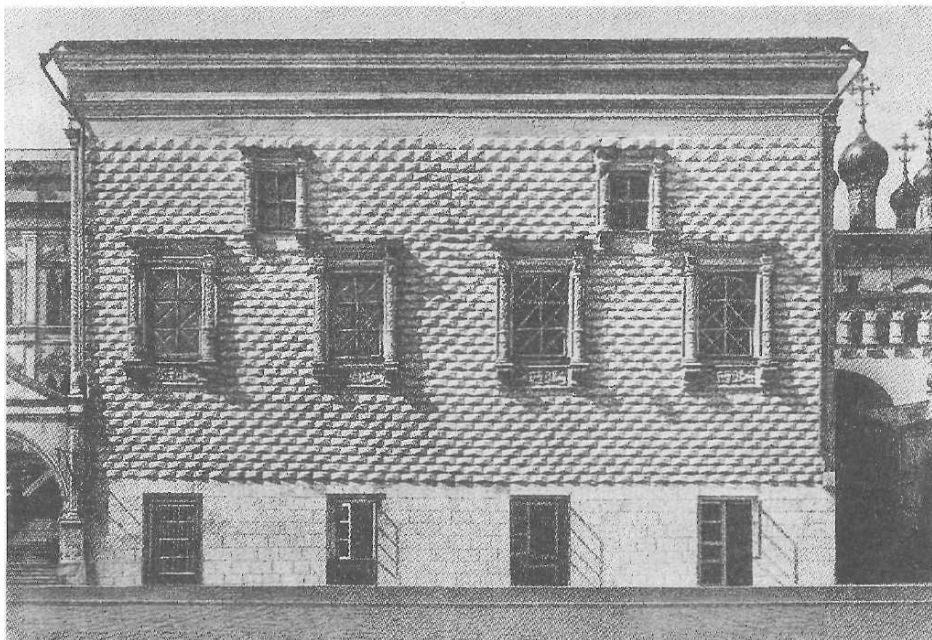
В 1504 г. в Москву приехал итальянский архитектор, которого также звали Алевиз Фрязин (в Италии, по-видимому, его звали Альвизе Ламберти да Монтаньяна). В отличие от ранее работавшего здесь Алевиза его стали называть Алевиз Новый. В период с 1505 до 1508 г. он построил в Кремле Архангельский собор — усыпальницу великих князей. В основу композиции собора зодчий принял схему древнерусского шестистолпного храма, добавив с запада еще одно членение. Это членение в нижнем этаже образует в центре лоджию, в глубине которой находится главный западный портал храма, а в боковых частях размещены винтовые лестницы, ведущие в небольшие помещения, возможно, предназначавшиеся для женской половины княжеской семьи.

Благодаря наличию дополнительного западного членения боковые фасады собора имеют не четыре, а пять прясел. Кучно сгруппированные пять глав собора заметно сдвинуты к его восточной стороне. Интерьер собора с его крещатыми в плане столбами, в отличие от интерьера Успенского собора Фиораванти, выглядит достаточно традиционным для русского зодчества. Но зато совершенно неожиданно решен внешний декор. Алевиз Новый одел Архангельский собор в чисто итальянский ренессансный убор в венецианском его варианте. Здание зрительно четко разделено на два яруса, каждый из которых решен в системе классического ордера. Лопатки здания превратились в классические пилястры с базами и сложными резными капителями, а закомары заполнены венецианскими декоративными раковинами. В центральной закомаре западного фасада прорезаны четыре круглых окна. По первому ярусу проходит глухая аркада, а прясла второго яруса обрамлены филенками.

Резные украшения над закомарами и роскошные, также резные порталы дополняют убранство Архангельского собора.

Блестяще нарисованное и великолепно исполненное декоративное убранство Архангельского собора внесло в русскую архитектуру совершенно новые для нее элементы ренессансного декора и ордерную систему. В отличие от Успенского собора влияние Архангельского собора на дальнейшее развитие русского зодчества было на первых порах менее значительным. Лишь в конце XVI в. и особенно в конце XVII в. формы Архангельского собора получили широкое распространение.

Завершила сложение архитектурного ансамбля соборной площади Кремля постройка в 1505—1508 гг. церкви-колокольни Ивана Лествичника. Церковь «иже под колоколы» была создана здесь в конце XIV в.; теперь ее заново возвел архитектор Бон Фрязин. Это было столпообразное сооружение, состоявшее из двух восьмигранных ярусов и имевшее в высоту около 60 м. Каждый ярус в верхней части завершался аркадой для колоколов. Позднее, в конце XVI в., церковь надстроили, и поэтому первоначальное ее завершение не сохранилось, хотя есть данные, что она была увенчана небольшим куполом.

Москва. Грановитая

палата.

Фасад. Интерьер.

Moscow. The Granovitaya

Palata

(The Chamber of Facets).

Facade. Interior.

Москва. Архангельский

собор.

Moscow. Cathedral

of St. Michael

the Archangel

(Archangelsky).

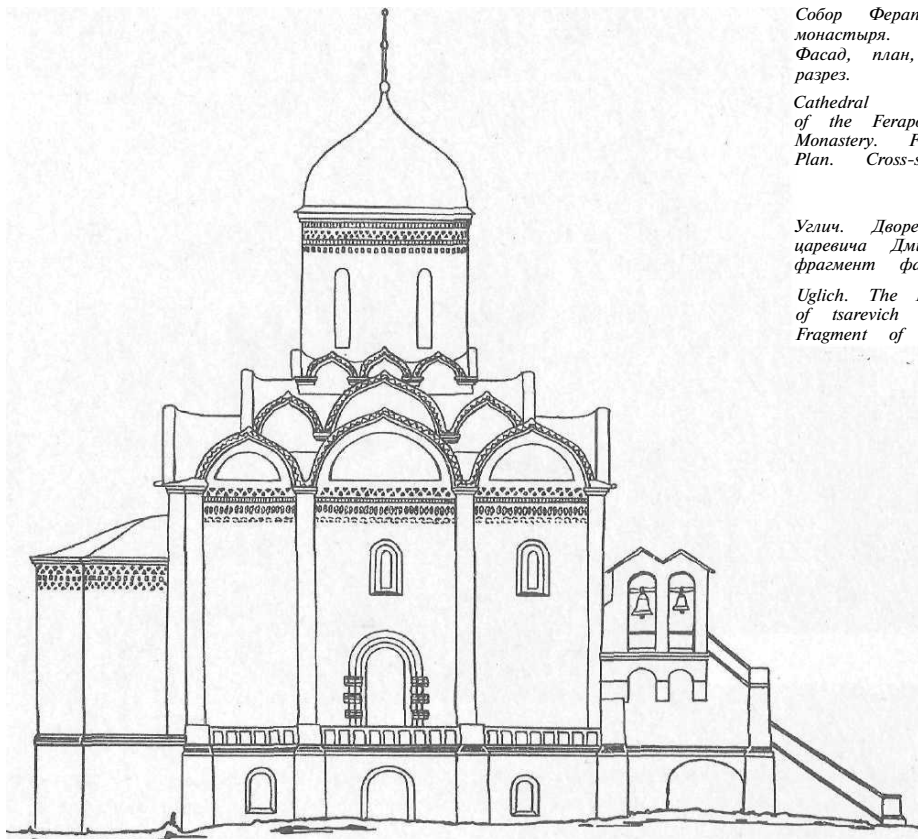

На рубеже XV и XVI вв. строительство велось не только в Кремле, но и в других частях Москвы, а также во многих городах Московского государства, хотя, конечно, нигде оно не проводилось с таким размахом и такой интенсивностью, как в Кремле. При постройке церквей средней величины обычно использовали тип четырехстолпного одноглавого храма с повышающейся ступенчатой конструкцией сводов и несколькими ярусами закомар и кокошников, декорирующих переход к барабану купола. Несомненно, что подобный тип храма отражает собственно московскую линию развития зодчества, идущую еще от форм собора Андроникова монастыря. Хорошим примером может служить собор Княгинина монастыря во Владимире, построенный, видимо, на рубеже XV и XVI вв. на месте разрушенного собора XIII в. Он стоит на подклете, стены, расчлененные плоскими лопатками, почти лишены убранства, завершение образовано тремя четко выраженными ярусами килевидных закомар и кокошников.

Несколько иной вариант представляет собой собор Рождественского монастыря в Москве, построенный в 1501 — 1505 гг. Связь с композицией собора Андроникова монастыря здесь выражена особенно откровенно. Здание не имеет подклета, но центричность подчеркнута даже в большей степени, чем в соборе Княгинина монастыря. Боковые прясла фасадов понижены, чтобы выделить центр, а второй ярус закомар, отвечающий повышенным аркам, образует трехлопастное завершение. Кокошники третьего яруса расположены уже не по линиям фасадов, а по кольцу вокруг барабана.

Отдельную группу образуют три архитектурных памятника Белозерья: собор Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере (1481 г.), собор Ферапонтова монастыря (1490 г.) и Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря (1497 г.). К сожалению, собор Спасо-Каменного монастыря ныне не существует, и формы его известны далеко не полностью. Соборы Фе-

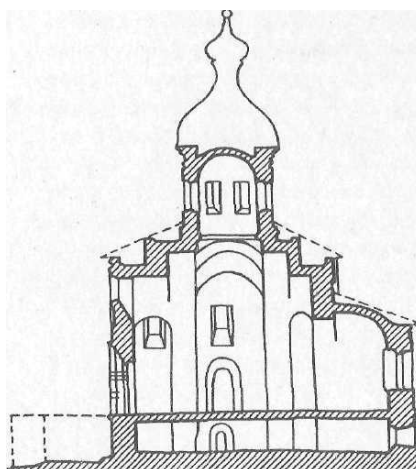
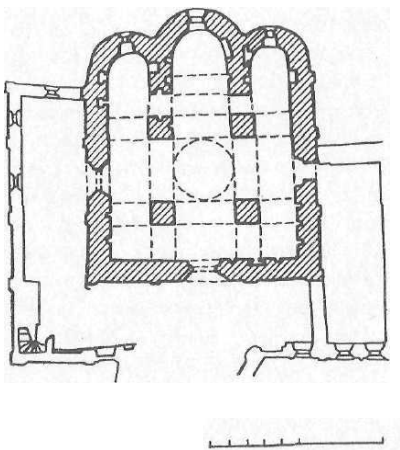

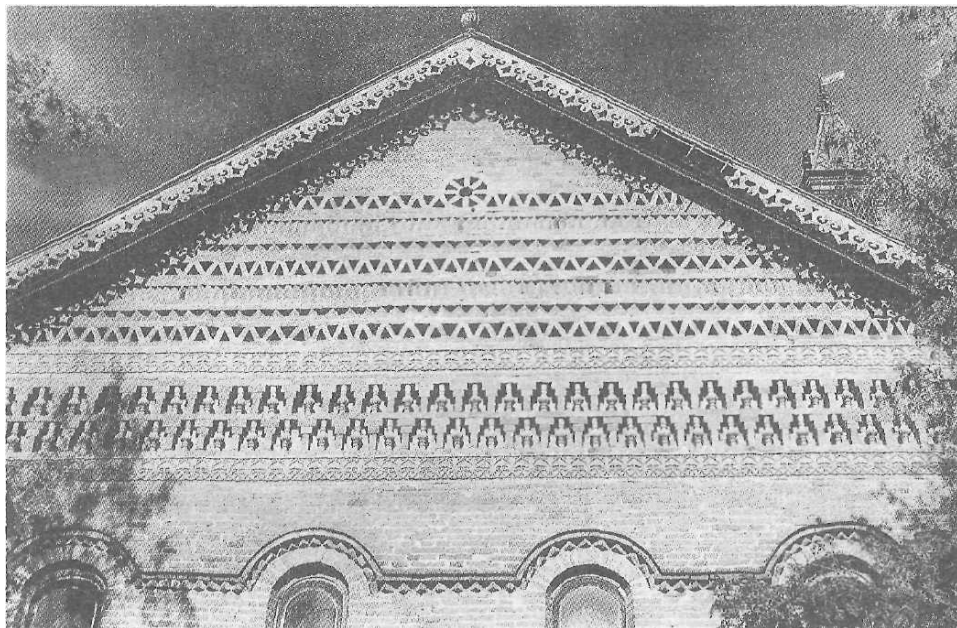
Собор Феропонтова
монастыря.
Фасад, план,
разрез.
Cathedral
of the Ferapontov
Monastery. Facade.
Plan. Cross-section.

Углич. Дворец
царевича Дмитрия,
фрагмент фасада.

Uglich. The Palace
of tsarevich Dmitry.
Fragment of facade.

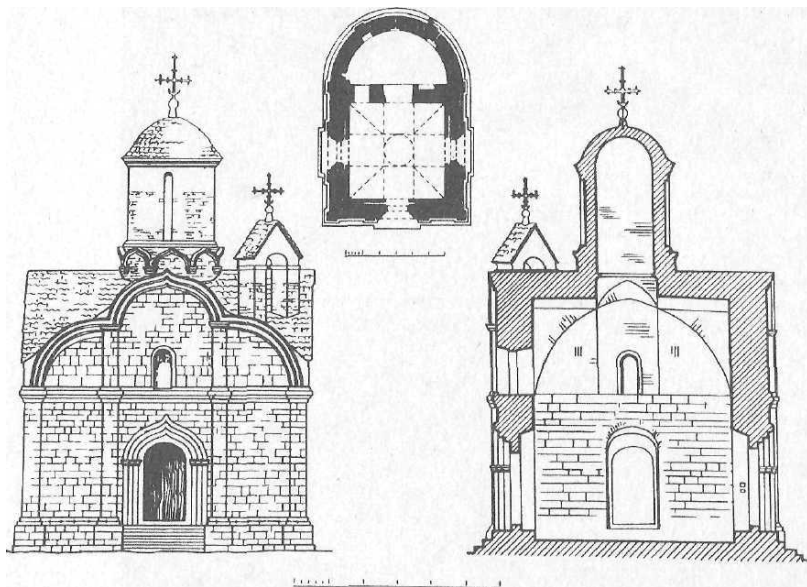
рапонтова и Спасо-Каменного монастырей были поставлены на подклеты, образующие открытые галереи перед порталами, а собор Кирилло-Белозерского монастыря его не имеет. В соборе Ферапонтова монастыря полностью сохранилась замечательная фресковая роспись, исполненная мастером Дионисием с сыновьями.

Белозерские памятники отличаются от московских сильно развитым декором кирпичных поясов, формой окон, расположением кокошников и другими деталями. Очевидно, здесь работали не московские, а предположительно ростовские зодчие. В то же время близость композиционного приема и явное наличие традиций московского зодчества начала XV в. дает основания полагать, что как эти памятники, так и московские постройки рубежа XV и XVI вв. (собор Рождественского монастыря в Москве и собор Княгинина монастыря во Владимире) восходят к общим прототипам — не дошедшим до нас памятникам московского зодчества 2-й половины XV в.

В 80-х гг. XV в. большое строительство развернулось в Угличе, где были возведены Спасский собор, дворцовый комплекс, Покровский

монастырь. До наших дней из всех угличских построек того времени уцелела только лишь дворцовая палата — так называемый дворец царевича Дмитрия. Он представлял собой небольшую кирпичную двухэтажную квадратную постройку, фасады которой завершались треугольными шипцами, заполненными кирпичным орнаментом. Небольшой четырехстолпный храм был построен в Волоколамске (точная дата неизвестна). Белокаменный, одноглавый, на высотном подклете, этот храм был позднее перестроен (верхняя часть).

В конце XV в. московские зодчие разработали также новый тип храма — небольшую бесстолпную церковь с крещатым сводом. Интенсивное развитие каменно-кирпичного строительства в Москве и других городах Московского государства вызвало необходимость в таких постройках, которые могли удовлетворять нужды посадского люда, а также и княжеские притязания. Маленькие квадратные здания церквей перекрывались сомкнутым сводом, пересеченным двумя взаимно перпендикулярными узкими цилиндрическими сводами; в центре ставился небольшой барабан с главкой. Эта довольно сложная конструкция свода

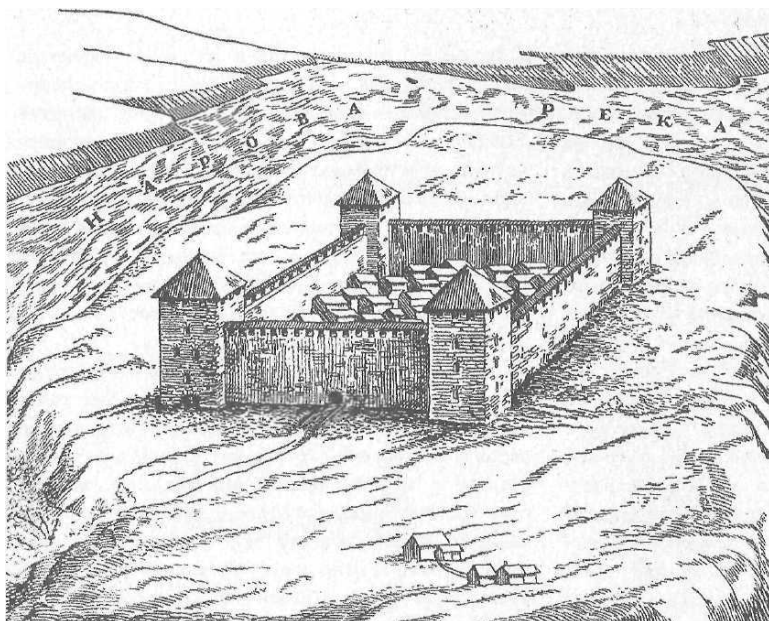

Москва. Церковь
Трифона в Напрудном.
План, фасад, разрез.

Moscow.
Church of St. Trifon
at Naprudniy.
Plan, facade
and cross-section.

Ивангород.
Первоначальный вид
крепости.
Реконструкция
В. В. Косточкина.
Ivangorod. Original
view of the fortress.
Reconstruction
after V. V. Kostochkin.

Новгород. Стены
Кремля.
Novgorod.
The Kremlin wall.

на фасадах отражена в виде трехлопастного завершения. Сохранившиеся архитектурные памятники подобного типа заметно отличаются друг от друга, свидетельствуя о работе разных мастеров. Они возводились из кирпича или из камня, а порой и в их сочетании. Некоторые храмы стояли на подклете и имели галереи, другие были значительно проще — без подклета и галерей. Большой частью они имели одну апсиду во всю ширину здания, хотя встречаются церкви с апсидой трехлопастного очертания и даже с тремя апсидами. Порталы в них большей частью отражают старую московскую традицию; они перспективные, с архивольтами килевидного очертания.

Видимо, одним из наиболее ранних храмов такого типа является церковь Трифона в Напрудном в Москве (1492 г.). К более сложным, стоящим на подклете, относится церковь Зачатия Анны «что в углу» Китай-города, возведенная, по-видимому, в начале XVI в. Также к началу XVI в. относятся церковь в с. Юркино, церковь в с. Городище близ Коломны (нижняя ее часть более древняя), церковь-усыпальница князей Трубецких

в Трубчевске (от нее в составе более поздней постройки сохранился только подклет), церковь Николы Гостиного в Коломне (1501 г.) и некоторые другие памятники зодчества того же типа.

Несколько иной, своеобразный вариант представляют Успенская и Никольская церкви в Ивангороде, построенные, по-видимому, на рубеже XV и XVI вв. Это квадратные в плане бесстолпные храмы, причем Успенская церковь поднята на подклет, имеет три апсиды, примыкающие с трех сторон двухъярусные галереи и небольшой придел, тогда как меньшая по величине Никольская церковь — двухапсидная, не имеет подклета и галерей. Успенская церковь и ее придел, а также Никольская церковь перекрыты куполами, диаметр которых соответствует ширине самого здания. Переход от квадрата к колыду барабана всюду исполнен с помощью тропов. Есть основания полагать, что строителем этих храмов был приехавший из Италии грек-эмигрант.

В рассматриваемую эпоху возводили и такие постройки, которые нельзя отнести к какому-либо определенному типу храмов, поскольку они яв-

ляются совершенно оригинальными и, видимо, единичными произведениями. Такова, например, Духовская церковь в Троице-Сергиевом монастыре, построенная псковскими мастерами в 1476—1478 гг. Небольшая четырехстолпная церковь очень близка раннемосковским храмам, хотя построена не из тесаного камня, а из своеобразного очень плоского кирпича. Она имеет ступенчато повышающуюся конструкцию сводов, но, в отличие от обычных четырехстолпных храмов, центральное круглое пространство здесь не открыто в барабан, а закрыто сводом, над которым находится звонница, и лишь над нею вздымается барабан с главой. Звонница представляет собой как бы свернутую в трубочку псковскую звонницу. В целом этот памятник, имеющий явную тенденцию к столпообразному построению объема,— один из ранних примеров церкви «под колоколами».

Параллельно со строительством храмов велось и строительство гражданских сооружений. Помимо кремлевского дворца строили монастырские трапезные, из которых до наших дней сохранилась трапезная Андроникова монастыря (1504—1506 гг.). Это квадратное в плане двухэтажное здание, перекрытое, подобно Грановитой палате, четырьмя крестовыми сводами, опирающимися на столб в центре помещения. Фасады трапезной расчленены лопатками, расположенными на углах и посередине, отвечая внутреннему опорному столбу. Единственным декоративным мотивом является пояс кирпичного поребрика и красных изразцов, размещенный под свесом кровли.

Важные новшества можно отметить в конце XV в. в военно-оборонительном строительстве. В связи с развитием артиллерийской тактики осады и обороны крепостей начинают возводить укрепления, имеющие башни, равномерно расположенные вдоль стен и поэтому обеспечивающие фланкирующий обстрел по всему периметру. Наиболее крупным и совершенным укреплением такого типа

является Московский Кремль. Впрочем, каменные крепости в ту пору все еще продолжали оставаться редкими исключениями; в большинстве крепости строились из дерева, хотя они уже и отвечали новой тактической системе.

К самому концу XV в. относится постройка первой на Руси «регулярной» крепости, т. е. имеющей правильную геометрическую форму. Появление крепостей такого типа явилось логическим следствием сложившейся новой системы артиллерийской обороны. Первым примером была крепость Ивангород на р. Нарове, построенная в 1492 г. и представлявшая собой маленькое квадратное каменное укрепление с башнями на всех четырех углах. Через несколько лет крепость эта была значительно расширена, также по регулярной прямоугольной системе. В тех случаях, когда крепости строили не заново, а реконструировали «на старой основе», они большей частью сохраняли свой первоначальный округлый план, но и в этом случае башни теперь возводили равномерно распределенными по всему периметру. Таким стал новгородский кремль, полностью перестроенный в 1484—1499 гг., т. е. после присоединения Новгорода к Москве. Среди небольших каменных крепостей так была реконструирована в самом конце XV в. Ладожская крепость.

Бурное строительство, проводившееся в Москве и особенно в Московском Кремле в конце XV — начале XVI в., представляет собой чрезвычайно важный этап в истории русской архитектуры. В этом строительстве участвовали не только московские зодчие, но и мастера из других русских городов, в частности псковичи. Большую роль сыграли и приезжие итальянские архитекторы. В результате их совместной деятельности московское зодчество потеряло свой областной, локальный характер; оно поднялось на значительно более высокий уровень и переросло в совершенно новое качество, превратившись в зодчество общерусское.

IX. РУССКАЯ АРХИТЕКТУРА XVI в.

В XVI в. начинается яркий расцвет монументального зодчества в Московском государстве. Строительство ведется теперь не только в Москве или крупных городах, но и в более мелких городах, в монастырях, в княжеских и боярских вотчинах. Резко возрастает количество возводимых каменно-кирпичных сооружений. За столетие их было построено больше, чем за все предшествующие века русской истории. Строят из¹ кирпича, из камня, из камня и кирпича в сочетании, применяя разные варианты конструктивных решений, свидетельствующие о наличии большого количества опытных и совершенно различных мастеров. И тем не менее, несмотря на появление во многих городах и районах Руси собственных кадров строителей, русское зодчество не распадается на отдельные архитектурные школы; оно развивается единым потоком. Более того, ликвидируются даже ранее существовавшие различия. Так, после падения новгородской независимости быстро теряет свой особый характер новгородская архитектура, сближаясь с зодчеством Москвы. К середине XVI в. процесс сближения зашел уже настолько далеко, что вполне можно говорить о ликвидации самостоятельной новгородской архитектурной школы. И лишь зодчество Пскова в течение всего XVI в. продолжает развиваться особняком, составляя отдельную архитектурную школу.

При строительстве храмов различного назначения зодчие имели широкий ассортимент их типов, позволявший успешно решать любую поставленную перед ними задачу. Так, для больших городских или монастырских соборов обычно выбирали тип шестистолпного пятиглавого храма, явно повторяющего общую схему московского Успенского собора, построенного Фиораванти. Таков,

например, Смоленский собор Новодевичьего монастыря в Москве (1524—1525 гг.). Этот собор настолько близок кремлевскому Успенскому собору, что, очевидно, зодчий вполне сознательно ориентировался на данный образец. Впрочем, имеются все же и существенные различия. Например, средний неф и трансепт здесь шире боковых нефов и поэтому прясла стен не равны по величине, а следовательно средняя закомара выше боковых. В отличие от кремлевского Успенского собора здание приподнято на подклет, столбы не круглые, а крещатые. Поражает строгость, почти аскетичность фасадов здания, придающая ему впечатление сурового величия.

Но, пожалуй, еще суровее облик Софийского собора в Вологде (1568—1570 гг.). Здесь зодчий отказался даже от расчленения фасадов аркатурно-колончатым поясом, и стены полностью лишены декоративных элементов. Как и кремлевский Успенский собор, вологодский не имеет подклета. К идентичной группе храмов относится и собор Хутынского монастыря близ Новгорода (1515 г.). При сохранении той же композиционной схемы совершенно иной характер имеет Успенский собор в Ростове. Дата его возведения, к сожалению, не установлена; различные исследователи относят его ко времени от конца XV в. до 80-х гг. XVI в., причем первая дата кажется более вероятной. В отличие от Смоленского собора в Новодевичьем монастыре и вологодского Софийского собора здесь совершенно нет стремления к аскетизму форм. Кирпичное здание ростовского Успенского собора имеет белокаменные декоративные детали. Сходство с московским кремлевским собором несомненно, но в то же время чувствуется и некоторое влияние старых москов-

Москва. Собор
Новодевичьего
монастыря.
Moscow. Cathedral
of the Novodevichiy
(New Maidens)
Convent.

Вологда. Софийский
собор.
Vologda. Cathedral
of St. Sophia.

ских традиции; так, закомары и аркатурно-колончатый пояс на фасаде ростовского собора имеют килевидные повышения.

В XVI в. значительно реже, чем влияние московского Успенского собора на архитектуру храмов, сказывается воздействие московского же Архангельского собора, причем исключительно в отдельных декоративных элементах, а не в общей системе декора. Более заметно влияние форм Архангельского собора лишь в памятниках зодчества конца XVI в., но даже и там основной прием декоративного убранства, внесенный Алевизом, а именно ордерная система, не был принят: эта система оставалась чужой русскому зодчеству вплоть до конца XVII в. Примером использования отдельных элементов декора Архангельского собора может служить Успенский собор в Дмитрове, сооруженный между 1509 и 1533 гг. Несмотря на то, что собор не шести-, а четырехстолпный и стоит на высоком подклете, общий его облик все же во многом напоминает кремлевский Успенский собор. Однако в обработке фасадов видны явные черты влияния творчества Алевиза: прясла стен обработаны филёнками, в закомарах размещены круглые окна. Особенность храма — изразцовые композиции в системе наружного декоративного убранства.

Четырехстолпные пятиглавые соборы на высоком подклете получили в XVI в. еще большее распространение, чем шестистолпные, т. е. самые крупные. Таковы, например, Успенский собор в Перемышле (дата точно не установлена), собор Лужецкого монастыря в Можайске (20—30-е гг.). Богоявленского монастыря в Костроме (1559—1565 гг.), Федоровского монастыря в Переславле-Залесском (1557 г.) и ряд других. В первых двух из них примыкавшие к основному зданию храма галереи были двухъярусными, что становится достаточно частым явлением в архитектуре XVI в.

Иногда такие четырехстолпные соборы на подклете и с двухъярусной галереей имеют не пять, а только три главы. Примером могут служить соборы Спасского монастыря в Ярославле (1506—1516 гг.) и Покровского монастыря в Суздале (1510—1518 гг.). Будучи близки друг другу типологически они, тем не менее, различны по архитектурным формам. В ярославском соборе явно заметно влияние декоративного убранства

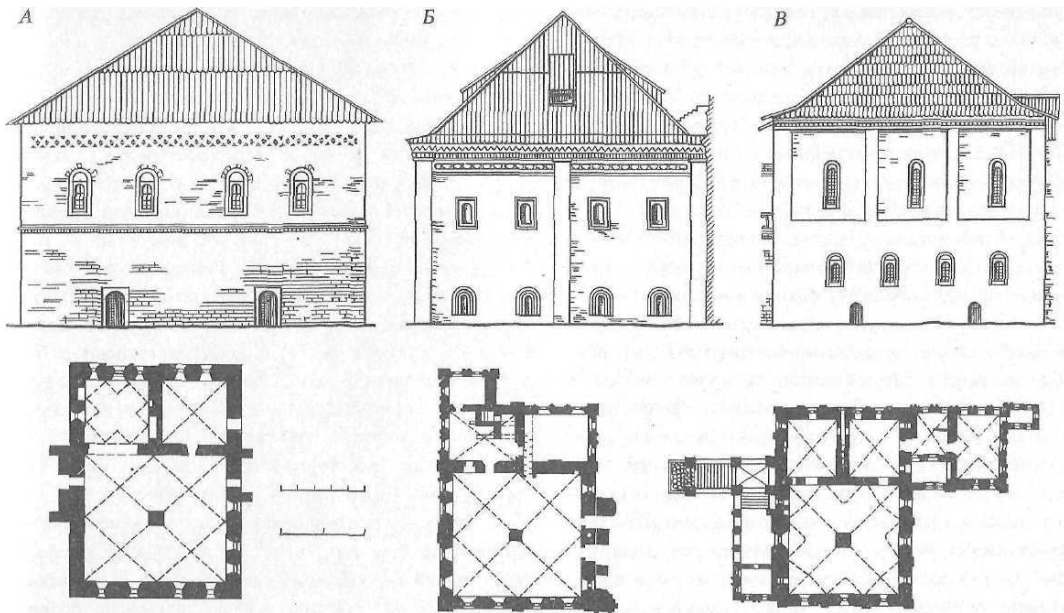
московского Архангельского собора (характер профилировок, орнаментация откосов порталов, круглые окна в закомарах), тогда как в суздальском и аркатурно-колончатый пояс, и килевидные завершения закомар, и кокошники в основании барабана центральной главы свидетельствуют об ориентации на те московские храмы, которые отвечали старой московской традиции. Известны подобные трехглавые соборы, не имеющие подклета. Таков, например, построенный в 1535 г. собор Возмищенского монастыря под Волоколамском. Продолжали строить и одноглавые храмы, завершенные тремя ярусами закомар и кокошников, т. е. развивавшие старую московскую традицию, идущую еще от собора Андроникова монастыря. К их числу можно отнести построенный в начале XVI в. Благовещенский собор в Киржаче, с открытой галереей на подклете, близкий по формам собору Ферапонтова монастыря.

Наконец, при еще более скромном решении храмов возводили четырехстолпные церкви, увенчанные одной главой и напоминающие по схеме домонгольские памятники зодчества. Хорошие образцы — соборы Борисоглебского монастыря под Ростовом Великим (1522—1524 гг.), Данилова монастыря в Переславле-Залесском (1530—1532 гг.) и Борисоглебского монастыря в Дмитрове (1537 г.). Первые два здания строил ростовский зодчий «церковный каменный здатель» Григорий Борисов.

В XVI в. был разработан также своеобразный тип пятиглавого двухстолпного храма. В таких церквях имеется лишь одна пара столбов, а барабан центрального купола размещается между этими столбами непосредственно на их оси. Четыре боковых главы опираются на систему ступенчатых арочек «псковского» типа. Соответственно внутренним членениям западный и восточный фасады имеют три членения, а северный и южный — только два. Наиболее крупным сооружением такого типа является Благовещенский собор в Сольвычегодске (1560—1579 гг.). Членения этого собора завершались закомарами, а у основания закомар проходила широкая лента кирпичного орнамента.

Продолжали в XVI в. возводить и небольшие бесстолпные храмики, перекрытые крещатым сводом и имеющие трехлопастное завершение

Трапезные монастырей.
А — Пафнутьева Боровского, Б — Андроникова, В — Макарьева.

Refectories of monasteries: a — Pafnutieva Borovskogo; b — Andronikov's; c — Makariev's.

фасадов. Подобные храмы строили в течение первой половины века и, видимо, последними по времени образцами данного типа являются церковь Вознесения в Ростове (церковь Исидора Блаженного) и церковь Троицы в Полях в Москве, построенные в 1566 г. В виде очень редкого исключения в ростовской церкви имеется каменная надпись с упоминанием имени зодчего: «а делал церковь великого князя мастер Андрей Малой».

Все перечисленные памятники демонстрируют, насколько широк был ассортимент типов культовых зданий, возводимых в XVI в. Очевидно, зодчие имели возможность выбрать вариант, полнее отвечавший предложенному им зданию.

Понемногу в монастырях начинает развиваться и монументальное гражданское зодчество: наиболее распространенным типом зданий здесь являются монастырские трапезные. Это, как правило, квадратные (или близкие к квадрату) двухэтажные постройки, включающие большой зал и примыкающие к нему небольшие служебные помещения. Первый этаж, т. е. высокий подклет,

использовался как хозяйственное помещение, а сама трапезная находилась на втором этаже. Зал перекрывался сводами, опиравшимися на расположенный в центре столб, т. е. соответственно схеме Грановитой палаты Московского Кремля. В одном из служебных помещений второго этажа располагалась церковь, не имевшая апсиды. Фасады трапезных решены очень скромно; весь их декор ограничивается, как правило, лопатками и узким декоративным пояском. Наиболее характерными примерами могут служить трапезные в боровском Пафнутьевом монастыре (1511 г.), Макарьевском монастыре в Калязине (1525—1530 гг., ныне не существует), Борисоглебском монастыре под Ростовом (1524—1526 гг., ростовский зодчий Григорий Борисов; сильно перестроена в XVII в.).

Широкий размах каменно-кирпичного строительства и разнообразие применяемых типов сооружений, особенно церквей, казалось бы, должны были полностью удовлетворять все требования, которые могли быть предъявлены строителям. И тем не менее именно в 1-й половине XVI в. на

Руси идут интенсивные поиски новых композиционных решений, нового архитектурного образа. Чем можно объяснить эти поиски? Какого именно архитектурного образа не хватало в ассортименте сооружений русского зодчества начала XVI в.? Анализ тех построек, в которых особенно ярко отразились поиски нового, свидетельствует о том, что зодчие стремились к созданию храма с высотной динамической композицией, что вело к появлению столпообразных сооружений. Очевидно, искали образ храма-монумента.

Укрепление централизованного Московского государства, одержанные военные победы, рост национального самосознания властно требовали, чтобы важнейшие события в жизни страны находили отражение и в архитектуре. Памятные даты отмечали, как правило, постройкой церквей. Следовательно, нужно было найти такие архитектурные образы культового сооружения, которые явно отмечали бы мемориальное значение здания. Такой храм должен был стать памятником в самом прямом значении этого слова. Конечно, ни заказчики, ни зодчие не ставили этой задачи именно в такой формулировке, но сама жизнь вела к постановке подобной задачи, в какой бы форме (очевидно, прежде всего, религиозной) она им не представлялась.

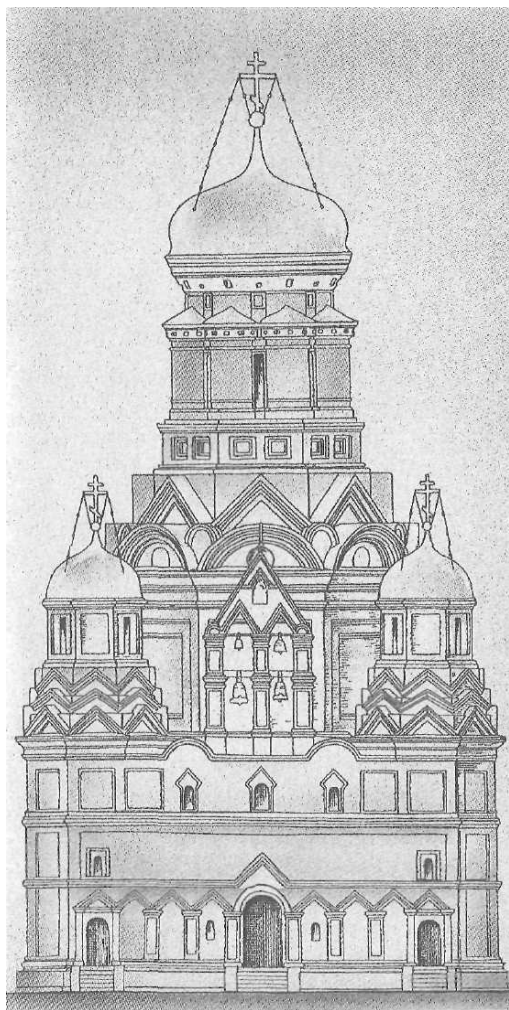
Уже в соборе Рождественского монастыря в Москве зодчий попытался сделать композицию ярусов кокошников более острой, резко понизив боковые прясла фасадов. Еще дальше пошел тот мастер, который возводил собор Успенского Старицкого монастыря (первая треть XVI в.). Здесь та же идея осуществлена в пятиглавом варианте. Угловые членения храма настолько резко понижены, что производят впечатление низких приделов, приставленных к высокому центральному объему. Аркатурно-колончатый пояс на фасадах в среднем и боковых членениях также соответственно находится на разной высоте. Объем пятиглавого храма зрительно как бы распался на пять сросшихся храмиков, подчиненных центральному. И все же в этом соборе еще сохраняется крестовокупольная структура.

Следующим и очень решительным шагом является отказ от крестовокупольной структуры и расчленение пятиглавого храма на пять самостоятельных объемов. Это сделано в церкви Иоанна

Предтечи в подмосковном с. Дьяково. Церковь эта была, по-видимому, построена в 1547 г. в честь венчания Ивана IV на царство (хотя есть предположения и о более поздней датировке — 1552 г.). Она представляет собой пять самостоятельных восьмигранных в плане столпообразных храмиков, стоящих на общей платформе-паперти. В угловых храмах переход к барабанам глав образован тремя ярусами треугольных кокошников, а в переходе к барабану главы центрального храма полукруглые кокошники сочетаются с треугольными. Совершенно необычна форма барабана центрального храма с восемью примыкающими к барабану полуцилиндрами. Сложная композиция церкви в Дьякове создает впечатление почти непрерывного движения вверх, где одна форма естественно вырастает из другой. Необычность форм — характерная особенность этого храма.

Церковь в Дьякове при всей ее новизне и оригинальности все же в какой-то мере продолжала развитие традиций, заложенных в тех крестовокупольных храмах, где имело место резкое понижение боковых частей и подъем центральной главы. Но параллельно с возведением таких сооружений развивалась и линия строительства откровенно столпообразных зданий. Большей частью это были храмы «под колоколь», где расположение звона над помещением церкви логически оправдывало высотность построения. Примеры таких решений появились уже в XV в., а в самом начале XVI в. итальянец Бон Фрязин построил в Кремле церковь Ивана Лествичника.

В 1536 г. тверской мастер Ермола возвел в новгородском Хутынском монастыре церковь Григория Армянского. Эта церковь в настоящее время не существует, но судя по описанию в летописи, она была «в высоту велми высока» и «имея углов восемь». Вскрытые археологическими раскопками фундаменты и основания стен церкви показали, что это действительно была восьмиугольная постройка, окруженная галереей. Сохранившиеся более поздние описания церкви и изображение на иконе рисуют ее в виде высокого столпообразного сооружения. Восьмигранный ярусный столп представляет собой и Успенская церковь «под колоколь» при трапезной Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере, построенная в 1543—1545 гг.

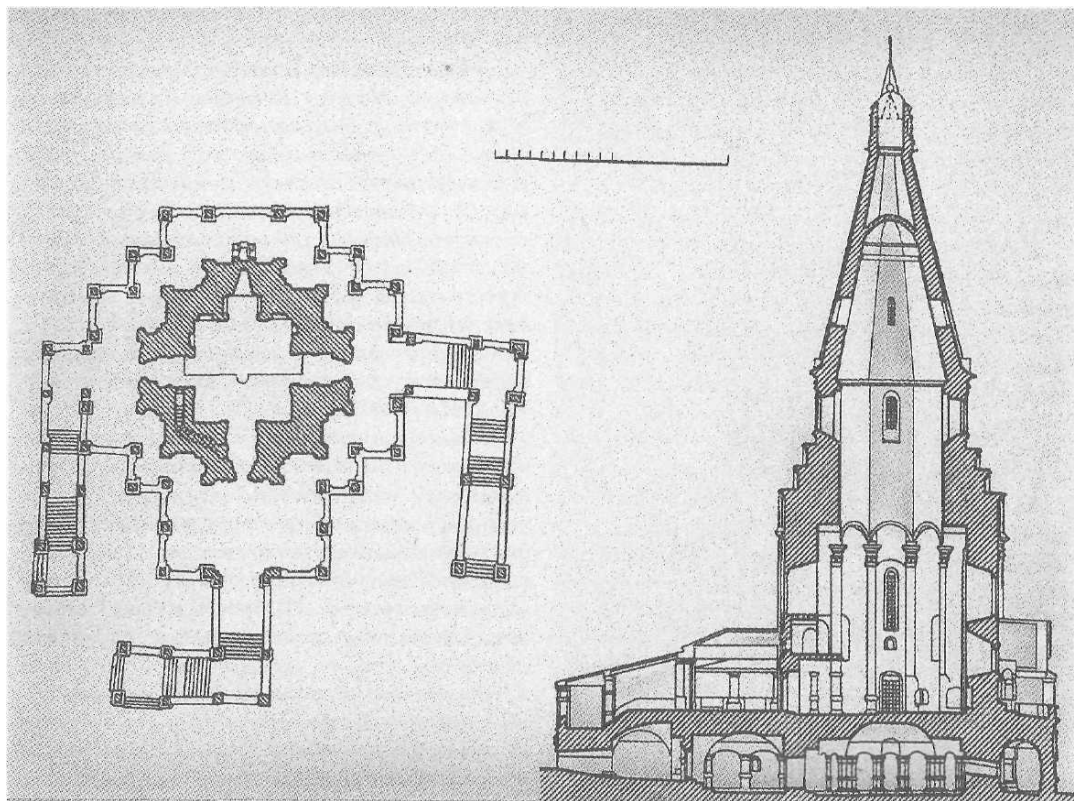
Церковь в селе Дьяково. Church in the village Diakovo.

К тому же типу столпообразных церквей «иже под колоколы» относится и Георгиевская церковь в с. Коломенском. Точная дата ее постройки неизвестна, но обычно ее относят к 1533 г. и связывают ее возведение с рождением второго сына Василия III — Юрия. Круглая в плане церковь в обоих ярусах оформлена пилястрами, решенными в формах классического ордера. Значительное количество западно-европейских класси-

ческих черт позволяет предполагать, что строителем здания был итальянец.

Своеобразным вариантом столпообразной композиции является маленькая церковь Петра Митрополита в Высокопетровском монастыре в Москве. Это невысокая двухъярусная постройка; в нижней части она имеет многолопастную форму из восьми соединенных дуг, а во втором ярусе — восьмиерик. Церковь построена Алевизом Фрязиным в 1517 г., но в конце XVII в. она была сильно перестроена. Подобный тип небольших центрических храмов с многолопастным планом в XVI в. не нашел продолжения, но зато получил широкое распространение в русской архитектуре на рубеже XVII и XVIII вв.

И все же ни пышное расчлененное пятиглавие церкви в Дьякове, ни стройные столпообразные храмы «под колоколы» не смогли с такой яркостью выразить архитектурный образ мемориального храма-монумента, как это удалось осуществить в шатровом зодчестве. В 1532 г. в подмосковном царском с. Коломенском было завершено строительство церкви Вознесения. Это событие нашло отражение в летописи: «Свершена бысть в Коломенском церковь камня Вознесение... бе же церковь та велми чюдна высотой и красотой и светлостью, такова не бывала прежде сего в Руси». Летописец совершенно точно отметил основные особенности памятника — его высоту, красоту и то обстоятельство, что подобных храмов до этого на Руси не существовало. Действительно, церковь Вознесения поражает полным разрывом с традициями, полным несходством со всеми каменно-кирпичными русскими церквями, созданными ранее: на подклете расположено квадратное здание с выступами, придающими ему крестообразный план; переход от этого объема к восьмиеру оформлен кокошниками, над восьмиером вздымается высокий и острый шатер. На уровне подклета храм окружают открытые галереи-гульбища с тремя живописно раскинутыми лестницами. Галереи и лестницы создают органичный переход от горизонтали земли к вертикали здания. При этом все элементы наружной обработки храма подчеркивают его вертикальную устремленность: «стрелы» на плоскостях стен, три яруса килевидных кокошников в основании восьмиерика, небольшие кокошники вместо горизонталь-

ного карниза в основании шатра. Венчает сооружение маленькая главка, почти теряющаяся в композиции 60-метрового здания.

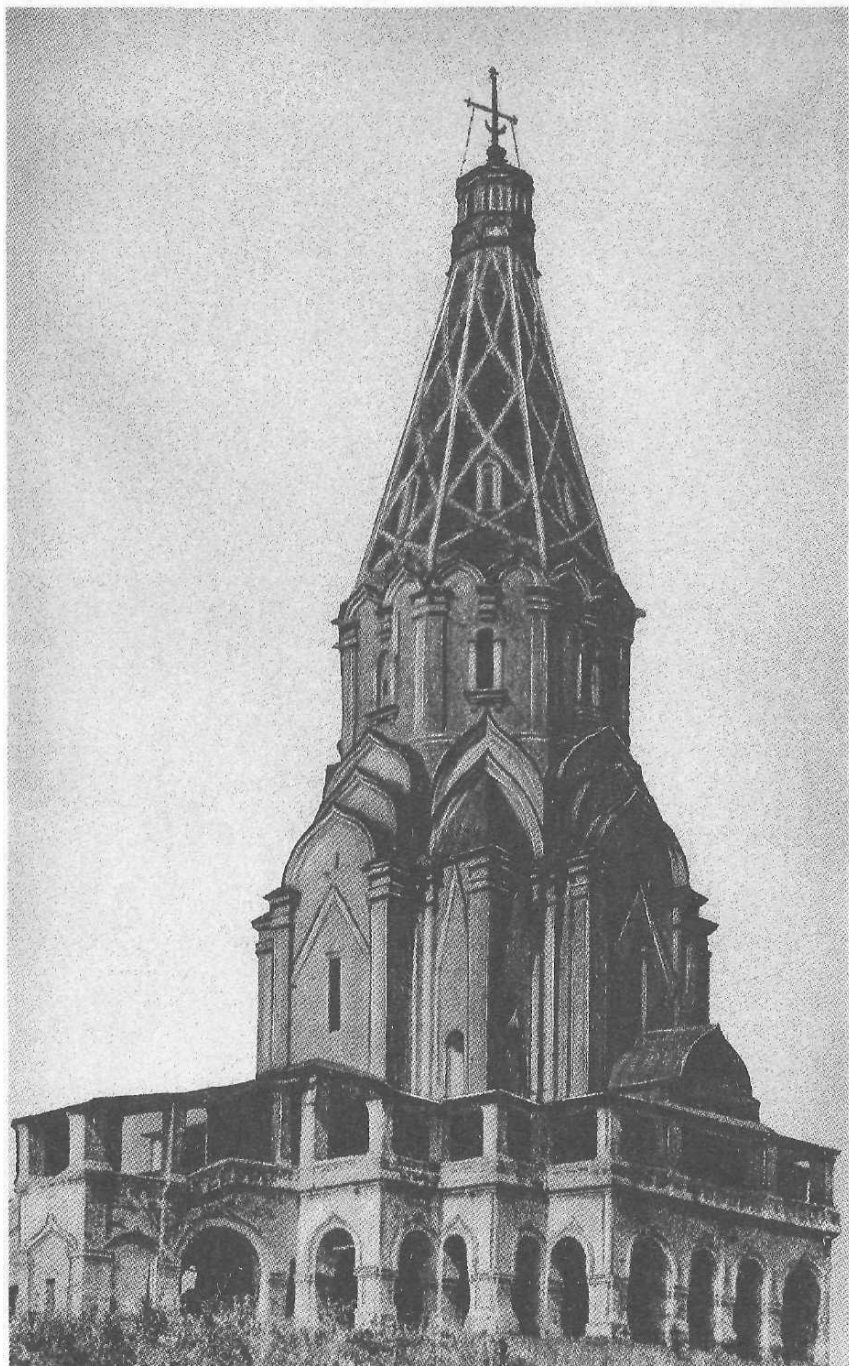
Церковь Вознесения не имеет апсиды и в целом производит впечатление скорее грандиозной башни, чем культового сооружения. Очень толстые стены храма оставляют в интерьере крайне незначительную свободную площадь. Совершенно ясно, что огромная высота никак не вытекает из практического назначения здания. Это решение чисто художественной идеологической задачи. Здание предназначено для обозрения его главным образом снаружи; это почти скульптурный памятник-монумент.

Наличие деталей ренессансной архитектуры и особенно применение классического ордера в интерьере дают основания полагать, что строителем церкви Вознесения был итальянский зодчий.

Подтверждением этого является обнаружение при реставрационных работах даты создания храма, вырезанной на камне и исполненной готическим шрифтом, с указанием года не от сотворения мира, как было принято на Руси, а от рождества Христова, т. е. по западноевропейской системе летосчисления. В связи с этим существует предположение, что автором церкви Вознесения был Фрязин Петрок Малый.

Итак, поиски архитектурного образа храмомонумента завершены. Ни в сложных пятиглавых композициях, ни в столпообразных храмах «иже под колоколы», возводимых в первой половине XVI в., такой образ не удавалось выразить с такой яркостью и блеском, как было сделано в шатровой церкви Вознесения в Коломенском. Откуда же появился шатровый тип храма? Этот вопрос уже давно занимает исследователей. Несомненно,

Церковь Вознесения
в селе Коломенском.
План, разрез, фасад.
Church
of the Ascension
(V ozhneseniya)
in the village
Kolomenskoye.
Plan. Cross-section
and facade.

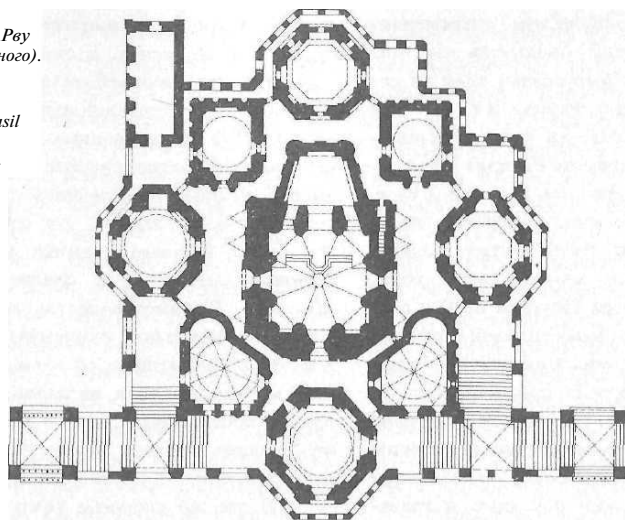

Москва.
Собор Покрова на Рву
(Василия Блаженного).
Общий вид. План.

Moscow.
Cathedral of St. Basil
(P okrova-na-Rvu).
General view. Plan.

что в деревянном зодчестве шатровые церкви существовали еще до возникновения каменного шатрового зодчества. Так, в писцовых книгах конца XVI в. деревянные шатровые церкви упоминаются в центральных районах России в большом количестве, причем многие из них отмечены как ветхие и разрушающиеся. Но для того, чтобы деревянная церковь обветшала настолько, что в ней «служить не мочно», должно было пройти не менее 50 лет. Следовательно, в 1-й половине XVI в. в России (причем даже в центральных районах) деревянные шатровые церкви были уже не новинкой, а рядовым типом храма.

Действительно, есть и более ранние сведения: в Вологодско-Пермской летописи имеется прямое указание на постройку деревянной шатровой церкви в Вологде в 1493 г. Чрезвычайная близость композиции церкви Вознесения в Коломенском с сохранившимися до наших дней деревянными шатровыми церквами дает все основания полагать, что именно деревянный шатер был прототипом каменного. Наконец, даже в летописной записи о постройке самой церкви Вознесения прямо отмечено, что она построена «вверх на деревянное дело», что можно понимать как «по типу» или «по образцу» деревянных построек. Конечно, сделано это было далеко не механически. Церковь в Коломенском лишь внешне напоминает дере-

вянные шатровые храмы, будучи в то же время логичной, хорошо продуманной каменно-кирпичной конструкцией.

Перенесение форм народного деревянного зодчества в монументальную архитектуру, в круг памятников, возводимых по заказу великокняжеского двора, требует объяснения. Наиболее вероятно, что это связано с идеологическими представлениями, с пониманием шатра как символа осенения молящихся благодатью. Если бы шатер не почитали каноничным, то сам митрополит не мог бы освящать вновь построенную церковь Вознесения, а тот факт, что именно им было произведено освящение зафиксировано в летописи. И очень вероятно, что в XVI в. эта церковная идея «осенения шатром» приобретала светскую роль, утверждавшую силу государства и власти. Это тем более вероятно, что церковь в Коломенском была, видимо, построена в честь рождения наследника, т. е. будущего Ивана IV (Грозного), следовательно в честь события государственной важности, как его понимали в эпоху Средневековья. То обстоятельство, что храм строил не русский, а итальянский зодчий, могло даже облегчить разрыв со старой архитектурной традицией русского монументального зодчества.

Близость архитектурных образцов, создаваемых шатровыми и столпообразными храмами, оче-

видно, достаточно ясно ощущалась современниками, что привело к попытке объединить эти типы в одном сооружении. Так был создан один из самых ярких памятников архитектуры XVI в. — собор Покрова на Рву в Москве на Красной площади, прозванный в народе храмом Василия Блаженного из-за погребения у его стен в конце XVI в. юродивого, носившего это имя. Собор был построен в 1555—1561 гг. в честь взятия Казани, т. е. он был задуман как мемориальный храм. Сложная композиция собора Покрова на Рву состоит из девяти самостоятельных церквей, стоящих на общем основании-подклете. Центральный храм завершается шатром, а восемь примыкающих по осям и диагоналям малых храмов увенчаны куполами и несколько напоминают боковые столпы церкви в Дьякове. Покровский собор был красным кирпичным с белокаменными деталями и главами, покрытыми луженым железом.

Письменные источники (правда, несколько более поздние) сохранили имена зодчих, построивших собор Покрова на Рву. Это были «два мастера русских» по имени Барма и Посник. Та же задача, что стояла при строительстве коломенского храма, — создать грандиозный монумент славы и торжества Руси — заставила зодчих сосредоточить все внимание на внешнем облике сооружения. Собор Покрова — также почти скульптурное произведение с ничтожной внутренней площадью храмов. Современники-иностранцы отмечали, что он построен «скорее как бы для украшения, чем для молитвы». В образе этого храма звучала та же чуждая мистике земная идея непрерывного движения вверх, подобного естественному росту растения, «цветения», которую можно видеть и в дьяковской церкви. Храм-памятник имеет праздничный, ликующий облик. Это высшая точка развития русского зодчества XVI в. Смелый по композиции, этот собор воплотил всю мощь русского архитектурного гения. Причем следует иметь в виду, что он выглядел гораздо строже, чем в настоящее время, поскольку современная пестрая обработка его глав и фасадов создана при перестройке в 80-х гг. XVII в.

Через несколько лет после окончания строительства собора Покрова на Рву возведен Борисоглебский собор в Старице (1558—1561 гг.), который был разобран в начале XIX в. и ныне из-

вестен только по несовершенным чертежам и рисунку. Тем не менее, достаточно ясно, что этот храм представлял собой группу из пяти небольших восьмигранных столпообразных церквей, стоящих на подклете и увенчанных шатрами. При этом центральный шатер значительно превосходил по высоте боковые, обеспечивая тем единство всей композиции. В отличие от собора Покрова на Рву, здесь боковые храмики не были отдельно стоящими церквями, а слились с центральным объемом. Торжественность и мемориальность храма не вызывают сомнений; об этом говорит весь облик памятника, об этом же свидетельствовала и находившаяся на здании изразцовая надпись о построении храма, в которой отмечалось, что церковь создана «сему граду на украшение и утверждение от противных супостатов...».

И все же сложные композиции, в которых центральный шатровый храм окружали меньшие храмики, увенчанные главами или шатрами, не получили распространение в русском зодчестве. Очевидно, зодчим стало ясно, что шатер является самодовлеющей формой, которая должна быть не только главной, но и единственной доминантой архитектурного памятника. За исключением соборов Покрова на Рву и старицкого Борисоглебского все остальные шатровые церкви XVI в. — простые одношатровые.

Видимо, одним из ранних шатровых храмов, сооруженных вскоре после завершения строительства церкви в Коломенском, является Воскресенская церковь в с. Городня. Она имела восьмигранный объем, перекрытый шатром, апсида отсутствовала. Первоначально церковь была бесстолпной, не имела подклета, но вскоре после ее возведения внутри здания был поставлен центральный столб и на него оперты своды, создавшие подклет. Соответственно и снаружи была пристроена галерея-гульбище. Не менее простую и ясную композицию имеет церковь Космы и Дамиана в Муроме, построенная в 1555—1556 гг. Она имеет квадратный план с большой полукруглой апсидой. Шатер ее рухнул, но известен по сохранившимся рисункам.

Муромская церковь гораздо декоративнее и лучше украшена, чем церковь в Городне, в которой идея храма-сени, храма-монумента выражена несравненно отчетливее.

К 50-м или 60-м гг. XVI в. относится церковь в Елизарове. Здесь стройное квадратное здание церкви имеет три апсиды и фасады, расчлененные лопатками, соединенными сверху дугами арок, как бы имитирующими закомары. Невысокий восьмерик поддерживает острый шатер. К этой церкви близка по формам Спасская церковь Спасо-Воротынского монастыря на Оке, построенная, видимо, также в середине XVI в.

Известны примеры, когда в небольших храмах шатер опирается непосредственно на четверик и не имеет восьмерика. Таковы Успенская церковь Брусенского монастыря в Коломне (1552 г.) и Ильинская церковь в с. Прусы (середина XVI в.).

Одним из наиболее ярких шатровых храмов, возведенных, по-видимому, в середине XVI в., является Преображенская церковь в с. Остров под Москвой. Она имеет крестообразный план, напоминающий план церкви в Коломенском: с востока примыкает большая полукруглая апсида. Переходы от крестообразного основания к восьмерику и от восьмерика к шатру украшены многочисленными ярусами кокошников. С севера и юга к церкви примыкают два небольших придела, увенчанных главами. С трех сторон храм, видимо, обходила галерея, позднее полностью перестроенная. Церковь сооружена из белого камня и отличается исключительно высоким качеством прорисовки деталей.

Во всех шатровых храмах первой половины и середины XVI в. шатер всегда открыт внутри здания и является, таким образом, не декоративной, а конструктивной формой, системой перекрытия. Конечно, далеко не все шатровые церкви, построенные в то время, дошли до наших дней. Примером несохранившегося шатрового храма, известного по реалистическому рисунку XVII в., может служить Сергиевская церковь в Московском Кремле, сооруженная в 1557 г. Она была, по-видимому, восьмигранной, богато декорированной кокошниками.

Примечательно, что шатры стали сооружать и над церквями при монастырских трапезных. Плановая схема трапезных сохранилась, в основном, та же, какую применяли и в начале XVI в., т. е. это были большие квадратные помещения, своды которых опирались на столб, расположенный в центре. К залу трапезной примыкало нес-

колько (большой **частью два**) небольших служебных помещений, одно из которых служило церковью. Раньше такие церкви перекрывались сводом, затем над ними стали иногда возводить шатер. Конечно, подобные шатровые композиции уже не могли отражать характера храма-памятника, но очень вероятно, что шатровое покрытие и здесь было все же связано с мемориальным значением таких церквей. Примером может служить трапезная Успенского монастыря в Старице (1570 г.). Несколько иной характер имеет Успенская церковь при трапезной Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, где церковь резко выделена из объема трапезной, снабжена апсидой, а над четвериком возвышается восьмерик, увенчанный шатром. Дата сооружения этой церкви очень спорна; наиболее вероятно 2-я половина XVI в.

Особый тип шатрового храма представляет собой Распятская церковь-колокольня в Александровской слободе (ныне г. Александров Владимирской обл.). Здесь около 1513 г. был построен столпообразный храм, который в 1570—1571 гг. полностью перестроили, создав высокую восьмигранную башню. Над мощными пилонами, соединеннымиверху арками, расположена арочная галерея, а выше три яруса кокошников создают переход к более узкому восьмерику звона, над которым высится шатер. Это первый пример, где высокий столпообразный объем церкви «под колоколы» перекрыт шатром, т. е. по существу это первый пример шатровой колокольни.

В середине XVI в. была сделана и первая попытка объединить в одной композиции пятиглавый собор с шатровым приделом. Осуществлено это в Богоявленском соборе Авраамиева монастыря в Ростове (1553 г.). Четырехстолпный пятиглавый собор поставлен на подклет; к нему с запада примыкают два небольших придела с маленькими главками, а с юго-востока — придел, перекрытый шатром. В целом собор представляет собой живописную группу, несимметричную, что нехарактерно для архитектуры XVI в. Следует отметить, что как шатровая колокольня, так и живописное сочетание пятиглавого храма с шатровым приделом не получили в XVI в. распространения, оставшись здесь единичными примерами, тогда как позднее, в XVII в., именно эти композиции стали излюбленными.

Церковь в селе Остров.
Church in the village
Ostrov.

Несомненно, что шатровое зодчество сделалось в XVI в. ведущей линией в развитии архитектуры, но ведущей лишь в идеологическом смысле. Постройкой шатровых храмов отмечали важнейшие исторические события; эти храмы служили мемориальными монументами. Но даже в 50—60-х гг. XVI в., когда строилось наибольшее их количество, шатровые церкви не были преобладающими в количественном отношении. Количественно в XVI в. преобладали все же церкви купольного типа и это преобладание особенно заметно в провинции, вдалеке от Москвы.

Очень интенсивно велось в XVI в. строительство каменных оборонительных сооружений. После возведения кирпичных стен Московского Кремля новые тактические требования обороны получили как бы официальное признание и закрепление. Вследствие этого расположение башен, обеспечивающее фланкирующий обстрел всего периметра укрепления стало теперь совершенно обязательным. Устройство камер для пушек, слегка заглубленных арок на внутренней поверхности стен и бойниц подошвенного боя также осуществлялось теперь повсеместно. В большинстве случаев повторяли и введенную в Московском Кремле форму зубцов с двумя полукружиями вверх и седловиной между ними. После новгородского кремля таким же образом построили кремли Нижнего Новгорода (1508—1512 гг.) и Коломны (1525—1531 гг.). В тех случаях, когда укрепления строились на плоской местности и их форма не была поэтому тесно связана с конфигурацией рельефа, возводили крепости регулярного типа, имеющие план в виде правильного прямоугольного четырехугольника. Таковы крепости Тулы (1514—1520 гг.) и Зарайска (1528—1531 гг.).

Энергично проводилось в первой половине XVI в. укрепление северо-западного района. После того как Новгород был полностью подчинен Москве, Новгородская земля оказалась в положении форпоста московского государства на границах Ливонского ордена. Между тем большая часть новгородских пригородов имела устаревшие оборонительные сооружения, которые требовали приведения в соответствие с требованиями современного военно-инженерного искусства. Вслед за

постройкой Ивангорода и перестройкой Ладоги были проведены большие работы по коренной реконструкции Копорья, Орешка и Яма. Были также модернизированы и отремонтированы укрепления Пскова; на «немецком рубеже» построили крепость Псково-Печерского монастыря.

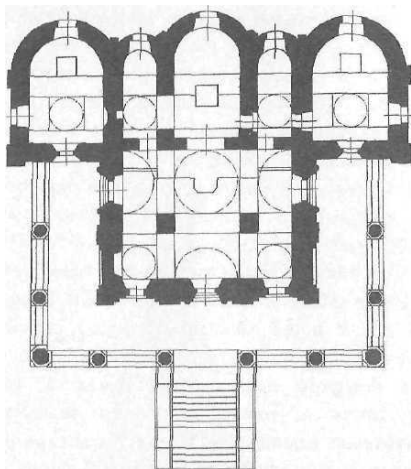
Велось строительство оборонительных сооружений и в самой Москве. Для развития русского военно-инженерного искусства большое значение имело строительство в 1535—1538 гг. стен и башен Китай-города — крепости, окружавшей значительный район Москвы, примыкавший с северо-востока к Кремлю. Строитель этой крепости (Петрок Малый) ввел целый ряд усовершенствований, связанных с развитием мощи огнестрельной артиллерии, поэтому стены Китай-города относительно невысокие, но очень толстые (около 6 м); здесь была тщательно продумана система фланкирующего огня, устроены подземные камеры для подслушивания неприятельских подкопов.

Следует отметить, что уже с самого начала XVI в. в Московском государстве (не без участия итальянских инженеров), начали применять оборонительные сооружения бастионного типа. Особое развитие эта система получила в 30-х гг. XVI в. в деятельности Петрака Малого, использовавшего новый фортификационный прием при постройке в 1534 г. земляных укреплений московского Китай-города, Себежа и Пронска. В дальнейшем земляные бастионные укрепления в XVI в. продолжали строить наряду с каменными и деревянными крепостями.

* * *

В 70—80-х гг. XVI в. капитальное каменное строительство в Московском государстве резко сократилось в связи с тяжелой политической и экономической обстановкой, сложившейся в стране. С середины 80-х гг. экономическое положение страны начало постепенно восстанавливаться, и последнее десятилетие XVI в. отмечено оживлением строительной деятельности. Типы сооружений возводятся, в основном, те же, какие строили и ранее, в середине XVI в. Так, Успенский собор Троице-Сергиева монастыря, начатый строительством в 1559 г. и законченный в 1585 г., еще полностью ориентирован на Успенский собор Московского Кремля, к которому он близок и плано-

*Церковь в селе Вязёмы.
Общий вид. План.*

*Church in the village
Vязёмы. General view.
Plan.*

вой схемой, и объемной композицией, и даже многими деталями. Близок к традициям кремлевского собора и Спаский собор Преображенского монастыря в Казани (1596—1601 гг.). Однако большее распространение получили все же не шести-, а четырехстолпные пятиглавые храмы. При этом в их архитектурном оформлении заметно проступают черты влияния московского Архангельского собора, чего почти совершенно не чувствовалось в середине XVI в. Особенно четко это проявилось в соборе Вознесенского монастыря в Московском Кремле, построенном, по-видимому, в 1587—1588 гг. и, к сожалению, ныне не существующем. В этом соборе нет резных деталей и классического ордера Архангельского собора, но вся схема членения его фасадов несомненно заимствована из московского прототипа. Очень вероятно, что таков был сознательный замысел, задание, полученное зодчим. Дело в том, что собор Вознесенского монастыря, стоявший ранее на этом месте и построенный в XV в., служил усыпальницей московских великих княгинь; построенный заново в конце XVI в., собор должен был служить усыпальницей цариц. Вероятно, поэтому за его прототип сознательно избрали Архангельский собор — усыпальницу царей. :*,—•

В дальнейшем черты влияния декора Архангельского собора, отраженные в соборе Вознесенского монастыря, стали характерными особенностями многих памятников конца XVI в. Таков, например, собор воровского Пафнутьева монастыря, построенный в 80-х или 90-х гг. Однако самым ярким примером культового сооружения среди пятиглавых соборов того времени безусловно является церковь Преображения (первоначально Троицкая) в с. Вязёмы. Эта церковь была построена во 2-й половине 90-х гг. в резиденции правителя государства Бориса Годунова. Здесь был создан крупный архитектурный комплекс, в который входили церковь, отдельно стоящая трехпролетная стенка-звонница, деревянный дворец, каменная плотина с прудом, конюшенный двор и фруктовый сад. В настоящее время от комплекса сохранились только церковь и звонница. От соборов Вознесенского и Пафнутьева монастырей церковь в Вязёмах отличается тем, что поднята на подклет, имеет у восточных углов два симметрично расположенных небольших придела, а с трех сторон к ней примыкает двухъярусная галерея. Но, пожалуй, наиболее отличительная черта вязёмской церкви — красота прорисовки деталей.

В конце XVI в. продолжалось и строительство небольших бесстолпных храмов. Характерным примером может служить церковь в с. Спас-Михнево (в районе г. Бронницы) — квадратная постройка, перекрытая крещатым сводом и имеющая одну большую полукруглую апсиду. В отличие от подобных церквей 1-й половины и середины XVI в. ее фасады завершаются не трехлопастной кривой, а тремя закомарами. В основании барабана главы расположены небольшие кокошники. К церкви по бокам примыкают два маленьких придела, по конструкции и оформлению подобные основному храму. Церковь была построена в конце XVI в. и связывается со строительством Годуновых. Сравнительно недалеко от г. Бронницы до наших дней уцелели еще две церкви, почти точно повторяющие церковь в с. Спас-Михнево, также связываемые с годуновским строительством и относящиеся к концу XVI в. — это церкви в с. Покровское и в с. Троицкое-Лобаново. Троицкая церковь в с. Хорошево (1596—1598 гг.) также почти полностью повторяет эти храмы и по плану и конструкции, однако внешний облик ее значительно

богаче. Над закомарами ее фасадов поднимается целая пирамида из трех ярусов полукруглых кокошников, а в основании барабана главы помещен еще один ряд маленьких кокошников, на этот раз килевидных. Фасады боковых приделов завершаются горизонтальными карнизами, а выше также расположены три яруса кокошников. Чрезвычайно изящная профилировка несет следы влияния Архангельского собора Московского Кремля. В кокошниках имелись круглые цветные вставки, а в фасад было вмонтировано яркое фаянсовое родосское блюдо.

К типу небольших бесстолпных церквей, перекрытых крещатым сводом, принадлежит и старейший собор Донского монастыря в Москве (1593 г.). Здесь, правда, не было боковых приделов и совершенно не чувствуется влияние декора Архангельского собора. Покрытие составляют три яруса кокошников. Судя по сохранившемуся рисунку, очень близка была к этому собору уничтоженная в XIX в. церковь Николы Явленного на Арбате.

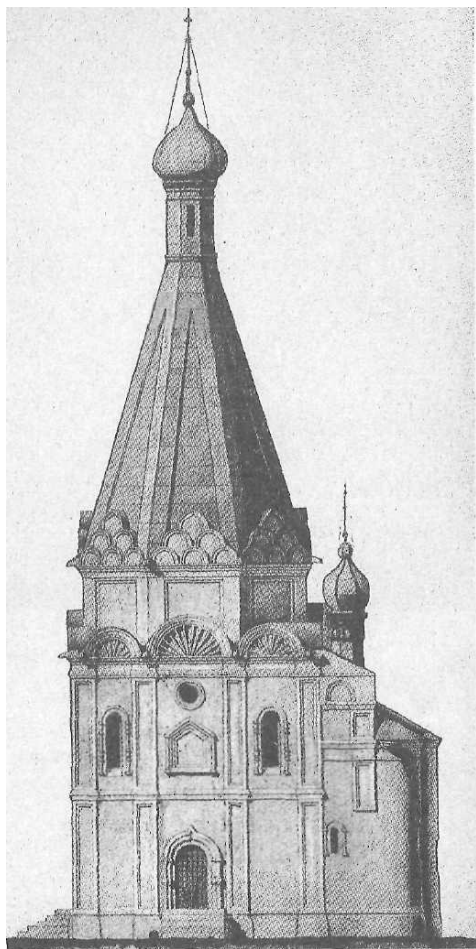
Пирамидальное покрытие храмов тремя ярусами кокошников, очевидно, восходит к старым московским традициям, отраженным в таких памятниках рубежа XV и XVI вв., как соборы Рождественского монастыря в Москве и Княгинина монастыря во Владимире. Но если там еще сохранилась какая-то логическая связь между конструкцией сводов со ступенчато повышенными арками и покрытием из ярусов закомар и кокошников, то в конце XVI в. при бесстолпных храмах такая система покрытия является уже чисто декоративной, абсолютно не связанной с конструкцией.

Вместе с восстановлением строительной деятельности после затишья 70-х гг., вновь началось строительство и шатровых церквей. Церковь Рождества в с. Беседы — квадратный одноапсидный храм на подклете. Переход от четверика к восьмерику декорирован системой ярусов кокошников, а от восьмерика к шатру — горизонтальным карнизом. Первоначально к основному объему примыкали северный и южный приделы, объединявшиеся папертью, что создавало типичную для конца XVI в. симметричную композицию. Близкую, но гораздо более богато декорированную композицию представляет Богоявленская церковь в с. Красное на Волге (1592 г.). Здесь также квадратный в плане объем храма с помощью тропмов

переходит в восьмерик, а с востока примыкает одна апсида, впрочем, имеющая слегка приближающуюся к трехлопастной форму и представляющая собой как бы три апсиды, слитые воедино. Восьмерик украшен кокошниками, а в основании шатра размещены треугольные группы из кокошников. С севера и юга к церкви примыкают приделы, увенчанные главками. Объединяющая их паперть имеет характер двухъярусной галереи.

Совершенно иным характером обладает церковь Петра Митрополита в Переславле-Залесском (1584 г.). В плане она представляет собой разноконечный крест, центральное квадратное помещение которого перекрыто шатром, а каждая ветвь креста — двумя ступенчато повышающимися арками. Апсида отсутствует, и алтарь размещается в восточной ветви креста. Церковь стоит на подклете и с трех сторон (кроме восточной) окружена двухэтажной галереей, в первом этаже арочной, а во втором — со столбами, поддерживающими деревянную кровлю. Фасады церкви разделены лопатками, на которые выше карниза опираются чисто декоративные закомары, никак не связанные с формой сводов, но придающие основному объему храма традиционный характер крестовокупольного здания.

Чрезвычайно своеобразна церковь Смоленской Богоматери в с. Кушалино (1592 г.). Она представляет собой небольшую шатровую церковь с квадратным планом и трехчастной апсидой. Под церковью имеется подвальное помещение, очевидно предназначенное для гробницы. Наиболее отличительная черта памятника — обработка наружных стен его четверика: зодчий попытался здесь скопировать систему убранства фасадов московского Архангельского собора. Причем в данном случае это не влияние художественных форм, а именно попытка сделать копию, грубую, упрощенную, но копию, включая разделение фасадов на два яруса и примитивно исполненные раковины в закомарах. Сознательное копирование схемы Архангельского собора здесь объясняется тем, что заказчик церкви (Симеон Бекбулатович) некоторое время по прихоти Ивана Грозного числился «царем всея Руси». Будучи в конце XVI в. сосланным в свою тверскую вотчину, он пожелал построить себе церковь-усыпальницу по образцу царской усыпальницы — Архангельского собора.

Церковь в селе Кушалино.
Южный фасад.

Church in the village
Kushalino. The South
facade.

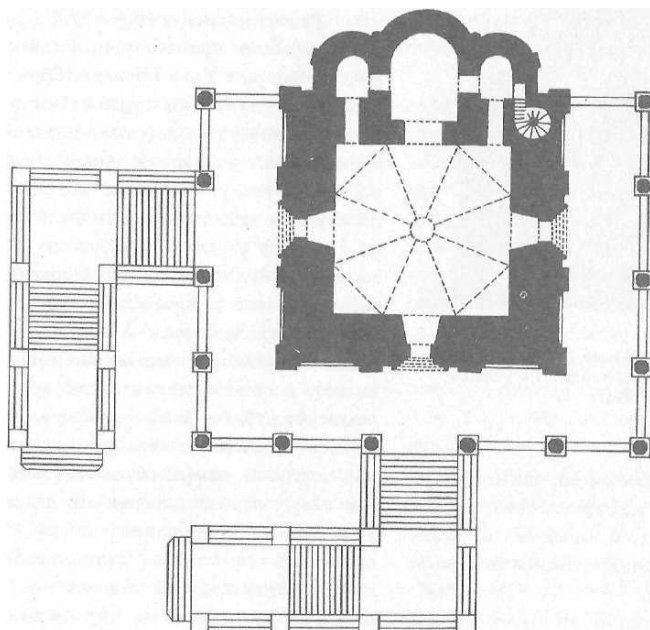
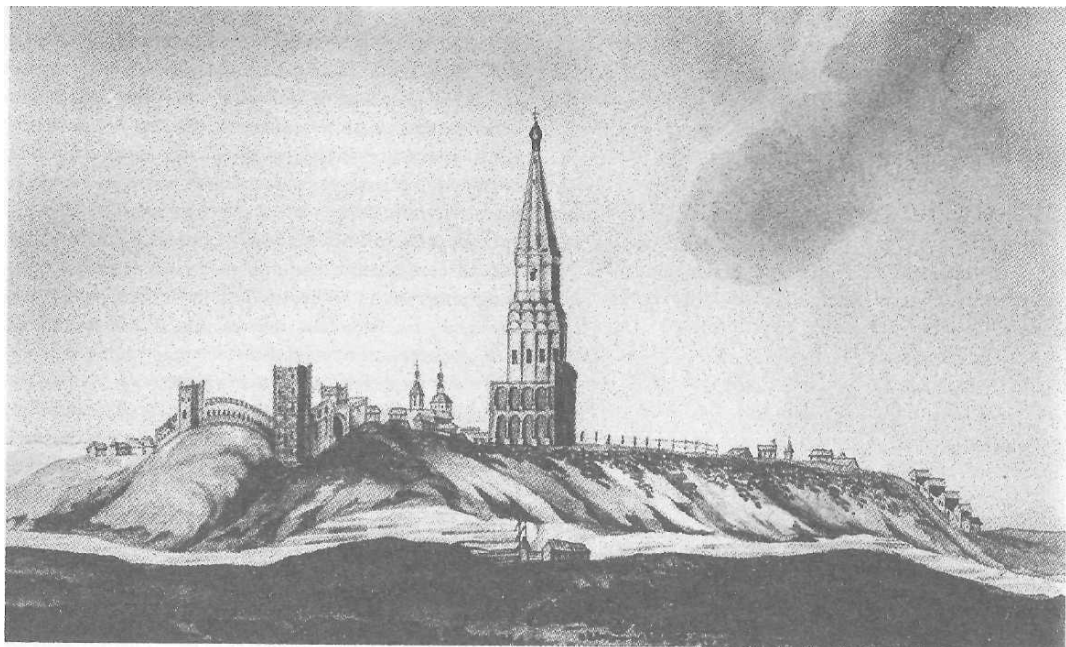
Шатровое же завершение, очевидно, должно было придать церкви характер мемориального памятника, возможно, в память о военной деятельности Симеона, бывшего одним из военачальников при Иване Грозном.

Но очевидно, что именно этот мемориальный характер шатровых памятников к концу XVI в. стал порой забываться, и шатры кое-где стали

применять просто как ставший уже привычным тип покрытия. Примером может служить Никольская церковь в Балахне (1600 г.). Здесь фасады массивного кубического здания завершаются ложными закомарами, а выше, на невысоком восьмерике, громоздится грузный шатер, имеющий небольшую высоту по сравнению с размерами основания и покрытый зеленой черепицей. В этой провинциальной переработке форм шатрового зодчества совершенно исчезла основная идея шатровых памятников — стремительный взлет по вертикальной оси, большая высота при малом внутреннем пространстве, т. е. все то, что делало шатровые церкви храмами-монументами.

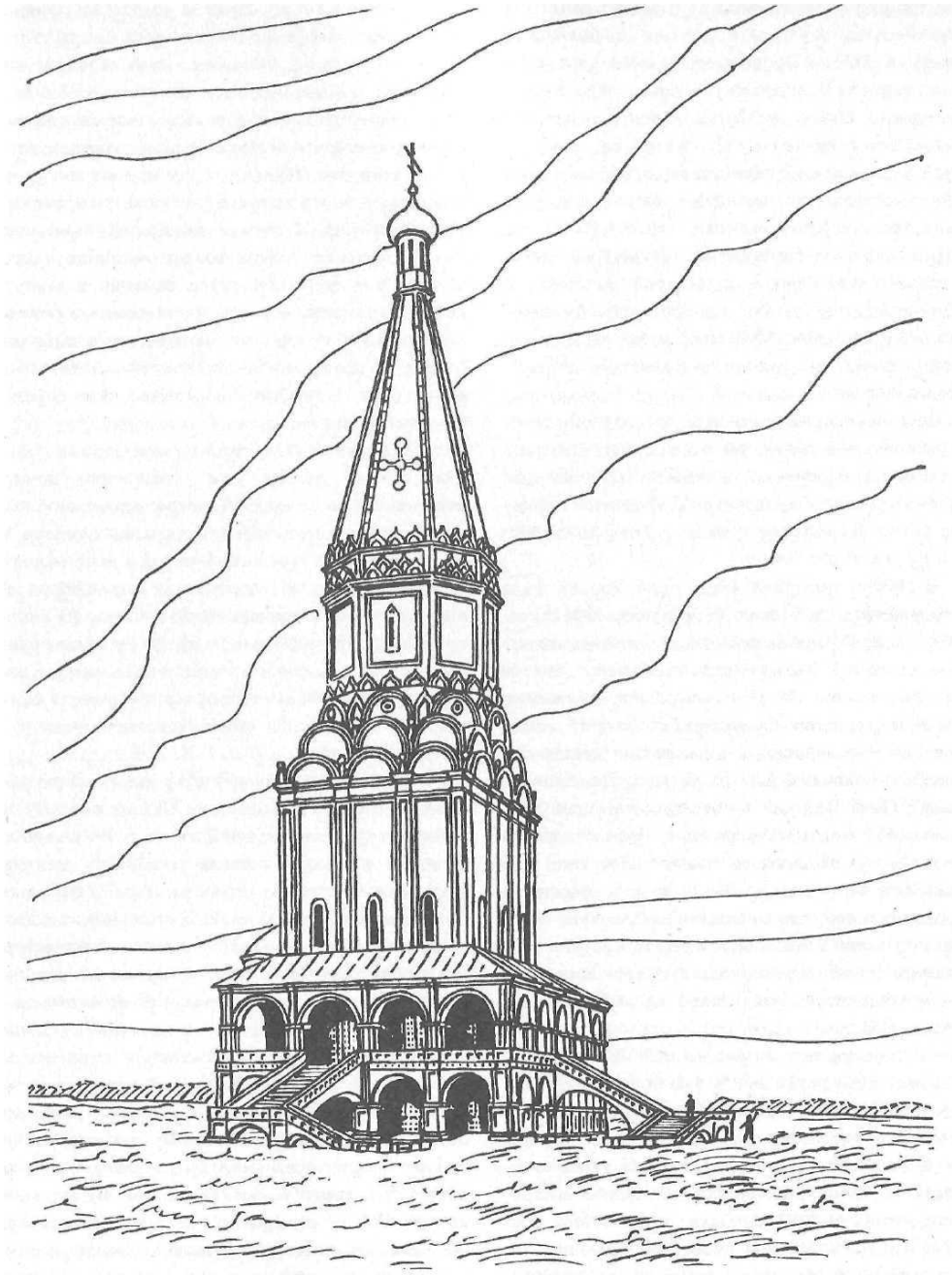
Известны примеры, когда в конце XVI в. шатровые покрытия возводили и над церквами при трапезных. Такова Георгиевская церковь при трапезной в серпуховском Владычнем монастыре (1599 г.). Фасады церкви здесь завершаются закомарами, имеющими чисто декоративное значение, поскольку они не отвечают конструкции сводов. Выше четверика расположен невысокий восьмерик, а над ним — полоса маленьких кокошников и стройный шатер.

Развитие архитектуры XVI в. завершают два замечательных архитектурных памятника — Борисов городок и Иван Великий. Борисов городок — памятник трагической судьбы. Построенный Борисом Годуновым в качестве царской резиденции и памятника воцарения новой династии, он был заброшен сразу же после смерти царя Бориса, простоял в запустении два столетия и разобран на камень в начале XIX в., после чего был надолго забыт. К счастью, сохранившиеся многочисленные описи и документы XVII в., рисунки и чертежи, сделанные в XVIII в., в сочетании со следами ансамбля, сохранившимися в натуре, позволяют в общих чертах представить облик этого памятника. Здесь была построена небольшая каменная крепость с несколькими башнями, длинная земляная дамба, образовавшая искусственное озеро, летний деревянный дворец на острове, конюшенный и лебединый дворы, фруктовые сады. Здесь же стояла шатровая Борисоглебская церковь колоссальной высоты — 74 м. Церковь имела квадратный план, трехчастную апсиду, была поднята на подклет и с трех сторон окружена двухъярусной галереей.

Борисоглебская церковь
Борисова городка.
По чертежу конца
XVIII в. План.
Реконструкция
П. А. Ряппопорта.
Church of St. Boris
and Gleh
(Borisoglebskaya)
at the town of Borisov.
After a sketch
of the XVIII century.
Plan. Reconstruction
after P. A. Rappoport.

Строительство Борисова городка начато в последние годы XVI в., а церковь закончена и освящена в 1603 г. По общему замыслу, эта церковь напоминает Вознесенскую церковь в Коломенском, однако образ претерпел значительные изменения. При всей подчеркнутой остроте и вертикальной ориентации годуновский храм не имеет того стремительного движения ввысь, которым охвачен храм в Коломенском. Церковь Борисова городка отличала виртуозная прорисовка деталей, изумительное чутье пропорций и вместе с тем некоторая суховатая графичность фасадов. Широко использованы филенки и другие детали, заимствованные из декора московского Архангельского собора.

Есть основания полагать, что зодчий, строивший Борисов городок, до этого возвел церковь в Вязьмах, а еще ранее — церковь в Хорошеве под Москвой и собор боровского Пафнутьева монастыря (ныне Калужская область). Имя этого зодчего пока не установлено.

В 1600 г. по приказанию царя Бориса была надстроена церковь Ивана Лествичника в Московском Кремле. Грандиозный столп, получивший народное название Ивана Великого, имеет (вместе с крестом) высоту 81 м и завершается большим золоченым куполом. Сужающийся вверх столп состоит из восьмериков; в нескольких ярусах находились помещения для колоколов. Церковь-колокольня Иван Великий — это своеобразный триумфальный памятник. Огромная башня должна была славить основателя новой династии, что выражалось не только ее высотой и величественной композицией, но и большой золоченой надписью под главой. Ансамбль Кремля получил вертикальную доминанту, придавшую ему законченность и усилившую роль этого ансамбля в разросшемся городе.

Русское зодчество прошло за XVI в. большой и сложный путь развития. В I-й половине XVI в. велись интенсивные поиски новых композиционных решений, в частности столпообразных храмов. Затем сложилось и получило развитие такое своеобразное и яркое явление как каменное шатровое зодчество. В XVI в. были разработаны различные варианты храмов крестовокупольного типа, развернулось строительство монастырских трапезных. Особенно заметные изменения произош-

ли к концу XVI в., когда в зодчестве появились такие новые особенности, которых совершенно не было ни в первой половине, ни в середине этого столетия. Так, в течение почти всего XVI в. в русском зодчестве господствовала архитектурность формы, т. е. соответствие формы скрытым за нею конструкциям. Правда, не всегда этот принцип полностью выдерживался, но даже там, где архитектурные формы не отвечали конструкции, сказывалось желание зодчих создать подобие их соответствия. И если три яруса закомар и кокошников соборов той поры и не полностью отвечают конструкции, то все же наличие цилиндрических сводов крестовокупольной системы и повышенных арок дают некоторое основание для подобной трактовки верха.

В конце XVI в. появляются здания, где архитектурные формы уже совершенно не соответствуют конструкции. Так, пирамидальное завершение ярусами кокошников украшает теперь храмики, имеющие крещатый свод, а над основным четвериком в шатровых храмах появляются ложные закомары. Впрочем, даже в конце XVI в. расхождение архитектурных форм и конструкций еще не стало всеобщим явлением и шатры всюду имеют открытое внутрь пространство, т. е. продолжают оставаться конструктивной формой перекрытия здания.

На смену смелому поиску новых форм, имевшему место в I-й половине XVI в., к концу века приходит стремление приблизить даже новые композиции к традиционным, для чего, например, четверики шатровых храмов порой оформляют ложными закомарами, как бы выдавая их за крестовокупольные храмы. Не остается неизменным и стилистический характер памятников. Крупные, сочные детали, характерные для памятников 14-й половины XVI в., к концу века сменяются чисто графической манерой суховатых и довольно мелких деталей декора. Но четкая симметрия композиций остается характерной для архитектуры всего XVI в., и живописная асимметричность собора Авраамиева монастыря является совершенно исключительным примером. Более того, в конце XVI в. становится особенно характерной жесткая симметричная схема с примыкающими к основному объему двумя приделами — северным и южным.

Тяжелая социальная и экономическая обстановка, замедлившая или даже почти прервавшая строительство в 70-х гг. XVI в., ставила под угрозу обороноспособность страны, не позволяя проводить модернизацию старых и строительство новых крепостных сооружений. Это заставило московское правительство принять самые энергичные меры по концентрации в своих руках всех наличных строительных кадров. В начале 80-х гг. был создан Приказ каменных дел, взявший на себя руководство государственными строительными работами. Появление центрального архитектурно-строительного органа дало возможность проводить мобилизацию рабочей силы, упорядочить добычу строительного камня, обжиг кирпича и извести, осуществить стандартизацию формата кирпича.

С помощью Приказа каменных дел в конце XVI в. удалось осуществить строительство двух очень крупных оборонных объектов — Белого города в Москве и крепости в Смоленске. В обоих случаях руководил строительством «государев городовый мастер» Федор Савельевич Конь. Огромная по протяженности (более 9,5 км) линия стен Белого города, построенная в 1580—1593 гг., проходившая по трассе нынешнего бульварного кольца, не сохранилась. К счастью, в большой степени уцелели стены и башни смоленской крепости.

Строительство смоленской крепости началось в 1597 г., хотя подготовка к нему велась уже с 1595 г. Окончено сооружение крепости в 1602 г. Письменные источники отмечают, что была проведена мобилизация как людей, так и строительных материалов, поскольку напряженная военно-политическая обстановка требовала ускоренного завершения строительства крепости. При этом «камень и известь возили из дальних городов вся земля». Мощные стены окружили всю территорию Смоленска; они имели протяженность около 0,5 км и включали 38 башен. Очень продуманное расположение на рельефе и равномерное распределение башен по периметру создали прекрасные военно-инженерные качества крепости, а хорошо найденные пропорции и тонкая прорисовка деталей свидетельствуют о том, что Федор Конь был не только опытным военным инженером, но и талантливым зодчим.

Кроме этих двух крепостей в конце XVI в. было построено еще несколько менее крупных оборонных объектов: кремль в Астрахани и кремль в Казани (достроен). Именно в то время развивается тенденция к объединению стратегически важных крепостей с монастырями, что облегчало государству организацию строительства и дальнейшего содержания крепости. Еще в 60-х гг. недалеко от Пскова на границе с Ливонским орденом были построены мощные стены Псково-Печерского монастыря, а в конце века возвели крепостные сооружения в Соловецком, Кирилло-Белозерском, боровском Пафнутьевом и Ипатьевском монастырях. В большом количестве возводятся и деревянные оборонительные сооружения. Наряду с каменными и деревянными укреплениями использовали и сильно переработанную на русский лад систему земляных бастионов. Хорошим примером может служить Малый земляной город в Новгороде, построенный в 1582 г. .. : ..... <

Иначе развивалось в XVI в. зодчество Новгорода. После того, как Новгород был военной силой приведен в подчинение Москве, культовое строительство в нем на некоторое время прервалось. Московское правительство, рассматривая Новгородскую землю как форпост борьбы с Ливонией, провело значительные работы по реконструкции оборонительных сооружений: был полностью перестроен новгородский кремль, построены или реконструированы и другие крепости Новгородской земли. Однако вскоре, уже в начале XVI в., возобновилось и строительство церквей. Но к тому времени здесь коренным образом сменился контингент заказчиков. Чтобы ликвидировать тенденции новгородского сепаратизма, московское правительство выслало из Новгорода всю боярскую знать и вместо нее поселило московских купцов. Новые заказчики требовали от строителей возведения храмов, более отвечающих их привычным, т. е. московским, представлениям о зодчестве. И хотя в Новгороде продолжали работать местные мастера-строители, они должны были считаться с этими требованиями.

С 1508 по 1511 г. по заказу богатого московского купца Ивана Сыркова было осуществлено строительство церкви Жен Мироносиц на Ярос-

лавском дворце, где находился и двор этого купца. Церковь разделена внутри на три этажа, из которых первый расположен ниже уровня земли, т. е. в сущности он — подвальный этаж, а второй играет роль высокого подклета. Оба эти этажа использовались как складские помещения, а собственно церковь находилась на третьем этаже. При этом западное членение церкви было, в свою очередь, разделено на два яруса; в верхнем ярусе размещались два небольших придела. Каждое членение фасадов храма завершалось полукружием, как бы закомарой, над которым однако находился треугольный щипец. Ко всем трем порталам примыкали деревянные крыльца.

Через несколько лет, в 1529 г., рядом с этим храмом по заказу Сыркова-сына была построена церковь св. Прокопия. По внешнему облику она несколько ближе к старым новгородским памятникам, но и в ней наличествует много явно не новгородских черт. Здание также разделено на три этажа, из которых два нижних использовались как склады. Как и в церкви Жен Мироносиц, наличие трех апсид вместо одной, повышенные подпружные арки под барабаном, деревянные крыльца у порталов, килевидные завершения арок на фасадах — черты, нехарактерные для новгородского зодчества XV в. Западный объем представляет собой несколько пониженную паперть, основной объем имеет щипцовое покрытие каждого фасада, что в целом образует на храме восьмискатную кровлю. Замечательно, что начиная с XVI в. и старые новгородские храмы, имевшие трехлопастное покрытие фасадов, переделывают на восьмискатные. Еще дальше по пути отхода от новгородских традиций пошел зодчий Борисоглебской церкви в Плотниках, возведенной в 1536 г., которая построена на старом фундаменте, и поэтому сохранила типичный для Новгорода одноапсидный план, но килевидные закомарные завершения фасадов, прикрытые щипцами и, особенно, пятиглавие делают ее облик близким к московским памятникам зодчества.

В Новгороде в XVI в. начали также строить и большие пятиглавые соборы. Первым и самым крупным является Преображенский собор Хутынского монастыря, построенный в 1515 г. по заказу московского великого князя. Этот шестистолпный трехнефный и трехапсидный собор увенчан

пятью главами. Несомненно, что тип собора заимствован от Успенского собора Московского Кремля. Общий облик собора также явно московский, но участие новгородских мастеров не могло не сказаться и в этой постройке, несмотря на откровенно выраженный московский заказ. И в конструкциях, и в декоративных элементах здесь наличествуют новгородские черты. Не менее откровенно московский характер имел и четырехстолпный, также пятиглавый, собор Сыркова монастыря (1548 или 1554 г.).

В то же время начали возводить и бесстолпные храмы, которых ранее в Новгороде никогда не строили. Такова, например, Сретенская церковь при трапезной в Антониевом монастыре (1533 г.). Квадратная в плане, двухэтажная церковь примыкает к квадратной же трапезной со столбом в центре зала. Покрытие церкви восьмискатное. Близкая по типу церковь и двухстолпная трапезная были построены в Хутынском монастыре в 1552 г. Церковь при трапезной Александро-Свирского монастыря (1533 г.) имеет завершение в виде пирамиды из трех ярусов кокошников, однако и здесь, несмотря на такой чисто московский прием, декоративные мотивы выдают работу новгородского мастера. Близка по формам и церковь Николая при трапезной Воскресенского монастыря на Красном поле в Новгороде, точная дата постройки которой неизвестна.

И все же бывали случаи, когда новгородские мастера даже в XVI в. возводили церкви, почти полностью повторявшие старые новгородские храмы XV в. Примером может служить церковь Климента на Иворове улице (1520 г.). Единственное нововведение в церкви Климента — подклет, перекрытый деревянными балками и ничем не выделенный снаружи.

Итак, в I-й половине XVI в. новгородское зодчество быстро потеряло свой самостоятельный характер, подчинившись московской, т. е. общерусской, архитектуре. Но наличие собственных кадров строителей, имевших сложившиеся традиции, естественно, не позволило новгородскому зодчеству полностью слиться с московским. Черты московской типологии, общий характер московского зодчества соединились в Новгороде с местными конструктивными и декоративными приемами, в результате чего новгородская архитектура

Л,

Псков. Церковь Николы
"• • •" со УСОХУ.
Pskov. Church of St. Nicholas
from Ussoly.

i t

ра, влившись в общий поток развития русского зодчества, сохранила некоторое своеобразие. Новгородская архитектура 2-й половины XVI в. не настолько отличается от московской, чтобы ее можно было называть самостоятельной школой, но она позволяет все же выделить ее как особый вариант общерусского зодчества. Характерным примером может служить церковь Св. Троицы при трапезной Духова монастыря (1557 г.) — небольшой храм на подклете, завершенный пятиглавием и несколькими рядами довольно мелких декоративных кокошников.

Совершенно особое явление представляло зодчество Пскова, который в XVI в. был единственным русским городом, где развитие архитектуры продолжало идти своим, самобытным путем, не совпадавшим с московским, т. е. общерусским. Более того, именно в XVI в. можно отметить наиболее яркий расцвет самостоятельной псковской архитектурной школы.

Псковская земля в XVI в. играла важную роль опорного пункта Руси на границах с Литвой и Ливонским орденом, поэтому московское правительство принимало меры по реконструкции каменных укреплений города, проводя их капитальную перестройку. При этом каменными стенами была теперь защищена вся огромная территория Окольного города, включая Запсковье. Чтобы предотвратить проникновение вражеских кораблей внутрь крепости по р. Пскове, на обоих ее берегах были построены башни, которые соединялись специальным заграждением, так называемыми решетками, пересекавшими реку. От укреплений Окольного города до наших дней сохранились мощные башни — Козьмодемьянская (иначе называемая Гремячей) на берегу Псковы и Покровская на берегу Великой.

Интенсивно ведется в XVI в. и культовое строительство. Во Пскове, как и в Новгороде, после окончательного вхождения города в состав Московского государства в значительной мере сменился контингент заказчиков. Однако в отличие от Новгорода это не повлекло за собой быстрой ликвидации самостоятельных особенностей псковской архитектуры и обращения к московским образцам. Наоборот, здесь продолжали развивать те

типы и архитектурные формы сооружений, которые сложились во Пскове к концу XV в. Строили во Пскове исключительно из местной плиты, полностью отказавшись от кирпича. Для того чтобы плита не выветривалась от времени, стены снаружи затирали известковой обмазкой.

Псковские храмы обычно невелики. Их строили по заказам горожан — купцов и ремесленников. Церкви служили не только целям культа, но и местом хранения ценностей, документов, книг, поэтому они построены, как правило, очень экономно и каждое их помещение имеет определенное назначение.

Церковь была одноглавым, четырехстолпным храмом и имела три апсиды. Нижние части столбов делали круглыми, чтобы они занимали возможно меньше места. Перекрывались храмы ступенчато повышающейся конструкцией сводов и арок, хотя в небольших по величине церквях порой подпружные арки делали слитыми со сводами. Каждый фасад покрыт на два ската.

Часто псковские храмы образовывали сложный асимметричный и очень живописный комплекс с галереей, притворами, приделами, звонницей и хозяйственными пристройками. Звонницы псковского типа — одна из наиболее характерных особенностей этих комплексов — представляют собой стенки с пролетами для колоколов. Пролеты имели разную ширину в зависимости от размеров колокола. Ставились звонницы на одну из стен храма или над его крыльцом, но часто их возводили отдельно от церкви на одной из стен небольшой хозяйственной постройки. Внутри псковские церкви не имели монументальной живописи, и среди их беленых стен единственным красочным пятном был иконостас.

Несколько таких памятников сохранилось в самом городе. Среди них можно назвать церкви Успения Богородицы у Парома (1521 г.), Николы на Усохе (1535 г.), Иоакима и Анны (точная дата неизвестна) и ряд других. Сохранились подобные храмы и в Псковской земле. Таковы, например, Никольская церковь в с. Виделебье (1551 г.), церковь Георгия в погосте Сенно, Троицкая церковь в с. Доможирка на Чудском озере, собор Елизаарова монастыря и др.

В качестве приделов при больших храмах псковичи сооружали другой тип церкви — бес-

столпный, также сложившийся в Пскове в XV в. Такие церкви имеют очень своеобразную типично псковскую конструкцию сводов: помещение перекрывали несколькими ступенчато повышавшимися к середине арками, а в пространство между ними встраивали поперек несколько меньших арок. Над образовавшимся в центре небольшим квадратным отверстием ставили барабан главы. Снаружи такие бесстолпные храмики отличаются от четырехстолпных лишь одной апсидой вместо трех. Иногда подобные маленькие церкви возводили и как самостоятельные, отдельно стоящие, например, псковская церковь Николы от Каменной ограды. Существуют примеры, когда такие маленькие церкви сдваивали, т. е. строили вплотную две рядом и снабжали общей звонницей, создавая тем самым живописную композицию (церкви Покрова и Рождества у Пролома).

И все же несмотря на устойчивое сохранение самостоятельных псковских традиций, в зодчество Пскова к середине XVI в. начинают проникать некоторые московские черты. Появились церкви с позакомарным завершением фасадов: церковь Жен Мироносиц (1546 г.), собор Крыпецкого монастыря (1547 г.). А вскоре начали возводить и пятиглавые храмы с позакомарными покрытиями: Никольская церковь Любятовского мо-

настыря (видимо, 60-е гг.), собор Мальского монастыря близ Изборска. В некоторых псковских храмах стали устраивать высокий подклет, откровенно выраженный снаружи: церковь Климента на Завеличье. Видимо, под московским влиянием начали строить столпообразные церкви «под колоколы», в которых над пролетами для колоколов устраивалась деревянная шатровая кровля и ставилась маленькая главка. Хорошим примером такого сооружения была высокая восьмигранная церковь в Гдове, ныне не существующая. Сохранилась подобная постройка в Крыпецком монастыре. В нескольких монастырях Псковской земли уцелели остатки каменных трапезных и жилых палат, возведенных в XVI в. Над некоторыми из них ранее существовали деревянные этажи келий.

Широкий размах строительства в Пскове в XVI в. и наличие здесь опытных кадров строителей привели к тому, что псковичей часто вызывали для строительства в Москву и другие города. Так, после покорения Казани московское правительство направило туда для ремонта городских укреплений и строительства церквей бригаду псковских мастеров во главе с Постником Яковлевым. Хорошо сохранившимся памятником, отражающим работу этих мастеров, является Успенский собор Свияжского монастыря (1560 г.).

Х. РУССКАЯ АРХИТЕКТУРА XVII в.

В начале XVII в. бурные события так называемого Смутного времени прервали развитие русской архитектуры. Крестьянская война, польско-шведская интервенция, освободительная война, закончившаяся изгнанием интервентов, не давали возможности вести монументальное строительство. Лишь в 20-х гг., когда установилась более или менее спокойная обстановка и началось восстановление экономики, вновь приступили к строительству. Уже с 1014 г. возобновил деятельность Приказ каменных дел, который осуществлял учет и организацию рабочей силы вначале в основном для строительства только крепостей, а позднее и возведения церквей.

В связи с усилением интенсивности строительства в 30-х гг. XVII в. была значительно расширена территория, откуда мобилизовывали рабочих. При этом записанные в Приказ каменных дел каменщики и кирпичники должны были ежегодно являться в Москву к началу строительного сезона для отправки к месту работы. По окончании сезона их отпускали по домам. В Приказе каменных дел числились каменщики, кирпичники, обжигальщики кирпича, ломщики камня, подвязчики (т. е. строители лесов), а также и руководители строительства — «подмастерья каменных дел», многие из которых были, по существу, опытными зодчими.

Строительство быстро наращивало темпы, и с середины XVII в. оно уже широко развернулось на всей территории Руси. Более того, размах строительства приобрел такой характер, какого на Руси еще не бывало. Теперь строили уже не только в крупных, но и мелких городах, в монастырях и в боярских вотчинах. Кадры опытных строителей существовали во многих строительных центрах.

Каменно-кирпичные постройки впервые стали уже не редкими, а довольно рядовыми. После пожара Москвы в 1626 г. в ней также значительно усилилось строительство каменно-кирпичных зданий. Если в XVI в. в России было построено больше каменно-кирпичных зданий, чем за все предыдущие века русской истории, то в XVII в. их было возведено еще в несколько раз больше, чем в XVI в. В. И. Ленин называл XVII в. новым периодом русской истории, характеризующимся «действительно фактическим слиянием всех ... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было ... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»*. Крепло экономическое и культурное единство страны. В едином государстве воссоединились русский и украинский народы.

В XVII в. происходят крупные перемены в хозяйственной сфере. Растет активность городского населения, торгово-ремесленных кругов. В русской культуре все сильнее стали проявляться светские элементы. И хотя церковь пыталась бороться с этим «обмирщением» культуры, процесс шел необратимо. Все больший размах приобретало гражданское строительство, а вместе с тем постепенно стиралась резкая грань между церковной и гражданской архитектурой. Массовость строительства позволяла народным вкусам гораздо шире, чем в предыдущую эпоху, проникать в культовое зодчество. В обстановке обостренной борьбы искусство и архитектура этого века полны противоречивых тенденций. Ростки нового все сильнее

* Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 153, 154.

пробиваются в старые сферы церковного строительства. Недавно появившиеся тенденции, при всей их половинчатости и ограниченности, постепенно побеждают. Вызревают условия для рождения искусства и архитектуры нового времени.

В 20—30-е гг. XVII в., когда строительство понемногу восстанавливалось после событий Смутного времени, возводили постройки, во многом повторявшие памятники зодчества, созданные еще в конце XVI в. Однако в те же годы началось строительство сооружений, заметно отличавшихся от более ранних, в которых и типологические особенности, и стилистический характер были уже иными. Это было переходное время, время сложения новых архитектурных форм. Тогда строили шатровые церкви, близкие по типу шатровым храмам предшествующей поры. Так, в 1623 г. возведена Преображенская церковь в Копье (в Москве), ныне не существующая, но известная по старинным рисункам. Также не сохранились шатровые церкви Ирининская во дворе боярина Стрешнева в Москве и Николы Гостинодворского в Казани, обе, видимо, 20-х гг. XVII в.

Церковь Архангела Михаила в Нижнем Новгороде (1628—1631 гг.), построенная зодчим Лаврентием Возоулиным, очень близка Никольской церкви в Балахне, построенной еще до событий Смутного времени.

Также вполне в духе XVI в. построена церковь Покрова в Медведковке (1634—1635 гг.). Строго симметричная композиция храма, стройный шатер и двухъярусная галерея напоминают церковь в с. Красном на Волге (близ Костромы), хотя четверик медведковской имеет по углам еще четыре небольшие главки, что придает медведковской церкви некоторую измельченность. Та же тенденция к более мелким формам видна и в церкви Зосимы и Савватия при больничном корпусе Троице-Сергиева монастыря (1635—1637 гг.), несмотря на то, что ее шатер также довольно высокий и стройный.

Но если эти одношатровые храмы близки подобным церквям предшествующей поры, то совершенно новый вариант шатрового храма представлен Успенской церковью Алексеевского монастыря в Угличе, больше известной, как «Див-

ная» церковь (1628 г.). Церковь примыкает к большой одностолпной трапезной и так же, как и трапезная, поднята на высоком подклете. Интерьер церкви разделен стенами на три части, перекрытые сводами, над которыми расположены невысокие восьмерики, увенчанные шатрами. Таким образом, эта церковь имеет три шатра, средний из которых выше боковых. Новшеством является сам прием завершения храма несколькими шатрами, почти одинаковыми по высоте, что сразу же резко меняет сам принцип организации пространства шатрового храма, характерный для XVI в. При этом шатры здесь отделены от помещения церкви сводами, а не открыты внутрь помещения. Видимо, близка была по композиции к Успенской церкви в Угличе ныне не существующая церковь Алексеевского монастыря в Москве, построенная в 1625—1634 гг.

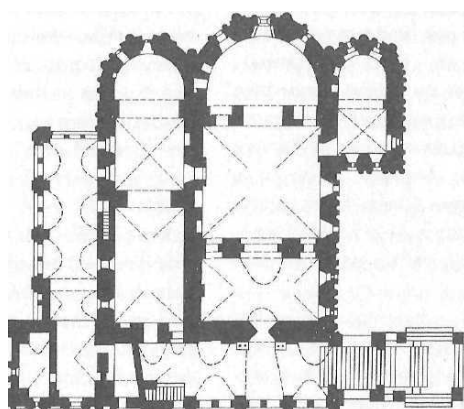
Первоначально московская церковь также была трехшатровой, но ее главный шатер был снесен уже в XVIII в., а в XIX в. уничтожена и церковь. Судя по сохранившимся рисункам, шатры ее были высокими и острыми.

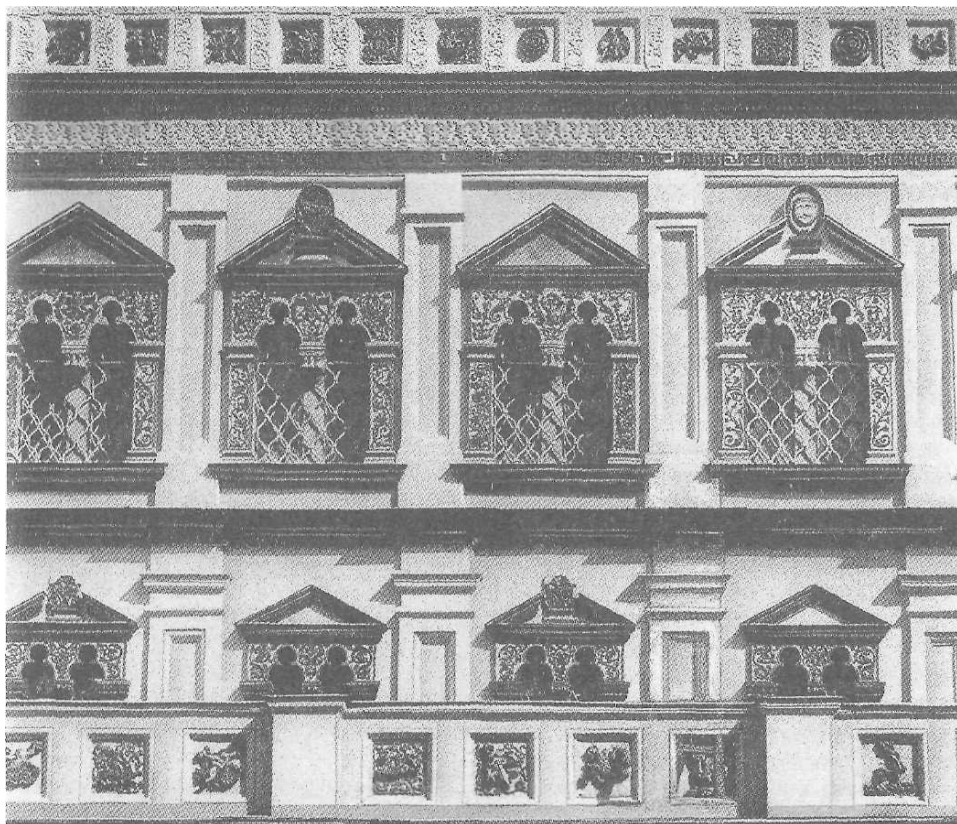
Одновременно с шатровыми строили и бесстолпные храмы, завершающиеся главкой на нескольких ярусах кокошников. Таковы церковь Покрова в Рубцове (1619—1627 гг.) и несохранившийся до наших дней Казанский собор в Москве на Красной площади (1625—1636 гг.). Эти храмы непосредственно продолжают развитие того типа церквей с крещатым сводом, который был характерен для конца XVI в. Впрочем и здесь, особенно в Казанском соборе, в расположении кокошников и дополнении крупных кокошников более мелкими видно то же стремление к обогащению композиции здания многочисленными и некрupными декоративными деталями. Своеобразным вариантом подобного типа была Входиерусалимская церковь в ярославском Спасском монастыре (1617—1619 гг.). Хотя она уничтожена уже в XIX в., первоначальные ее формы все же удастся установить. Эта небольшая квадратная церковь была пристроена к юго-восточному углу Спасского собора, а с юга к ней примыкал маленький придел. Церковь была, по-видимому, перекрыта крещатым сводом, а над ее алтарной частью имелись две маленькие дополнительные главки; таким образом, она была трехглавой.

Москва. Церковь Троицы
в Никитниках.
Рисунок. План.
Moscow.
Church of the Trinity
at Nikitniki.
Drawing and plan.

Москва. Теремной дворец.
Фрагмент фасада.
Moscow.
The Terem-Palace.
Fragment of facade.

Возводили в это время и четырехстолпные пятиглавые соборы. Таким был, например, построенный в 1632 г. собор нижегородского Печерского монастыря. Собор имел позакомарное завершение фасадов и резко пониженные апсиды. Здание было поднято на подклет. Церковь Николы Надеина в Ярославле (1620—1622 гг.) также четырехстолпная и первоначально имела пять глав. Она поднята на высокий подклет и с трех сторон окружена двухъярусной галереей. С севера к церкви, в торце ее галереи, пристроен маленький придел, а у северо-западного угла стояла шатровая колокольня. Фасады церкви имели позакомарные завершения. Несмотря на традиционный облик основного здания церкви, несимметричное расположение придела и колокольни делали ее композицию очень живописной. Характерно, что и поза-

комарное завершение фасадов здесь не отвечает конструкции сводов, поскольку угловые членения здания перекрыты не цилиндрическими, а ступенчатыми («псковскими») сводами.

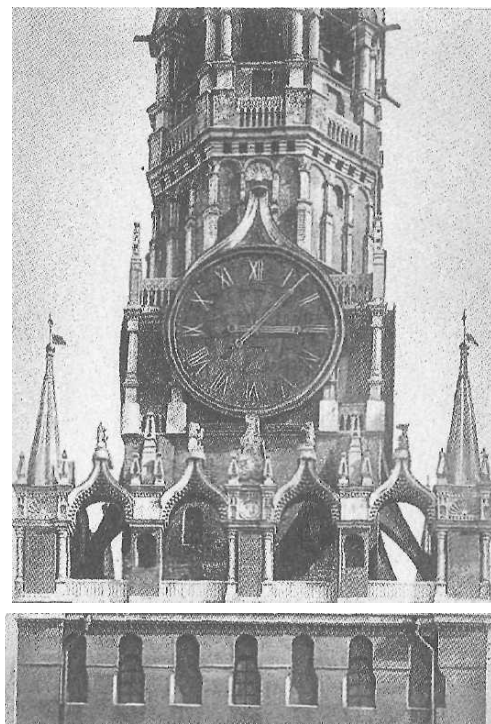
Церковь была построена по заказу богатого купца Надея Свешникова.

Еще значительно дальше по пути сложения нового облика храма пошел зодчий, построивший в 1631—1634 гг. церковь Св. Троицы в Никитниках в Москве. Сравнительно небольшая бесстолпная церковь поднята на высокий подклет и перекрыта сомкнутым сводом. Снаружи она увенчана пирамидой кокошников и пятиглавием, хотя световой является лишь одна центральная глава, а боковые — глухие, чисто декоративные. С севера и юга к церкви примыкают маленькие приделы, также увенчанные пирамидами кокошников.

С запада и севера расположены галереи, у северо-западного угла — высокая шатровая колокольня, а у юго-западного угла — богато оформленное и покрытое шатром крыльцо. Несмотря на некоторые переделки, исполненные в середине XVII в., церковь Николы Надеина сохранилась почти в первоначальном виде.

Живописная асимметричная композиция церкви в сочетании с чрезвычайной насыщенностью ее декоративными элементами сделали памятник как бы образцом для московских храмов последующего периода. В этом храме применены многие декоративные детали, не встречающиеся в архитектуре XVI в., но ставшие особенно характерными для XVII в. Таковы окна со сложными, богато украшенными наличниками, арки с висячими гирьками, каменная резьба и поливные изразцы. Здесь по существу уже полностью сложились композиционные приемы и архитектурные формы, ставшие типичными для зодчества XVII в.

Особенно большое значение для сложения архитектурных форм XVII в. сыграло строительство в 1635—1637 гг. Теремного дворца в Московском Кремле. Строителями его были каменных дел подмастерья Важен Огурцов, Антин Константинов, Трефил Шарутин и Ларион Ушаков. В качестве первых двух этажей дворца зодчие использовали подклет и палаты XV—XVI вв. На выровненных сводах этих построек возвели два этажа дворца, на которых разместились гульбище и небольшая постройка еще одного, третьего этажа — златоверхий Терем. Снаружи здание Теремного дворца имеет четко выраженные горизонтальные членения, отвечающие этажам. Окна имели сложные наличники, богато декорированные каменной резьбой. Наличники завершаются фронтонами, частично имеющими фигурную разорванную форму. Внутреннее убранство дворца было восстановлено в 30—40-х гг. XIX в. и не вполне точно отвечало первоначальному. Вместе с домашними церквями, Грановитой палатой, гульбищами, лестницами и крыльцами дворец образовывал сложный и живописный ансамбль. Это первое на Руси здание, в котором жилые помещения были каменными, а не деревянными; тогдашняя система отопления и вентиляции создавала условия, при которых жить в деревянных постройках теплее и гигиеничнее. Впрочем, в ансамбль Терем-

Спасская башня
Московского Кремля.

*Moscow. The Spassky
Tower of the Kremlin.*

ного дворца входили и деревянные хоромы, не сохранившиеся до нашего времени.

Крупного военно-инженерного строительства в 20—30-х гг. XVII в. не было; ограничивались, в основном, ремонтом, а иногда достройкой существующих крепостей. Серьезную работу провели лишь в Московском Кремле, где в 1624—1625 гг. под руководством Бажена Огурцова и англичанина Христофора Галовея надстроили Спасскую башню. После надстройки простая по архитектуре боевая башня приобрела вид торжественного монумента, отмечавшего парадный въезд в Кремль. Башня венчается острым шатром и была богато украшена белокаменными скульптурами. Тогда же на башне установили часы. Надстройка Спасской башни несомненно свидетельствует, что Московский Кремль начал постепенно приобретать характер уже не столько боевой крепости, сколько парадной царской резиденции.

К 40-м гг. XVII в. новые архитектурные формы уже полностью сложились, и в период от 40-х по 80-е годы развивается зодчество, которое обычно подразумевают под термином «русская архитектура XVII в.». Принципы этого архитектурного мышления не только существенно отличаются от творческих начал архитектуры XVI в., но в значительной мере им противоположны. Если в XVI в. безраздельно господствовали строго симметричные композиции, то в XVII в. более распространенными стали живописные несимметричные композиции. В XVI в. еще в значительной мере сохранялся принцип соответствия архитектурных форм конструкции здания, и если даже этот принцип не соблюдался по существу, то зодчие пытались хотя бы создать зрительную иллюзию такого соответствия. Правда, уже в конце XVI в. от такого принципа зачастую довольно откровенно отходили, но только в XVII в. несоответствие архитектурных форм конструкции стало привычным явлением.

Самым распространенным типом перекрытия становятся сомкнутые своды, большей частью с распалубками. Однако эти своды снаружи получают оформление, как правило, совершенно не соответствующее их конструкции и форме. В XVI в. на фасадах зданий обычно господствовала плоскость стены, а декоративные элементы применялись очень сдержанно. В XVII в. мелкие элементы декора зачастую покрывают всю поверхность фасада. Перенасыщенность фасадов мелким декором становится характернейшей особенностью того времени. Недаром для характеристики этого зодчества часто употребляют старый русский термин «узорочье».

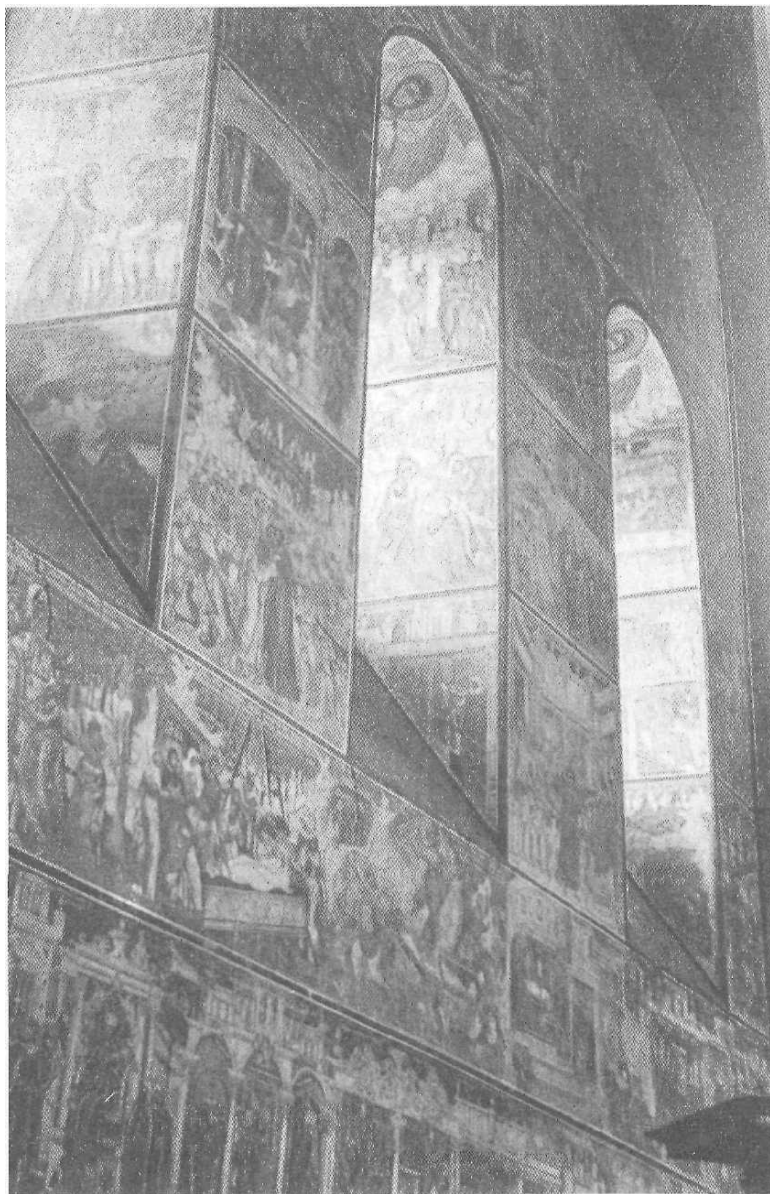
В XVII в. появилась любовь к полихромии — раскраска, применение поливных изразцов, довольно часто употребляют каменную резьбу. Целый ряд деталей становится типичным и получает широкое распространение: боченкообразные колонки, арки с висячей гирькой, наборные кирпичные наличники окон и пр. Наконец, меняется и система монументальной живописи в интерьерах церквей. Если вплоть до XVI в. монументальная живопись всегда была по композиции архитектурна, т. е. отвечала своими композиционными членениями архитектурным членениям интерьера,

то в XVII в. складывается новая система живописного убранства: живопись, как ковер, покрывает стены, не считаясь с архитектурными членениями. Вся плоскость стен делится теперь на горизонтальные пояса, в которых размещены отдельные живописные стены, большей частью многофигурные и довольно мелкие. Сцены эти чрезвычайно реалистичны, а вся живопись в целом приобретает повествовательный характер.

Широкое распространение каменно-кирпичного строительства и создание многочисленных местных кадров мастеров-строителей в разных русских городах, естественно, вызвали появление различных локальных вариантов единой картины развития архитектурного процесса. Памятники московского зодчества XVII в. заметно отличаются от памятников Ярославля или Вологды. Но это все же не архитектурные школы, а именно варианты единой архитектуры, поскольку общие принципы, характеризующие, например, московское зодчество XVII в., могут быть полностью отнесены к зодчеству других районов Руси, несмотря на некоторые отличия.

Различие в подходе к трактовке архитектурных форм в XVI и XVII вв. особенно наглядно можно проследить на примере шатрового зодчества. Уже в 20—30-х гг. XVII в., т. е. в переходном периоде, стало отчетливо прослеживаться перерождение шатра. Из типа конструкции перекрытия, отвечающего идее создания храма-монумента, шатер постепенно превратился в чисто декоративный элемент украшения здания.

Церкви, завершающиеся массивным открытым внутрь шатром, строят теперь крайне редко. Таковы маленькие и очень скромные по формам церкви Мартинаиана в Ферапонтовом монастыре (1640—1641 гг.) и Евфимия в Кирилло-Белозерском монастыре (1643—1646 гг.). Видимо, здесь, в районе Белозерья, дольше сохранялись традиционные художественные вкусы. В Троицкой церкви с. Троицкого-Голенищева (1644—1647 гг.) основное помещение храма перекрыто открытым внутрь крупным шатром, но над двумя боковыми приделами возвышаются меньшие по высоте шатры, поставленные над сводами, т. е. явно имеющие чисто декоративный характер. Церковь строилась под руководством видного зодчего первой половины XVII в. каменных дел подмастерья Анти-

Ярославль. Церковь
Иоанна Предтечи
в Толчкове.
фрагмент интерьера.

Yaroslavl. Church
of John the Baptist
at Tolchkov.
Part of the interior.

пы Константинова, хотя практически вел строительство его помощник Ларион Ушаков. Перерождение шатра из основной доминанты композиции храма и конструктивной формы перекрытия в чисто декоративный элемент особенно хорошо видно в тех памятниках, где глухой маленький шатер стоит на своде довольно массивного здания церкви как бы заменяя собой главку. Таковы, например, Троицкая церковь в Саввино-Сторожевском монастыре (1652 г.), Успенская церковь при трапезной нижегородского Печерского монастыря (1648 г.). Еще яснее декоративный характер глухих шатров проявляется в тех случаях, когда на сомкнутый свод церкви ставят рядом два одинаковых маленьких шатра, т. е. создают шатровую «двойню». Примерами могут служить Духовская церковь в Рязани (1642 г., зодчий Василий Зубов), церковь трапезной Спас-Воротынского монастыря на Оке. Но поскольку шатер рассматривался лишь как декоративный элемент завершения церкви, то можно было ставить рядом не только два, но и три шатра, создавая «тройню». Таковы церковь Иоанна-Предтеченского монастыря в Вязьме (1637 г.), несохранившиеся церкви Воскресения в Гончарах в Москве (1647 г.), Иоанна Предтечи в Казани (1652 г.), Похвалы Богородицы в Туле и ряд других церквей.

В наиболее яркой форме декоративное значение шатра в архитектуре XVII в. проявилось в церкви Рождества Богородицы в Путинках в Москве (1649—1652 гг.). Основное помещение церкви — прямоугольное, вытянутое с севера на юг, имеет низкий трехчастный алтарь. К северо-западному углу церкви примыкает придел Неопалимой Купины. Как церковь, так и придел, перекрыты сводами, причем над сводом церкви размещены три небольших глухих шатра, а над сводом придела — пирамида кокошников и маленький шатер, шейка которого служит как бы световым барабаном и имеет окна. Кроме того, над восточной частью придела возведена шатровая колокольня. В целом создается сложная, несимметричная и очень живописная композиция, увенчанная пятью шатрами. Весьма вероятно, что церковь строилась не одновременно: придел Неопалимой Купины был возведен в 1649—1652 гг., а основное здание, видимо, раньше. В конце XVII в. к основному зданию пристроили более низкую трапезную.

Церковь в Путинках завершила собой развитие каменного шатрового зодчества: на этом оно прервалось. Очевидно, в шатровом завершении храмов все-таки чувствовался какой-то неканоничный, светский оттенок.

Между тем, в середине XVII в. русская церковь прилагала отчаянные усилия, чтобы приостановить процесс обмирщения культуры. Борьба эта была безнадежной, ибо кончалось русское средневековое и светские элементы властно и непрерывно отвоевывали в обществе одну позицию за другой. Тем ожесточеннее сопротивлялись этому руководители русской церкви. В 1652 г. патриархом стал Никон — самый энергичный и бескомпромиссный сторонник чистоты церковных догм. По его убеждению, церкви следовало завершать «освященным пятиглавием», а не шатрами. И с этого времени (по-видимому, с 1655 г.) в каждой храмовой грамоте, т. е. в патриаршем разрешении на постройку церкви, всегда присутствовала фраза: «А чтобы верх на той церкви был не шатровый» или «Чтобы была о пяти верхах, а не шатром». Так было запрещено шатровое зодчество.

Конечно, отдельные примеры постройки шатровых храмов все же имели место. Так, в 1678 г. *была* построена не сохранившаяся до наших дней шатровая «тройня» — Владимирская церковь в Ярославле, а несколько раньше — Троицкая церковь Александровской пустыни в районе Рыбинска — также «тройня» с крохотными шатрами. Однако это были исключительные примеры. Патриарший запрет, как правило, не обходили. Но запрет касался лишь зданий самих церквей; он не запрещал увенчивать шатрами крыльца, часовни, ворота и, особенно, колокольни. С этого времени именно шатровые колокольни становятся характернейшей особенностью церковного комплекса.

Наиболее распространенным, особенно в Москве, типом храма становится комплекс, включающий бесстолпное здание собственно церкви, трапезную и шатровую колокольню. Здание церкви перекрывалось сомкнутым сводом, а снаружи завершалось пирамидой кокошников и пятиглавием, причем четыре боковых главы были глухими, чисто декоративными.

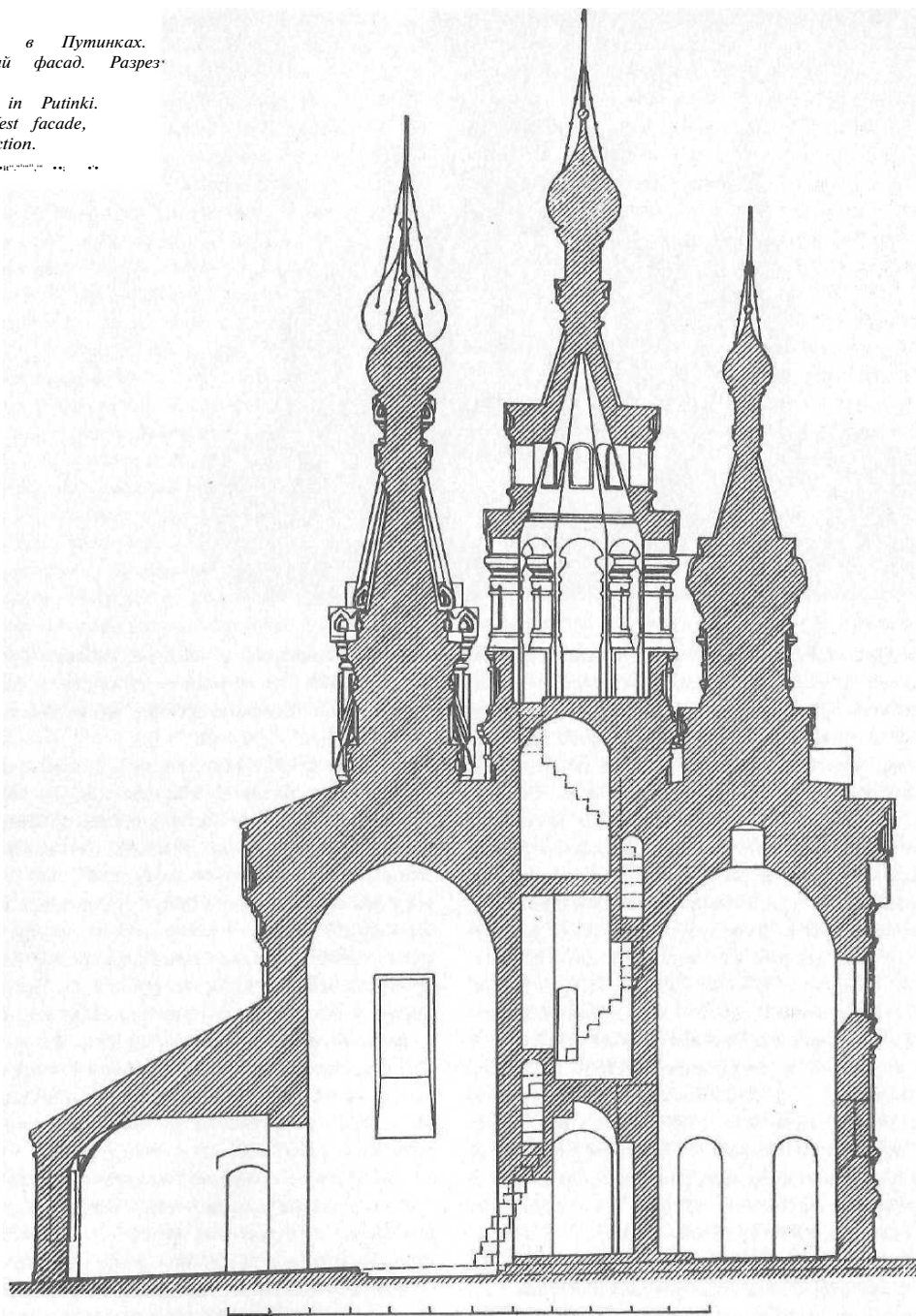
Храмы разнообразны по композиции, в них чувствуется рука разных мастеров (имена многих известны), а порой и различия в строительных

Москва.
 Церковь в Путинках.
 Западный фасад. Разрез.
 Moscow.
 Church in Putinki.
 The West facade,
 cross-section.

Москва. Церковь Николы
в Хамовниках.
Moscow.
Church of St. Nicholas
in Khamovniki.

традициях. Часть из них симметричны, другие же сознательно сделаны несимметричными, в одних колокольня органически соединена с храмом, в других стоит отдельно, некоторые окружены галлереями; чрезвычайно разнообразно решены пропорции и детали декора. Но во всех случаях, даже тогда, когда композиция всего комплекса симметрична, общее впечатление живописной группы сохраняется, а насыщенность фасадов мелкими декоративными элементами делает памятники характерными образцами «узорочья» XVII в. Примеры таких церквей достаточно многочисленны: церкви Николы в Пыжах (1657—1670 гг.), Николы в Хамовниках (1679 г.), Георгия в Яндове (1653 г.), Успения в Гончарах (1654 г.), Тихвинская церковь в с. Алексеевском (1680 г.), Козьмодемьянская в с. Кузьминском (1652 г.), Сергиевская в с. Комягино (1678 г.) и многие другие. Одни храмы отличаются богатым изразцовым убранством, как, например, церковь Григория Неокесарийского на Полянке (1667—1669 гг.), другие поражают сложной системой крылец — церковь в с. Тайнинском (1677 г.).

Кроме Москвы и Подмоскovie подобные храмы получили распространение и в других городах.

Таковы, например, в Муроме соборы Троицкого (1642—1648 гг.) и Благовещенского монастырей (1664 г.), в Великом Устюге Вознесенская церковь (1648 г.) и другие.

Своеобразным вариантом этого типа является Казанская церковь с. Маркова (1672—1680 гг.), где при сохранении пирамидального завершения кокошниками и пятью главами (из которых боковые глухие) интерьер не бесстолпный, а с двумя столбами, благодаря чему свод имеет усложненную форму — в виде сочетания сомкнутого свода с системой небольших цилиндрических сводов и арок. Подобная же конструкция в Никольской церкви с. Никольского-Урюпина (1664 г.), но в ней пирамида кокошников завершается одной главой. Прекрасным примером маленького одноглавого храма является церковь Рождества Богородицы в Пояркове, где глава также венчает пирамиду кокошников (1665 г.).

Кроме бесстолпных церквей в Москве строились и крупные соборы, четырехстолпные, с позаконмарным завершением фасадов и пятиглавием, причем барабаны всех глав были световыми. Собор Новоспасского монастыря (1645 г.) очень близок памятникам XVI в., хотя элементы наружного

декора и особенно наличники окон явно выдают время его постройки. Еще сильнее проявляется характер архитектуры XVII в. в Покровском соборе царской резиденции в Измайлове (1671 — 1679 гг., зодчий Иван Кузнецкий). Большой собор несомненно сознательно выдержан в старых традициях. Об этом свидетельствуют как его формы, так и сохранившаяся подрядная запись на строительство, где сказано, что за образец зодчим следует принять собор Александровской слободы, возведенный еще в первой половине XVI в. Впрочем, строители очень вольно трактовали образец, поскольку вместо одной главы возвели «освященное пятиглавие». Кучно сгруппированное пятиглавие здесь явно связано с традициями, идущими от Успенского собора Московского Кремля. Вместе с тем, в оформлении фасадов собора использованы приемы, характерные для 2-й половины XVII в., — крыльца с висячими гирьками (сохранилось лишь западное крыльцо), декоративное обрамление окон. Особенностью собора является чрезвычайно обильное применение изразцов. Великолепные изразцы, изготовленные в мастерской Степана Полубеса и Игната Максимова, создают сплошную облицовку поверхностей закомар; они также использованы в поясах на барабанах.

Одним из древнерусских городов, где в XVII в. развернулось интенсивное строительство, был Ярославль; там сложились опытные кадры собственных строителей и за одно лишь столетие было возведено около 50 церквей. Иным, чем в Москве, был здесь и контингент заказчиков. В Москве строительство велось в основном по заказам царского двора, близких к двору сановников и в гораздо меньшей степени — купечества. В Ярославле же основными заказчиками были богатейшие купцы. Естественно, что иной состав строителей и заказчиков привел к сложению своеобразного варианта памятников зодчества. Основной храмового комплекса в Ярославле была большей частью не бесстолпная, а четырехстолпная церковь с пятью куполами на световых барабанах. Поэтому ярославские храмы, как правило, по величине превосходят московские. К основному объему церковей примыкали широкие и светлые галереи-паперти, шатровая колокольня, приделы. В убранстве фасадов гораздо больше, чем в Москве, применялись поливные изразцы.

Особенности ярославского зодчества достаточно ясно определились уже в церкви Рождества на Волге, построенной в 1635—1644 гг. Это сложный асимметричный ансамбль, соединявшийся крытым арочным переходом с надвратной церковью-колокольней. Сама колокольня, завершенная высоким острым шатром, насыщена великолепно исполненными декоративными деталями, а у основания ее четверика над воротами расположена крытая галерея с арками на боченкообразных колонках.

Характерным памятником ярославского зодчества является церковь Ильи Пророка (1647—1650 гг.). Несимметричная, но уравновешенная композиция состоит из четырехстолпного храма, широкой галереи-паперти, нескольких приделов и шатровой колокольни. Шатром же перекрыт и один из приделов. Богато оформленные крыльца с висячими гирьками в аркадах, множество кокошников у основания шатра придела и в завершении северо-восточного придела создают впечатление насыщенности памятника декором. Несмотря на то, что здание самой церкви оформлено очень скромно, ансамбль в целом имеет живописный характер, не уступая в этом отношении московским памятникам. В церкви полностью сохранилась вся монументальная фресковая живопись, созданная в 1680—1681 гг.

Не менее характерны для ярославского зодчества церкви Иоанна Златоуста в Коровниках (1649—1654 гг.) и Николы Мокрого (1665—1672 гг.). Их композиции симметричны — к четырехстолпному храму с трех сторон примыкают галереи-паперти, образующие на восточных концах приделы, завершенные шатрами. Сочетание пятиглавия с двумя шатрами приделов образует живописную группу. В 80-х гг. этого же века открытая галерея церкви в Коровниках была застроена, добавлены крыльца с двойными висячими гирьками в аркадах, окно центральной апсиды, выходящей в сторону Волги, имеет великолепное крупное изразцовое обрамление, а рядом с церковью построена высокая, стройная шатровая колокольня. По красоте и тонкости прорисовки деталей, найденности пропорций, великолепию изразцового убранства церковь в Коровниках, вместе с дополнениями 80-х гг., является высшим достижением ярославского зодчества.

Ярославль. Церковь
Ильи Пророка.
Yaroslavl.
Church of St. Elijah
the Prophet.

Москва.
Новодевичий монастырь.
Собор иконы
Смоленской Богоматери.
Moscow. The Novodevi-
chiy Convent. Cathedral
of the Holy Icon
of Smolenskaya
Virgin-Mother of God.

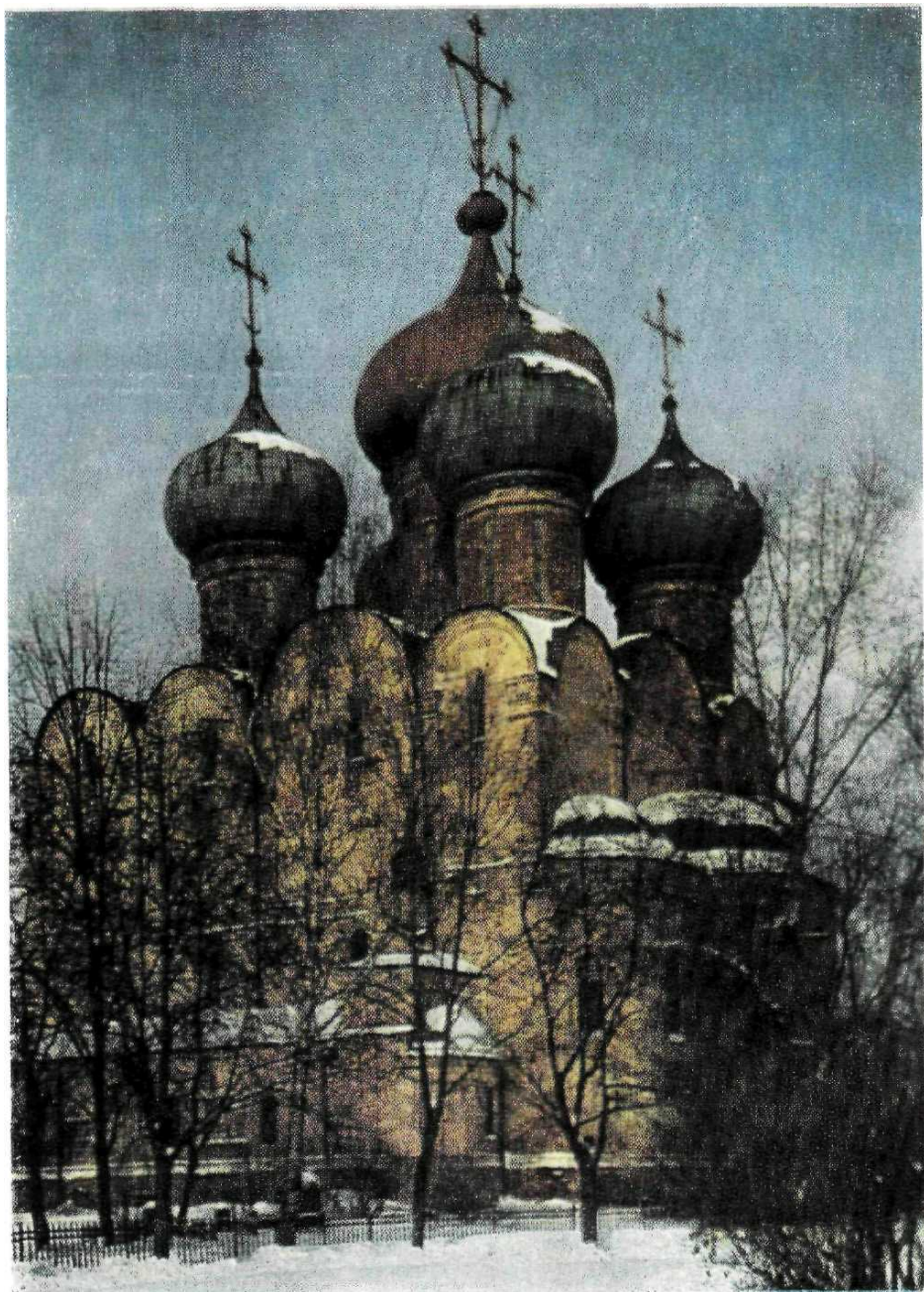
Наиболее крупным среди памятников зодчества ярославской группы является Воскресенский собор в Тутаеве (1670—1678 гг.). Собор отличается необычайной насыщенностью фасадов декоративными деталями, причем здесь основной объем церкви украшен так же пышно, как галереи. В 80-х гг. XVII в. в Ярославле начали строить церкви более близкие к московским, где основное здание храма бесстолпное, а снаружи размещено декоративное пятиглавие над двумя ярусами кокошников. Примером такого решения здания может служить церковь Богоявления (1684 г.). В интерьерах нескольких памятников Ярославля полностью сохранились фресковые росписи, относящиеся, в основном, к 70—90-м гг. XVII в.

Вариант, близкий к ярославскому, но все же отличающийся своеобразием, демонстрирует церковь Воскресения на Дебре в Костроме (1650—1652 гг.). Здесь, так же как в Ярославле, основное здание — четырехстолпный пятиглавый храм с примыкающими с трех сторон широкими галереями, в восточных концах которых сделаны самостоятельные приделы. Стены храма насыщены декором. Нарядные южное и северное крыльца испол-

нены в виде беседок, завершенных шатрами, а западное крыльцо соединено крытым переходом с входными воротами ограды, над которыми возвышаются три небольших декоративных шатра. Ворота украшены резными белокаменными вставками, изображающими фантастических птиц и зверей. Очень близок по композиции Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме, построенный в те же годы, что и церковь Воскресения, но фасады его обработаны значительно строже и здание производит гораздо более величественное впечатление.

Яркие памятники архитектуры XVII в., свидетельствующие о наличии местных опытных мастеров, имеются во многих городах, в том числе и очень отдаленных от Москвы. Так, характерен для «узорочья» того времени Троицкий собор в Соликамске (1684—1697 гг.). Насыщенность фасадов этого храма декоративными элементами, широко раскинутые крыльца, целый ряд своеобразных, прекрасно прорисованных деталей, не встречающихся в архитектуре других городов, дают основания видеть здесь руку талантливого местного зодчего.

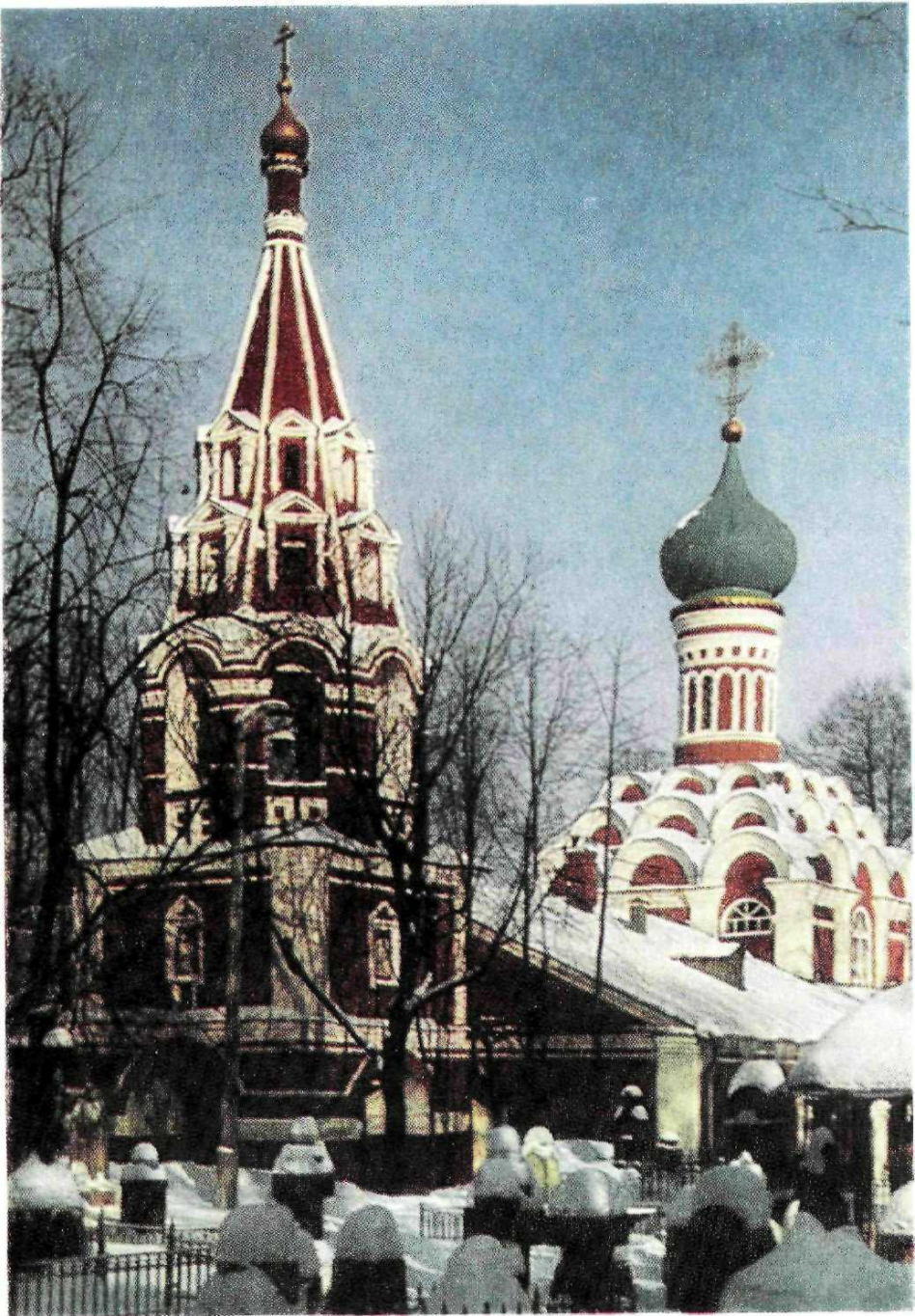

ад

тр. 202—203:

*дос-ква.
Нысокопетуовский
монастырь. Церковь
Петра Митрополита*
*Moscow. The Vysoho-
letrovshy Monastery.
Jhurch of the Metro-
oolitan Peter.*

*Москва. Старый
• юбор Дюпогого
монастыря*

*Moscow.
The Old Cathedral
of the Donshoy
Monastery.*

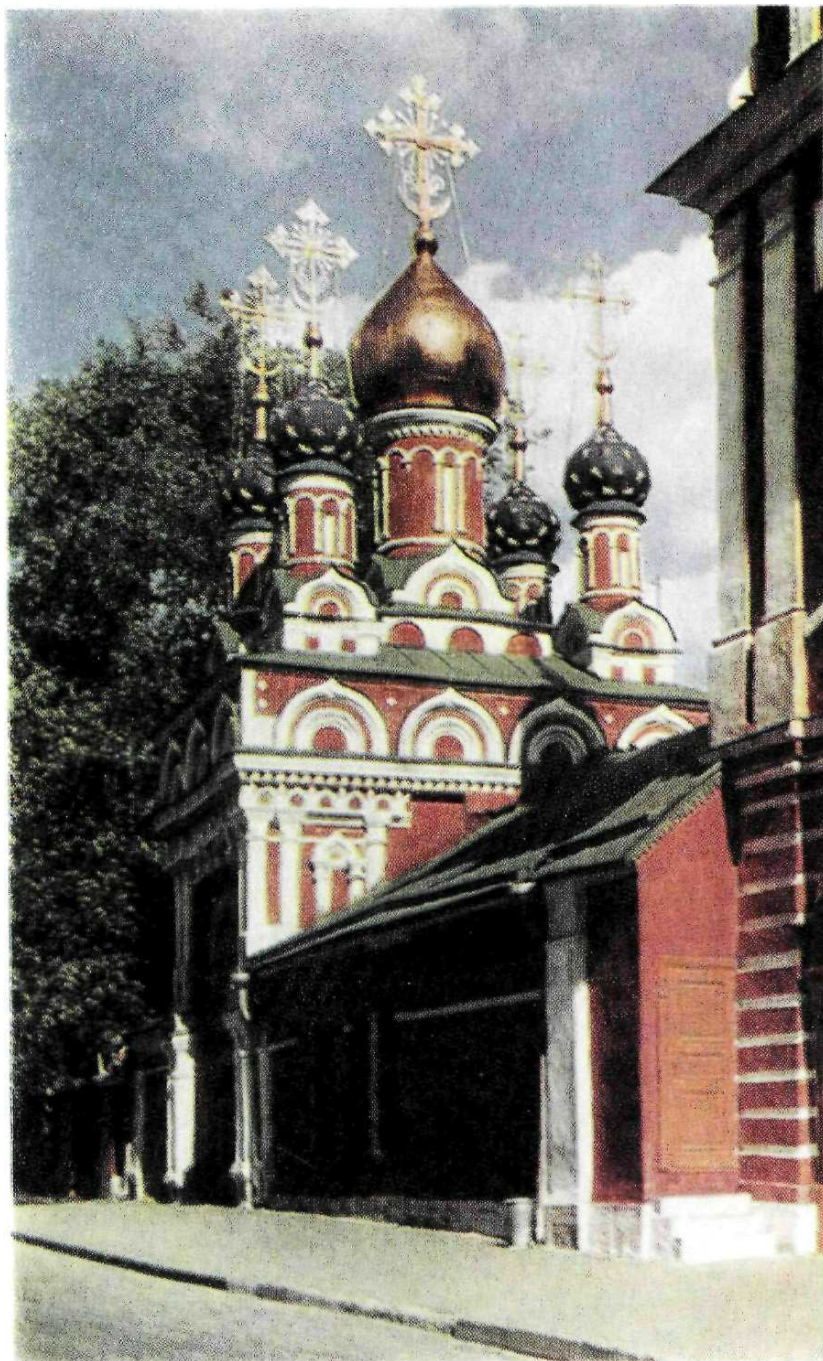
Стр. 204—2(15:

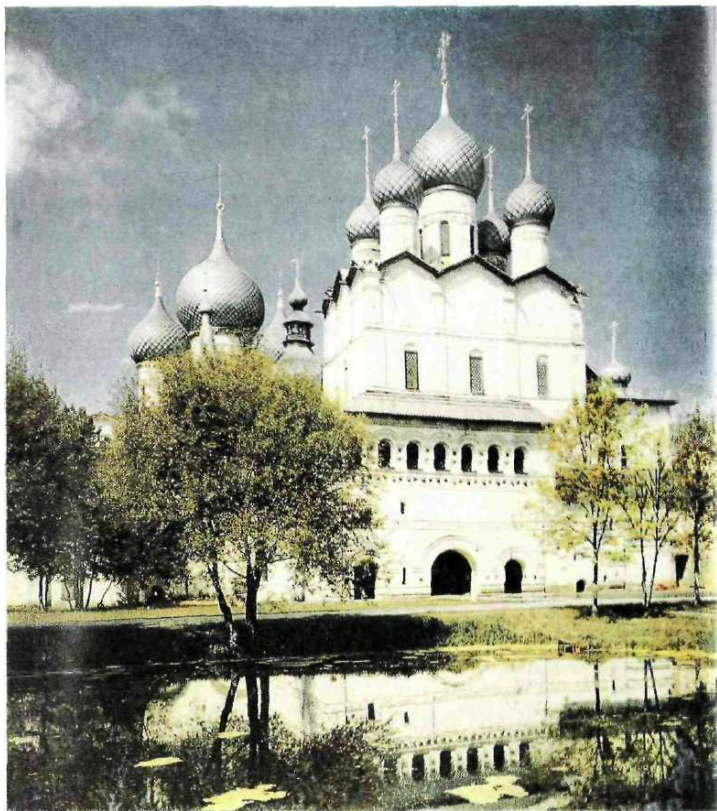
*Москва. Кремль.
Колокольня Иван
Великий*

*Moscow. The Kremlin.
The Bel! Tower
of Ivan Velihy
fiv/ui the Great).*

*Москва. Церковь
Успения в Гончарах*

*Moscow. Church
of Uspeniya
(the Dormission)
at Gonchary.*

Митрополичей
усадьбы.
Надвратная церковь
Вознесения

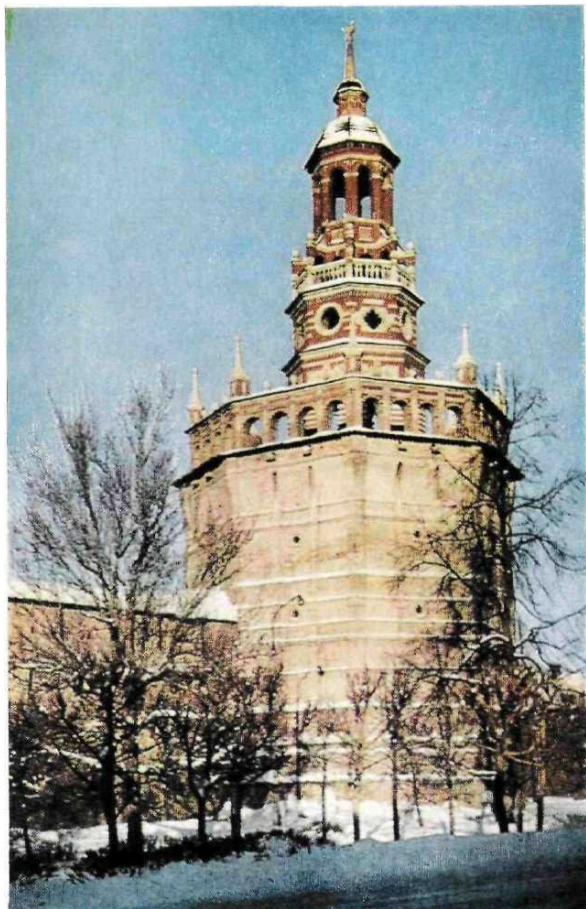
Rostov. Residence
of the Metropolitan.
Church of Ascension
(Vozneseniya)
over the Gate.

Троице-Сергиевский
Иоанна Преподобного

The Trinity-Serafim
Monastery. Church
of John the Baptist
over the Gate.

Троице-Сергиевский
Монастырь. Угличья
башня

The Trinity-Sergius
Monastery.
The Uglich Tower
(the Duch's Tower)

Несколько крупных соборов было построено в Новгороде. Знаменский собор (1682—1688 гг.) представляет собой четырехстолпный пятиглавый храм с тремя апсидами, поднятый на высокий подклет и имеющий широкие галереи. Фасады • обора имели позакомарные завершения. Здание имеет относительно скромное декоративное убранство, но сложные наличники окон, поливные изразцы, боченковидные колонки галереи, крыльцо с висячими гирьками в аркадах и отдельно стоящая натровая колокольня сближают его с памятниками зодчества ярославской и костромской групп. Близок к этому собору и Никольский собор Вязицкого монастыря близ Новгорода (1685 г.), обладающий чрезвычайно интересным, сложным и богато оформленным крыльцом. Своеобразны храмы Каргополя, отражающие местную архитектурную традицию. Здесь строили не из кирпича, а из белого камня; из камня же выполняли и все декоративные элементы. Сохраняя обнаженными белые поверхности стен, зодчие все внимание уделяли богатейшей каменной резьбе наличников окон, порталов, карнизов. Такова, например, церковь Рождества Богородицы (иначе — Владимирской Богоматери, 1678—1680 гг.).

В XVII в. продолжали строить и двухстолпные храмы. Однако в отличие от двухстолпных памятников зодчества XVI в. наружное членение церквей уже не отвечает внутренним членениям и конструкции. Так, в церкви Николая во Владимирской слободе в Вологде (1669 г.) при двух столбах все фасады расчленены на три прясла, что для северного и южного фасадов является чисто декоративным, ложным приемом. В некоторых двухстолпных храмах XVII в. фасады членятся даже на большее число прясел, что еще менее соответствует внутреннему членению. Завершение же храмов порой решается в виде нескольких ярусов кокошников, так же как в бесстолпных церквях. Примером может служить ныне не сохранившаяся Троицкая церковь в Костроме (1645—1650 гг.).

Совершенно особое место в развитии архитектуры XVII в. занимает деятельность патриарха Никона. Став в 1652 г. главой русской церкви Никон повел решительную борьбу за приоритет церковной культуры, пытаясь воспрепятствовать проникновению в нее светских элементов. Обладая огромным влиянием при царском дворе он

стремился сделать духовную власть равной светской, а затем и полностью подчинить государство власти церкви, объявив, что «священство царства престолюесть». Проводя эту мысль во всех сферах жизни, Никон хотел и в области зодчества не только запретить неканоничные формы (такими он считал, например, шатровые завершения церквей), но и показать пример истинно церковной архитектуры. В противовес живописному и изукрашенному декоративными мотивами «узорочью» церквей XVII в. он стремился утвердить лаконичную, величественную и даже суровую архитектуру. При этом он во многом опирался на тенденции русского зодчества рубежа XV и XVI вв. Особенно ярко эти традиции проявились в строительстве трех монастырей, возведенных по заказу Никона и под его непосредственным наблюдением: Иверский Валдайский, Крестный на Кий-острове и Воскресенский в Новом Иерусалиме.

Валдайский Иверский монастырь основан в 1652 г., и в 1655—1656 гг. там был построен собор. Строил его «подмастерье каменных дел» Аверкий Мокеев. Шестистолпный пятиглавый собор стоял на подклете, образующем вокруг собора крытую паперть. Замечательно, что вопреки принятым правилам паперть обходит вокруг собора, включая и его восточную, апсидную сторону. Храм практически лишен декоративных элементов и даже окна его не имеют наличников. Фасады завершаются крупными ложными закомарами, над которыми расположен горизонтальный карниз.

Строительство Крестного монастыря началось в 1658 г., но каменный собор был возведен в 1660 г. Он значительно меньше Иверского собора, четырехстолпный. Здание разделено на два яруса, причем нижний ярус имеет слегка наклонные стены, образуя как бы гигантский цоколь. Этот прием в сочетании с оригинальной кладкой (с применением крупных валунов) придает зданию характер монументальной мощи. Центральная глава размещена на широком восьмигранном барабане. Кроме нее собор первоначально имел еще две меньшие главы на восточных углах.

Воскресенский новоиерусалимский монастырь был задуман Никоном как «подобие» палестинской святыни с тем, чтобы превратить его в главную святыню Московского государства. В качестве «образца» для строительства были исполь-

много (по одному знаку в здании), хотя иногда в нескольких вариантах рисунка. Последние знаки действительно княжеские, а не случайно совпадающие с ними, поскольку они по схеме идентичны знакам на постелистой стороне кирпичей того же памятника, что хорошо видно на кирпичях церкви на рву в Полоцке. Кроме Полоцка княжеские знаки на торцах кирпичей встречаются в Смоленске, Гродно, Чернигове. Возможно, о заказчике здания свидетельствуют и некоторые клейма на кирпичях Спасского собора в Новгороде-Северском (начало XIII в.), также напоминающие по рисунку княжеские знаки.

Широкое применение родовых знаков князей-заказчиков говорит в пользу предположения о феодальной зависимости строителей от княжеской власти. Во всяком случае, тесная связь строительных артелей с княжескими дворами представ-

ляется несомненной. В свободных городских ремесленников строители переросли лишь в Новгороде начиная со 2-й половины XII в. Но ни подчинение воле заказчика, ни даже феодальная зависимость строителей от заказчика не могли быть решающими обстоятельствами, влиявшими на развитие архитектуры. Объективные исторические факторы, определявшие развитие зодчества, преломлялись не только через идеологию князей-заказчиков: в еще большей степени они преломлялись через сознание, опыт и традиции мастеров. Как уже отмечалось, заказчик мог определить тип сооружения и его размер, указать образец (впрочем, повторяемый обычно очень свободно), но стилистический характер здания, набор архитектурных форм, не говоря уже о строительных материалах и конструкциях, определяли мастера — зодчий и его строительная артель.

быстрыми темпами и ради получения строительного камня частично разобрали даже шатровый Борисоглебский собор в Старице. В 1666 г. работы прервались в связи с низложением Никона, но были возобновлены в 1679 г. и здание собора завершено в 1685 г.

Если в соборах Иверского и Крестного монастырей Никон стремился к тому, чтобы эти храмы выглядели как можно более суровыми и величественными, то в соборе новоиерусалимского Воскресенского монастыря он, видимо, дал задание зодчему поразить зрителей пышностью и великолепием сооружения. Собор представляет собой сложный архитектурный комплекс, состоящий из четырехстолпного одноглавого храма, грандиозной ротонды, перекрытой шатром, заглубленной в землю церкви Константина и Елены, а также столпообразной колокольни.

Еще во время строительства Иверского монастыря Никон выписал из Белоруссии опытных мастеров «ценинного дела», т. е. специалистов по изготовлению поливных изразцов. Наиболее значительными среди них были Петр Заборский, Игнат Максимов и Степан Полубес. Следы их деятельности является великолепный изразцовый фриз на Елеонской часовне, а также богатейшее изразцовое убранство «скита». Изразцы были широко использованы при строительстве собора, как на его фасадах, так и в интерьере.

Замечательно, что Никон, запрещавший завершение храмов шатрами, здесь не только в часовне, но и над ротондой собора велел построить шатер. Диаметр шатра был настолько велик, что его, очевидно, не смогли сделать достаточно прочным, и в 1723 г. шатер рухнул. В середине XVIII в. он был восстановлен по проекту Б.-Ф. Растрелли. В 1941 г. собор был частично разрушен и в настоящее время ведется его восстановление.

Во всех трех монастырях, построенных по заказу Никона, одновременно с возведением собора создавался и весь монастырский ансамбль. Внимание к ансамблевой застройке, особенно монастырских комплексов, вообще характерно для XVII в. Здания размещались на территории монастыря с таким расчетом, чтобы при входе через главные ворота перед глазами посетителей сразу же разворачивался весь ансамбль в наиболее выгодном сочетании ракурсов.

В ряде случаев в монастырях возводили высокие ярусные колокольни, которые служили вертикальной доминантой всего ансамбля. Наиболее яркими образцами могут служить ныне, к сожалению, не сохранившиеся колокольни новоиерусалимского Воскресенского и Иосифо-Волоколамского монастырей. Колокольня Иосифо-Волоколамского монастыря имела огромную высоту — 75 м.

Чрезвычайно ярким проявлением созданной одновременно ансамблевой застройки большого архитектурного комплекса может служить так называемый ростовский кремль. В действительности это вовсе не кремль, а лишь комплекс резиденции ростовского митрополита. Весь ансамбль был построен по заказу митрополита Ионы в 1660—1680 гг. Зодчим был, как выяснилось, ростовский мастер Петр Досаев. В этом ансамбле с необычайной яркостью проявилась та же церковная тенденция к возвеличению духовной власти, и несомненно, что идейный замысел принадлежал самому митрополиту Ионе. Величественные башни и внушительные стены придают резиденции облик боевой крепости, хотя реально стены и башни были совершенно не приспособлены к обороне. Ведущие на территорию резиденции северные и западные ворота зажаты между мощными башнями, а над воротами высятся пятиглавые церкви. Все архитектурные формы должны были внушать зрителям мысль о главенстве и силе церковной власти, в данном случае ростовского митрополита. Эта же мысль отражена и в интерьере домовых церкви митрополита, церкви Спаса на Сенях, расположенной внутри ансамбля. Здесь восточная часть церкви поднята на несколько ступеней и отгорожена от остального пространства аркадой на золоченых столбах. Для Ионы, который сам служил в этой церкви, была создана как бы великолепная сцена, возвышавшая его над всеми присутствующими.

Все церкви ансамбля и даже переходы расписаны фресками, почти полностью сохранившимися до настоящего времени.

Рядом с кремлем стоит построенный на полтора века ранее Успенский собор. Чтобы лучше связать его со строящимся ансамблем, к его южному, т. е. обращенному к кремлю, portalу пристроили парадное крыльцо с двойными арками и висячими гирьками. Здесь же, близ собора, в 1682—

Ростов. Ансамбль
Митрополичьей усадьбы.
Надвратная церковь
Вознесения.

Rostov. Residence
of the Metropolitan.
Church
of the Ascension
(Vozhneseniya)
over the Gate.

1687 г. построили огромную звонницу, предназначавшуюся для крупных колоколов, которые стали отливать в XVII в.

С целью подчеркнуть величие митрополичьей резиденции, зодчий очень скупой украсил стены церкви и башен декором. Но там, где это не могло помешать идейным задачам, он как человек XVII в. широко использовал типичные для того времени декоративные элементы. В целом ростовский кремль производит поразительно сильное художественное впечатление, свидетельствуя о ярком таланте создавшего его зодчего. Замечательно, что тот же зодчий, возводя в 1680 г. надвратные сооружения расположенного близ Ростова Борисоглебского монастыря, где ему не ставили задачи создать

впечатление суровой мощи, гораздо шире использовал декоративные детали, типичную для XVII в. систему «узорочья».

Все шире разворачивается в XVII в. строительство каменно-кирпичных гражданских зданий. В монастырях по-прежнему сооружали трапезные. Получают также распространение административные здания. В Московском Кремле в 1675—1683 гг. строят здания Приказов. Судя по сохранившимся изображениям, это был ряд отдельных построек, расположенных на общем подклете. Каждая постройка покрыта отдельной кровлей и имела собственное крыльцо. Обработка фасадов была очень сдержанной и ограничивалась в основном наличниками окон. Композиция комплекса При-

•ft

Ростов. Успенский собор.

*Rostov. Cathedral
of the Dormition
(Uspensky).*

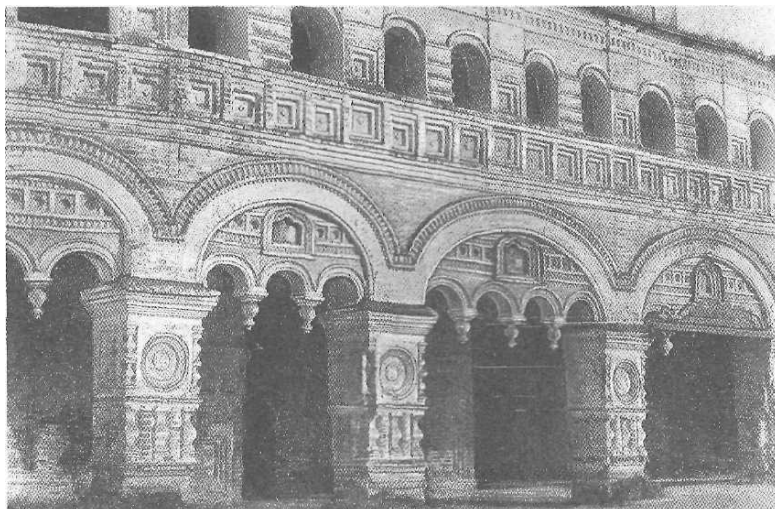

Ростов. Ансамбль
Митрополичьей усадьбы.
Звонница, церковь
Вознесения.

Rostov. Residence
of the Metropolitan.
Belfry and Church
of the Ascension.
(V ozhneseniya).

Борисоглебский
монастырь близ
Ростова. Ворота.

Monastery
of St. Boris and Gleb
(Borisoglebsky)
near Rostov. The gate.

казов, очевидно, отражает традицию, сложившуюся при строительстве деревянных хором, где увеличение размеров сооружения достигалось тем, что одну клеть «прирубали» к другой.

После постройки Теремного дворца в Москве постепенно начали возводить каменные жилые здания и в других городах. Так, вскоре после окончания строительства Теремного дворца была проведена капитальная реконструкция Патриарших палат, возведенных еще в XVI в. Коренная перестройка палат и их расширение были исполнены в середине XVII в. при патриархе Никоне и завершены к 1656 г. Главный зал Патриаршего двора — Крестовая палата — после перестройки был перекрыт сомкнутым сводом очень большого размера (14X20 м) без центрального опорного столба. В 1651 г. в Кремле построены палаты боярина Милославского (позднее перешли в казну), соединенные в 1671 г. каменным переходом с царским дворцом и получившие название Потешного дворца. Как и в Теремном, и в Патриаршем дворцах, здесь жилые хоромы и церковь соединены в общем объеме здания. Богатая обработка наличников окон белокаменной резьбой придает зданию чрезвычайно нарядный облик и роднит его с Теремным дворцом. Однако компактность объема здесь уже в какой-то мере предвосхищает композиции, которые станут характерными для жилой архитектуры более позднего времени.

Совершенно иной характер имеют дворцовые здания, возведенные в 50-х гг. XVII в. в Саввино-Сторожевском монастыре. Это длинные одноэтажные постройки, имеющие анфиладную планировку помещений. Первоначально здания имели деревянные вторые этажи. В царицыных палатах этот этаж не сохранился, а в царских палатах в конце века он был заменен каменным этажом. Палаты имеют нарядные наличники окон, а царицыны палаты сохранили великолепное крыльцо с боченкообразными колонками и арками с висячими гирьками.

К середине XVII в. относится ансамбль палат дьяка Аверкия Кириллова в Москве. Здание представляет собой компактный объем; оно двухэтажное, на подклете, несимметричное. Фасады имеют богато оформленные наличники окон, хотя значительно уступают по роскоши отделки Теремному и Потешному дворцам. Несмотря на неко-

торые переделки, исполненные на рубеже XVII и XVIII вв., палаты являются хорошо сохранившимся образцом богатого жилища допетровской поры. Крытая галерея некогда соединяла палаты с церковью Николы на Берсеневке, построенной, по-видимому, одновременно с палатами.

Гораздо скромнее палаты купца Чулкова, позднее переданные Симону Ушакову для размещения его живописной мастерской. Это квадратное двухэтажное здание, поднятое на подклетный этаж. Рядом стоит небольшой флигель. Первоначально оба здания соединялись переходом, под которым размещались ворота.

В тех случаях, когда палаты имели не только жилое, но и административное назначение, в их состав обязательно входил большой квадратный в плане зал со сводами, опиравшимися на центральный столб, т. е. по типу монастырских трапезных. Так устроены, например, Митрополичьи палаты (иначе Соборный дом) в Ярославле и Белая палата в ростовском кремле (обе 80-х гг.).

Жилые палаты XVII в. достаточно четко делятся на две группы — удлиненные здания с анфиладной планировкой и компактные, приближающиеся к квадрату. Оба типа восходят, хотя уже в сильно переработанном виде, к традициям деревянных жилых построек: в первом случае это ряд прирубленных друг к другу клеток, во втором — изба с сенями в середине и двумя жилыми помещениями по сторонам. В композиции таких каменных палат уже достаточно явно просматриваются те тенденции, которые привели к сложению «регулярных» жилых домов начала XVIII в.

Гораздо более скромные по размерам и по декоративной отделке каменные жилые палаты строят во второй половине XVII в. во многих городах России. Таковы, например, дом Ивановых в Ярославле, дом Коробовых в Калуге, дом Ромодановских в Курске и многие другие. Особенно много остатков, а порой и хорошо сохранившихся каменных жилых домов XVII в., уцелело во Пскове.

В большинстве случаев каменные дома имели наверху деревянный этаж, который и служил собственно для жилья, тогда как помещения каменных этажей были в основном хозяйственными или парадными. В отдельных случаях удается даже выяснить план несохранившихся деревян-

ных этажей. Так, хорошо сохранившиеся следы деревянных этажей были обнаружены в нескольких домах во Пскове, в Гороховце; хорошо видны такие деревянные этажи и на старинных рисунках. Вплоть до конца XVII в. в России предпочитали жить в деревянных помещениях.

Для въезда на территории царских резиденций строились парадные ворота. В 1672—1673 гг. такие ворота возвели в с. Коломенском: для хозяйственных нужд — задние ворота, а со стороны церкви Вознесения передние. Над передними воротами расположено помещение с башенкой для колоколов, завершенной шатром. Тогда же на башенке были установлены часы. Ворота имеют два пролета — широкий для въезда и более узкий — для входа. Однако несмотря на эту несимметричность проездов, зодчий строил композицию, приближая ее к строгой симметрии. Эта особенность, а также применение в убранстве ворот классического ордера, свидетельствуют о развитии тех тенденций, которые вскоре, через каких-нибудь 20 лет, станут господствующими в русском зодчестве. Еще шаг в том же направлении сделан в парадных воротах Государева двора в Измайлове (1682 г.). Для достижения строго симметричного решения зодчий сделал здесь не два, как было обычно принято, а три пролета — большой в центре и два меньших по бокам. В этих воротах царских резиденций чувствуется стремление превратить чисто функциональные сооружения в архитектурные произведения большого художественного значения. Такая тенденция особенно явно проявляется в 70—80-х гг. XVII в. в тех постройках, которые возводились в самой Москве. Например, Воскресенские ворота Китай-города украсили двумя башенками с шатровыми завершениями, что сразу же придало им характер парадного въезда на Красную площадь. Не сохранившиеся до наших дней Воскресенские ворота известны по их старинным изображениям. Совершенно очевидно, что эти постройки создавались уже как произведения светского характера, как элементы городского архитектурного ансамбля.

Начинается в XVII в. и строительство торговых и промышленных каменных сооружений. Уже в 40-х гг. в Москве был построен Гостиный двор. Судя по сохранившимся сведениям, двор был со всех сторон окружен стенами с башнями

по углам, что придавало ему облик крепости. Ворота Гостиного двора были богато декорированы. В 60—70-х гг. XVII в. Гостиный двор подобного типа был создан в Архангельске; этот памятник зодчества частично сохранился. В Москве в течение XVII в. возвели несколько производственных и хозяйственных комплексов, окруженных снаружи стенами и башнями. Таковы Хамовный двор в Кадашах (т. е. ткацкое предприятие), Пушечный двор и др. Эти постройки известны лишь по уцелевшим их изображениям. Иной характер имел комплекс построек Печатного двора, слагавшийся с 40-х по 70-е гг. Это были здания, вытянутые вдоль улицы, с парадными воротами в центре, увенчанными высокой шатровой башней. Позднее здания были сильно перестроены и искажены.

Жилые и особенно хозяйственные сооружения, естественно, были оформлены значительно скромнее, чем здания церквей, но в них использовались те же архитектурные формы, те же элементы декора. Более того, аналогичные декоративные формы применяли и в тех случаях, когда строились здания, связанные с иной религией. Так, мавзолей Авган-Мухамед-Султана на татарском мусульманском кладбище в Касимове (1649 г.) украшен совершенно таким же деталями, как и русские церкви.

Строительство военно-оборонительных сооружений в XVII в. велось несколько иначе, чем в предыдущем столетии. После постройки мощных укреплений Белого города в Москве и крепости в Смоленске в России больше не строят крупных каменных крепостей. Основное внимание уделяют теперь деревянным и деревоземляным оборонительным сооружениям. Но зато значительно усиливается строительство каменных стен вокруг монастырей. Уже в 1-й половине XVII в. строятся стены и башни Новоспасского (1641—1644 гг.) и Симонова (1647 г.) монастырей в Москве. С 1650 по 1654 г. зодчий Шарутин возводит укрепления Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом. Во 2-й половине XVII в. строятся укрепления Александровской слободы, Иосифо-Волоколамского (1677—1688 гг.) и многих других монастырей. Эти монастырские укрепления большей частью не были мощными и порой, видимо, имели скорее символическое, чем серьезное военное значение, хотя все же приспособлены к

*Коломенское. Передние
ворота.*

*Kolotnenskoye.
The front gate.*

обороне. Однако в нескольких случаях эти укрепления делали настолько мощными, что монастырь превращался в сильную крепость.

Троице-Сергиев монастырь в начале XVII в. выдержал длительную осаду, и стены его, возведенные еще в середине XVI в., сильно пострадали. В середине XVII в. стены и башни были полностью перестроены и усилены. В результате этой реконструкции сложилась крепость, хорошо приспособленная к обороне, с башнями более или менее равномерно распределенными по периметру стен, что давало возможность защищать их фланкирующим артиллерийским огнем в случае осады.

Очень сильной крепостью стал в XVII в. Кирилло-Белозерский монастырь. Каменные стены были здесь построены уже во 2-й половине XVI в. В начале XVII в. в связи с опасностью, вызванной вторжением интервентов, стены монастыря повысили, укрепив, тем самым, их обороноспособность. В 1653 г. начался новый цикл работ по строительству укреплений — возводят стены Нового города, что значительно увеличило площадь монастыря. Вначале строительством руководил француз Жан де Грон (в России его называли Грановским), заложивший здесь основы бастионных укреплений. Однако монастырские власти

Москва. Воскресенские
ворота.

Moscow.
The Resurrection gate
(Voskresenskiye).

попросили царя отозвать строителя и разрешить возводить крепость по более знакомой им традиционной системе — в виде мощных каменных стен и башен. Руководил строительством Кирилл Серков. Строительство было, в основном, завершено к 1669 г. Была создана одна из самых мощных русских крепостей, с высокими стенами, имевшими три яруса боя, с многочисленными башнями и тщательно продуманной системой огня.

И все же каменные стены и башни во второй половине XVII в. постепенно начинают все больше и больше рассматриваться как сооружения скорее репрезентативные, чем собственно военные. Построенная в 70-х гг. ограда Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале еще целиком отвечает военным требованиям; она полностью приспособлена к обороне. Но убранство фасадов проезжей башни этого монастыря уже явно выдает ее парадный характер. Насыщенность декоративными элементами здесь нисколько не меньше, чем в самых богатых по убранству церквях того времени. От сурового величия, которым должно веять от въездной башни неприступной крепости, не осталось и следа. Еще нагляднее проявляется эта тенденция в Московском Кремле. В 70—80-х гг. все башни Кремля надстроили декоративными шатровыми вышками. Тем самым Кремль по своему внешнему облику превратился из боевой крепости в роскошную царскую резиденцию.

Основным строительным материалом на Руси в течение всего средневекового периода было дерево. Даже в XVII в., когда каменно-кирпичное строительство получило уже достаточно широкий размах, вся рядовая, массовая застройка продолжала оставаться деревянной. Вплоть до конца XVII в. даже в самой Москве каменные жилые дома были редкими исключениями. Главным образом из дерева продолжали строить оборонительные сооружения. Однако и в церковном строительстве количественно господствовали все же деревянные храмы.

Нестойкость дерева, как строительного материала, привела к тому, что древние памятники деревянного зодчества до наших дней не сохранились. С помощью археологических раскопок в ряде случаев удается установить планы и конст-

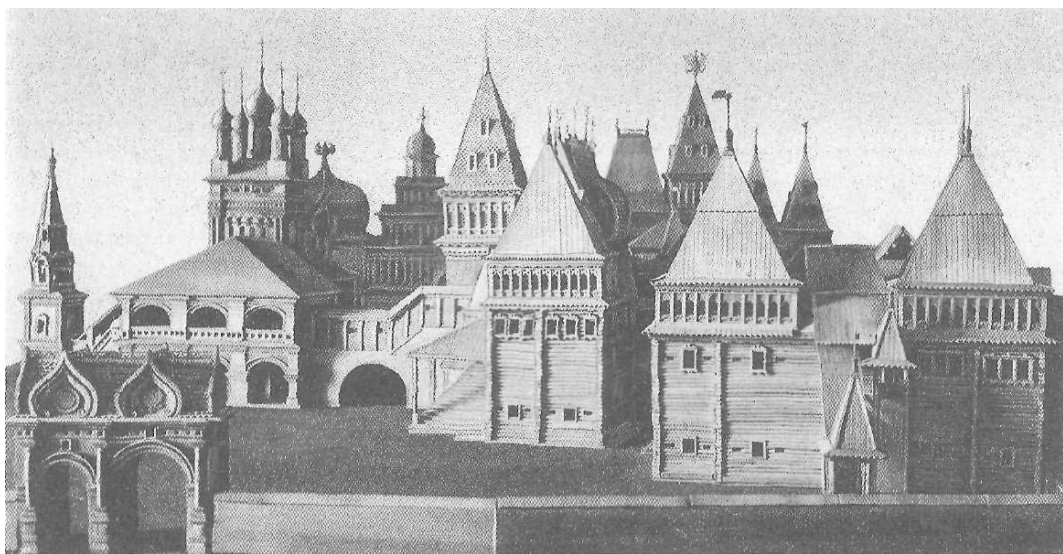
рукцию исчезнувших сооружений, но их объемная композиция и художественный облик почти всегда остаются невыясненными. От XVI в. уцелело всего несколько деревянных построек и лишь от XVII в. сохранилось некоторое количество подлинных памятников деревянной архитектуры. В сопоставлении с письменными источниками (в основном административные и хозяйственные описи) и немногочисленными изображениями это дает возможность получить общую характеристику русского деревянного зодчества XVII в.

Техника деревянного строительства на Руси сложилась в глубокой древности и продолжала в значительной степени сохранять традиционный характер. Для жилых построек применяли хвойные породы (главным образом, сосну), а для оборонительного и культового строительства — более прочные породы (прежде всего дуб). Основным строительным материалом служили бревна, имевшие в диаметре от 25 до 40 см, а в длину обычно не превышавшие 10 м.

Строительство вели почти исключительно с помощью топора; пила применялась крайне редко. Кроме бревен использовали пластины (бревна, расщепленные вдоль пополам) и тес (доски, изготовленные отеской топором). Бревна по длине обычно не сращивали, а при необходимости возведения более крупных сооружений, пристыковывали один сруб к другому.

Основой постройки служил, как правило, прямоугольный сруб-четверик, а в строительстве церквей — иногда восьмерик. Горизонтальные ряды бревен (венцы) при строительстве помещались, и поэтому здание могло быть разобрано по бревнам, перевезено и собрано в новом месте. Соединение бревен в углах осуществлялось рубкой с остатком (в обло), реже — без остатка (в лапу). Для плотной подгонки бревен друг к другу в нижнем бревне делался паз, в который прокладывали мох.

Жилые постройки (избы) известны, главным образом, по сохранившимся изображениям. Наиболее распространенным типом жилого дома был обычный сруб-четырёхстенок. Несколько более крупные жилища представляли собой срубы-пятистенки, т. е. перегороденные поперек бревенчатой стеной. При необходимости увеличить площадь, дом строили из двух приставленных

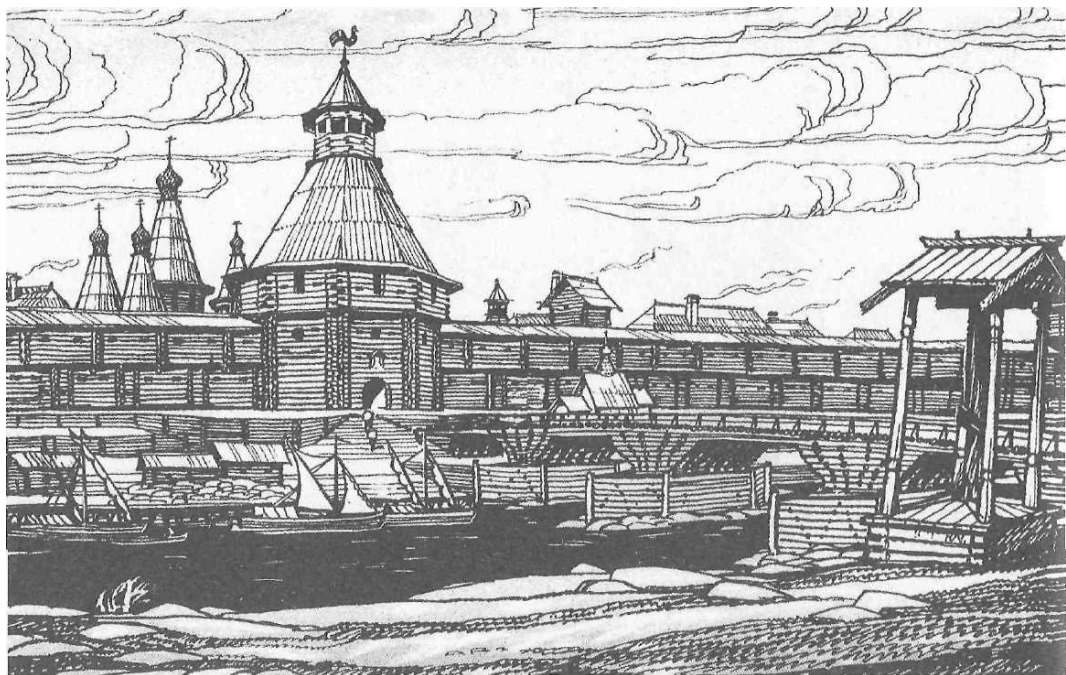
Коломенское. Царский дворец. Модель. Kolomenskoye. Tzar's Palace. Model.

друг к другу срубов. Широкое применение (в основном в городах) получила трехчастная связь — два сруба (обычно — один жилой, а другой — хозяйственный) и между ними промежуточное помещение — сени. Богатые дома имели второй этаж, а иногда ставились на подклет — деревянный или каменный. Окна в жилищах делали узкими (волоковые окна), а в более богатых домах — с косяками (косячатые окна). Для украшения жилищ использовалась резьба.

Жилища знати и богатых людей (хоромы) представляли собой более сложный комплекс срубов. Наиболее роскошным образцом был царский дворец в с. Коломенском. Он построен в 1667—1668 гг. мастерами Семеном Петровым и Иваном Михайловым, а затем частично перестроен в 1681 г. Саввой Деметьевым. Дворец известен по сохранившимся изображениям и чертежам, сделанным в XVIII в. перед его разборкой. Это был обширный комплекс многочисленных срубов, переходов, галерей. Он был скомпонован в соответствии с функциональными задачами: для царя, царицы, царевичей были предназначены отдельные хоромы. Переход соединял дворец с кирпичной церковью Казанской Богоматери. В итоге полу-

чилась непростая несимметричная композиция. Несмотря на то, что в ее сложении решающими были функциональные требования, зодчие добились чрезвычайно яркого и живописного художественного впечатления. Поражает разнообразие типов кровель дворца. О том, что это разнообразие было достаточно типичным для русского деревянного зодчества, свидетельствует наличие в русском языке специальных терминов для обозначения каждого такого варианта кровли (например, «бочка», «колпак», «шатер», «куб»).

За исключением крупных монастырей, главным образом, в центральной части России, из дерева строили все оборонительные сооружения. Простейшим их типом была ограда из вертикально закопанных бревен — частокол или тын. Более солидными укреплениями были срубные стены, состоящие из плотно приставленных друг к другу срубов, забитых внутри землей. Впрочем, в XVII в. чаще строили срубные стены, состоявшие из двух сплошных параллельных стенок, соединенных через определенные промежутки перерубами и также забитые землей (т а р а с ы). Отдельные секции оборонительных стен назывались городнями. Часть камер внутри таких стен

Олонецкий город-
Реконструкция
М. И. Мильчика
и Ю. С. Ушакова.

Olonetsky gorod (town).
Reconstruction
after M. I. Milchik
and Y. S. Ushakov.

обычно оставалась незаполненной землей, образуя помещения, где можно было поставить пушки «нижнего боя». По верху срубных стен устраивали настил (мост) для размещения защитников крепости. С лицевой стороны такой настил был прикрыт деревянной стенкой — бруствером (заборол). Часто подобные площадки с заборолами (обломы) несколько выступали вперед перед самой стеной, что давало возможность защитникам крепости стрелять не только вперед, но и вниз к основанию стены.

Деревянные крепости XVII в., как правило, не были организованы по типу новой, бастионной системы обороны; по плановой структуре они скорее совпадали с каменными крепостями XVI в. Многие деревянные крепости имели регулярный характер, т. е. правильный прямоугольный план. Для обеспечения фланкирующей стрельбы по всему периметру крепости сооружали башни, расположенные более или менее равномерно вдоль стен.

Башни делались прямоугольными в плане или многоугольными (такие башни в деревянном зодчестве называли круглыми). Завершались башни шатровыми кровлями.

Многие деревянные оборонительные сооружения XVII в. известны нам по сохранившимся изображениям. Таковы, например, чертежи сибирских городов, сделанные Семеном Ремезовым на рубеже XVII и XVIII вв., чертеж Тихвинского монастыря, исполненный в 1679 г. и др. Часть крепостных сооружений удастся графически восстановить по материалам подробных описей XVII в. Наконец, некоторые фрагменты деревянных стен и, особенно, башни XVII в. уцелели до наших дней (башни Якутского и Братского острогов). В музее с. Коломенского сохраняется перенесенная сюда воротная башня Николо-Карельского монастыря (1691 — 1692 гг.).

В XVII в. продолжали строить из дерева и подавляющее большинство провинциальных и,

особенно, сельских церквей. Именно в церковном строительстве мастера-плотники могли с наибольшей полнотой выявить свои художественные способности, композиционные возможности. В настоящее время от той поры уцелело сравнительно небольшое количество подлинных памятников, почти исключительно на Севере России. Довольно много памятников, погибших в сравнительно недавнее время, известно по сохранившимся обмерам и фотографиям.

Церкви, как правило, строили холодными, т. е. неотапливаемыми. Очень часто они имели значительную высоту, но внутренние их помещения были низкими, поскольку потолок (небо) располагался невысоко, а все пространство над потолком было закрытым и не использовалось. В сельской местности деревянные церкви всегда были основными доминантами архитектурного ансамбля.

Наиболее распространенными типами деревянных церквей были клетские и шатровые. Клетские церкви состояли обычно из трех срубов: самый большой сруб — основное помещение церкви, меньший сруб с востока — алтарь и с запада — притвор. Часто к церквям примыкали галереи. Срубы перекрывались двускатной кровлей, по образцу жилых домов. На гребень кровли ставилась небольшая главка. При такой общей схеме существовало множество различных вариантов, придававших индивидуальный облик каждой постройке. Кровли порой делали высокими и крутыми. При значительной крутизне, нижние части крыш имели перелом (полица), а для поддержания свеса кровли делали выступающие бревенчатые консоли (повалы). Такой прием позволял отбрасывать от стен воду, стекавшую с крыш, и в то же время создавал декоративный эффект. Порой скаты крыш делали ступенчатыми.

Среди сохранившихся памятников XVII в. можно назвать Георгиевскую церковь в с. Юковичи (Ленинградская обл., построена в XVI в., перестроена в 1632 г.), церковь в с. Спас-Вежи (Костромская обл., 1628 г., перенесена в музей при Ипатьевском монастыре) и др.

Не меньшее распространение имел шатровый тип церквей. Как и клетский тип, он восходит к глубокой древности и установить время появления первых шатровых храмов пока не представляется возможным. В наиболее чистом и, по-видимому, древнем варианте такие церкви представляли собой восьмиугольный сруб-восьмерик, начинавшийся от самого основания. Восьмерик этот перекрывался высокой шатровой крышей. Шатер, как и сам сруб, делали рубленным из горизонтальных бревен, а не стропильным. Примерами могут служить церкви в с. Панилово (Архангельская обл., 1600 г.), в с. Белая Слуда на Северной Двине, в с. Согинцы (Ленинградская обл., 1696 г.) и другие. Гораздо чаще встречаются церкви типа — восьмерик на четверике, в которых нижняя часть здания — прямоугольная, а над ней возвышается восьмерик, перекрытый шатром. Характерные примеры: церковь в с. Пучуга на Северной Двине (1698 г.), церковь в древнем городке Зашиверске (Сибирь, рубеж XVII и XVIII вв.). Иногда шатровые церкви имеют крестообразный план: в центре четверик или восьмерик, а к нему примыкают четыре притвора. Примером может служить церковь в с. Варзуга на Белом море (1674 г.). Встречаются и храмы, завершающиеся несколькими шатрами — тремя или даже пятью.

Реже применялись иные типы деревянных церквей — ярусные, с кубоватым завершением, многоглавые. Они, по-видимому, появились значительно позже, чем клетские и шатровые, быть может, не ранее XVII в.

XI. РУССКАЯ АРХИТЕКТУРА конца XVII — начала XVIII в.

В развитии русской архитектуры XVII в. достаточно явно прослеживаются две тенденции. Первая представлена памятниками, имеющими торжественный, порой даже несколько суровый облик и скупо декорированными, тяготеющими к традиционным формам зодчества предшествующей поры, главным образом к формам рубежа XV и XVI вв. Наиболее ярко указанные особенности проявились в построенных по заказу Никола соборах Иверского и Крестного монастырей, но эта тенденция прослеживается и в целом ряде других памятников. Однако во 2-й половине XVII в. превалировала вторая тенденция, связанная со стремлением к живописной группировке масс, дробности форм и насыщенности фасадов мелкими декоративными элементами. Узорочье явно становится ведущей линией развития зодчества. К 70—80 гг. XVIII в. тенденция эта настолько усилилась, что привела к появлению построек, фасады которых были сплошь закрыты декором.

Характерным примером может служить церковь Троицы в Останкине (1678—1693 гг., зодчий предположительно Павел Потехин). Строго симметричная композиция и диктуемое церковными властями пятиглавие соединены здесь с чертами народного представления о прекрасном. Талантливый зодчий создал исключительное по нарядности и разнообразию декоративных форм здание. Вне Москвы не менее характерный пример — ярославская церковь Иоанна Предтечи в Толчкове (1671—1687 гг.). Как и в останкинской церкви, строго симметричный план здесь не мешает общему чисто живописному впечатлению от храма в целом. Совершенно поразительная, виртуозно исполненная разработка кирпичной орнаментации придает зданию характер почти ювелирного про-

изведения. Впечатление праздничности и нарядности еще больше подчеркивается многочисленными вставками ярких поливных изразцов. Увеличение роли декора и насыщенности фасадов мелкими деталями — черта, характерная для памятников не только Москвы, Ярославля и других крупных строительных центров России: это общее явление, охватившее и далекие окраины.

Так, Богоявленская церковь в Соликамске (1687—1695 гг.) в отношении своего декоративного оформления фасадов мало уступает памятникам зодчества Москвы.

И все же, несмотря на яркость и праздничную нарядность таких построек, в них уже чувствуется перегруженность, перенасыщенность элементами декора. Казалось, остается сделать в этом направлении еще всего лишь один шаг — и узорочье зрительно разрушит архитектурную композицию памятника, его архитектурный облик и детали начнут преобладать над общим впечатлением. Однако этот шаг в русском зодчестве не был сделан.

В 80—90-х гг. XVII в. в зодчестве произошел крутой перелом. Быстро, за какие-нибудь 10—15 лет, изменился весь характер архитектуры, наступил новый этап в ее развитии. Всего два десятилетия в истории России продолжался этот этап, охватив 90-е гг. XVII в. и первое десятилетие XVIII в., — время петровских реформ, время бурной перестройки и ломки всего уклада жизни. И, полностью отвечая этому историческому периоду, такие же решительные изменения испытало и русское зодчество. Поражает скорость, с какой они произошли. Новые формы несомненно сложились прежде всего в Москве, в строительстве, связанном с царским двором и с заказами

близких к двору вельмож. Но уже к концу 90-х гг. новые формы распространились по всей России, достигнув Урала.

В 90-х гг. в районе Москвы работало довольно много зодчих, воспринявших и разработавших новое направление. Их творческий почерк различен, но совпадает общая характеристика, отвечающая новому этапу русского градостроительства. До сих пор не вполне ясно, на каких постройках выросли эти мастера. Очень вероятно, что многие из них были воспитаны на грандиозном строительстве Новоиерусалимского монастыря, работы по завершению которого были окончены как раз в середине 80-х гг. Действительно, некоторые детали Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря, в частности ордер, обрамление окон, во многом превосходят соответствующие детали московских памятников 90-х гг. Определенную роль, видимо, сыграли и украинские связи, поскольку после воссоединения Украины с Россией в Москву приехало значительное количество различных украинских мастеров и украинское влияние явно чувствовалось во всех областях культуры. Сказалось это и в архитектуре. Так, в 80-х гг. в Москве был построен Новый собор Донского монастыря, явно отражающий формы украинского зодчества, а возможно, даже сооруженный украинским мастером. Чрезвычайно своеобразен план этого собора: четырехстолпный пятиглавый храм имеет со всех сторон полукруглые выступы — с востока это центральная апсида, а с севера, запада и юга равные этой апсиде полукружия экседры, что придает плану четырехлепестковую форму. Но самое существенное отличие состоит в том, что четыре боковых главы расположены не так, как во всех русских церквях, а над этими полукружиями, т. е. создается пятиглавие, размещенное не по диагонали, а крестообразно, по странам света.

Связь с украинскими церквями не вызывает сомнений; например, почти такую же композицию имеет собор в Нежине. Постройка подобного здания именно в Донском монастыре объясняется тем, что этот монастырь теснейшим образом связан с Украиной. Влияние украинского зодчества определенно сказывается также в Знаменской церкви с. Курово (1681—1687 гг.), имеющей трехчастное членение и завершенной тремя главами по про-

дольной оси здания. Украинское влияние сказалось и в появлении в русском зодчестве некоторых декоративных деталей, например орнаментальных завершений карнизов типа «петушиных гребешков». Но, пожалуй, еще сильнее, чем влияние украинской архитектуры, на сложении нового художественного направления отразилось проникновение в Россию из Европы большого количества гравюр и увражей. Широкое применение в архитектурных памятниках нового типа классического ордера, порой сильно переработанного, а порой и в чистом виде, свидетельствует о том, что зодчие имели перед собою хорошие графические образцы.

Сложение нового направления в русской архитектуре, очевидно, явилось результатом существенных изменений, наступивших в русской культуре в целом, и не может быть объяснено одними лишь внешними влияниями. Здесь сказались и значительное повышение мастерства и культуры зодчих, и реакция на перенасыщенность сооружений мелким декором, закрывавшим всю поверхность стен, и знакомство зодчих, и особенно заказчиков, с архитектурой Западной Европы (в основном по гравюрам), и укрепление светских элементов в русской культуре и, наконец, украинское влияние. Комплекс этих факторов и привел к сложению новых архитектурных форм. Таким образом, новый этап в развитии русской архитектуры явился естественным следствием изменений, происшедших в истории русской культуры, т. е. органическим, а не наносным явлением. Следует добавить, что предположения о значительной роли в этом явлении иноземных зодчих не подтвердились. Так, все основные и наиболее ранние памятники нового типа оказались созданными русскими мастерами. Например, строителем церкви Царевича Иоасафа в Измайлове, возведенной уже в 1687—1688 гг., был нижегородский мастер Терентий Макаров.

Сложившийся в России к 90-м гг. XVII в. новый архитектурный стиль в научной литературе часто называют «древнерусским барокко», или «московским барокко». Такое определение совершенно неприемлемо. Русская архитектура рубежа XVII и XVIII вв.— явление своеобразное, вызванное к жизни внутренними причинами, самостоятельным развитием русского зодчества и не связанное по происхождению с западно-европейским

стилем барокко. Некоторое сходство со стилем барокко (да и то, в основном, в деталях) не дает права называть этот стиль одним из вариантов барокко. Достаточно широко распространено и другое наименование — «нарышкинский стиль», или «нарышкинская архитектура», а иногда и «нарышкинское барокко». Это название связано с тем, что ряд наиболее ярких памятников данного направления был возведен по заказу бояр Нарышкиных. Конечно, такое совпадение никак не определяет характер стиля и может быть принято лишь как условное его название, да и то относимое не ко всей архитектуре того периода, а лишь к одному ее варианту, правда, наиболее распространенному в Москве и Подмоскowie.

Каковы же основные характерные черты русского зодчества периода конца XVII в.? Прежде всего — строгая, подчеркнутая симметрия, а порой даже центричность композиции. В отличие от архитектуры предшествующего периода, архитектурные формы зданий обычно отвечают конструкции; зодчие по возможности избегают ложных архитектурных форм. Совершенно исчез прием заполнения всей поверхности стен мелкими декоративными элементами. Теперь весь декор концентрируется в карнизных поясах, завершающих ярусы, и в обрамлении проемов — порталов и окон. Количество декоративных элементов не уменьшается, памятники по-прежнему очень нарядны и украшены, но концентрация этих элементов позволяет оставлять стены обнаженными. Создается типичная для того времени система сочетания красных кирпичных стен и белокаменных резных декоративных деталей. В зданиях теперь подчеркивают их ярусность; каждый ярус по углам имеет колонки ордера, большей частью очень своеобразно интерпретированного, но иногда и чисто классического. Складывается определенный «репертуар» архитектурных форм и деталей, применяемых почти повсеместно: карнизы с декоративными «петушиными гребешками», овальные и многоугольные окна, резные раковины по типу закомар Архангельского собора в Москве. По сторонам окон размещают две колонки, опирающиеся на резные кронштейны и поддерживающие разорванный фронтончик. При всем разнообразии почерков работавших в ту пору зодчих, общие характерные черты всюду сохраняются.

Наиболее ранние памятники полностью сложившегося нового стиля относятся к 2-й половине 80-х гг. Так, в 1686 г. построены Успенская церковь при трапезной и, вероятно, Покровская надвратная церковь Новодевичьего монастыря, а в 1688 г. надвратная Преображенская церковь того же монастыря. Покровская церковь имеет трехчастное деление, отвечающее тройному проезду ворот, и завершена, соответственно, тремя главами, что придает ей сходство с украинскими церквями. Преображенская церковь совершенно иная: ее высокий объем имеет три яруса окон, перекрыт сомкнутым сводом и завершен декоративным пятиглавием. Обильное использование ордера и обрамление окон колонками, поддерживающими сложные разорванные фронтончики, делают эти памятники зодчества типичными для нового архитектурного стиля.

Чрезвычайно ярко проявилось новое архитектурное направление в усадебных церквях Подмоскowie, которые представляли собой сравнительно небольшие ярусные храмы. Их основное помещение имело в плане квадратную форму, переходящую выше в восьмерик, перекрытый сомкнутым сводом. Такая композиционная схема разрабатывалась в русской архитектуре уже в 80-х гг. XVII в.

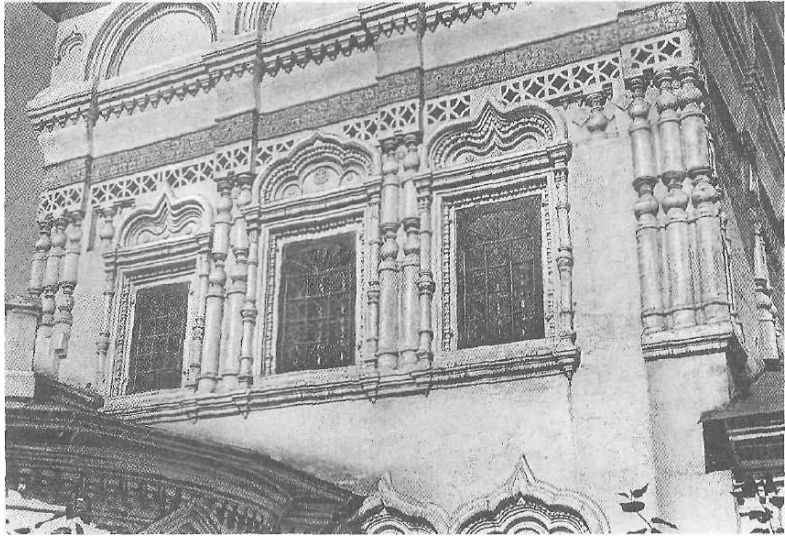
Так, например, в середине 80-х гг. подобную композицию осуществили в церкви Рождественского погоста на р. Пахре, а еще несколько раньше — в несохранившейся церкви в Знаменском-Губайлове (1683 г.).

В ярусных церквях 90-х гг. зодчие пошли дальше: композицию «восьмерик на четверике» они завершили еще одним, меньшим по диаметру, восьмериком, в котором размещали колокола. Таким образом, это были церкви «под звоном». Подобное размещение колоколов логически оправдывало высокую ярусную композицию храма и позволяло обходиться без колокольни, что обеспечивало единство и целостность объема. Церковь Царевича Иоасафа в Измайлове еще не имеет такого верхнего звона и колокола подвешены в отдельной колокольне, но зато архитектурные детали нового стиля в этой церкви представлены уже в разработанном виде.

Пожалуй, наиболее блестящим образцом ярусного усадебного храма может служить церковь Покрова в Филях (1693 г.). Здание это

Соликамск, Церковь
Богоявления.
Фрагмент фасада.
Solikamsk. Church
of the Appearance
of Christ
(Bogoyavlenskaya).
Fragment of facade.

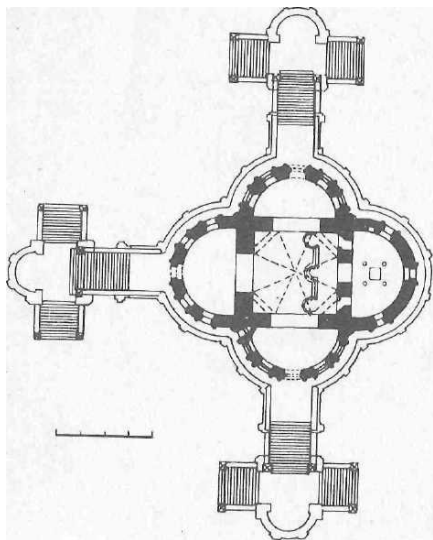

строго центрично. К основному квадратному в плане объему примыкают четыре полукружия, придающие плану характер квадрифолия. Полукружия очень невысокие, благодаря чему центральный четверик поднимается над ними. Выше четверик переходит в восьмерик, над его сводом расположены небольшой восьмерик звона и главка над ним. Все здание поднято на подклет, имеющий такую же квадрифольную форму. Каждый ярус сооружения завершается горизонтальным, богато украшенным карнизом. Изумительно тонко прорисованные детали в сочетании с безукоризненными пропорциями придают зданию легкий, как бы ажурный и утонченно элегантный характер.

Возможно, тем же зодчим была построена церковь Знамения при доме Шереметьева в Останкине (1704 г.?). План ее имеет более традиционный характер: к квадратному зданию с запада примыкает более низкая трапезная, а с востока — алтарная апсида с двумя приделами по бокам. Здание стоит на высоком арочном подклете. Ярусная композиция храма чрезвычайно близка композиции церкви в Филях, как близки и детали декоративного убранства. По плановой схеме и композиции к церкви Знамения близки Смоленская церковь в Сафарине (1691 г.), церковь Петра в Петровском-Разумовском (1692 г.) и цер-

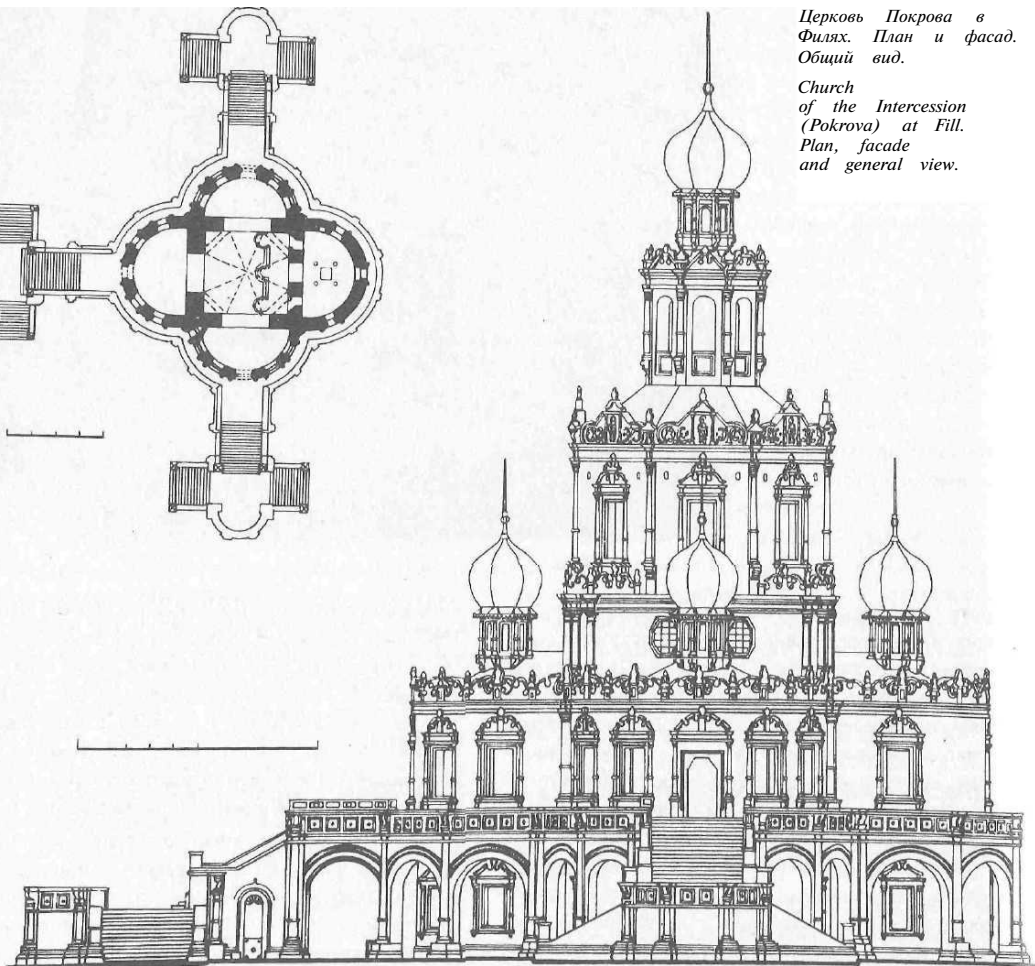
ковь Богоявленского монастыря в Москве (1693—1697 гг.), выдающие, однако, руку других зодчих.

Несколько ярусных церквей имеет структуру, близкую к объемно-пространственной композиции церквей в Филях, т. е. план в виде квадрифолия, причем полукружия значительно ниже центральной части, что создает ступенчатую башнеобразную композицию здания. Первые постройки с таким композиционным решением были осуществлены уже в 80-х гг. Такова, например, церковь в Петровском-Дурневе, законченная строительством в 1688 г. Однако она еще не имеет той декоративной обработки, которая характерна для нарышкинских памятников. Борисоглебская церковь в Зюзине, начатая строительством в 1688 г., при таком же композиционном решении уже имеет все признаки, свойственные новому стилю, хотя и в очень скромном варианте. Почти подобную композицию имеет и Спасская церковь в с. Уборы, построенная зодчим Яковом Бухвостовым в 1694—1697 гг. В отличие от церкви в Зюзине, церковь в Уборах лишена подклета, но зато храм обходит вокруг низкая открытая галерея-гульбище. Пониженные полукружия этой церкви имеют не полукруглую форму, как обычно, а усложнены и образуют в плане трехлопастные кривые. Это членение подчеркнуто колонками, стоящими в местах

Церковь Покрова в
Филах. План и фасад.
Общий вид.

Church
of the Intercession
(Pokrova) at Fili.
Plan, facade
and general view.

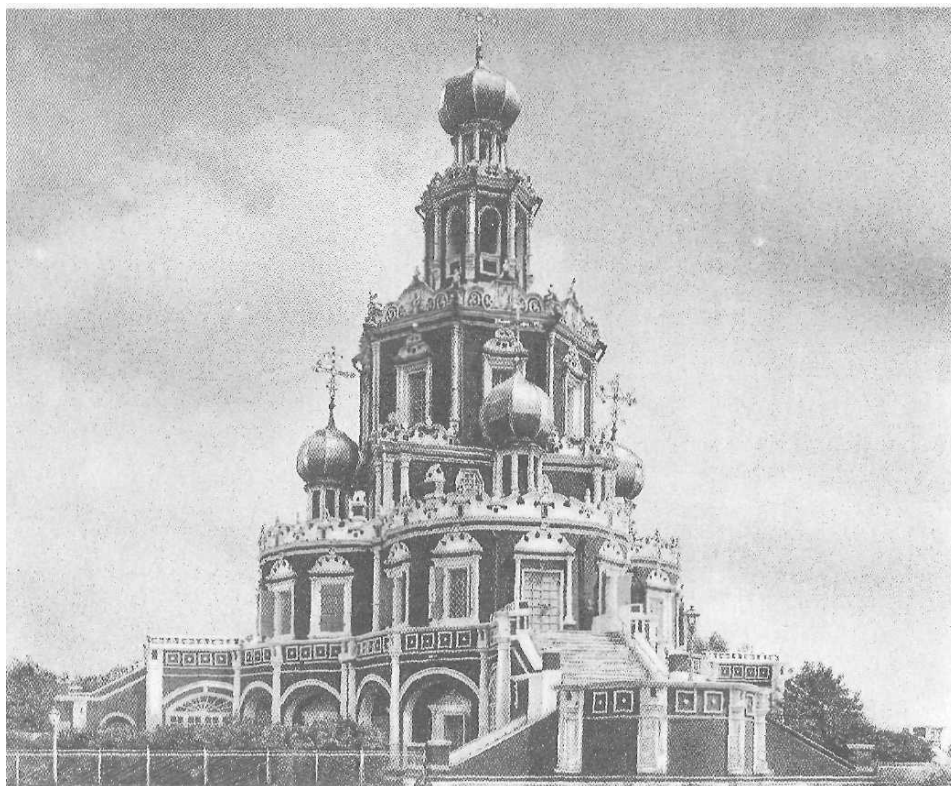

перелома кривизны. Фасады храма насыщены резным белокаменным декором. В отличие, например, от церкви в Филях, где этот декор легкий, как бы ажурный, здесь чувствуется рука и художественный вкус иного мастера: Бухвостов украсил здание сочной, но плотной резьбой, образующей пышные картуши вокруг окон.

Чрезвычайно нарядная, богато украшенная резным декором церковь в Троицком-Лыкове (1690—1694 гг.) имеет несколько иную схему плана: к центральному четверику здесь примыкают не четыре, а две пониженные части, имею-

щие в плане форму прямоугольников со скругленной наружной стороной. Таким образом, оставаясь строго симметричной, церковь в Троицком-Лыкове имеет не центрическую, а продольно-вытянутую композицию.

В небольших церквях с композицией типа «восьмерик на четверике» не обязательно был второй, верхний, восьмерик звона: иногда главка ставилась непосредственно на основной восьмерик. В таком случае храмы не имели ярусов. Такой была несохранившаяся церковь Владимирской Богородицы в Китай-городе (1691—1694 гг.). Су-

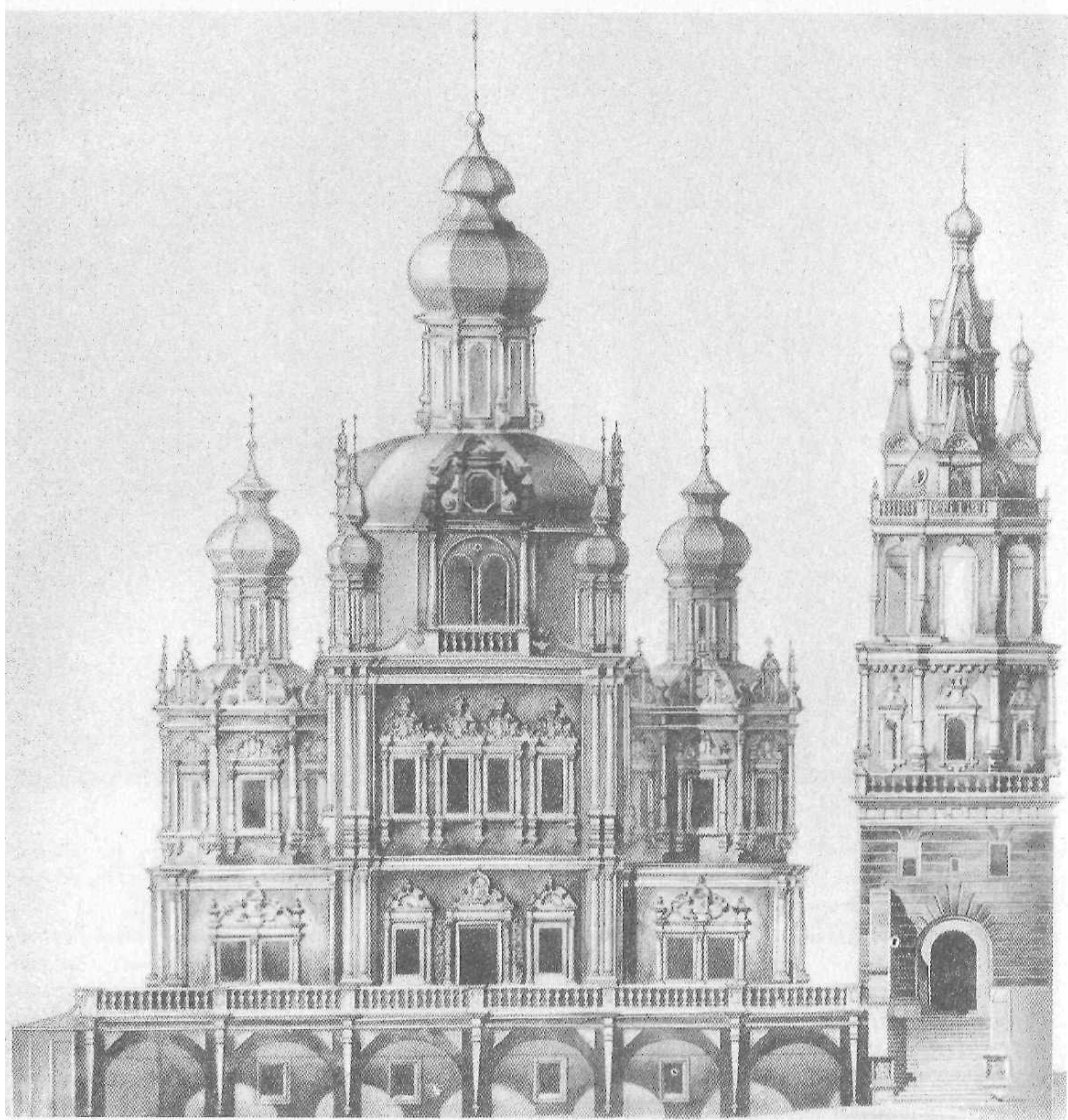

дя по прорисовке деталей, ее строил тот же зодчий, который возводил церковь в Сафарине. Из сохранившихся памятников к подобному типу относится Знаменская церковь в с. Холмы (между 1703 и 1710 гг.).

Новый архитектурный Стиль, в его «нарышкинском» варианте, отразился не только в небольших усадебных храмах ярусного типа, но и в ряде довольно крупных городских церквей. Обычно использовался тип строительства храма «кораблем», разработанный во второй половине XVII в.; по продольной оси здесь располагались колокольня, трапезная и основной объем церкви. При этом колокольня иногда стояла вплотную к трапезной, а иногда отделялась от нее, будучи расположена на общем с церковью подклете. Наиболее ярким образцом была не сохранившаяся до наших дней церковь Успения на Покровке в Москве (1696—1699 гг.). На церкви существовала надпись с име-

нем мастера Петра Потапова, хотя не вполне ясно, был ли он зодчим или резчиком скульптурного декора.

Церковь Успения на Покровке стоит на высоком подклете. К основному четверику с запада и востока примыкают симметричные прямоугольные более низкие алтарь и трапезная. Над каждой из этих трех частей возвышаются восьмирики, средний из которых значительно выше боковых. Восьмирики венчаются главами, а на углах центрального четверика стоят еще четыре маленькие декоративные главки. В целом получилась чрезвычайно пышная композиция, симметричная не только по продольной, но и по поперечной оси, т. е. по боковому фасаду. Перед храмом на том же подклете расположена колокольня. Превосходно найденные пропорции храма и великолепная прорисовка всех его деталей свидетельствовали о блестящем таланте зодчего.

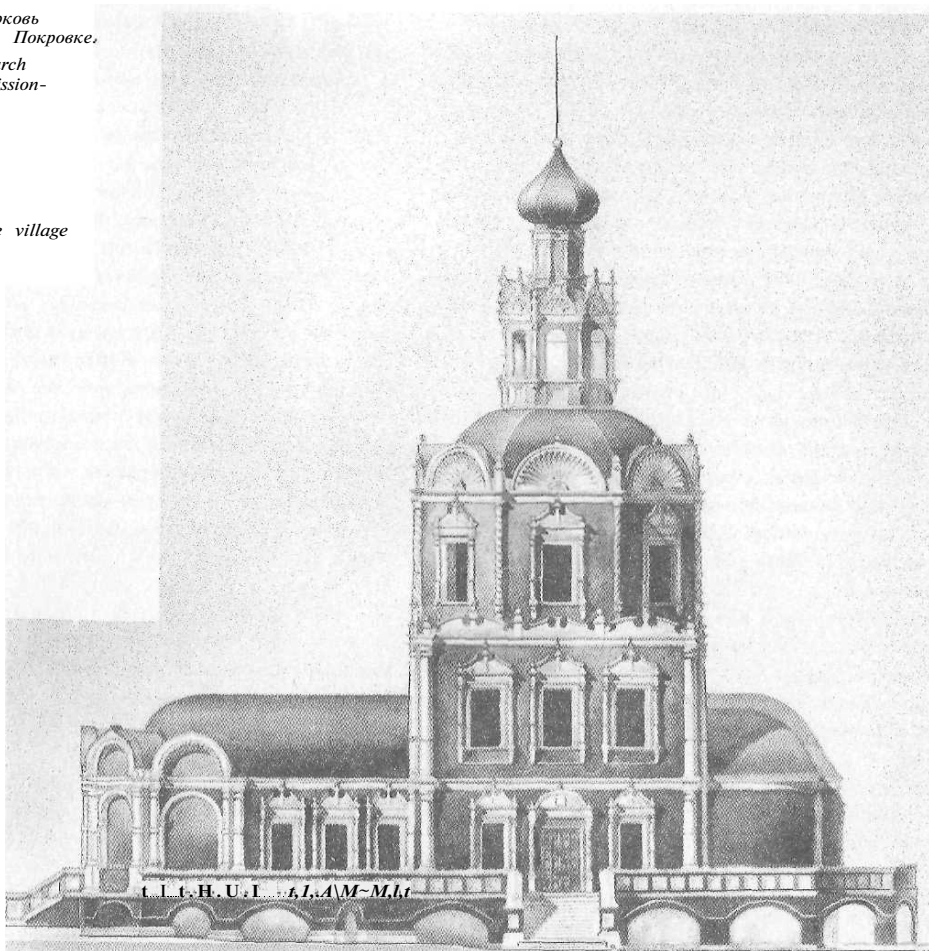
Также «кораблем» построена церковь Воскресения в Кадашах (1687—1695 гг.). В отличие от церкви Успения на Покровке, основной объем храма — четверик не переходит здесь вверх в восьмерик и увенчан пятиглавием более традиционного характера. Центральная глава приподнята на двухъярусном барабане. Все детали декоративного

убранства полностью отвечают «нарышкинским» формам, а основной объем храма имеет в верхней части трехъярусный карниз из «петушиных гребешков». Колокольня, завершенная острым шатром, стоит, как и в церкви Успения, отдельно перед западным фасадом, но на общем с церковью подклете.

Москва. Церковь
Успения на Покровке.
Moscow. Church
of the Dormition-
na-Pokrovke.

Церковь в
Петровском-
Разумовском.

Church in the village
Petrovskoye-
Razumovskoye.

Несохранившаяся церковь Николы Большой Крест в Москве (1680—1688 или 1697 г.) построена гораздо более традиционно. Эта несимметричная композиция состоит из бесстолпного храма, примыкающего к нему с севера маленького придела и галереи. Несимметричность композиции еще более подчеркнута лестничными входами, идущими вдоль западного и южного фасадов. Такой план вполне отвечает принципам предшествующей поры, т. е. второй половины XVII в. Фасад основного четверика разделен на три прясла, как бы отвечая традиционному членению четырехстолпных церквей. Традиционно и пятиглавие, в кото-

ром только центральная глава световая. Однако высота основного четверика и декоративная обработка его фасадов решены полностью в формах нового стиля. Более того, ордер в данной церкви, в отличие от большинства зданий памятников той поры, целиком выдержан в классических пропорциях; ордер первого яруса — дорический в чистом виде, с триглифами и метопами во фризе, а ордер второго яруса — коринфский. Зодчий церкви Николы прекрасно знал законы построения классических ордеров.

Формы нового стиля ярко отразились и в большом шестистолпном пятиглавом храме — Ус-

пенском соборе в Рязани, построенном зодчим Я. Бухвостовым (1693—1699 гг.). По общей композиции собор этот повторяет Успенский собор Московского Кремля, хотя, в отличие от московского, он поднят на подклет, образующий вокруг здания гульбище. По фасадам собора проходят тонкие спаренные колонки, членившие фасады соответственно конструктивным членениям в интерьере, т. е. отвечающие положению столбов. Три яруса больших окон имеют оформление в виде обрамляющих их резных колонок, стоящих на кронштейнах и поддерживающих резные декоративные фронтоны. Вся белокаменная резьба отличается сочностью и по своему характеру близка к резьбе церкви в Уборах, построенной тем же Бухвостовым. Завершение здания и гульбище в настоящее время оформлены значительно скромнее, чем первоначально. К этим постройкам близок по композиции Успенский собор в Астрахани (зодчий Д. Мякишев, 1700—1710 гг.), но здесь апсиды резко понижены, четко выявляя основной четырехстолпный пятиглавый объем здания. Фасады, так же как и в рязанском соборе, расчленены тонкими парными колонками, но имеют не три, а два яруса больших окон. Над завершающим фасады карнизом размещены крупные закомары.

Формы нового стиля нашли широкое применение в монастырском строительстве, особенно при возведении надвратных церквей и церквей при трапезных. Таковы, например, трапезная в московском Новодевичьем монастыре (1686 г.) и церковь при трапезной в Андрониковом монастыре (1694 г.), а также надвратные церкви в Троице-Сергиевом и Воскресенском монастырях. Если надвратная церковь Троице-Сергиева монастыря (1693—1699 гг.) имеет более или менее обычную форму четверика, то надвратная церковь Новоиерусалимского (Воскресенского) монастыря (1694—1697 гг.) совершенно необычна. В последней на платформе над воротами зодчий поставил высокую ярусную церковь с четырехлепестковым планом, чрезвычайно близкую по формам Спасской церкви в Уборах.

Разнообразие и необычность композиционных решений являются одной из характерных особенностей нового этапа в развитии зодчества. В это время появляются различные новые типы сооружений, неизвестные до того русской архи-

тектуре. Кроме ранее перечисленных примеров следует отметить ярусные колокольни. Относительно скромным образом может служить надвратная колокольня в Высокопетровском монастыре (1690 г.). Значительно выше и острее две ярусные колокольни в Ярославле — при церквях Никиты Мученика и Иоанна Предтечи в Толчкове (обе рубежа XVII и XVIII вв.). Вторая из этих колоколен отличается особенно нарядной отделкой. Наконец, шедевром подобной композиции является колокольня московского Новодевичьего монастыря (1690 г.). Колокольня имеет шесть ярусов восьмериков, из которых каждый верхний меньше нижнего по диаметру. Все ярусы имеют снаружи гульбища в виде узких открытых террас. Массивные ярусы чередуются с ярусами, имеющими сквозные арочные проемы. Общая высота колокольни вместе с крестом составляет более 70 м; она играет роль главной вертикали прекрасного архитектурного ансамбля, сложившегося, в основном, в 80-х гг. XVII в.

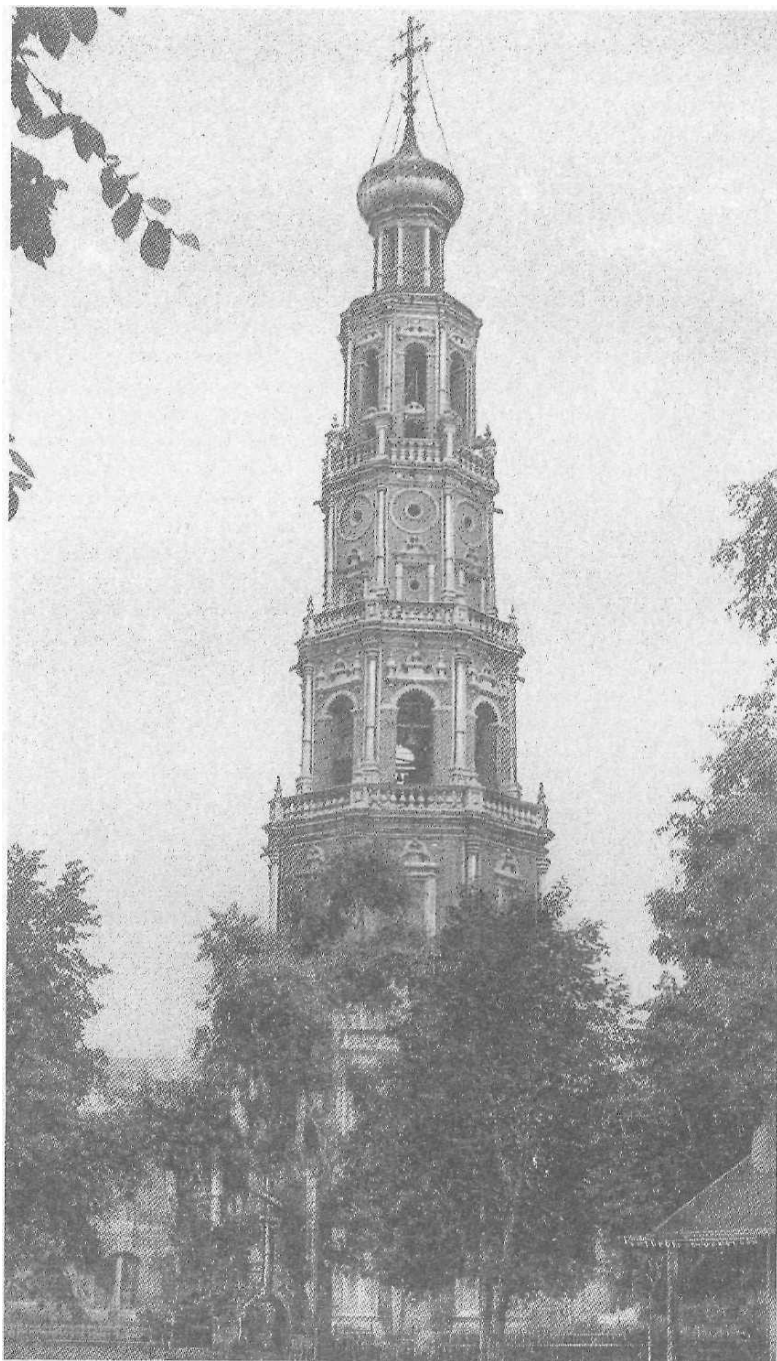
Возрастающая роль светских элементов в русской культуре привела к усилению каменно-кирпичного светского строительства. В это время в Москве возводят палаты знати, исполненные в формах «нарышкинской» архитектуры. Палаты боярина Волкова, построенные во 2-й половине XVII в., имели сложный несимметричный план, но при перестройке в конце века, когда был возведен второй этаж здания, корпус, выходивший на улицу, оформили строго симметрично. Для того чтобы подчеркнуть симметрию, которую нарушало несимметричное решение первого этажа, в центре фасада над карнизом поставили декоративный фронтоныч, акцентирующий ось главного фасада. Примерно то же имело место в несохранившемся дворце В. Голицына (около 1698 г.), имевшем некогда еще третий, деревянный этаж. В отличие от этих дворцов, палаты Троекурова (конец XVII в.) решены единым блоком. В этом здании поражают роскошью отделки наличники окон второго этажа. «Нарышкинские» формы нашли применение и в жилых домах провинции. Таков, например, так называемый воеводский дом в Коломне. Характерную для этого стиля обработку фасадов получили и жилые корпуса келий в монастырях; хорошим примером могут служить здания в Высокопетровском монастыре (1690 г.).

Москва. Церковь
Никола́й Большо́й Крест.

Moscow.
Church of St. Nicholas
of the Great Cross.

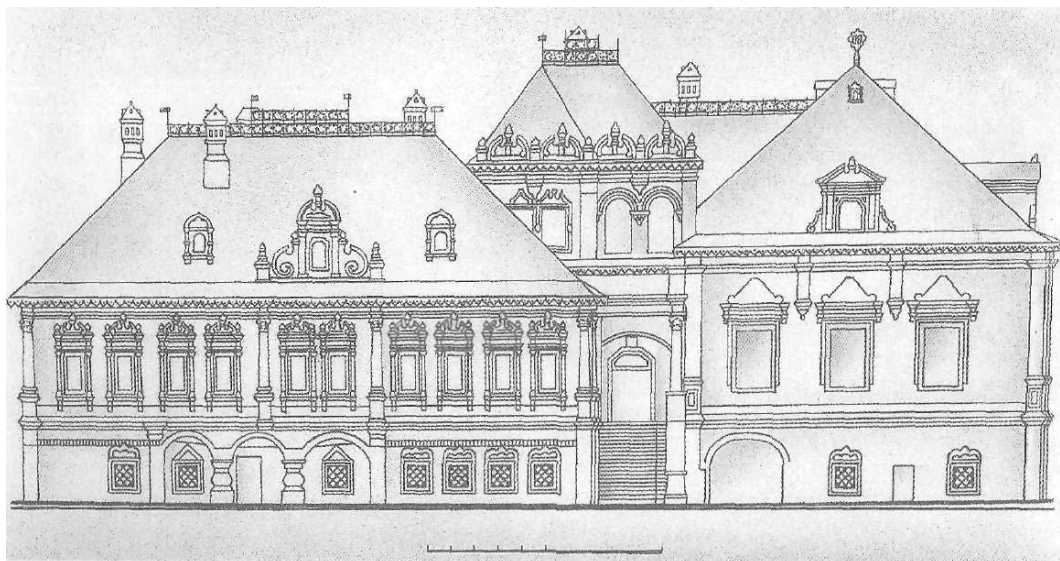

*Москва. Колокольня
Новодевичьего
монастыря.*

*Moscow. Belltower
of the Novodevichiy
Convent.*

*Москва. Палаты
Волкова.*

*Moscow. Volkov's
Chambers.*

Поскольку оборонительные сооружения к тому времени приобрели характер земляных бастионов, крепостные стены потеряли военное значение. Тем не менее по традиции монастыри все же окружали стенами с башнями, но уже чисто декоративными, не предназначенными к обороне. Характер их декоративного убранства совпадает с убранством памятников культового и гражданского зодчества этой поры. Наиболее яркими примерами могут служить стены и башни московских Новодевичьего (80-е гг. XVII в.) и Донского монастырей (1686—1711 гг.). Не менее декоративна и Кутафья башня Московского Кремля, перестроенная и украшенная ажурной короной в 1685 г.

Памятники «нарышкинской» архитектуры, как правило, двухцветны: белокаменные детали рисуются в них на красном фоне кирпичных стен. Полихромия, характерная для памятников предшествующего периода, теперь применяется очень редко. И все же известны примеры, свидетельствующие о том, что поливные изразцы порой продолжали использоваться для оформления фасадов. Трудно сказать, отражает ли это художественный вкус отдельных зодчих или же вызвано желанием заказчиков. Так, в Солотчинском монастыре близ Рязани трапезная с церковью Св.

Духа (1688—1689 гг.) и надвратная церковь (1695 г.) исполнены в духе «нарышкинских» памятников, но вместе с тем обильно украшены изразцовыми вставками. Еще ярче это стремление к полихромии отразилось в Крутицком теремке на митрополичьей усадьбе в Москве. Сложный комплекс митрополичьего подворья состоял из дворца, церкви и соединявшего их перехода на арках. В этом переходе над проездом в 1693 г. был построен небольшой павильон — Крутицкий теремок (зодчие О. Старцев и Л. Ковалев). Выдержанный в формах нового стиля, фасад теремка, тем не менее, целиком облицован яркими поливными изразцами, в которых преобладает бирюзовый цвет. Изразцы покрывают стену, из изразцов же исполнены покрытые сложным орнаментом стержни колонок и их капители, декоративные разорванные фронтоны над окнами и все остальные детали. Полное совпадение всех форм теремка с «нарышкинскими» хорошо видно на заднем фасаде, который оставлен кирпичным, без облицовки изразцами.

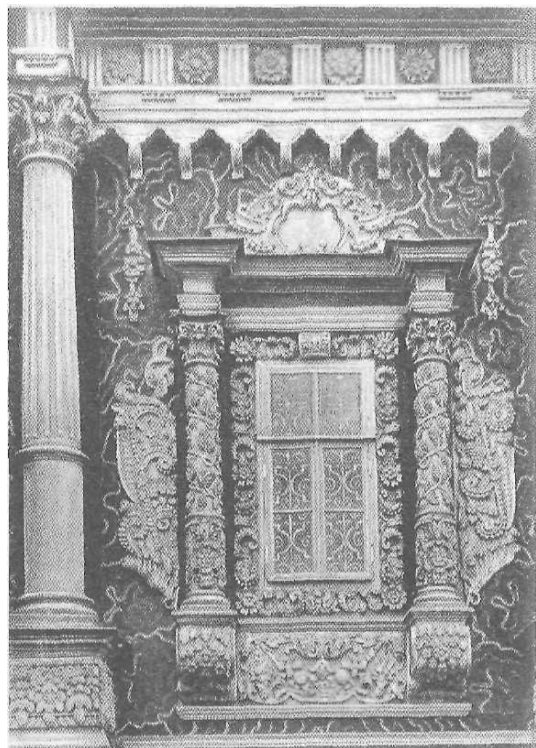
Любовь к полихромии проявилась и в зданиях Троице-Сергиева монастыря — трапезной (1686—1692 гг.) и «чертогах» (конец XVII в.). Трапезная представляет собой огромное удлинен-

ное здание (до 85 м в длину), поставленное на высокий подклет и окруженное открытой галереей-гульбищем. Сергиевская церковь при трапезной имеет простую форму четверика. Главный зал трапезной перекрыт сводом с пролетом около 15 м. Свод этот украшен лепным орнаментом, оставляющим в центре место для росписи.

Зал трапезной во многом превосходит дворцовые залы XVIII в. При относительно простых формах здания его фасады решены с поразительной пышностью, причем, кроме обычных для этого стиля деталей (колонки, разорванные фронтоны, раковины ложных закомар и др.), стены целиком раскрашены «в шахмат».

Не менее выразителен и фасад царского дворца («чертоги»). Двухэтажное здание чертогов имеет декорировку стен второго этажа «в шахмат», а карнизы над первым и вторым этажами — поливыми изразцами.

Тот вариант архитектуры конца XVII в., который обычно называют «нарышкинским», был не единственным. Известное своеобразие отличает группу памятников, созданных по заказу Г. Д. Строганова. Сюда относятся четыре постройки: собор Введенского монастыря в Сольвычегодске (1689—1693 гг.), Казанская церковь в Устюжне (1694 г.), Смоленская церковь в Гордеевке (1694—1697 гг.) и Рождественская церковь в Нижнем Новгороде (1697—1703 гг.). Судя по характеру архитектуры, особенно деталей, все эти постройки возвел один зодчий. Объемно-планировочная структура Введенского собора очень проста — это квадратное в плане бесстолпное здание с тремя апсидами, стоящее на подклете, образующем с трех сторон крытую галерею. Наиболее оригинальной является конструкция его перекрытия: сомкнутый свод с распалубками и вырезанными углами, создающий систему перекрещивающихся арок, позволил зодчему на бесстолпном объеме установить пятиглавие, все главы которого световые. В интерьере получилось легкое и свободное пространство, хорошо освещенное как сверху, так и через большие боковые окна. Снаружи здание разделено карнизом на два яруса и оформлено двухъярусным ордером. Сравнительно небольшие церкви в Устюжне (ныне Вологодская обл.) и Гордеевке очень сходны между собой. Они представляют собой бесстолпные объемы, к которым с севера

*Нижний Новгород.
Рождественская
церковь.
Фрагмент фасада.*

*Nizhny Novgorod.
Church of the Nativity
(Rozhdestvenskaya).
Fragment of facade.*

примыкают приделы, а с запада — колокольня (в Устюжне колокольни нет, хотя сохранились пилоны ее основания). Церкви не имеют подклета, а по высоте разделены снаружи на два яруса. Перекрыты они сомкнутыми сводами с одной световой и четырьмя глухими главами.

Наконец, последняя по времени в ряду этих строгановских построек — Рождественская церковь — отличается особым богатством декоративного оформления. Здесь к бесстолпному квадратному в плане объему с запада примыкает довольно длинная трапезная, а несколько в стороне стоит высокая многоярусная колокольня. Здание поднято на высокий подклет и перекрыто сомкнутым сводом с пятью световыми главами. В отличие от собора Введенского монастыря, в Рождественской церкви конструкция свода явно отражена

снаружи. Это достигается выделением верхнего крестообразного в плане яруса под боковыми главами. Чрезвычайно декоративно оформленные главы с узорными железными крестами венчают здание. В интерьерах строгановские храмы почти полностью лишены декоративного убранства и на фоне беленых стен ярко рисуются роскошные резные иконостасы.

Смелость и своеобразие конструктивных решений и исключительное качество выполнения всех работ свидетельствуют о таланте зодчего и высокой квалификации выполнявших постройку мастеров. Зодчий, несомненно, великолепно знал классические архитектурные формы и широко использовал их в оформлении всех четырех храмов. Канонические формы ордеров — колонны, капители, антаблементы, фронтоны и даже сам характер применения этих форм дают основания утверждать, что зодчий не только знал западноевропейскую архитектуру, но понимал логику использования ордерной системы. В то же время некоторая традиционность плановых композиций и применение привычных для XVII в. деталей (арки с гирьками, изразцовые вставки и пр.) склоняют к убеждению, что строительством руководил не иноземец, а русский зодчий. Насыщенность декоративной резьбой, образующей порой вокруг окон пышные картуши, заметно отличает строгановские постройки от нарышкинских.

Другой вариант зодчества рубежа XVII и XVIII вв. представлен подмосковными памятниками архитектуры с центрическим многолепестковым планом. Эту группу построек иногда называют голицынской, поскольку некоторые наиболее характерные памятники данной группы были возведены по заказу Голицыных. Небольшие церкви имеют восьмилепестковый план, причем четыре полукружия — более крупные, а промежуточные между ними полукружия несколько меньше по величине. Над этим ярусом помещен восьмерик с окнами, перекрытый куполом, над которым имеется совсем маленькая глухая главка. Декоративная обработка указанных храмов крайне скупа; лишь в первом ярусе между полукружиями поставлены колонки. Примеры подобных зданий-памятников — церковь в с. Воскресении под Москвой (1698—1701 гг.) и Никольская церковь в с. Медведеве под Рязанью (около 1700 г.). Очень близ-

ка к ним и Спасская церковь в подмосковном с. Волынском (1699—1703 гг.), в которой, однако, все полукружия имеют одинаковый размер. Строгая центричность и компактность композиции при лаконичности декоративной обработки — характерные особенности этих архитектурных памятников.

По-видимому, наиболее ранним памятником зодчества данного типа является церковь Петра Митрополита в Высокопетровском монастыре, освященная в 1690 г. Исследование этой церкви показало, что она была первоначально построена архитектором Алевизом в начале XVI в., а в конце XVII в. лишь заново переформлена. В XVI в. постройка церкви с восьмилепестковым планом не оказала заметного влияния на русское зодчество, и тип этот более не повторяли вплоть до конца XVII в., когда он оказался созвучным новым художественным веяниям.

В нескольких случаях полукружия восьмилепесткового плана делали настолько малоизогнутыми и настолько слитными, что объем воспринимался скорее как круглый, чем многолепестковый. Такова, например, маленькая, лишенная окон «Черниговская часовня» в Переславле-Залесском (1702 г.). Близка по плановой схеме надвратная Тихвинская церковь Донского монастыря (1713—1714 гг.), решенная, однако, в гораздо более нарядных формах. Второй ярус в ней уже откровенно круглый в плане, над сводом, завершающим второй ярус, размещен еще один ярус, предназначенный для колоколов, а над ним высокая фигурная главка. Вся постройка в целом имеет стройную ярусную композицию. Круглую ярусную форму имеет и небольшой Пятницкий колодец близ Троице-Сергиева монастыря (рубеж XVII и XVIII вв.).

Иную композицию демонстрирует ярусная Никольская церковь в Полтеве под Москвой (1706 г.). Ее план имеет характер вытянутого по продольной оси восьмерика. Над его средней частью возвышается равносторонний восьмерик, прорезанный окнами, а выше — ярус звона, совместно создающие острую ярусную композицию. Углы Никольской церкви обработаны плоскими лопатками, не имеющими форм ордера. В обрамлении окон колонки также отсутствуют, а над окнами размещены простые лучковые фронтоны. Общий характер здания дает основания полагать,

что в Никольской церкви сказывается влияние западноевропейской архитектуры, хотя и в переработанной на русский манер форме. Сказывается это влияние и в церкви Иоанна Воина на Якиманке (1709—1713 гг.), которая построена по традиционной схеме «кораблем», но ни в композиции масс, ни в деталях убранства в ней нет ничего традиционного. Основной четверик храма завершается горизонтальным карнизом, который в средней части на всех фасадах образует крупные полукружия. Свод, перекрывающий основное помещение, имеет четыре больших слуховых окна. Выше расположены один над другим два восьмерика и над ними небольшая главка. С запада к основному помещению церкви примыкает трапезная, к которой, в свою очередь, примыкает восьмигранная колокольня. Ярусная композиция выглядит здесь совершенно иначе, чем в храмах «нарышкинского» типа. Классическая форма пилястр, фронтонов, волюты у слуховых окон, наконец, полукруглый подъем горизонтального карниза позднее станут характерными для архитектуры раннего Петербурга.

Появление храмов, в которых элементы старой русской композиции сочетаются с совершенно новыми чертами, связанными с влиянием западноевропейского зодчества, — явление не случайное. Так, многие особенности и формы церкви Иоанна Воина имеют прямые аналогии в соборе Заиконоспасского монастыря в Москве (1701—1709 гг.). Можно видеть и такие примеры сооружений, в которых некоторые западноевропейские формы переносятся в совершенно чистом виде и включаются в здания, в остальном имеющие гораздо более традиционный характер: большой декоративный фигурный фронтон, украшенный волютами и резными столбиками, построен на трапезной Симонова монастыря (по-видимому, зодчий О. Старцев, 1685 г.). Судя по сохранившемуся рисунку, подобным фронтоном был украшен и дом думного дьяка А. Иванова в Москве. В конце XVII в. была надстроена Уточья башня Троице-Сергиева монастыря, завершение которой откровенно повторяет формы завершения голландских ратуш.

Совершенно особое место в архитектуре того времени занимает церковь Знамения в Дубровицах (1690—1704 гг.). Построенная в вотчине ближайшего сподвижника Петра I — князя Б. Го-

лицына, церковь эта возведена в формах, не имеющих ничего общего со всеми традициями русской архитектуры. Плановая схема ее близка плану церкви в Филях и особенно церкви в Уборах, но объемная композиция и все архитектурные формы как бы демонстративно противостоят вековым устоям русской старины. Над четырехлепестковым планом здесь поднимается восьмигранная башня, вместо купола увенчанная ажурной золоченой короной из кованого железа. Все здание снизу доверху покрыто белокаменной резьбой. Причудливая кривизна форм, пышное резное убранство, включающее круглые скульптуры, несомненно роднят церковь Знамения с западноевропейским стилем барокко.

Эту дерзкую по новизне постройку справедливо сопоставляли с петровскими затеями, вроде «всешутейшего собора». Скульптурное убранство церкви выполняли мастера из Швейцарии; кто был зодчим храма, не установлено. Судя по деталям декоративного убранства, возможно, что тот же зодчий построил и небольшую церковь Знамения в Перове (1699—1705 гг.), которая по своим архитектурным формам полностью повторяет церковь Петра Митрополита в Высокопетровском монастыре.

Приказ каменных дел продолжал функционировать вплоть до 1700 г., однако существенное изменение экономической обстановки и значительное расширение строительства вызвали появление новой формы организации строительного производства — появление частных зодчих-подрядчиков. Кроме того, в строительстве теперь активно участвовали как монастырские строители, так и стрельцы. При этом далеко не все русские зодчие смогли быстро освоить формы нового стиля. Поворот в зодчестве, происшедший в 80—90-х гг. XVII в., был слишком скорым и слишком крутым, чтобы зодчие, работавшие в старой манере, могли к нему безболезненно приспособиться. Даже в Москве не только в конце XVII, но даже в начале XVIII в. еще работали мастера, которые не могли полностью понять и осуществить новые задачи. Так, в церкви с. Тропарева (1693 г.) пятиглавый храм обычного типа — «кораблем» с шатровой колокольней вполне соответствует нормам предшествовавшей поры. Однако, учитывая веяния моды, зодчий ставит на углы здания довольно грубые

Дубровицы.
Церковь Знаменія.

Dubrovitsy.
Church of the Holy
Sign (Znameniye) •

Церковь трапезной
Толгского монастыря.

Church in the Refectory
at Tolgsky Monastery.

колонки, а окна обрамляет колонками на кронштейнах и завершает разорванными фронтонами. И в церкви Николы на Болвановке в Москве, построенной уже в 1712 г., колонки на углах здания и обработка окон плохо вяжутся с традиционной пирамидой кокошников, обычным пятиглавием и шатровой колокольней. А в Никольской церкви в Пушкино (1692—1694 гг.) зодчий все же не сделал попытки внести в сооружение какие-либо новые архитектурные детали, полностью повторив приемы и формы второй половины XVII в.

Но если даже в Москве и Подмоскowie можно увидеть разнообразные архитектурные формы и стилистические направления, то в еще большей степени это относится к провинции. Далеко не все провинциальные заказчики могли найти для выполнения построек таких зодчих, которые хорошо понимали новое художественное направление. Строгановым удалось найти такого талантливого зодчего и, видимо, они снабдили его западноевропейскими книгами и гравюрами, но в большинстве случаев заказчикам приходилось довольствоваться местными мастерами, не знавшими классических или барочных форм и деталей. В том случае, если это были районы, близкие к Москве, зодчие по мере сил и возможностей интерпретировали формы московской архитектуры. Хорошим примером может служить Спасская церковь при трапезной в Толгском монастыре близ Ярославля (1703 г.). Здесь некий, по-видимому, местный зодчий создал чрезвычайно своеобразную постройку — церковь с невысоким восьмериком, перекрытым граненым куполом, прорезанным семью окнами, над которыми поднимаются небольшие главки. В центре размещен высокий двухъярусный барабан, увенчанный куполом. Окна и портал трапезной облицают знакомство зодчего с «нарышкинскими» постройками, хотя в целом памятник исключительно оригинален и талантливо скомпонован.

Совершенно по-иному строили там, где связь с Москвой была слабее и местные зодчие имели гораздо более приблизительное представление о московских архитектурных новшествах. Так, например, в Вятке Спасская церковь бывшего Преображенского монастыря (1696 г.) еще пока полностью отвечает формам «узорочья» второй половины XVII в. Но уже в последние годы столетия

и сюда проникают московские веяния. На первых порах это сказывается лишь в некоторых деталях, к тому же настолько своеобразно интерпретированных, что возникает сомнение, видели ли местные мастера те московские формы, которые они пытались воспроизвести, или же знали о них только понаслышке. Так, над карнизом появляются полукруглые «закомары» с мотивом, напоминающим раковины, а по углам здания — столбики типа колонок. Особенно понравился местным мастерам мотив волнот-«рогов», используемых в качестве декоративных фонтончиков над окнами и порталами. И все эти «московские мотивы» соседствуют с мелким кирпичным декором карнизов и наличников окон. Подобное своеобразное сочетание старых и новых форм можно видеть, например, в Екатерининской церкви в Слободском (1699 г.). Несколько ближе к новым московским формам Никольская надвратная церковь Трифонова монастыря в Вятке (рубеж XVII и XVIII вв.) и Никольская церковь в с. Ныроб близ Чердыни (1703 г.), хотя и здесь общая композиция сооружений да и многие детали еще вполне отвечают архитектуре предшествующего времени. То же сочетание старых и новых форм в очень оригинальной интерпретации можно отметить в Крестовоздвиженском соборе Соликамска (1698—1709 гг.).

Еще своеобразнее понимали московские формы в Зауралье. Хорошим примером является построенный в 1703—1704 гг. Троицкий собор в Верхоурье. Он имеет типичную форму церкви «кораблем», причем основной, квадратный в плане, объем переходит выше в восьмерик, перекрытый сводом. Храм увенчан пятью главками, из которых четыре боковых расположены не по углам здания, а по осям фасадов. Высокая и очень острая ярусная колокольня завершается шатром.

В здании собора имеются и колонки по углам, и колонки по сторонам окон и портала, и разорванные фронтоны над порталами, и восьмиугольные окна. Но как необычно это все исполнено! У восьмиугольных окон в качестве обрамления размещены направленные во все стороны, как лучи, фигурные изразцовые украшения, а фронтоны над окнами состоят из дважды повторенных по высоте «рогов». На рядом же расположенных с церковью воротах эти «рога» выглядят уже почти как карикатура на подобный мос-

Москва. Земский приказ.
Moscow. Zemsky office.

Москва. Сухарева башня.
Moscow. Sukharev's
Tower.

ковский прием. Быть может, несколько наивные, но яркие и прекрасно нарисованные формы Троицкого собора в дальнейшем неоднократно повторялись в памятниках этого района. Такова, например, церковь Далматова монастыря (1713 г.).

Формы эти повторялись и значительно позже, кое-где вплоть до середины XVIII в. В значительно более скромном виде архитектурные формы, подобные вятским и Соликамским, проникают и на более далекие окраины России, сочетаясь обычно с традиционными плановыми и композиционными решениями. Примером может служить Успенская церковь в Нерчинске (1712 г.). Впрочем, почти до середины XVIII в. на окраинах России порой продолжали строить и такие церкви, которые по архитектурным формам отвечали даже

не концу, а 2-й половине XVII в. Такое запаздывание особенно характерно для тех регионов, которые были более оторваны от центра и куда московские архитектурные влияния доходили с большим опозданием.

Иногда провинциальные вкусы сказывались даже и в центральной части России. Так, достаточно отчетливо это проявилось в Вологде, где в церквях Константина и Елены (1690 г.) и Успения в Горнем монастыре (1692—1697 гг.) все архитектурные формы еще целиком отвечают нормам, сложившимся до 80-х гг. XVII в.

Но были и такие районы, которые, будучи расположены почти в центре России и имея теснейшую связь с Москвой, тем не менее вообще не приняли новых архитектурных форм, сложив-

шихся к концу XVII в. Особенно ярко это проявилось в Суздале. Здесь в конце XVII в. и первом десятилетии XVIII в. было построено значительное количество церквей. По большей части они представляли собой небольшие бесстолпные храмы с декоративным пятиглавием или одноглавие, очень скромно декоративно обработанные. Таковы, например, церкви Петропавловская (1694 г.), Вознесения (1695 г.), Входаиерусалимская и Цареконстантиновская (1707 г.), Никольская (1712 г.) и др. К ним примыкают шатровые колокольни, причем в некоторых из них шатры имеют своеобразную выгнутую форму. Детали, типичные для московской архитектуры того времени, в них полностью отсутствуют. Лишь в 1720 г. при перестройке маленькой Успенской церкви в Суздале впервые применили обработку окон в «нарышкинском» стиле. Упорное нежелание строить в духе нового художественного направления, по-видимому, объясняется идеологической позицией суздальского митрополита Илариона, вероятно, посчитавшего московские «новинки» слишком светскими и не отвечающими каноническим нормам.

Имеются примеры еще более наглядного и резкого проявления в архитектуре идеологических столкновений. В 1685 г. в с. Петровском под Москвой была построена церковь Петра и Павла — небольшой храм, завершенный стройным и острым шатром. А в 1690 г. в с. Аннино близ Рузы была построена вторая точно такая же церковь. Но ведь шатровое завершение церквей было запрещено уже с середины XVII в.! Чем же объясняется такой неожиданный возврат к формам, напоминающим внешне даже не XVII, а XVI в.? Несомненно, что применение шатрового покрытия храмов в данном случае отражает жестокую политическую и идеологическую борьбу той поры. Заказчиком обеих церквей был боярин И. М. Милославский — крупнейший и наиболее ярый противник петровских реформ. Именно он мог позволить себе бросить вызов официальным церковным нормам, подчеркнув созданием этих храмов свою приверженность старине.

Бурная эпоха рубежа XVII и XVIII вв., связанная с острейшей идеологической борьбой и ломкой устоявшихся веками традиций, нашла свое яркое отражение и в русском зодчестве. Это сказалось в разнообразии художественных направ-

лений, порой совершенно противоположных: достаточно сравнить построенные почти одновременно подмосковные церкви в Дубровицах и в Аннине. И все же основное, ведущее направление развития зодчества проявляется достаточно отчетливо. Русская архитектура, как и все общество, переживает переходный период, переход к Новому времени. Конец средневековья выражался в зодчестве в «обмирщении» даже культовых сооружений, в свободном варьировании типов и форм, в преодолении национальной замкнутости и проникновении западноевропейских мотивов. И особенно ярко это выразилось в значительном расширении гражданского строительства. Наряду с жилыми домами и дворцами впервые в русском строительстве начинают возводить светские общественные здания.

Архитектурного образа светского общественного здания до этого в русской архитектуре вообще не существовало. Вплоть до конца XVII в. в русском зодчестве формировались и разрабатывались архитектурные образы только культовых построек, крепостных сооружений и жилищ. Теперь, с началом строительства монументальных зданий административного назначения, перед зодчими встала задача найти не только соответствующие новым задачам функциональные решения, но и решения образные. Зодчие успешно справились с этой нелегкой задачей. На самом рубеже XVII и XVIII вв. в центре Москвы было построено здание Приказов. Оно не сохранилось, но известно по чертежам и фотографиям. Строго симметричный фасад в боковых частях был двухэтажным, а в центре трехэтажным. Фасад украшали декоративные наличники окон и пояс цветных изразцов над вторым этажом. Нижние два этажа объединялись большим ордером. Парадность и богатство отделки, симметрия, подчеркнутая глубиной арочной нишей входа, а сверху трехъярусной башенкой с небольшим шпилем, увенчанной орлом, свидетельствуют о желании зодчего подчеркнуть значение здания, выявить его общественную функцию. Назначение здания как светского общественного сооружения было выражено вполне отчетливо и успешно.

Совершенно по-иному, в соответствии с другим функциональным назначением здания, решал свою задачу зодчий, построивший Сухареву башню. В 1692—1695 гг. над воротами Земляного го-

рода было построено помещение «полковой избы» для стрелецкого полка полковника Сухарева. В 1698—1701 гг. зодчий Михаил Чоглоков по распоряжению Петра I перестроил здание для размещения Математико-навигационной школы. Был надстроен второй этаж и повышена башня. В результате постройка приобрела парадный характер, а ее башня, увенчанная небольшим шатром, в какой-то степени свидетельствовала о том, что это военное-учебное заведение. Архитектурный образ светского общественного здания и здесь оказался выраженным очень удачно (к сожалению, оно не сохранилось до наших дней).

Третья, на этот раз сохранившаяся, постройка — Монетный двор (1697 г.). Здание двухэтажное, причем нижний этаж лишен декоративных элементов и служит как бы цоколем второму, оформленному чрезвычайно парадно. Между крупными окнами здесь размещены колонки почти чистого классического ордера. Антаблемент над колонками раскрепован, а фриз украшен цветными изразцами. Здание явно не имеет черт ни культового, ни оборонного характера; с первого взгляда видно, что это гражданская постройка. В то же время богатое убранство второго этажа и пышный арочный вход отличают здание Монетного двора от дворцовых сооружений. Использование мотивов жилой архитектуры, но в более монументальных формах свидетельствует об общественном назначении сооружения.

В конце XVII в. впервые появились и инженерные сооружения, которые создавались зодчими как произведения архитектуры с учетом их роли в формировании городского ансамбля. Таким был, например, Каменный, или Всехсвятский, мост в Москве (1687—1692 гг.). Со стороны Замоскворечья он заканчивался «палатой» с двумя шатровыми башнями. В то время возводили и такие постройки принципиально нового характера, как промышленные сооружения, гостиные дворы.

В архитектуре рубежа XVII и XVIII вв. вызревали элементы, которые затем развились и ста-

ли характерными для архитектуры последующего времени: черты регулярности и симметрии, творческое использование приемов западноевропейской архитектуры, развитие ансамблевой застройки. Создались предпосылки для успешного развития архитектуры в новых условиях. И тем не менее в начале XVIII в. в русской архитектуре происходит перелом, который был связан с коренной ломкой устоев культуры и быта в эпоху петровских реформ. Указ Петра I о запрете монументального строительства во всех городах России в связи с переносом столицы во вновь построенный Санкт-Петербург (1714 г.), вызов из-за границы большого количества архитекторов и передача им наиболее важных строительных заказов, сложение новой системы архитектурного образования по западноевропейскому образцу, появление архитектурных книг (западноевропейских, а затем и переводных) — таковы основные причины, вызвавшие резкие изменения в развитии русской архитектуры.

Русское зодчество XVIII в. развивается уже в теснейшей связи с архитектурой других европейских стран. И все же традиции русского зодчества, сложившиеся в процессе его многовекового развития, не исчезли. Иноземные зодчие работали почти исключительно в новой столице; в Москве и особенно в провинции еще долгое время продолжали творить местные мастера, и резкого перелома в развитии зодчества здесь не наблюдалось. Но еще более важно то, что вся русская архитектура XVIII в., приняв общеевропейские стили, тем не менее сохранила отчетливо выраженный национальный колорит. Сооружения, построенные в стиле русского барокко и русского классицизма, существенно отличаются от зданий в стиле барокко и классицизма других европейских стран. И причиной сохранения национального колорита в русском зодчестве является, прежде всего, наличие в России глубоких архитектурно-художественных традиций — традиций древнерусской архитектуры.

ХІІ. СТРОИТЕЛЬНЫЕ АРТЕЛИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

При изучении памятников зодчества Древней Руси исследователи до самого последнего времени основное внимание уделяли архитектурным формам сооружений, значительно меньше интересуясь строительно-техническим аспектом. Между тем даже самые первые шаги в этом направлении показали, какие огромные возможности открываются здесь в выяснении объективной и полнокровной картины архитектурно-строительной деятельности. Тщательное изучение конструкций, строительных материалов и технических приемов, применявшихся древними зодчими, позволяет вплотную приблизиться к пониманию процесса строительства сооружений, выявить «почерк» создавших их мастеров. Для изучения • древнерусского строительного производства это имеет особенно большое значение, поскольку в Древней Руси, как, впрочем, и в романском зодчестве Западной Европы, полностью господствовала артельная организация строительства.

Основная ячейка строительного производства Древней Руси, вероятно, называлась дружиной. Во всяком случае, в XIV—XV вв. такой термин по отношению к строительным организациям уже, безусловно, применялся, а в новгородском и псковском говорах даже в XIX в. это название соответствовало производственной ячейке. Однако некоторая расплывчатость термина и отсутствие уверенности в правильности его применения заставляют нас условно называть строительные организации Древней Руси артелями, используя более позднее определение, не встречающееся в древнерусских письменных источниках.

В настоящее время накопилось уже достаточное количество материала, чтобы судить о составе древнерусской строительной артели. Во главе

ее стоял зодчий. Письменные источники Древней Руси для его обозначения используют несколько терминов. Чаше всего употребляется термин «мастер». Так названы строитель новгородского собора Георгия в Юрьевом монастыре («мастер трудился Петр»), зодчий Кирилловской церкви в Новгороде («а мастер бяше Коров Якович»), зодчий Петр Милонег, строивший подпорную стену набережной Днепра у Выдубицкого монастыря в Киеве. Так же названы и зодчие, строившие Десятинную церковь («мастери от грек»), Успенский собор Киево-Печерского монастыря («мастери церковний»), Успенский собор во Владимире («из всех земель все мастеры»). Впрочем, под термином «мастер» понимали не только зодчего. При построении г. Холм летописцем упомянуты «мастера всяции». Позднее, в XIV—XV вв., мастерами обычно называли зодчих, но были известны и «мастера всякие, спроста реци плотници и горнчары». Таким образом, термин «мастер» обозначал не только зодчего, но и всякого квалифицированного ремесленника.

Другой термин, под которым более узко понимали только зодчего,— здатель. Для строительства церкви Бориса и Глеба в Вышгороде князь Олег «привед зьдателя, повеле им здати». В Никоновской летописи, где несколько изменена формулировка «Повести временных лет», при строительстве Десятинной церкви упомянуты «каменосечи и зиздате ле полат каменных». Иногда встречается термин «хитрец», которым, вероятно, обозначали как зодчих, так и скульпторов-резчиков: «двери же... украшены... некимъ хитрецемъ Авдьемъ». Греческое слово «архитектор» также переводили как «хитрец». Впрочем, с XIV в. в переводных письменных источниках встречается и тер-

мин «архитектон». Зодчий Петр Милонег назван в летописи не только мастером, но и художником. В единственном случае зодчий упомянут как руководитель артели строителей: «приставник над деятелями церковными» — строитель Спасского собора полоцкого Евфросиньева монастыря Иоанн.

По именам нам известны всего четыре русских зодчих домонгольского периода: Петр — строитель собора Юрьева монастыря в Новгороде (1119 г.), Иоанн, который возвел собор Евфросиньева монастыря в Полоцке (середина XII в.), Коров Яковлевич, построивший Кирилловскую церковь в Новгороде (1196 г.) и Петр Милонег — строитель стены у Выдубицкого монастыря в Киеве (1199 г.).

Каковы были точные функции древнерусского зодчего, нам пока не вполне ясно. Возможно, в то время деятельность руководителя строительства еще не полностью отделилась от непосредственного выполнения строительных работ, т. е. зодчий был одновременно и главным каменщиком. Весьма вероятно, что руководитель строительной артели имел помощника (или ученика), а может быть, даже двух или трех. В Смоленске, например, в конце XII — начале XIII в. в одной из строительных артелей работали два зодчих, почерк которых довольно явно различается. Но оба эти мастера продолжали развивать идеи, заложенные в церкви Архангела Михаила; по-видимому, они начали работать еще как ученики или помощники того зодчего, который построил эту церковь. В Новгороде можно отметить существенные различия в архитектурном характере соборов Антониева и Юрьева монастырей. Возможно, их строительством руководили разные зодчие, хотя в это время в городе, несомненно, была всего одна строительная артель.

Основное ядро строительной артели составляли каменщики (каменьники, каменосечцы), т. е. мастера, которые вели кладку кирпичных или каменных стен и сводов. На основании изучения некоторых памятников зодчества можно попытаться подсчитать количество каменщиков, работавших при возведении здания. Так, изучая кладку собора на Протоке в Смоленске, М. Б. Чернышев сделал попытку определить производительность труда древних каменщиков. Выяснилось, что один каменщик за рабѣий день выкладывал участок длиной

в 1 сажень и высотой около 0,6 м (семь рядов кирпичной кладки). При этом каменщик укладывал лишь половину толщины стены, так как с другой стороны одновременно работал второй каменщик.

Кладку собора на Протоке возводили за один строительный сезон, по-видимому, не более чем на 5 м; дневная кладка каменщика укладывается здесь 8 раз. Следовательно, участок длиной в 1 сажень каменщик мог довести до такой высоты за 8 рабочих дней. Поскольку длительность строительного сезона составляла около 120 рабочих дней, каждый каменщик за сезон складывал примерно 15 участков. Общая сумма этих участков, учитывая уже не половину, а полную толщину стен, составит часть здания, которую за один сезон под силу сложить одному каменщику. Подобных частей в соборе на Протоке около 15. Очевидно, что для возведения на высоту сезонной кладки всего здания собора при такой производительности должны были работать 15—16 каменщиков. В этом случае кирпичная кладка собора могла быть исполнена за четыре сезона. Конечно, точность приведенного подсчета весьма приближительна, но она все же позволяет хотя бы в самых общих чертах судить о количестве каменщиков, ведших строительство крупного храма.

При белокаменном строительстве кладку, по-видимому, вели те же мастера, которые обтесывали и обрабатывали камень. Обтеска камня очень трудоемка, поэтому в таких артелях количество каменщиков было, вероятно, больше, чем в артелях, ведших кирпичное строительство. Если принять за основу расчет, исполненный Н. Н. Ворониным для церкви Покрова на Нерли, окажется, что обработка камня для этой церкви должна была занять несколько более 7 тыс. человеко-дней. При выполнении работы за два строительных сезона нужно было иметь не менее 30 каменщиков.

Кроме каменщиков в состав строительной артели должны были входить один или два плотника для сооружения лесов, кружал и других деревянных конструкций. Наконец, в артелях, работавших в кирпичной технике, должна была существовать группа мастеров, приготовлявших плинфу. В более поздних письменных источниках таких мастеров называли плинфотворителями. В эту группу входили формовщики кирпича и об-

жигальщики. Формовщиков могло быть немного, всего два-три человека. Вероятно, столько же было и обжигальщиков. Обжигальщики кирпича могли обслуживать и известково-обжигательные печи — готовить известь.

Полный перечень специальностей, работу по которым обеспечивала строительная артель, пока трудно установить. Вероятно, изготовление оконного стекла или свинцовых листов не входило в компетенцию артелей, поскольку это не было неразрывно связано со строительством. В таком случае стекла для окон и свинцовые листы для кровли строители должны были получать со стороны. Неясно, как было организовано производство поливных керамических плиток для покрытия полов; обжиг плиток могли выполнять обжигальщики кирпича, но в то же время изготовление поливы было тесно связано с производством стеклянных изделий.

Явно не входили в строительную артель живописцы — фрескисты и мозаичисты, очевидно, имевшие самостоятельные объединения, т. е. составлявшие собственные артели, работавшие независимо от строителей. Работы артелей строителей и живописцев далеко не всегда совпадали. Так, строительная артель, возводившая киевский Софийский собор, после завершения работ приступила к постройке Софийского собора в Новгороде, но мозаичисты, работавшие в Киеве, в Новгород не поехали. В Смоленске, судя по полному совпадению орнаментальных мотивов, одна и та же группа живописцев исполнила роспись в соборе на Протоке и в церкви на Воскресенской горе, хотя эти две церкви были построены разными строительными артелями.

Подтверждением того, что живописцы не входили в состав строительной артели, может служить и тот факт, что среди храмов, построенных одной и той же артелью, некоторые были расписаны, а другие остались без росписи.

Кроме основного состава строительной артели, в строительстве участвовала еще значительная группа подсобных рабочих, вероятно каждый раз набиравшаяся заново. Исходя из специфики процесса строительного производства и привлекая более поздние аналогии, можно предположить, что вспомогательных рабочих было значительно больше, чем членов самой артели.

Детальное изучение архитектурных и строительно-технических особенностей зданий-памятников позволяет выявить почерк не только различных строительных артелей, но и их отдельных звеньев. Легче всего выявляется работа основного звена артели — каменщиков, поскольку показателем здесь является характер кладки стен и сводов, состав строительного раствора, наличие или отсутствие двойных швов в кладке и другие технические особенности. Обычно довольно ясно определяется и работа различных групп плинфотворителей, характеризующаяся способом формовки и клеймения кирпичей. Значительно сложнее выявить работу различных зодчих, показателем которой могут служить излюбленные мастером архитектурные формы и особенно детали. Менее всего зависит от деятельности строительной артели тип сооружения, поскольку указание на определенный образец, желание сохранить традицию диктуется, как правило, тем, кто заказывает сооружение того или иного здания. Однако и здесь иногда все же прорывается индивидуальность зодчего.

Сопоставление этих данных по большому количеству архитектурных памятников приводит к выводу, что строительные артели большей частью формировались по вертикальному принципу, т. е. имели в своем составе мастеров всех специальностей (от плинфотворителей до зодчего), необходимых для осуществления всего объема строительства — от заготовки строительных материалов, закладки здания и до его полного завершения.

При переезде из одного города в другой строительные артели обычно перебазировались также полным составом. Иногда артели выезжали не целиком, а делились и посылали в другой город лишь часть своих мастеров. Очевидно, это было возможно в тех случаях, когда артель была настолько многочисленной, что после разделения могла обеспечить возведение объектов в обоих городах. Но даже и в таком случае выезжавшая часть артели представляла собой вполне самостоятельную артель полного состава, включавшую мастеров всех специальностей, хотя, вероятно, и в небольшом количестве. В результате здания, построенные в новом пункте, имели все черты, характерные для деятельности этой артели на старом месте. Именно так обстояли дела в середине XII в., когда черниговские мастера начали вести

строительство в Смоленске, а галицкие — в Суздале; наблюдалось данное явление и в конце XII в., когда смоленские мастера появились в Рязани.

Конечно, на новом месте мастера кое-что меняли в своих приемах, приспосабливаясь к местным условиям, использовали местные строительные материалы. Так, киевские зодчие при возведении в середине XI в. новгородского Софийского собора широко использовали для кладки стен местную известняковую плиту, а переяславские мастера, переехав на Волынь, стали применять в качестве заполнителя строительного раствора местный меловой известняк, частично заменяя им цемьянку. Тем не менее, несмотря на подобные изменения, все основные приемы в этих случаях свидетельствуют о работе одной и той же строительной артели.

Известны, однако, случаи, когда строительная артель перебазировалась не целиком, пользуясь тем, что в городе, куда она переезжала, уже имелись свои строительные кадры. Например, в начале XIII в. для постройки церкви Пятницы в Новгород приехала смоленская артель, не имевшая нижнего звена, т. е. плинфотворителей. Поэтому, хотя строительство Пятницкой церкви шло целиком по смоленским образцам, для нее велась формовка кирпичей не смоленского типа, а новгородского.

Ведущие мастера-зодчие, очевидно, были тесно связаны со своими артелями, поэтому в зданиях, возведенных одной артелью, мы видим совершенно определенный набор архитектурных форм и деталей, характерных для творчества зодчего — руководителя артели. Однако вне своей земли зодчие работали со своей артелью лишь там, где не было собственных кадров строителей. В противном случае довольно часто приезжал только зодчий, бравший на себя руководство местной строительной артелью. Так, постройка Успенского собора киевского Печерского монастыря была, несомненно, исполнена местной, т. е. киевской, артелью, но под руководством приехавших из Константинополя зодчих (судя по Печерскому патерику, их было четверо). Смоленскую церковь Архангела Михаила строили смоленские мастера, но под руководством полоцкого зодчего. Точно так же местные киевские мастера возвели церковь на Вознесенском спуске под руководством смо-

ленского зодчего, а новгородские мастера — Мирожский собор в Пскове под руководством греческого архитектора.

Иногда встречаются пока еще труднообъяснимые сочетания различных звеньев строительной артели. Например, древнейшие памятники зодчества Полоцка явно несут на себе все признаки работы киевских мастеров, что сказывается во всех элементах строительной техники, а во многом — и в архитектурных формах. Однако формовка кирпичей здесь не киевского, а черниговского типа. Точно так же в здании Остерской божницы (церковь Архангела Михаила в Остре) кладка и тип сооружения отражают манеру переяславских мастеров, а формовка кирпичей — черниговских.

При распаде строительной организации обычно удается определить, где нашли применение ее отдельные компоненты. Так, прекращение в конце XII в. монументального строительства в Полоцке освободило здесь местных строителей, и артель распалась на составные части: полоцкий зодчий начал работать в Смоленске (церковь Архангела Михаила), полоцкие каменщики вели кладку церкви Петра и Павла на Синичьей горе в Новгороде, а следы деятельности полоцких плинфотворителей обнаруживаются в славянской архитектурной школе в Гродно.

Существование строительной артели было целесообразно лишь тогда, когда велось монументальное строительство. Конечно, неблагоприятные условия могли задержать или даже прервать на некоторое время строительную деятельность, но длительный перерыв при возведении зданий всегда свидетельствует о том, что артель распалась или уехала в другой город. Вот почему деятельность каждой строительной артели, как правило, отражается в непрерывной цепи архитектурных памятников, построенных один за другим. В Киеве нам известно о существовании 12 памятников, сооруженных за период с 60-х гг. XI в. до начала XII в. Если предположить, что еще один-два памятника остались невыявленными, то на постройку каждого здания приходится около 3—4 лет, т. е. нормальный срок возведения древнерусского храма средней величины. Таким образом, в Киеве в это время работала одна строительная артель.

В настоящее время уже сведены воедино данные о всех известных нам древнерусских памятниках зодчества, что дает возможность сделать попытку подсчитать количество работавших на Руси строительных артелей, выяснить географию их передвижений и генетические связи. Выводы могут быть представлены графически. При этом следует иметь в виду, что данная схема отражает не общую картину строительной деятельности, а лишь существование и передвижение строительных артелей. Если артель выезжала в другой город для возведения определенного объекта и сразу же после этого возвращалась обратно, не переходя в ведение другого заказчика, то это не нашло отражения в схеме. Вот почему в ней не учтены строительство новгородского и полоцкого Софийских соборов в середине XI в., соборов в Суздале и Смоленске в начале XII в., Михайловской и Благовещенской церкви в Чернигове в 70—80-х годах XII в., поскольку все эти перечисленные сооружения возводились мастерами киевской строительной артели.

Следует также оговорить, что многие вопросы развития древнерусского зодчества, формирования и работы строительных артелей остаются еще неясными, и поэтому данная схема, отражающая уровень наших современных знаний, потребует в дальнейшем еще существенной конкретизации, уточнения, а возможно, и изменений. И все же такая схема уже теперь позволяет представить хотя бы в общих чертах картину деятельности древнерусских строительных артелей в домонгольский период. Выясняется, что вплоть до конца XI в. на всей территории Руси функционировала лишь одна строительная артель, в первой половине XII в. их количество увеличилось до четырех, во второй половине XII в. — до шести, а в начале XIII в., когда древнерусское строительное производство переживало период наибольшей интенсивности, их количество достигло семи.

В древнерусских письменных источниках имеются многочисленные сведения о строительстве церквей. В этих сведениях практически полностью отсутствуют указания на строителей, но зато часто упоминаются заказчики; заказчик всегда назван в летописях создателем храма: он «заложил/ или «создал» его, реже «поставил». Описывая погребения князей в церквях, построенных

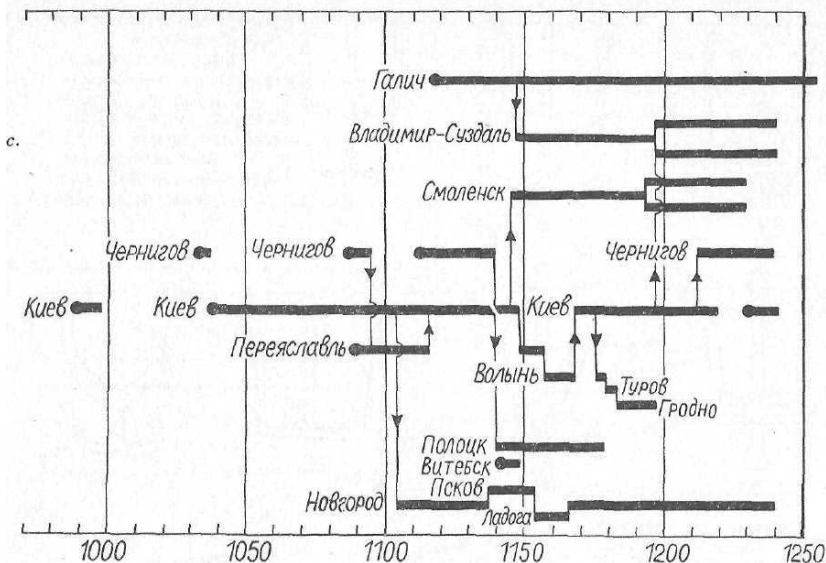
по их заказу, летописец не забывает отметить, что князь погребен в церкви «юже бе сам создал» или «юже бе создал отец его». Иногда упоминаются не только князья, но и княгини, и тогда летописец пишет: «юже бе сама создала». В Киевской земле в XI—XIII вв. из 24 упоминаний заказчиков только два — церковные иерархи, а все остальные — князья. Во Владимиро-Суздальской земле все 17 заказчиков, упоминающихся в летописи, только князья. То же относится и к Черниговской земле. Начало каменно-кирпичного строительства в каком-либо городе или создание здесь собственной строительной организации почти всегда совпадают по времени с правлением укрепившегося в этой земле князя, а также со строительством городских укреплений. В середине XII в. в Смоленске это связано с правлением Ростислава, в Суздале — с правлением Юрия Долгорукого, во Владимире-Волынском — Мстислава Изяславича. По просьбе князя Андрея Боголюбского прислал во Владимир строителей император Фридрих.

Учитывая указанные сведения, можно уверенно сделать вывод, что монументальное строительство на Руси в ту пору было связано в первую очередь с княжескими заказами и отвечало не столько экономическому значению города, сколько престижу правившей в данном городе княжеской династии. Лишь в Переяславле начало строительства летописец объяснял деятельностью не князя, а епископа. Вероятно, в этом случае епископ Ефрем смог пригласить в Переяславль византийскую строительную артель, пользуясь своими личными связями, поскольку сам он лишь незадолго до этого приехал из Греции. Но и здесь уже через несколько лет строители оказались в распоряжении князя и возвели для Владимира Мономаха церковь на его княжеском дворе.

Единственным исключением является Новгород. В I-й половине XII в. основным заказчиком здесь был также князь. И хотя реальная его власть в Новгороде все время сокращалась, интенсивность строительства и величие возводимых сооружений несколько не уменьшались. Из этого парадоксального явления исследователи, такие как, например, А. И. Кочеч, сделали справедливый вывод: «Быть может, именно ускользование действительного авторитета явилось одной из причин ин-

Схема передвижения
древнерусских
строительных
артелей X—XIII вв.

Diagram of movement
of building teams
in Old Russia X—XIII c.

тенсивного княжеского строительства первой трети XII века». В 40-е гг. XII в., после изгнания из Новгорода князя Всеволода, новгородские строители целиком перешли в распоряжение архиепископа Нифонта, а с 60-х гг. заказчиками выступают уже как церковные иерархи, так и светские лица — новгородские бояре. Не исключена возможность, что подобная картина имела место и в Галиче, где во 2-й половине XII в. строительство небольших центральных храмов романского типа, возможно, велось по заказам крупных галицких бояр. К сожалению, отсутствие письменных свидетельств этого не позволяет проверить такое предположение.

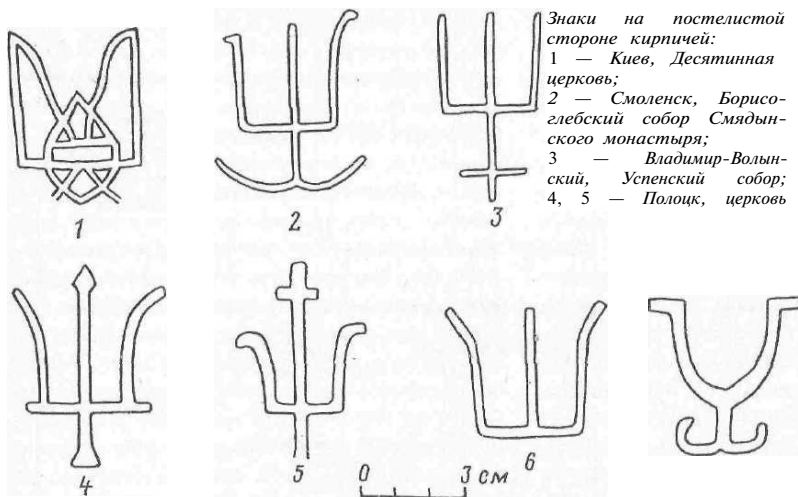
Итак, во всех русских землях, за исключением Новгорода и, возможно, Галича, заказчиками строительства каменно-кирпичных зданий были почти исключительно князья, причем заказывая постройку церкви, князья во многих случаях посвящали ее своему патрону, как писал летописец, «в свое имя».

О тесной связи деятельности строительных артелей с князьями свидетельствуют и факты перехода строителей из одной земли в другую, всегда совпадающие с династическими союзными отношениями или переездом самих князей. Так,

переезд галицких строителей в Суздаль оказался возможным благодаря скрепленному династическим браком военному союзу Юрия Долгорукого с галицким князем Владимиром. Черниговские мастера начали работать в Киеве после того, как киевский стол занял черниговский князь Всеволод Ольгович. Тогда же киевские строители заложили основы полоцкой строительной артели, поскольку Всеволод Ольгович, в отличие от враждебных полоцким князьям Мономахичей, вошел в союз с полоцким князем Васильком. Князь Мстислав, оставив Переяславль и возвратившись к себе на Волынь, забрал с собою всю переяславскую строительную артель.

В 70—80-е годы XII в. киевские строители одновременно возводили храмы в Чернигове, так как киевским князем был в то время черниговский князь Святослав Всеволодович.

О том, что строители иногда бывали подчинены епископии, говорит сообщение летописи о перестройке в 1194 г. владимирского Успенского собора: князь пользовался мастерами «от клеврет святое Богородици». Наличие в Смоленске в конце XII — начале XIII в. параллельно работавших двух строительных артелей, возможно, говорит о том, что одна из них была не княжеской, а епис-

Знаки на постелистой стороне кирпичей:

1 — Киев, Десятинная церковь;
2 — Смоленск, Борисоглебский собор Смядынского монастыря;
3 — Владимир-Волынский, Успенский собор;
4, 5 — Полоцк, церковь

на рву; 6 — Витебск, церковь Благовещения;
7 — Псков, церковь Дмитрия Солунского.

Trade marks (stamps) on flat sides of bricks
1 — Kiev, Desyatinnaya Church; 2 — Smolensk, Borisoglebskiy Cathedral in Smyadinsky Monastery; 3 — Vladimir-Volynsky, Uspensky Cathedral; 4, 5 — Polotsk, Church on the Moat (na Rvu); 6 — Vitebsk, Church of the Annunciation (Blagoveshchennya); 7 — Pskov, Church of St. Dmitry of Solonica (Solunsky).

копской. В «Житии Евфросины Полоцкой» отмечено, что, обращаясь к мастеру Иоанну, строившему для нее Спасскую церковь, княгиня называет его «отче»; видимо, он был монахом, но это еще не доказывает, что вся полоцкая строительная артель была монастырской. Следует отметить, что сведения о строителях, подчиненных епископу (даже если учесть все косвенные и предположительные данные), буквально теряются на фоне многочисленных и несомненных сведений о принадлежности строительных артелей князю. По-видимому, древнерусские строительные артели, как правило, находились в прямой зависимости от княжеской власти.

Несомненно, что в Древней Руси хорошо понимали, каким мощным средством укрепления феодальной власти является монументальное строительство. Усиленную строительную деятельность какого-либо князя летописец обычно отмечает как одно из достижений его правления, впрочем подавая это как результат искренней набожности князя. Например, о князе Рюрике Ростиславиче сказано, что он имел «хотение же... ко всем церквам и любовь несытну о зданых» (вариант: «о зданьи их»). А при строительстве Георгиевского собора в Юрьеве-Польском летописец написал, что князь Святослав «сам бе мастер». Конечно, это явное преувеличение. В действитель-

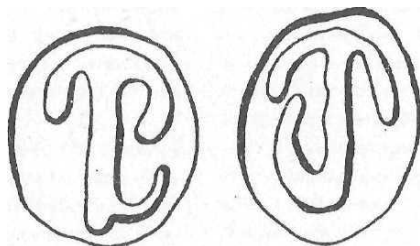
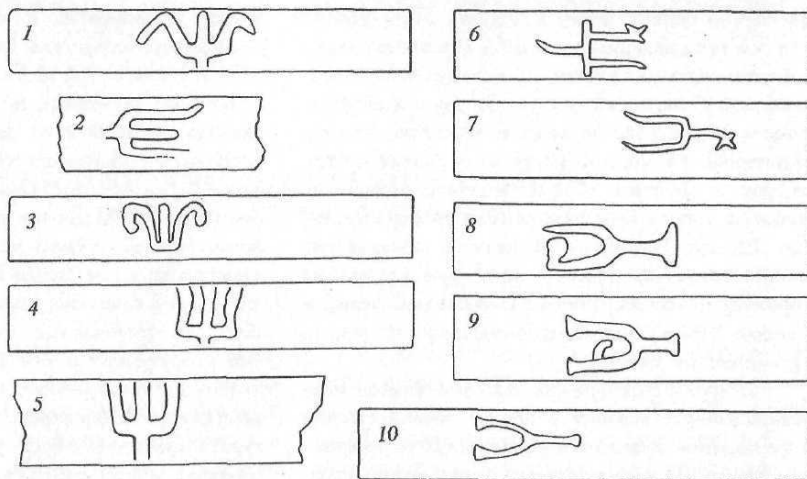
ности князь не руководил строительством, но, вероятно, в данном случае его роль все же не ограничивалась простым заказом, и возможно, что тип сооружения или система его декоративного убранства были сделаны по прямому указанию князя Святослава.

Примечательно, что освобождение строителей от княжеской опеки и переход их на боярские заказы, что имело место в Новгороде во 2-й половине XII в., сразу заставило строителей резко упростить декоративные формы и технику строительства зданий, чтобы сократить сроки их возведения и, очевидно, стоимость.

О тесной связи монументального строительства с княжескими заказами и, видимо, о прямой феодальной зависимости строительных артелей от князя свидетельствуют княжеские знаки, обнаруживаемые на кирпичах и камнях. Конечно, не все указанные знаки в виде двузубца или трехзубца являются подлинными княжескими; некоторые лишь внешне похожи на них. Однако во многих случаях на камнях и кирпичах имеются знаки, не вызывающие сомнения в том, что это родовые знаки определенных князей. Так, на камнях Золотых ворот во Владимире и кивория в Боголюбове вырезаны знаки, принадлежащие Андрею Боголюбскому и, быть может, его брату Ростиславу.

Знаки на торцах кирпичей: 1, 2 — Полоцк, церковь на рву; 3, 4 — Полоцк, церковь в детинце; 5 — Смоленск, Борисоглебский собор Смядынского монастыря; 6 — Гродно, Коложская церковь; 7 — Гродно, терем; 8 — Смоленск, Васильевская церковь; 9 — Смоленск, собор Троицкого монастыря на Кловке; 10 — Смоленск, собор на Протоке.

Trade marks (stamps) on butt-ends of bricks
1, 2 — Polotsk, Church on the Moat (na Rvu); 3, 4 — Polotsk, Church in Detinets (Kremlin); 5 — Smolensk, Borisoglebsky Cathedral in Smyadinsky Monastery; 6 — Grodno, the Kolozhskaya Church; 7 — Grodno, the Terem-Palace; 8 — Smolensk, Vassilievskaya Church; 9 — Smolensk, Cathedral in the Trinity Monastery on the Klovka; 10 — Smolensk, Cathedral on the Channel (na Protoke).

Клейма на кирпичях Спаского собора в Новгороде-Северском. По П. А. Рappoportу.

Trade marks (stamps) on bricks of the Spassky (the Savior) Cathedral in Novgorod-Seversky. After P. A. Rappoport.

Особенно показательны знаки, встречающиеся на постелистой стороне кирпичей. Известно, что в Византии на постелистой стороне кирпичей иногда ставили знак с именем или монограммой заказчика. Очевидно, эта традиция перешла и на Русь. На кирпичах Десятинной церкви имеется родовой знак князя Владимира Святославича. Встречаются княжеские знаки и на кирпичах памятников XII в.: в Смоленске на кирпичах Борисоглебского собора Смядынского монастыря и во Владимире-Волынском на кирпичах Успенского собора. Из письменных источников нам известны заказчики этих храмов, и поэтому смоленский знак, видимо, относится к князю Ростиславу Мстиславичу, а волынский — к князю Мстиславу Изяславичу. Менее ясно, каким князьям отвечают знаки на кирпичах церкви, остатки которой были обнаружены у древнего крепостного рва в Полоцке, церкви Благовещения в Витебске и церк-

ви Дмитрия Солунского в Пскове. На каждом памятнике, как правило, знаки встречаются лишь одного рисунка, хотя в полоцкой церкви обнаружены два не вполне идентичных знака. Кроме княжеского знака, на постелистой стороне кирпичей того же храма обычно встречаются и другие знаки. Общее количество известных знаков на постелистой стороне кирпичей крайне невелико, что отчасти связано с трудностью их обнаружения, поскольку в кладке такие знаки выявить нельзя, а увидеть их можно только на отдельных кирпичах, главным образом в процессе раскопок.

Совершенно иной характер имеют знаки на торцах кирпичей: они представляют собой производственные знаки мастеров, отмечающие партии сырцов, предназначенных к обжигу, а не знаки заказчиков. Однако и среди них встречаются такие, которые совпадают по рисунку с княжескими. Обычно подобных знаков бывает очень не-

много (по одному знаку в здании), хотя иногда в нескольких вариантах рисунка. Последние знаки действительно княжеские, а не случайно совпадающие с ними, поскольку они по схеме идентичны знакам на постелистой стороне кирпичей того же памятника, что хорошо видно на кирпичях церкви на рву в Полоцке. Кроме Полоцка княжеские знаки на торцах кирпичей встречаются в Смоленске, Гродно, Чернигове. Возможно, о заказчике здания свидетельствуют и некоторые клейма на кирпичях Спасского собора в Новгороде-Северском (начало XIII в.), также напоминающие по рисунку княжеские знаки.

Широкое применение родовых знаков князей-заказчиков говорит в пользу предположения о феодальной зависимости строителей от княжеской власти. Во всяком случае, тесная связь строительных артелей с княжескими дворами представ-

ляется несомненной. В свободных городских ремесленников строители переросли лишь в Новгороде начиная со 2-й половины XII в. Но ни подчинение воле заказчика, ни даже феодальная зависимость строителей от заказчика не могли быть решающими обстоятельствами, влиявшими на развитие архитектуры. Объективные исторические факторы, определявшие развитие зодчества, преломлялись не только через идеологию князей-заказчиков: в еще большей степени они преломлялись через сознание, опыт и традиции мастеров. Как уже отмечалось, заказчик мог определить тип сооружения и его размер, указать образец (впрочем, повторяемый обычно очень свободно), но стилистический характер здания, набор архитектурных форм, не говоря уже о строительных материалах и конструкциях, определяли мастера — зодчий и его строительная артель.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

Схема развития древнерусского зодчества домонгольской эпохи (конца X — I-й половины XIII в.), публикуемая в этой книге, по сути дела представляет собой изображенный графически в максимально полном объеме процесс развития древнерусского монументального строительства. Здесь отображены не только все строительные центры Древней Руси X—XIII вв. (на схеме они обозначены разными цветами), но и практически каждый из известных к моменту кончины автора памятников этой эпохи.

П. А. Раппопорт не подготовил эту схему для печати, она была еще в работе. Однако, учитывая, что она является не просто итогом многолетней работы исследователя по изучению домонгольской архитектуры, но и отражает всю сложившуюся в современной историко-архитектурной науке систему знаний о зодчестве того периода, издательство посчитало необходимым сделать ее достоянием специалистов в области древнерусской архитектуры и всех интересующихся историей отечественной культуры.

Памятники сведены в хронологическую систему, графически изображенную в виде горизонтальных шкал вверх и вниз схемы. Цена одного малого деления шкалы — 1 год, большого деления — 10 лет. Для облегчения пользования схемой через каждые столетия проведены вертикальные разделительные линии.

Нумерация памятников в схеме соответствует нумерации, принятой в каталоге «Русская архитектура X—XIII вв.», опубликованном П. А. Раппопортом в 1982 г. (Л.: Наука). Та же нумерация приводится в публикуемом в данной книге списке памятников, составленном О. М. Иоаннисяном на основе каталога П. А. Раппопорта.

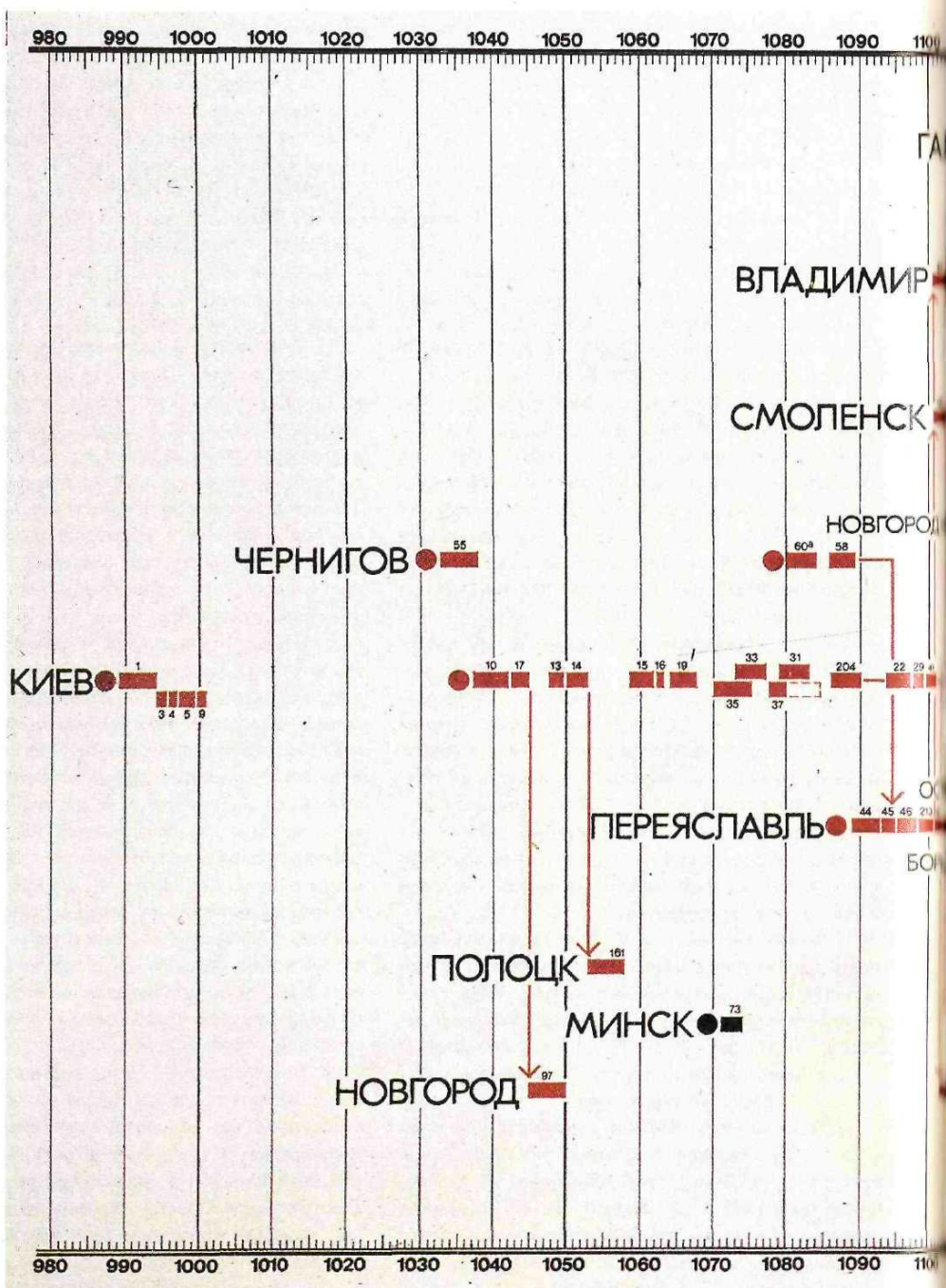
Уже после выхода в свет каталога «Русская архитектура X—XIII вв.» был открыт ряд новых, не известных до того памятников. П. А. Раппопорт включил их в схему, применив добавочную буквенную индексацию к уже использованным в своде номерам. В список памятников, публикуемый в настоящем издании, они так и включены под номерами с буквенной индексацией, однако в дальнейшем, при открытии новых памятников, более целесообразным будет, видимо, продолжение нумерации.

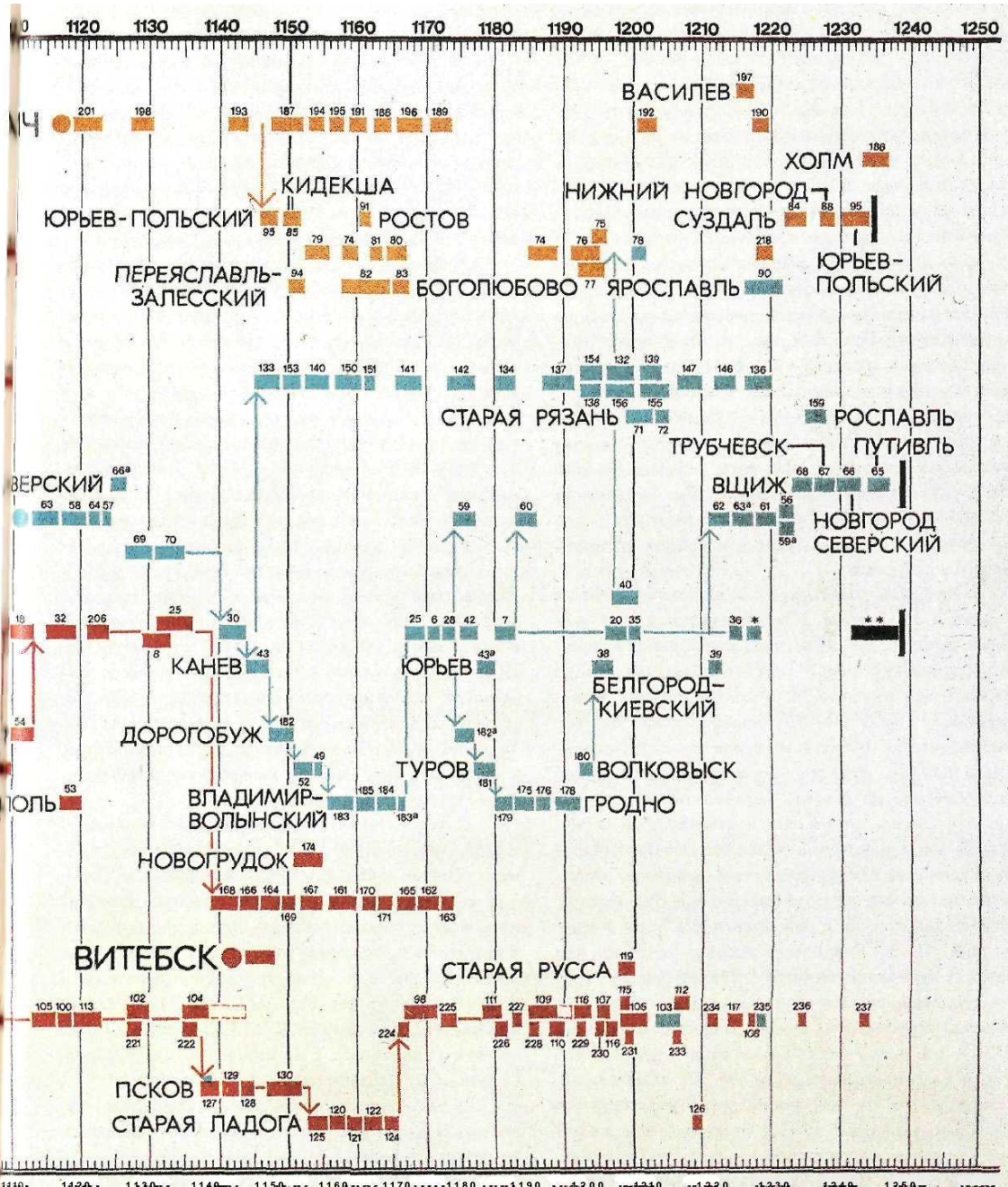
Начало строительной традиции в каждом из строительных центров обозначается цветным кружком, а памятник — цветным же прямоугольником. Длина каждого из этих знаков соответствует времени возведения памятников. Ряд таких знаков показывает развитие одной строительной традиции. Если в одном и том же центре существовала не одна, а две строительные артели, они показываются параллельными рядами. Если какая-либо строительная традиция прекращалась в одном центре, но получала (в связи с переходом артели мастеров) свое продолжение и развитие в другом, то это также отражено в схеме, во-первых, прекращением ряда памятников, во-вторых — вертикальной стрелкой, указывающей перемещение этой традиции в другой центр.

В некоторых из рядов можно заметить, что они прерываются и их линия развития не перемещается в другой центр. Если при этом она не возобновляется и в прежнем ряду, то это значит, что строительство в данном центре прекратилось (см., например, Полоцк). Если же линия строительной традиции продолжается в том же ряду после перерыва в несколько лет, это указывает на то, что не заполненные в ряду места принадлежат

Diagram of development
of old Russian
architecture.

Схема развития
древнерусской
архитектуры

памятникам, которые нам еще неизвестны и со временем могут быть открыты (см., например, Киев в 1220-х гг., Смоленск в ПБО-х, 1170-х и 1180-х гг. и т. д.). Именно так были предсказаны П. А. Раппопортом церковь в Юрьеве (современная Белая Церковь, № 43а), церковь на Северянской улице в Чернигове (№ 63а) и церковь на Садовой улице во Владимире-Волынском (№ 183а), ранее не известные и открытые уже после того, как вышел в свет составленный им каталог.

Особо следует оговорить вопрос о датах, под которыми памятники размещены на схеме. Точные летописные сведения о времени закладки и завершения строительства храмов и других монументальных построек имеются далеко не для всех известных к настоящему времени памятников древнерусского зодчества X—XIII вв. Открытая и разработанная в трудах П. А. Раппопорта методика датировки зданий по формату кирпича-плинфы позволила определить довольно точные (в пределах 10—15 лет) даты построек, ранее имевших очень широкие (в лучшем случае в пределах полустолетия) датировки.

Введение памятников в широкий контекст развития строительной деятельности в том или ином городе или княжестве, культурной и политической обстановки в нем, комплексный анализ строительно-технических и архитектурно-художественных особенностей памятников, данные письменных источников (там, где они существуют) позволили П. А. Раппопорту еще более точно (с точностью до 1 года) определять их датировки. Под этими датами они и нанесены на схему. Определяя длину прямоугольника, обозначающего памятник, там, где даты начала и окончания строительства здания не оговариваются в письменных источниках или же в них приводится только одна из них, П. А. Раппопорт исходил из того, что средняя продолжительность строительства в то время занимала два или три (для здания большого объема) строительных сезона (в Новгороде в конце XII — I-й половине XIII в. — один сезон). Некоторая условность датировок все же остается, несмотря на то что во многом они корректируются летописными датами других стоящих в том же ряду построек, датировками по формату кирпича, а также общими хронологическими рамками строительной деятельности в том или ином центре.

Поэтому во многих случаях их следует воспринимать как сугубо авторские датировки П. А. Раппопорта, которые при дальнейших исследованиях могут быть скорректированы. Особенно это относится к белокаменным памятникам Галича и к некоторым из построек Владимиро-Суздальской земли, для которых полностью отсутствуют летописные даты строительства (памятники Галича) и невозможно в силу иной строительной техники применение датировок по формату плинфы.

Публикуемая схема служила П. А. Раппопорту рабочим материалом, и к публикации, как отмечалось выше, он ее еще не готовил. По-видимому, он предполагал со временем создание такой работы, в которой оговаривались бы все приводимые им точные датировки памятников. Но времени на это судьба ему не дала. Расшифровка точной хронологии памятников, обоснование их датировок потребовали бы создания целой монографии. Теперь это задача уже других исследователей. В настоящей же публикации мы ограничились лишь кратким комментарием обоснования датировок, введя соответствующую графу в список памятников. Ссылкой на соответствующий источник (если он существует) в ней оговариваются точные летописные даты строительства. Причем, когда имеются даты начала и конца строительства, то приводятся обе ссылки, а если же только одна из них, то она и приводится в таблице, но при этом специально не оговаривается, к закладке или же к завершению строительства относится приводимая дата.

В ряде случаев летописи сообщают не о завершении строительства, а об освящении новых храмов. Однако хронологически эти события могут и не совпадать (освящение, как правило, проводилось после полной отделки храма, включающей и его роспись, при этом работы по отделке храма могли занять еще один или несколько сезонов после окончания его строительства). Вот почему при пользовании схемой П. А. Раппопорта и сравнении его датировок с летописными следует учитывать и это обстоятельство.

В тех случаях, когда летописные даты полностью отсутствуют и основанием для датировки памятника служил формат плинфы, это специально оговаривается в графе «Основание датировки» списка памятников. Однако здесь следует учи-

тывать, что основанием для той точной датировки, которая дается памятнику в схеме, П. А. Раппопорту служил не только формат кирпича, позволяющий датировать памятник в достаточно широких пределах десятилетия, но и целый комплекс признаков, специально здесь не оговариваемый. В ряде случаев, когда и набор строительно-технических особенностей, и данные письменных источников не давали достаточных оснований для точной датировки памятников, но тем не менее позволяли отнести их в пределы именно тех десятилетий, в которых они помещены в схеме (светские постройки Киева конца X в., белокаменные постройки Галича), в списке оговаривается условность датировки.

Сведения о некоторых памятниках были настолько ничтожны, что не дали возможности П. А. Раппопорту поместить их в схему, в то время как в составленном им каталоге памятников они присутствуют. При подготовке схемы к печати мы включили сведения о них в список памятников, состав которого полностью соответствует составу каталога, за исключением тех дополнений,

которые были сделаны самим автором (на схеме и в списке они даны под буквенной индексацией).

Для ссылок на письменные источники в списке памятников принята следующая система. На основные летописи: «Повесть временных лет», Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Первую Новгородскую — ссылка дается без указания на издание. Приводятся лишь буквенное сокращение названия источника (ПВЛ — «Повесть временных лет», ЛЛ — Лаврентьевская летопись, ИЛ — Ипатьевская летопись и НПЛ — Новгородская Первая летопись) и обозначение года по древнерусскому исчислению, принятому в изданиях этих источников. Дата по современному летосчислению изображена на схеме и указана в графе «Датировка». На остальные летописи ссылка дается указанием на соответствующий том Полного собрания русских летописей (ПСРЛ) с указанием года издания и страницы или столбца. Название летописи при этом не приводится.

Графическое оформление схемы выполнено сыном Павла Александровича архитектором А. П. Раппопортом.

№	Строительный центр	Город	Сооружение	Датировка	Основание датировки
1	Киев	Киев	Церковь Богородицы (Десятинная)	989—996	Датируется по летописи ЛЛ, 6497, 6504
2	»	»	Здание на территории древнего городища (т. н. дворец княгини Ольги)	Середина X в. (?)	Датировка спорная ' .
3	»	:- »	Здание к северо-востоку от Десятинной церкви (дворец)	90-е X в.	Датируется по формату плинфы и данным стратиграфии
4	»	»	Здание к юго-западу от Десятинной церкви (дворец)	90-е X в.	Датируется по характеру строительных материалов и данным стратиграфии
5	»	»	Здание к юго-востоку от Десятинной- церкви (дворец)	Конец X в.	То же
6	»	»	Ротонда	1170—1172	Формат плинфы
7	»	»	Церковь Василия (Трехсвятительская)	1180—1183	То же
8	»	»	Церковь Федоровского монастыря	1129—1133	По письменным источникам. Начало строительства по Лаврентьевской (6636) и Ипатьевской (6637) летописям. Время окончания строительства до 1133 г. определяется сообщением Ипатьевской летописи о погребении в этом году князя Мстислава у стен уже стоящей церкви

№	Строительный центр	г	Сооружение	Датировка	Основание датировки
9	Киев	Киев	Ворота города Владимира (Софийские)	Конец X в.	Формат плинфы
10	»	»	Софийский собор	1037—1043	Дата строительства определяется сообщением «Повести временных лет» (ПВЛ, 6545). Существовавшая в 1-й Новгородской летописи другая дата начала строительства — 1017 г. (НПЛ, 6525) малодостоверна и оспаривается большинством исследователей. В 1049/1050 гг. в «Слове митрополита Илариона» собор упоминается как уже существующий (<i>Обнорский С., Бархударов С.</i> Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952. V. I. С. 187, 188) и должен был быть построен до того времени
11			Стена митрополичьего двора	Первая половина XI в.	Характер строительных материалов
12			Постройка на территории Софийского заповедника (баня)	Конец XI - начало XII	То же
13			Церковь на территории митрополичьей усадьбы (церковь Ирины?)	1047—1050	Формат плинфы
14			Церковь Георгия	1050—1053	Дата завершения строительства определяется годами пребывания Илариона, освящавшего церковь (<i>Памятники древнерусской церковно-учительной литературы.</i> СПб, 1896. Вып. 2. С. 58, 59), на митрополичьем престоле (1051 — 1053 гг.)
15			Церковь на Владимирской ул.	1057—1064	Формат и характер плинфы
16			Здание на Ирининской ул.	Около 1064	То же
17			Золотые ворота	1043—1045	Дата определяется сообщением «Повести временных лет» о строительстве Ярославом Мудрым новых укреплений Киева, у которых*... суть Златая врата... и восемь церковь на Золотых воротах святые Богородица Благовещения» (ПВЛ, 6545)
18			Церковь Архангела Михаила	1108—1113	Дата закладки сообщается «Повестью временных лет» (ПВЛ, 6616). Дата завершения определяется тем, что в 1113 г. в церкви уже был похоронен ее заказчик — князь Святополк (ПВЛ, 6621)
19			Собор Дмитриевского монастыря	1064—1068	Характер стройматериалов, плана и формат плинфы
20			Церковь на Вознесенском спуске	1196—1199	Формат плинфы
21			Церковь в Нестеровском пер.	Датировка не ясна	То же

№	Строительный центр	г	Сооружение	Датировка	Основание датировки
22	Киев	Киев	Церковь в усадьбе Художественного института	1094—1097	* Формат плинфы
23			Церковь в Кияновском пер.	Не позже конца XI в.	Датировка приблизительная. Основана на описаниях характера кладки
24			Здание на Киселевке	Датировка не ясна	
25			Церковь Успения на Подоле (Пирогоша)	1131—1136	Датировка по летописи (ИЛ, 6639,6644) и по формату плинфы
26			Здание на Волошской ул.	Конец XII в.	Формат плинфы
26а			Здание на углу улиц Нижний Вал и Волошской	Конец XII — начало XIII вв.	То же
27			Здание на Борисоглебской ул. (Турова божница)	До 1146 (?)	Датировка сомнительна
28			Церковь на Щекавице	Около 1173/1174	Характер стройматериалов и упоминание в летописи под 1182 г., как существующей (ИЛ, 6690)
29			Церковь Николы Иорданского	1097—1100	Формат плинфы
30			Кирилловская церковь	1140—1144	Упоминания в летописи об основании монастыря в 1140 г. и погребении в церкви князя Святослава Всеволодовича и его матери — вдовы Всеволода Ольговича (ИЛ, 6687, 6703). В первом случае создателем церкви назван Всеволод Ольгович (умер в 1146 г.), во втором — его вдова. Датировка подтверждается форматом плинфы
31			Церковь Богородицы в Кловском монастыре	1078—1083	Начало строительства определяется сведениями Киево-Печерского монастыря (<i>Патерик</i> Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 57) и форматом плинфы
32			Церковь Спаса на Берестове	1115—1119	Дата определяется годами княжения Владимира Мономаха. Формат плинфы позволяет сузить датировку в пределах первой половины 20-х гг. XII в.
33			Успенский собор Печерского монастыря	1073—1077	Дата определяется сообщениями «Повести временных лет» (ПВЛ, 6581, 6583)
34			Надвратная Троицкая церковь Печерского монастыря	1106—1109	Дата закладки определяется форматом кирпича и годом пострижения в монастырь ее заказчика — черниговского князя Святослава (Николая Святоши)
35			Церковь Михаила в Выдубицком монастыре	1070—1075	ПВЛ, 6578

№	Строительный центр	г.	Сооружение	Датировка	Основание датировки
36	Киев	Киев	Церковь Гнилецкого монастыря	1214—1216	Формат плинфы
37	»	Вышгород	Церковь Бориса и Глеба	Около 1078 до 1080	То же
38	»	Белгород (соврем. с. Белгородка Киевской Обл.)	Церковь Апостолов " . " . " . " . / . . :. - 'y . " ' i'.	1194—1197	ИЛ, 6705
39	»	То же	Малый храм	1211 — 1212	Формат плинфы
40	»	Овруч	Церковь Василия	1197 — 1200	Дата определяется форматом плинфы, временем вокняжения в Киеве возможного заказчика храма — князя Рюрика Ростиславича и наличием в церкви датированного граффити (1192)
41	»	Зарубинцы	Большой храм Зарубского монастыря	1099—1103	Формат плинфы
42	»		Малый храм Зарубского монастыря	1175—1178	То же
43	Киев	Каиев	Церковь Георгия	1144—1147	ИЛ. 6652
43а	»	Юрьев (соврем. Белая Церковь)	Храм	1178—1180	Формат плинфы
44	Переяслав (соврем. Переяслав-Хмельницкий)	Переяслав	Церковь Михаила	1089—1093	ЛЛ, 6597
45	»		Епископские ворота	Ю93__Ю95	Формат плинфы (?)
46	»		Церковь Андрея	1095—1097	Формат плинфы (?)
47	»		Гражданская постройка (баня)	1103—1105	Формат плинфы, характер декоративного убранства
48			Церковь на Советской ул.	1104—1107	Формат плинфы
49			Бесстолпный храм под Успенской церковью	1154-1155	Характер стройматериалов, техника кладки, профилировка пилястр
50			Церковь на площади Воссоединения	Конец XI в.	Характер стройматериалов
51			Спасская церковь	1106—1110	Формат плинфы
52			Воскресенская церковь	1151 — 1154	То же
53		Борисполь	Церковь Бориса и Глеба	1117—1120	ЛЛ, 6625
54		Остерский городок (соврем, с. Староградска)	Церковь Архангела Михаила	1109 — 1113	Формат плинфы

№	Строительный центр	Город	Сооружение	Датировка	Основание датировки
55	Чернигов	Чернигов	Спасский собор	1033—1038	Дата определяется сообщением летописи о смерти князя Мстислава и его погребении в недостроенном соборе (ПВЛ, 6544)
56			Борота	1221 — 1223	Формат плинфы
57			Гражданская постройка (терем)	Около 1224	То же
58			Борисоглебский собор	1086—1089	»
59			Михайловская церковь	1174—1177	ил, 6682
60			Благовещенская церковь	1183—1186	ил, 6694
60a			Храм-усыпальница	1080—1084	Формат плинфы
61			Постройка близ Екатерининской церкви	1118—1121	Формат плинфы
62			Пятницкая церковь	1211 — 1214	То же
63			Успенский собор Елецкого монастыря	1115—1119	»
63a			Церковь на Северянской ул.	1215—1217	»
64			Ильинская церковь	1121 — 1123	»
65		Путивль	Церковь в детинце	1233—1236	Данные стратиграфии, формат плинфы
66		Новгород-Северский	Собор Спасского монастыря	1229—1233	Формат плинфы
67		Трубчевск	Церковь	1226—1228	То же
68	»	Вшиж	Церковь	1222—1226	»
69		Старая Рязань	Успенский собор	1125—1131	»
70			Борисоглебский собор	1131 — 1135	»
71	Смоленск	»	Спасский собор	1199—1203	»
72		Новый Ольговец (соврем, д. Никитино близ Старой Рязани)	Церковь	1203—1205	»
73	?	Пронск	Неизвестная постройка	Датировать невозможно	
74	Владимир-Суздальская земля	Владимир	Успенский собор	И 58—1160	ЛЛ, 6666, 6668
			Обстройка галереями	У85—1189	ЛЛ, 6693, 6697
75			Детинец и его ворота	1194—1196	ЛЛ, 6702, ПСРЛ, X, 6704
76			Дмитриевский собор	1191—1195	Датировка устанавливается исходя из анализа строительной деятельности князя Всеволода Большое Гнездо
77			Собор Рождественского монастыря	1192—1196	ЛЛ, 6700, 6704

№	Строительный центр	Область	Сооружение	Датировка	Основание датировки
78	Владими́ро-Суздальская земля	Владимир	Успенский собор Княгинина монастыря	1200—1202	ЛЛ, 6708, 6710
79			Церковь Георгия	1157—1163	ПСРЛ, XVI, 6665
80	Киев, Влади́миро-Суздальская земля		Церковь Спаса	1164—1166	ПСРЛ, X, ч. 1, 6616 или ПСРЛ, IX, 6668; XV, 6670; ЛЛ 6672
81	Влади́миро-Суздальская земля	*	Золотые ворота	1162—1164	ЛЛ, 6672
82	»	Боголюбове	Дворцовый ансамбль	1158—1165	Датируется по краткому «Летописцу» (ПСРЛ, IV. С. 10)
83		»	Церковь Покрова на Нерли	1165—1167	Датируется на основании сведений «Жития Андрея Боголюбского» <i>Доброхотов В.</i> Древний Боголюбов — город и монастырь с его окрестностями. М., 1852, С. 70)
84	Киев, Влади́миро-Суздальская земля	Суздаль	Собор Рождества Богородицы	1101—1103, перестроен в 1222—1225 гг.	Датируется временем приезда в Владимира Мономаха (заказчика) в Суздаль (ПСРЛ, ЛЛ, 6730)
85	Влади́миро-Суздальская земля	Кидекша	Церковь Бориса и Глеба	1149—1152	Датируется на основании летописного известия (ПСРЛ, XXIV, 6660)
86		Муром	Собор Рождества Богородицы	Дата не определяется	
87		Нижний Новгород	Церковь Спаса	Заложена в 1225 г.	ЛЛ, 6733
88			Церковь Архангела Михаила	1227—1229	<i>Гациский А. С.</i> Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. С. 2.
89		Ярославль	Успенский собор	Заложен в 1215 г.	ЛЛ, 6724, 6732
90			Ансамбль Спасского собора и церкви Входа в Иерусалим	1216—1224	ЛЛ, 6724, 6732
91		Ростов	Успенский собор	1161/1162—1163 и 1213—1231 (перестроен)	ПСРЛ, IX, 6670
92			Церковь Бориса и Глеба	1214—1218	ЛЛ, 6722, 6726
93		*	Церковь Константина и Елены	Дата неизвестна	?
94		Переславль-Залесский	Спасо-Преображенский собор	1150—1152	Датируется исходя из анализа строительной деятельности Юрия Долгорукого, но до 1152 г., когда

№	Строительный центр	г	Сооружение	Датировка	Основание датировки
					он упомянут как уже существующий (ПСРЛ, XXIV, 6660)
95	Владимиросудзальская земля	Юрьев-Польский	Георгиевский собор	1148—1150 и 1230 (перестроен)	Дата окончания строительства определяется летописным сообщением о строительстве нового собора в 1230 г., где говорится, что первоначальный собор стоял до этого момента «90 лет без лета» (ПСРЛ, XV, 6738)
96	»	Дмитров	Неизвестная постройка	Дата не установлена	
97	Киев, Новгород	Новгород	Софийский собор	1045—1050	НПЛ, 6553 НПА, с. 181
98	Новгород		Церковь Бориса и Глеба в детинце	1167—1172/73	НПЛ, 6675, 6681
99	»		Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне	Рубеж XII и XIII вв.	Формат плинфы
100	»		Церковь Рождества Богородицы в Антониевом монастыре	1117—1119	
101	»		Церковь Федора Стратилата на Ручье	Дата не установлена	
102	»		Церковь Иоанна на Опоках	1127—1130	НПЛ, 6635, 6638
103	»		Пятницкая церковь	1204—1207	НПЛ, 6715
104	»		Церковь Успения на Торгу	1135—1144 Возможно 1135—1137	НПЛ, 6643
105	»		Никольский собор на Ярославовом дворе	1113—1116	НПЛ, 6621
106	»		Церковь Ильи на Славне	1198—1202	НПЛ, 6706, 6710
107	»		Церковь Воскресения	1195—1196	НПЛ, 6703—6704
108	»		Церковь Варвары	1218—1220	НПЛ, 6726
109	»		Церковь Петра и Павла на Синичей горе	1185—1192	НПЛ, 6693, 6700
НО	»		Церковь Успения в Аркажском монастыре	1188—1189	НПЛ, 6696, 6697
111	»		Церковь Благовещения на Мячине	1179—1182 (?)	НПЛ, 6687
112	»		Церковь Пантелеймона	1206—1207	НПЛ, 6715
113	»		Георгиевский собор Юрьева монастыря	1119—1123	НПЛ, 6627
114	»		Церковь Благовещения на городище	1103—1107	НПЛ, 6611
115	»		Церковь Спаса на Нередице	1198	НПЛ, 6706
116			Церковь Кирилла	1196	НПЛ, 6704

№	Строительный центр	Город	Сооружение	Датировка	Основание датировки
117	Новгород	Новгород	Церковь Рождества Богородицы на Пeryни	1214—1216	Формат плинфы
118	»	...*	Спасо-Преображенский собор Хутынского монастыря	1192—1194	НПЛ, 6700
119	»	Старая Русса	Церковь Спаса	1198	НПЛ, 6706
120	»	Ладога (соврем. Старая Ладога)	Успенская церковь	1156—1159	Формат плинфы
121	»	^	Сясская церковь	1159—1161	То же
122	»»	' Д '	Церковь на реке Ладозке	1161 — 1163	»
123	«	«	Крепость	1114—1116	ПВЛ, 6622, НПЛ, 6624
124	«	«	Церковь Георгия	1163—1166	Формат кирпича
125	«	«	Церковь Климента	1153—1156	НПЛ, 6661
126			Собор Никольского монастыря	1209—1210	Формат кирпича
127	»	Псков	Троицкий собор	1137—1140	Формат плинфы
128	»	• »	Церковь Дмитрия Солунского	1143—1146	ПЛ, вып. 1, 103
129	«	«	Собор Ивановского монастыря	1140—1143	Формат плинфы
130	«	«	Спасский собор Мирожского монастыря	1147—1152	То же
131	*	Изборск	Крепость (соврем. Старый Изборск)	конец XI—XII вв.	Датировка условная
132	Смоленск	Смоленск	Собор Троицкого монастыря на Кловке	1196—1200	Формат плинфы
133	»		Борисоглебский собор Смядынского монастыря	1145—1148	НПЛ, 6653
134	«	«	Церковь Василия на Смядыни	1180—1183	Формат плинфы
135	«	«	Постройка в районе Смядынского монастыря	Не датируется	
136			Спасский монастырь у деревни Чернушки	1117—1120	Формат плинфы
137			Церковь Архангела Михаила	1187—1193	То же
138			Церковь на Большой Краснофлотской ул.	1193—1195	»
139			Церковь у устья р. Чуриловки	1201 — 1204	»
140			Церковь Петра и Павла	1153—1156	»
141			Церковь Иоанна Богослова	1166—1169	»
142			Немецкая божница (Ротонда)	1173—1177	
143			Храм близ церкви Иоанна Богослова	XII в.	Датировка условная

	Город	Сооружение	Датировка	Основание датировки
144	Смоленск	Смоленск	Постройка к северо-востоку от ц. Иоанна Богослова	XII—XIII вв. Датировка условная
145	»		Здание на набережной Днепра	XII—XIII вв. Датировка условная
146	»		Пятницкая церковь	1213—1215 Формат плинфы
147	»		Церковь на Воскресенской горе	1207—1210 То же
148	»		Руины на ул. Войкова	XII—XIII вв. Датировка условна
149	»		Успенский собор	Закладка 1101 ИЛ, 6609 Возможна перестройка около 1150. Сведения летописи о вторичном освящении и формат плинфы
			Бесстолпная церковь в детинце	1157 1161, перестройка около 1150 Формат плинфы
		»	Терем	1161 — 1163 То же ;
		*	Руины близ Духовской церкви	XII в. Датировка условна
		*	Церковь в Перекопном пер.	1149 —1153 Формат плинфы ' . . ,
		*	Церковь на Малой Рачевке	1193 —1196 То же ' . .
		*	Церковь на Окопном кладбище	1201—1204 Формат кирпича
		у>	Собор на Протоке	1196—1200 Формат плинфы
	Дорогобуж		Руины неизвестной постройки	Дата не определяется
	Вязьма		Руины неизвестной постройки	Дата не определяется
	Рославль		Благовещенская церковь	1125—1227 Формат плинфы
	Мстиславль		Руины неизвестной постройки	Дата не определяется
161	Киев	Полоцк	Софийский собор	1053—1056 Формат плинфы и последовательность строительной деятельности Ярослава Мудрого
162	Полоцк	»	Церковь в детинце	1168 — 1172 Формат плинфы
163	»	»	Терем	1173—1174 То же . '
164	»	»	Церковь на Нижнем замке	1146—1149
165	»	»	Церковь на рву	1165—1168
166	»	»	Храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре	1144—1146 Формат кирпича
167	»	»	Спасская церковь Евфросиньева монастыря	1153—1155 Формат плинфы Датировка подтверждается текстом «Жития Евфросиньи Полоцкой», согласно которому церковь была возведена в 50-х гг. XII в. (ПСРЛ, XXI, 1-я пол. С. 212, 213; Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 175)

№	Строительный центр	г	Сооружение	Датировка	Основание датировки
168	»		Большой собор Бельчицкого монастыря	1139—1143	Формат плинфы
169	»	Бельчицкий	Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря	1149—1151	То же
170	»	Бельчицкий	Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря	1161—1163	
171	»	Бельчицкий	Храм с боковыми апсидами в Бельчицком монастыре	1164—1165	
172	Витебск	Витебск	Церковь Благовещения	1143—1147	
173	Минск	Минск	Церковь	1071 — 1073	Датировка условна. Основана на предположении ряда исследователей, что возможным заказчиком церкви был князь Ярополк Изяславич, занимавший минский престол в 1069—1073 гг. (<i>Загоруйский Э. М.</i> Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 202),
174	Витебск	Новогрудок	Церковь Бориса и Глеба	1151 — 1155	Формат плинфы
175	Гродно	Гродно	Нижняя церковь	1183—1186	
176	»		Терем	1186—1188	
177	»		Постройка на мысу детинца		Датировка неясна. По мнению Н. Н. Воронина, возведена одновременно с теремом (<i>Воронин Н. Н.</i> Древнее Гродно. М., 1954. С. 136—140)
178	»		Пречистенская церковь	1189—1193	Формат плинфы
179	Гродно	Гродно	Борисоглебская церковь на Коложе	1180—1183	То же
180	»	Волковыск	Церковь	1193—1194	
181	Туров	Туров	Церковь	1177—1180	Формат кирпича
182	Волынь	Дорогобуж	Успенская церковь	1147—1151	
182a	»	Луцк	Башня (под Стыровой башней Луцкого замка)	Середина XIII в.	Датировка условна. Основана характере стратиграфии
182b	Волынь		Церковь	1175—1177	Формат плинфы
183	»	Владимир-Волынский	Успенский собор (Мстиславов храм)	1156—1160	Сведения об окончании росписей собора относятся к 1160 г. (ПСРЛ, IX, 6668). Учитывая, что строительство могло занять 4 года, начало его можно отнести приблизительно к 1156 г. Точная дата подтверждается формой плинфы
183a			Церковь на Садовой ул.	1166	Формат плинфы
184			Храм близ Васильевской церкви (церковь Дмитрия)	1163—1166	То же

№	Строительный центр	г	Сооружение	Датировка	Основание датировки
185	Волынь	Владимир-Волынский	«Старая кафедра» (собор Федоровского монастыря)	1160—1163	
186	Галич	Холм (современный Хелм, Польша)	Ансамбль детинца	1233—1237	Датировка условна. Основана на том, что каменное строительство в Холме могло начаться только после его основания, около 1230 г., но еще до монгольского завоевания
187		Галич (современное с. Крылос)	Успенский собор	1147—1152	Датировка условна. Основана на том, что строительство собора было предпринято князем Владимиром Володаревичем (ум. в 1152 г.)
188			Ильинская церковь	1163—1165	Точная датировка условна, однако конструктивные особенности и характер белокаменной резьбы позволяют датировать ее 2-й пол. ХН в.
189	Галич	Галич	Постройка в урочище «Воскресенское»	1171—1174	Датировка условна
190			Благовещенская церковь	1217—1219	Характер и тип постройки свидетельствуют в пользу того, что она могла быть построена только во время польско-венгерской оккупации Галича в указанные годы
191		Галич (современное с. Залуква)	Церковь в урочище «Цментаржиска» («Кладбище»)	1159—1162	Датировка условна. Типологические, конструктивные и стилистические особенности памятника указывают на то, что он был построен во 2-й пол. XII в., после окончания строительства Успенского собора в Галиче
192	»	Галич (современное с. Шевченково)	Церковь Пантелеймона	1201—1203	Датировка условна
193	»		Церковь Спаса	1142—1144	Датировка условна. Церковь могла быть построена только после переноса столицы княжества в Галич (1140-е гг.), но до 1152 г., когда она упоминается как уже существующая
194	Галич	Галич (между с. Залуква и с. Шевченково)	Ротонда-квадрифолий «Полигон»	1153—1155	Датировка условна
195	»	*	Церковь «над Борщовом» (Кирилловская)	1156—1157	То же
196	»	с. Побережье (Галицкий р-н Ивано-Франковской обл.)	Ротонда-квадрифолий	1166—1169	

№	Строительный центр	Город	Сооружение	Датировка	Основание датировки
197	Галич	Василёв (современное с. Василёв Заставнянского р-на Черновицкой обл.)	Каменный храм	1225—1227	Датировка условна. Конструктивные особенности памятника свидетельствуют в пользу его датировки XIII в., но до землетрясения 1230 г., следы которого видны в его фундаменте
198		Звенигород (ныне с. Звенигород Пустомытовского р-на Львовской обл.)	Церковь	1127 — 1131	Датировка условна. Каменный храм в Звенигороде мог быть возведен в то время, когда он был столицей княжества, т. е. в 20—30-е гг. XII в. (Иоаннис О. М. О раннем этапе развития галицкого зодчества. КСИА, 1981. Вып. 164. С. 38)
199		Звенигород	Дворец (7)	20—30-е гг. XII в. (до 1144 г.)	Датировка условна
200		Львов	Детинец	Середина XIII в.	Датировка условна
201		Перемышль (ныне г. Пшемысл, Польша)	Церковь Иоанна	1119 — 1123	Датировка условна. В любом случае храм должен быть построен до 1126 г., под которым он упоминается как уже существующий
202			Дворец	X в.— начало XI в.	Датировка основана на типологических особенностях памятника (Иоаннис О. М. К вопросу об интерпретации перемышльских ротонд // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981. С. 121, 122)
203			Терем (возможно отождествление с № 2)	Упомянут под 945 г.	ПВЛ, 6453
204	Киев		Церковь Андреевского Янчина монастыря	1086 — 1090	ИЛ, 6594
205			Трапезная Печерского монастыря	Строительство ИЛ, 6616 окончено в 1108 г.	
206			Церковь Иоанна в Копыревом конце	1121—1124	ИЛ, 6629
207	Киев	Киев	Турова божница (см. также № 27)	Упомянута под 1146 г. как уже существующая	ИЛ, 6654. Если верно отождествление второго храма с руинами на Борисоглебской ул. (см. № 27), то тогда время появления на этом месте плинфяной постройки, судя по формату кирпича, следует отнести к рубежу XII и XIII в.
208			Новгородская божница	Упомянута под 1147 г. как уже существующая	ЛЛ, 6655
209			Монастырь Симеона	То же	ИЛ, 6655

	Строительный центр	Город	Сооружение	Датировка	Основание датировки
210	Киев, Смоленск	Киев	Церковь Василия (то же, что и № 20)	1196—1199	См. № 20
211	• >		Церковь Воздвижения	1212	Киевский Синописис. Киев, 1836. С. 121
212		Лучин	Церковь Михаила	1173	ИЛ, 6681
213		Переяслав	Церковь Богородицы (возмож-но, то же что и № 50)	Заложена в 1098 г.	ИЛ, 6606
214		Переяслав	Монастырь Иоанна	Упомянется под 1146 г. как уже суще-ствующий	ЛЛ, 6654
		Путивль	Церковь Вознесения	То же	ЙЛ, 6654
215					
216	?	Новгород-Северский	Николаевская церковь	1086	Датировка легендарна (Черни-говские губернские ведомости. 1853. № 1. Часть неофициальная. С. 7)
217	Владимир	Владимир	Серебряные ворота	Упомянуты под 1175 г.	ИЛ, 6683
218	»		Церковь Воздвижения креста на Торгу	1218	ЛЛ, 6726
219	7	Владимир (?)	Церковь Благовещения	Упомянута под 1227 г.	ЛЛ, 6735
220	7	Новгород	Церковь Иоакима и Анны	989	ПСРЛ, III, 6497
221	Новгород		Трапезная в Антониевом монастыре	1121—1129	НПЛ, 6635
222	» .		Церковь Николы на Яковле-вой ул.	1135—1136	НПЛ, 6643, 6644
223	» .		Церковь Саввы	1154	НПЛ, 6662
224	»		Надвратная церковь в Юрьевом монастыре	1166—1167	НПЛ, 6674
225	»		Церковь Якова на Яковлевой ул.	1172—1175 1226	НПЛ, 6680 НПЛ, 6734
226	»		Надвратная церковь Благове-шенского монастыря	1180—1182	НПЛ, 6688, 6690
227	»		Церковь Ипатия на Рогатице	1183—1184	НПЛ, 6691
228	»		Церковь Вознесения на Прус-ской ул.	1185—1186	НПЛ, 6693
229	7		Немецкая церковь	1192—1193	НПЛ, 6700
230	Новгород		Надвратная церковь в детинце	1195—1196	НПЛ, 6700
231	» , ,		Церковь 40 мучеников	1199	НПЛ, 6707
232	»		Церковь Рождества Богородицы	1199	НПЛ, 6707
233	»		Надвратная церковь в Аркаж-ском монастыре	1206	НПЛ, 6714

№	Строительный центр	Город	Сооружение	Датировка	Основание датировки
234	Новгород	Новгород	Церковь Антония	1211	НПЛ, 6719
235	Смоленск		Церковь Михаила на Прусской ул.	1219—1220	НПЛ, 6727
236	»		Церковь Павла	1224	НПЛ, 6732
237	»		Надвратная церковь Федора	1233	НПЛ, 6741
238	?	Полоцк	Церковь Рождества Богородицы	Существовала в 1159 г.	Под этим годом упоминается в Ипатьевской летописи как уже существующая (ИЛ, 6667)
			Церковь Рождества Богородицы	После 1155 г.	Судя по сведениям «Жития Евфросиньи Полоцкой», вскоре после постройки Спасского собора (см. № 16) княжна Евфросинья «умысли создати вторую церковь камену святых Богородица и ту свершивши и иконами украси и осветив» (ПСРЛ, XXI, 1-я пол. с. 24).
239	Волынь	Бельск	Церковь		Датировка неясна
240	?	Мельник	Церковь Богородицы		Датировка неясна
241	?	Дрогичин	Церковь Богородицы	1240	ИЛ, 6768
242	Волынь(?)	Владимир-Волынский	Церковь Дмитрия		Датировка неясна
243	?	Владимир-Волынский (?)	Церковь Николая		Датировка и местоположение церкви, в которой в 1235 г. князь Даниил Галицкий «молящуся богу и святому архиерею Николе». ИЛ, 6743
244	?	Угровск	Церковь		Под 1223 годом упоминается в летописи перенос епископской кафедры из Угровска в Холм. ИЛ, 6731
245	?	Грубешов (ныне Грубешув, Польша)	Церковь Николая		Датировка неясна, упоминается под 1255 г. ИЛ, 6763
246	Галич	Галич	Дворцовая церковь Спаса (возможно, то же, что и № 193)		Упоминается как уже существующая под 1152 годом. ИЛ, 6660
247	»	• ' f	Церковь Иоанна		Упоминается как уже существующая под 1189 годом. ИЛ, 6697
248	?	Тмутаракань (ныне Таманское городище в Краснодарском крае)	Церковь Богородицы	1022	ПВЛ, 6530

СЛОВАРЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

Антаблемент — верхняя часть классического ордера, лежащая на колоннах. Обычно состоит из трех горизонтальных членений — архитрава, фриза и карниза.

Апсида — полукруглый (иногда снаружи граненый) выступ в восточной части церкви, в котором расположен алтарь. Если церковь имеет не одну, а три апсиды, то в боковых размещаются жертвенник и дьяконник.

Арка ползучая — арка, пята которой находятся на равной высоте.

Арка с гирькой — две арки, между которыми на скрытом в кладке железном стрелке подвешено декоративное украшение, обычно выполненное из резного камня.

Аркада — ряд арок, опирающихся на столбы или колонны.

Аркатура — декоративный мотив в ряде глухих арок.

Архивольт — профилированная лицевая поверхность арки, ее наличник.

Барабан — вертикальная цилиндрическая вставка под куполом, большей частью прорезанная окнами и служащая для освещения церкви.

Бема — см. **Вима**.

Бочонкообразная колонка — короткая декоративная колонка, имеющая стержень фигурной формы.

Бровка — декоративное украшение, пояска над окном или порталом.

Бусина — круглое украшение, перебивающее стержень колонки, иначе — дынька.

Венец — бревна, уложенные горизонтально и связанные в уг-

лах врубками, составляющие один ряд сруба.

Вима — дополнительное членение между подкупольным пространством церкви и апсидой, иначе — бема.

Висячая гирька — см. **Арка с гирькой**.

Восьмерик — восьмиугольная в плане часть здания.

Врубка «в лапу» — соединение бревен на углу сруба без выпуска торцов.

Врубка «в обло» — соединение бревен на углу сруба с выпуском остатков, т. е. торцевых концов бревен.

Голосники — керамические сосуды, закладываемые в своды при строительстве. Служат для облегчения веса сводов, а иногда и для улучшения акустики.

Детинец — укрепленная центральная часть древнерусского города.

Донжон — главная башня укрепления, приспособленная, как правило, не только для обороны, но и для жилья.

Закомара — полукруглое завершение членения фасада, отвечающее конструкции перекрытия, т. е. торцу цилиндрического свода.

Иконостас — алтарная преграда, стенка, отделяющая алтарь от остального помещения церкви. На этой стенке размещается несколько рядов икон.

Картуш — резное или лепное украшение в виде полуразвернутого свитка, обрамленного завитками, иногда используемое для обрамления окна.

Квадрифолий — план здания в виде четырех соединений полукруглых; четырехлепестковый план.

Квадр — отесанный прямоугольный каменный блок.

Килевидная арка — арка с заостренным подвышением в верхней части.

Кокошник — то же, что закомара, но не отвечающая конструкции и имеющая чисто декоративный характер.

Кремль — в Московском государстве то же, что детинец.

Крестово-купольная система — система перекрытия церкви, при которой в центре находится купол, опирающийся с помощью парусов на четыре столба; к центральному пространству примыкают крестообразно расположенные цилиндрические своды.

Крестовый свод — свод, образуемый пересечением двух цилиндрических сводов.

Лекальная плинфа — формованная фигурная плинфа.

Лопатка — плоская вертикальная тяга, утолщение стены, обычно отвечающее конструктивным членениям здания. Если лопатка имеет более сложную профилировку, она называется пилястрой.

Мозаика — род монументальной живописи из маленьких кусочков специального цветного стеклянного сплава — смальты. В древнерусском зодчестве применялась также для убранства полов наиболее роскошных зданий.

Нартекс — притвор, входное помещение, примыкающее к западной стороне христианских храмов.

Нервюры — профилированные ребра готического свода.

Неф — продольное помещение внутри церкви. Если нефов несколько, они отделяются друг от друга рядами столбов.

Ордер — структура, разработанная в классической архитектуре и включающая колонну, лежащий на ней антаблемент, часто и пьедестал под колонной.

Палата — в древнерусской архитектуре — помещение с большим залом.

Парус — часть купольного свода, сферический треугольник, служащий переходом от квадратного подкупольного пространства к круглому кольцу барабана.

«Петушینیе гребешки» — один из типов фигурных декоративных форм, украшающих карниз.

Пилястра — см. **Лопатка**.

Пластина — половина бревна, расколотого вдоль.

Пли́нфа — плоский и широкий кирпич, применявшийся в домонгольской Руси.

Подклет — цокольный этаж, над которым находится основное помещение здания.

Подпружная арка — арка, опирающаяся на столбы или стены и поддерживающая своды или павсу.

Поребрик — декоративная полоса из кирпичей или камней, поставленных на ребро под углом к плоскости фасада.

Придел — часовня, пристроенная к церкви.

Притвор — помещение типа тамбура перед порталом церкви.

Прясло — участок фасада между лопатками или пилястрами. В военной архитектуре участок стены между башнями.

Смальта — стеклянный сплав, имеющий, в зависимости от введенных в него добавок, различные цвета и оттенки. Смальта изготавливается в виде дисков, а для использования в мозаике дробится на маленькие кусочки.

Сомкнутый свод — свод, образованный кривыми поверхностями, в которые непосредственно переходят стены помещения.

Сруб — сооружение, возведенное из горизонтальных бревен, соединенных в углах врубками.

Терем — часть комплекса дворца, обычно возвышающаяся над остальными помещениями.

Тёс — доски, изготовленные из бревен с помощью отески топором.

Трапезная — помещение в монастыре, служащее для общей трапезы монахов. Позднее — помещение, примыкающее к церкви с запада.

Фреска — монументальная живопись, основные тона которой исполнены водянными красками по свежей известковой штукатурке. Детальная проработка обычно выполняется уже по схватившейся штукатурке в темперной технике.

Хоромы — комплекс помещений богатого жилища.

Хоры — балкон в церкви, предназначенный для привилегированных лиц. То же, что эмпоры.

Цемьянка — мелко измельченная керамика или толченый кирпич, служит заполнителем известкового раствора.

Четверик — помещение, имеющее в плане четырехугольную форму.

Шатер — перекрытие, имеющее коническую форму.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Общие труды

1. *Всеобщая история архитектуры*. В 12 т. / Под ред. Д. Е. Аркина, Н. И. Брунова, М. Я. Гинзбурга. М., 1966. Т. 3; 1968. Т. 6.

2. *Искусство стран народов и мира*. М., 1971.

3. *История русского искусства*. В 13 т. / Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. М., 1953. Т. 1; 1954. Т. 2; 1955, Т. 3; 1959. Т. 4.

4. *История русского искусства* / Под ред. М. М. Раковой, И. В. Рязанцева. М., 1978. Т. 1.

5. *История русской архитектуры*. 2-е изд. М., 1956.

6. *Максимов П. Н.* Творческие методы древнерусских зодчих. М.: Стройиздат, 1976. 240 с.

7. *Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С.* История русской архитектуры. Л.: Стройиздат, 1984. 287 с.

История изучения древнерусской архитектуры

Славина Т. А. Исследователи русского зодчества. Л., 1983. 191 с.

Общие труды по истории архитектуры домонгольского периода

Раннопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. 160 с.

Раннопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. 136 с.

Литература по отдельным проблемам

1. *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961. 270 с.

2. *Воронин Н. Н.* Архитектурный памятник как исторический источник // Советская археология. 1954. Т. 19. С. 41—76.

3. *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973. 456 с.

4. *Мечникова Е. Ю., Раннопорт П. А., Селиванова Н. Б.* Древнерусские строительные расстановы // Советская археология. 1983. № 2. С. 152—161.

5. *Раннопорт П. А.* Ориентация древнерусских церквей // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 43.

6. *Раннопорт П. А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 185—191.

7. *Раннопорт П. А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики // Советская археология. 1985. № 4. С. 80—89.

8. *Тиц А. А.* Загадки древнерусского чертежа. М.: Стройиздат, 1978. 151 с.

Архитектура домонгольской Руси

1. *Асеев Ю. С.* Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. 158 с.

2. *Барановский П. Д.* Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.- Л., 1948. С. 13—34.

3. *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964. 188 с.

4. *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. М., 1969. 479 с.

5. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. М., 1954. С. 78—148.

6. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1961. Т. 1. 583 с; 1962. Т. 2. С. 7—126.

7. *Воронин Н. Н., Раннопорт П. А.* Зодчество Смоленский XII—XIII вв. Л., 1979. 412 с.

8. *Высоцкий С. А.* Золотые ворота в Киеве. Киев, 1982. 126 с.

9. *Каргер М. К.* Древний Киев. М.— Л., 1961. Т. 2. С. 9—427.

10. *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987. 320 с.

11. *Кресальский Н. И.* Софийский заповедник в Киеве. Киев, 1960. 426 с.

12. *Лозвин Г. Н.* София Киевская. Киев, 1971. 51 с, 274 табл.

13. *Малевская М. В., Раннопорт П. А.* Церковь Михаила в Переяславле // Белград, Зограф, 1979. № 10. С. 30—39.

14. *Моргилевский И. В.* Спасо-Преображенский собор у ЧерНгоВи // ЧерНблв швшчне л'вобережжя. Кшв, 1928.

15. *Пастернак Я.* Старый Галич. Краив — Львів, 1944.

16. *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII века // Советская археология. 1980. № 3. С. 142—161.

17. *Раппопорт П., Л.* Русская архитектура на рубеже XII—XIII веков // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 12—29.

18. *Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // Памятники культуры: Новые открытия // Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 459—468.

19. *Холостенко М. В.* Новѣ дослѣдження Іоанно-Предтеченськой церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні доповіді стародавнього Києва. Киш, 1976. С. 131 — 165.

20. *Штендер Г. М.* Первичный замысел и последующие изменения галерей и лестничной башни новгородской Софии // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 30—54.

Архитектура Новгорода и Пскова

1. *Архитектура Новгорода* в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города / Т. В. Гладенко, Л. Е. Красноречьев, Г. М. Штендер, Л. М. Шуляк. М.: Наука, 1964. С. 183—263.

2. *Белецкий В. Д.* Довмонтов город. Л., 1986. 149 с.

3. *Дмитриев Ю. Н.* К истории новгородской архитектуры // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. 2. С. 116—123.

4. *Каргер М. К.* Новгород. 4-е изд. Л.: Искусство, 1980. 245 с.

5. *Максимов П. Н.* Церковь Дмитрия Солунского в Новгороде // Архитектурное наследство, 1962. № 14. С. 35—46.

6. *Максимов П. Н.* Церковь Николы на Липне близ Новгорода // Архитектурное наследство. 1952. № 2. С. 86—104.

7. *Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* К вопросу о сложении новгородской школы // Советская археология. 1982. № 3.

8. *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. 1982. № 1 (И). С. 189—202.

9. *Спегальский Ю. П.* Каменное зодчество Пскова. Л.: Стройиздат, 1976. 119 с.

10. *Спегальский Ю. П.* Псков. 2-е изд. Л.: Искусство, 1978. 247 с.

11. *Спегальский Ю. П.* Псковские каменные жилые здания XVII в. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 175 с.

12. *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий. Л., 1939. 253 с.

Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII — первой половины XV в.

1. *Альциулер Б. Л.* Бесстолпные храмы XIV века в Коломне // Советская археология. 1977. № 4.

2. *Альциулер Б. Л.* Новые исследования о Никольской церкви села Каменского // Архитектурное наследство. 1972. Т. 20.

3. *Борисов Н. С.* Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238—1300) // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1976. № 6. С. 63—79.

4. *Воронин Н. Я.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков М., 1962. Т. 2. С. 129.

5. *Выголов В. П.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. С. 63—97.

6. *Огнев Б. А.* Некоторые проблемы ранне-московского зодчества. Изд-во АН СССР, 1960. Т. 12. С. 45—62.

7. *Огнев Б. А.* Успенский собор в Звенигороде на Городке // МИА, 1955, № 44. С. 20—58.

Общие труды по архитектуре Московской Руси

1. *Гуляницкий Н. Ф.* Традиции классики и черты ренессанса в архитектуре Москвы XV—XVII вв. Изд-во АН СССР, 1978. Т. 26. С. 13—30.

2. *Красовский М.* Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911. 432 с.

3. *Памятники архитектуры Московской области.* В 2 т. М.: Искусство, 1975. Т. 1. 383 с; Т. 2. 375 с.

4. *Памятники архитектуры Москвы.* М.: Искусство, 1982. 503 с.

5. *Снегирев В. Л.* Московское зодчество. М.: Моск. рабочий, 1948. 291 с.

6. *Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н.* Московский Кремль: История архитектуры. М.: Стройиздат, 1967. 259 с.

Московская архитектура конца XV в.

1. *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М.: Наука, 1988. 230 с.

2. *Давид Л. А.* Церковь Трифона в Напрудном // Архитектурные памятники Москвы XV—XVII века. М.: Изд-во Всесоюз. Акад. архит., 1947. С. 33—54.

3. *Земцов С. М., Глазачев В. Л.* Аристотель Фьораванти. М.: Стройиздат, 1985. 183 с.

4. *Подъяпольский С. С.* К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI веков // Советская археология. 1966. № 2. С. 75.

5. *Снегирев В.* Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М.: Всесоюз. Акад. архит., 1935. 126 с.

Архитектура XVI в.

1. Булкин В. А. О церкви Вознесения в Коломенском // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 113—116.
2. Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. М.: Искусство, 1980. 144 с.
3. Михайлов А. И. Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле. М., 1963. 80 с.
4. Подъяпольский С. С. Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.: Наука, 1983. С. 34—50.
5. Раппопорт П. А. Зодчий Бориса Годунова // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 215.
6. Раппопорт П. А. Очерк хронологии русского шатрового зодчества // КСИИМК, 1949. Вып. 30. С. 82—92.
7. Раппопорт П. А. Русское шатровое зодчество конца XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949. № 12. С. 238—301.
8. Снегирев В. Л. Памятники архитектуры — храм Василия Блаженного. М., 1953. 164 с.

Архитектура XVII в.

1. Баниге В. С. Кремль Ростова Великого. М.: Искусство, 1976. 143 с.
2. Гуляницкий Н. Ф. Церковь Покрова в Медведкове и русское зодчество XVI—XVII вв. // Изд-во АН СССР, 1980. Т. 28. С. 52—64.
3. Ильин М. А. Каменная летопись Московской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1966. 271 с.
4. Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970.
5. Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.
6. Тиц А. А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М.: Наука, 1966. 354 с.
7. Штейман Г. А. Бесстолпные покрытия в архитектуре XVI—XVII веков // Изд-во АН СССР, 1962. Т. 14. С. 47—62.

Архитектура конца XVII— начала XVIII вв.

1. Брайцева О. И. Строгановские постройки рубежа XVII—XVIII вв. М., 1977.

2. Вагнер Г. К. О происхождении центрических композиций в русском зодчестве конца XVII века // Памятники культуры. М., 1961. Т. 3. С. 123—133.

3. Ильин М. А. Зодчий Яков Бухвостов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 193 с.

4. Машков И. П. Архитектура Новодевичьего монастыря в Москве. М.: Изд-во Всесоюз. Акад. архит., 1949. 133 с.

5. Подключников В. Три памятника XVII столетия // Памятники русской архитектуры. М., 1945. Т. 5.

6. Тельтевский П. А. Зодчий Бухвостов. М.: Стройиздат, 1960. 147 с.

7. Чиняков А. Архитектурные памятники Измайлова. Изд-во АН СССР, 1952. Т. 2. С. 193—220.

Военное зодчество

1. Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 275 с.

2. Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1978. Л.: Наука, 1979. С. 471—439.

3. Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М.: Наука, 1964. 176 с.

4. Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 286 с.

5. Раппопорт П. А. Военное зодчество западных земель X—XIV вв. Л., 1967. 181 с.

6. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV веков. М.—Л., 1961. 242 с.

7. Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII веков. М.—Л., 1956. 220 с.

Русское деревянное зодчество

1. Ащепков Е. Русское деревянное зодчество. М.: Госстройиздат, 1950. 103 с.

2. Забелло С, Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

3. Красовский М. Курс истории русской архитектуры: Деревянное зодчество. Пг., 1916. Ч. 1. 408 с.

4. Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура русского Севера. Л.: Стройиздат, 1981. 128 с.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- с. *Алексеевское*
Тихвинская церковь, 1680 г. 198
- Александровская пустынь* (в районе Рыбинска)
Троицкая церковь, XVII в. 195
Александровская слобода (г. Александров, Владимирская обл.)
Распятская церковь-колокольня, 1570—1571 гг. 173
Укрепления, 2-я половина XVII в. 217
с. *Аннино* (близ Рузы)
Церковь, 1690 (заказчик боярин Милославский) 244
Архангельск
Гостиный двор, 60—70 гг. XVII в. 217
Астрахань
Успенский собор, 1700—1710 гг., зодчий Мякишев 232
Кремль, конец XVI в. 193
Балахна (около Нижнего Новгорода)
Никольская церковь, 1600 г. 179, 189
Белавин
Башня, конец XIII—начало XIV в. ПО
Белая Слуда (на Сев. Двине)
Деревянная церковь, XVII в. 233
Белгород (Киевская земля)
Церковь Апостолов, 1194—1197 гг. 94, 95
Малый храм, конец XII в. 98
Берестье (Брест)
Башня, XIII в. 120
с. *Беседы*
Церковь Рождества, конец XVI в. 178
Боголюбый городок (с. Боголюбово около г. Владимира)
Собор Рождества Богородицы 68
Дворец, переход к башне (в собор), 50-е гг. XII в. 68
Киворий 252
Крепостная стена 68, 78
Церковь Покрова на Нерли, 1166 г. 19, 70—71, 76, 252
Борисов городок (с. Борисово близ Можайска) 6, 7, 179
Борисоглебская церковь, законч. в 1603 г. 7, 179, 182
Боровск
Боровский Пафнутьев монастырь 183
Собор, 80-е или 90-е гг. XVI в. 175, 182 *;
Трапезная, 1511 г. 165
Стены и башни, конец XVI в. 183
с. *Братск* (Иркутская обл.)
Братский острог, деревянная крепость, XVII в. 222
- Василёв* (близ Галича)
Церковь, 1-я пол. XIII в. 101
Вырзуга (на Белом море)
Деревянная церковь, 1674 г. 223
Великий Устюг
Вознесенская церковь, 1648 г. 198
с. *Верхний Мост* (Псковская земля)
Церковь, XV в. 143
с. *Верхотурье* (Зауралье)
Троицкий собор, 1703—1704 гг. 242
с. *Виделебье* (Псковская земля)
Церковь, 1551 г. 186
Витебск
Церковь Благовещения, 40-е гг. XII в. 11, 64, 253
Владимир
Дмитриевский собор, 90-е гг. XII в. 24, 76, 98
Собор Рождественского монастыря, 90-е гг. XII в. 76
Успенский собор, 1158—1166, перестроен в 1185—1189 гг. 68, 73, 76, 246, 251
Успенский собор Княгинина монастыря, 1200—1202 гг. 102, 155, 157, 178
Золотые ворота, 1164 г. 73, 252
Владимир-Волынский
Успенский собор, 1156—1160 гг. 11, 18, 21, 51, 253
Бесстолпная церковь (остатки) на Садовой улице 52, 54
Васильевская церковь, 1294 г. 112
Ротонда (Михайловский монастырь), по летописи 1268 г. 112
«Старая кафедра» (Федоровская церковь), XII в. 11, 52
Церковь Дмитрия (возможно), конец XII в. 52, 54
— Иоакима и Анны, конец XII в. 112
Вологда
Софийский собор, 1568—1570 гг. 161
Церковь Константина и Елены, 1690 г. 242
— Николая во Владычной слободе, 1669 г. 209
— Шатровая, по летописи 1493 г. 171
Волковск
Церковь (не достроена), начата в 80—90 гг. XII в. 87, 93
Володимирец (Псковская земля)
Крепость деревянная, 1462 г. 146
Волоколамск
Собор Возьмииничного монастыря, 1535 г. 164
Церковь (храм), точная дата неизвестна, XV в. (?) 157

с. *Волинское*
 Спасская церковь, 1699—1703 гг. 237
 с. *Воскресенки*
 Церковь, 1698—1701 гг. 237
Вижиж (Жуковский р-н Брянской обл.)
 Церковь, конец XII—1-я половина XIII в. 97
Вязьмы
 Церковь Преображения, 2-я половина 90-х гг. XVI в. и звонница 7, 175, 177, 182
Вязьма
 Церковь Ивано-Предтеченского монастыря, 1637 г. 195
Вятка (г. Киров)
 Никольская надвратная церковь Трифоновского монастыря, рубеж XVII и XVIII вв. 241
 Спасская церковь Преображенского монастыря, 1696 г. 241
 с. *Выбуты* (Псковская земля)
 Церковь, XV в. 143
Галич
 Квадрифолий, окрестности Галича, 2-я половина XII в. 65
 «Поллигон», окрестности Галича, 2-я половина XII в. 65
 Успенский собор, конец 40-х — начало 50-х гг. XII в. 65
 Церковь Ильи Пророка, XII—XIII вв. 65, 66
 Церковь Спаса, окрестности Галича, 40-е гг. XII в. 64
Галич Мерский
 Оборонительные укрепления, начало XV в. 133
Гдов
 Восьмигранная церковь, XVI в. 187
 Успенская церковь, 1431 г. 143
 Крепость, XV в., точная дата не определена 146
 с. *Гордеевка*
 Церковь (строгановского стиля), 1694—1697 гг. 236
 с. *Городище* (близ Коломны)
 Церковь, 2-я половина XIV в., начало XVI в. 124, 159
 с. *Городня* (древний город Вертязин)
 Церковь Воскресения (ранняя шатровая), 60-е гг. XVI в. 172
 — Рождества Богородицы, 1-я половина XV в. 132
Гродно
 Башня, 80—90-е гг. XII в., XIII в.
 Церковь Борисоглебская на Коложе (Коложская), 80—90-е гг. XII в. 87, 92, 94
 — Нижняя на детинце, 80—90-е гг. XII в. 87, 92, 93, 94
 — Пречистенская, 80—90-е гг. XII в. 87, 94
 Княжеский терем, 80—90-е гг. XII в. 92
 Оборонительная стена, 80—90-е гг. XII в. 92
Далматов монастырь (Зауралье)
 Церковь, 1713 г. 242
Дмитров
 Успенский собор, 1509—1533 г. 164
 Собор Борисоглебского монастыря, 1537 г. 164
 с. *Доможирка* (на Чудском озере)
 Троицкая церковь, XVI в. 186
 с. *Дубровицы* (соврем. Москва)
 Церковь Знамения, 1690—1704 гг. (вотчина кн. Б. Голицына) 238
Дьяково (соврем. Москва)
 Церковь Иоанна Предтечи, 1547—1552 гг. 166

Елеазаров монастырь (Псковская земля)
 Собор, XVI в. 186
Елизарова (близ Переславля-Залесского, Ярославская обл.)
 Никитская церковь, 50-^-60-е гг. XVI в. 173
Зарайск
 Крепость, 1528—1531 гг. 177
 с. *Зарубинцы* (близ с. Зарубинцы на правом берегу Днепра)
 Церковь малая Зарубского монастыря, 2-я половина XII в. 52
 Церковь большая Зарубского монастыря, рубеж XI—XII вв. 52
Зашиверск (Сибирь)
 Деревянная церковь, рубеж XVII—XVIII вв. 223
Звенигород (Галицкий)
 Церковь, 20-е или 30-е гг. XII в. 64
 Пятницкая деревянная, рубеж XII в. 65
Звенигород (Московская обл.)
 Успенский собор на Городке, около 1400 г. 126, 127, 131
Саввино-Сторожевский монастырь (близ Звенигорода)
 Дворцовые здания, Царицыны палаты, 50-е гг. XVII в. 216
 Каменные стены — укрепления, 1650—1654 гг., зодчий Шарутин 217
 Собор Рождества Богородицы, 1405 г. (?) 127, 131
Знаменское-Губайлово
 Церковь, 80-е гг. XVII в. 226 ; - . : .', •
Зюзино
 Борисоглебская церковь, начата в 1688 г. 227 • • •
Иверский Валдайский монастырь (основан в 1652 г.)
 Собор, 1655—1656 гг., зодчий Аверкий Мокеев 209, 212, 224
Ивангород (на р. Нарове)
 Крепость «регулярная», 1492 г. 160, 177
 Церковь Никольская, рубеж XV—XVI вв. 159
 Успенская, рубеж XV—XVI вв. 159
Изборск
 Деревянная крепость, 1303 г. 146 . • . •••••
 Каменная крепость, 1330 г. 146
 Никольский собор, 1330—1331 гг. 141, 142
Измайлово (Подмосковная царская усадьба)
 Парадные ворота царского дворца, 1682 г. 217
 Покровский собор, 1671—1679 гг., зодчий Иван Кузнецник 193
 Церковь Иоасафа царевича, 1687—1688 гг., зодчий Терентий Марков 225
Иосифо-Волоколамский монастырь
 Колокольня, 2-я половина XVII в., 212 , -*,
 Укрепления, 1677—1688 гг. 217 . -
Казань
 Кремль, конец XVI в. 183
 Спасский собор Преображенского монастыря, 1596—1601 гг. 177
 Церковь Ивана Предтечи, 1652, 195
 Николы Гостинодворского, 20-е гг. XVII в. 189 п.
Калуга
 Дом Коробовых, 2-я половина XVII в. 216 * ..

Калязин

Трапезная в Макарьевском монастыре, 1525—1530 гг. 165

Каменец (близ Бреста)

Башня, 70—80-е гг. XIII в. 121 - . .

с. Каменское (на р. Нара)

Никольская церковь, 1-я половина XV в. 127, 128, 131

Кидекша, княжеская резиденция

(близ Суздаля)

Церковь Бориса и Глеба, 40—50-е гг. XII в. 66, 68, 73, 122

Киев . . . . .

Собор Андреевского Янчина монастыря, 1086 г. 40

— Архангела Михаила (Михайловского-Златоверхого монастыря), 1108 г. 40

— Бориса и Глеба в Вышгороде, заложен в 70-х гг. XI в. 45, 246

— Выдубицкого монастыря, 1070 г. 19, 40

— Дмитриевского монастыря, 60-е гг. XV в. 40

— Кловского Богородичного (Влахернского) монастыря, 70—80-е гг. XI в., до 1108 г. 40, 42, 44

— Федоровского монастыря, 1129 г. 46

— Софийский, 1037 г. 33—36, 38, 70

— Успенский Печерского монастыря, 1073 г. 40, 44, 48, 98, 246, 248

Дворцовые здания X, XI вв. 30, 37

Золотые ворота, 30-е гг. XII в. с надвратной ц. 18, 38

«Киевская ротонда», конец XII— начало XIII в. 52

Кирилловская церковь, начало 40-х гг. XII в. 49, 51, 52, 68

Надвратная церковь Печерского монастыря, начало XII в. 40

Неизвестная церковь, 40—50-е гг. XI в. 38

Оборонительные сооружения города Ярославля, 30-е гг. XI в. 31, 45

Стена у Выдубицкого монастыря, 1199 гг., зодчий Милонег 40, 95, 246

Церковь Богородицы (Десятинная), 989—996 гг. 30, 31, 40, 43, 44, 246, 253

— Василия, 1183 г. 52

— Василия «на новом дворе», возможно, та же, что на Вознесенском спуске 85, 94, 249

— Георгия, 30-е гг. XI в. 38

— Гнилецкого монастыря, конец XII в. 98

— Ирины, 30-е гг. XI в. 38

— Ильи, деревянная, 1-я половина XII в. 45

— Николы Иорданского на усадьбе Художественного института, рубеж XI—XII вв. 40

— Успения на Подоле (Пирогоща), 1131—1135 гг. и 1167 г. 48, 52

Киржач (Владимирская обл.)

Благовещенский собор, начало XVI в. 164

Кирилло-Белозерский монастырь

Крепостные стены, конец XVI— начало XVII в. 183, 218

Новый город (крепость), 1653—1669 гг., зодчие Жан

де Грон, Кирилл Серков 218

Успенский собор, 1492 г. 155, 157

Церковь Евфимия, 1643—1646 гг. 193 . . . . .

с. Кобыла (Псковская земля) .. . . .

Деревянная крепость, 1462 г. 146 . . . . .

с. Коломенское (Москва)

Ворота задние, передние, 1672—1673 гг. 217

Георгиевская церковь «иже под колокол», 1533 г. 167

Дворец деревянный, 1667—1668 гг., плотники Семен Петров и Иван Михайлов, перестроен в 1681 г.

Саввой Дементьевым 221

Церковь Вознесения, 1532 г., зодчий Петрок Малой 167, 168, 171, 182 . . . . .

Коломна . . . . .

Кремль, 1525—1531 гг. 175

Успенский собор, 1379—1382 гг. 124 . . . . .

Церковь Богоявления в Голутвином монастыре, 2-я половина XIV в. 124

— Воскресения 124

— Николы Гостиного, 1501 г. 159

— Рождества в Бобренево, 2-я половина XIV в. 124

— Успения Брусненского монастыря, 1552 г. 173

с. Колягино

Церковь Сергия, 1678 г. 198 . . . . .

Копорье

Крепость, реконструкция XVI в. 177 . . . . . «Ш

Кострома

Собор Богоявленского монастыря, 1559—1565 гг. 164

— Троицкий Ипатьевского монастыря, 1650—1652 гг. 113

Церковь Вознесения на Дебре, 1650—1652 гг. 113

— Троицы, 1645—1650 гг. 209

с. Красное (на Волге)

Церковь Богоявления, 1592 г. 178, 189

Крестный монастырь (на Кий-озере, Онежская губа Белого моря), 1658 г. 209, 212, 224

Собор, 1660 г. 209

с. Кузьминское

Церковь Козьмы и Демьяна, 1652 г. 198

с. Курово

Знаменская церковь, 1681—1687 гг. 225

Курск

Дом Ромодановских, 2-я половина XVII в. 216

с. Кушалино (около г. Твери)

Церковь Смоленской Богоматери, 1592 г. 178

с. Ладога — Старая (Волховский р-н

Ленинградской обл.)

Собор Георгиевский, 60-е гг. XII в. 59

Собор Успенский, 2-я половина XII в. 59

Церковь Климента, 1153 г. 58

Луцк

Замок-крепость, середина XIV в. 52, 121

Церковь Иоанна Богослова, 2-я половина XII в. 52, 54

Любомль

Георгиевская церковь, 80-е гг. XIII в. 112

Львов

Николаевская церковь, рубеж XIII и XIV в. 109

с. Маркова

Казанская церковь, 1672—1680 гг. 198

с. Медведково (Московская обл.),

вотчина князя Пожарского

Никольская церковь, около 1700 г. 237

Церковь Покрова, 1684—1685 гг. 189

- с. *Мелетово* (Псковская земля)
- Церковь Успения, 1461—1462 гг. 142-143
- Минск*
- Церковь-храм, 70-е гг. XI или 10—20-е гг. XII вв. 59
- Можайск*
- Собор Никольский, 2-я половина XIV в. 124, 126
- Лужецкого монастыря, 20—30 гг. XVI в. 164
- Церковь Иоакима и Анны, конец XIV в. 126
- Москва*
- Архангельский собор, 1505—1508 гг. 153, 164, 175, 178, 182
- Башни Новодевичьего монастыря, 80-е гг. XVII в. 235
- Донского монастыря, 1686—1711 гг. 235
- Благовещенский собор, 1484—1489 гг. 151—152
- Воскресенские ворота Китай-города, 70—80-е гг. XVII в. 217
- Гостинный двор, 40-е гг. XVII в. 217
- Дворец Голицына, около 1689 г. 235
- Дом думного дьяка Иванова — фронтон, рубеж XVII—XVIII вв. 238
- Здание Приказов (в центре Москвы), рубеж XVII—XVIII вв. 213, 244
- Здания (жилые корпуса келий) в Высокопетровском монастыре, 1690 г. 232
- Казанский собор на Красной площади, 1625—1636 гг. 189
- Каменный или Всехсвятский мост, 1687—1692 гг. 245
- Кремль, дворец деревянный, 1-я половина XIV в. 123, 153
- каменный, 1499—1508 гг. 153
- Теремной, 1635—1637 гг., зодчие Важен Огурцов, Антип Константинов, Трефил Шарутин, Ларион Ушаков 132, 216
- здание Приказов, 1675—1683 гг. 244
- палата Большая Грановитая, 1491 г., зодчие Марко Руфо, Антонио Солари 153, 160, 165, 192
- Вторая Малая палата 1487 г., зодчий Марко Руфо 153
- палаты для казны и архива, 1485 г., зодчий Марко Руфо 153
- палата Крестовая, XVI — середина XVII 216
- палаты Милославского (Потешный дворец), 1651 г. 216
- Патриарший дворец — реконструкция и главный зал, 1656 г. 216
- Крутицкий теремок, 1693 г., зодчие О. Старцев, Л. Ковалев 235, 236
- Монетный двор, 1697 г. 245
- Надвратная церковь-колокольня в Высокопетровском монастыре, 1690 г. 232
- церковь над главными (Фроловскими) Кремлевскими воротами, 1462 г., зодчий Ермолин 147
- Новый собор Донского монастыря, 80-е гг. XVII в. 295
- Оборонительные сооружения Кремля, дубовые, 1339—1340 гг. 123
- белокаменные, 1367—1368 гг. 124, 133, 150
- стены и башни из кирпича, середина 80-х гг. XV в. — 1449 г., зодчие Антон Фрязин и Марко Руфо, с 1490 г. — Пьетро Антонио Солари 133, 150
- стены с равномерно расположенными башнями, конец XV в. 151
- надстройка Спасской башни, 1624—1625 гг., зодчие Важен Огурцов и Христофор Галовой 192
- надстройка всех башен шатровыми вышками, 70—80-е гг. XVII в. 220
- башня Кутафья, 1685 г. 235
- Палаты Волкова, 2-я половина XVII в. 232
- дьяка Аверкия Кириллова с домовою церковью Николы на Берсеневке, середина XVII в. 216
- Троекурова, конец XVII в. 235
- купца Чулкова, XVII в. 216
- Печатный двор, с 40-х по 70-е гг. XVII в. 217
- Покровская надвратная церковь Новодевичьего монастыря, 80-е гг. XVII в. 226
- Преображенская надвратная церковь Новодевичьего монастыря, 1688 г. 226
- Пушечный двор, в течение XVII в. 217
- Ров от р. Неглинной к Москве-реке, 1508 г. 150
- Смоленский собор Новодевичьего монастыря, 1524—1525 гг. 161
- Собор Вознесенского монастыря в Кремле, 1405, 1587—1588 г. 127, 147, 175
- Заиконоспасского монастыря, 1701—1709 гг. 238
- Новоспасского монастыря, 1645 г. 198
- Покрова на Рву, 1555—1561 гг., зодчие Барма и Постник 172
- Рождественского монастыря, 1501—1505 гг. 155, 157, 166, 178
- Симонова монастыря, заложен в 1378—1404 г. 124, 127
- Чудова монастыря в Кремле, 1365, 1431 гг., 1501—1504 гг. 134, 152
- Спасский собор Андроникова монастыря, 1425—1427 гг. 131, 132, 155
- Старый собор Донского монастыря, 1596—1598 гг. 178
- Стены посада из кирпича, 2-я половина XIV в. 235
- каменные Китай-города, 1535—1538 гг., зодчий Петрок Малой 175
- по линии бульварного кольца — Белый город, 1586—1593 гг., зодчий Федор Конь 183
- Новоспасского монастыря, 1641—1644 г. 217
- Симонова монастыря, 1647 г. 217
- Сухарева башня, 1692—1695 гг.; 1698—1701 гг., зодчий Михаил Чоглоков 245
- Тихвинская надвратная церковь Донского монастыря, 1713—1714 гг. 222, 237
- Трапезная Андроникова монастыря, 1694 г. 160, 231
- Новодевичьего монастыря, 1686 г. 232
- Симонова монастыря — фронтон, 1685 г., зодчий О. Старцев 238
- Чудова монастыря, 1365 г. 124
- Успенский собор в Кремле, 1326—1327 гг. (разобран), 1472—1474 гг., зодчие Кравцов, Мышкин (рухнул), 1475—1479 гг., зодчий Аристотель Фиораванти 123, 148—149, 161, 175, 184, 199, 232
- Хамовный двор в Кадашах, в течение XVII в. 217
- Церковь Алексеевского монастыря, 1625—1634 гг. 189
- Архангела Михаила, 1333 г. 123

— Благовещения в Дорогомилове на подворье Ростовской епископии 128

— Благовещения в Кремле, 1393—1397 гг., XV в. 126

— Богоявленского монастыря, 1340 г., 1693—1697 гг. 123, 227

— Владимирской Богоматери, 1691—1694 гг. 228

— Воскресения в Гончарах, 1647— ? г. 195

— Воскресения в Кадашах, 1687—1695 гг. 230

— Георгия в Яндове, 1653 г. 198

— Григория Неокесарийского на Полянке, 1667—1669 гг. 198

— Зачатия Анны «что в углу Китай-города», начало XVI в. 159

— Знамения на Шереметовом дворе, 1704 г. 227

— Ивана Лествичника на Соборной площади, 1329 г., 1505—1508 гг., зодчий Бон Фрязин 123, 153, 166, 182

— Иоанна Воина на Якиманке, 1709—1713 гг. 238

— Ирнинская во дворе боярина Стрешнева, 20-е гг. XVII в. 189

— Николы на Берсеневке, середина XVII в. 216

— Николы на Болвановке, 1712 г. 241

— Николы Большой Крест, 1680—1688 гг. или 1697 г. 231

— Николы в Пыжах, 1657—1670 гг. 198

— Николы в Хамовниках, 1679 г. 198

— Николы Явленного на Арбате, конец XVI в. 178

— Петра Митрополита в Высокопетровском монастыре, начало XVI в. и 1690 г., зодчий Алевиз Фрязин 167, 232, 237, 238

— Покрова в Рубцове, 1619—1626 гг. 189

— Преображения в Копье, 1623 г. 189

— Ризоположения в Кремле, 1484—1485 гг. 151, 152

— Рождества Богородицы в Кремле, 1393—1394 гг. 126, 127, 131

— Рождества в Путинках, 1644—1652 гг. 195

— Трифона в Напрудном, 1492 г. 159

— Троицы в Троицком-Лыкове, 1690—1694 гг. 228

— Троицы в Никитниках, 1631—1634 гг. 191

— Троицы в Останкине, 1678—1693 гг., зодчий Павел Потехин 224

— Троицы в Полях, 1556 г. 165

— Сергиевская в Кремле (шатровая), 1557 г. 173

— Спаса на Бору, 1330 г. 123

— Успения в Гончарах, 1654 г. 198

— Успения на Покровке, 1696—1699 гг., зодчий Петр Потапов 229

— Успения при трапезной Новодевичьего монастыря, 1686 г. 226

Церковь в Хорошево, 1596—1598 гг. 182

Церковь-колокольня Иван Великий (столп-надстрой-ка церкви Ивана Лествичника), 1600 г. 182

Церковь-колокольня Новодевичьего монастыря, 1690 г. 232

Мурам

Собор Благовещенского монастыря, 1664 г. 198

— Троицкого монастыря, 1642—1648 гг. 198

Церковь Космы и Дамиана, 1555—1556 гг. 172

с. Назимово (Псковская земля) ti
 Церковь, XV в. 143

Нежин
 Собор, конец XVII в. 225

Нерчинск
 Церковь Успения, 1712 г. 242

Николо-Карельский монастырь
 Деревянная воротная башня, 1691—1692 гг. (в му-зее в Коломенском) 222

Никольское-Урютино
 Никольская церковь, 1664 г. 198

Новая Усита (Псковская земля)
 Церковь, XV в. 143

Новгород
 Евфимиева палата 140, 141

Кремль, Детинец, XIV, XV вв. 144, 160

Малый земляной город, 1592 г. 183

Собор Георгиевский Юрьева монастыря, 1119 г., мастер Петр 55, 58, 246

— Знаменский, 1682—1688 гг. 209

— Никольский Вязищенского монастыря близ Новгорода, 1685 г. 209

— Никольский на Ярославовом дворище (Николодворищеский), 1113 г. 55

— Рождества Богородицы Антониева монастыря, 1117 г. 55, 58

— Софийский, 1045—1050 гг. 38, 55, 59, 248, 249

— Сырковского монастыря, 1548 или 1554 г. 184

— Хутынского монастыря, 1192, 1515 гг. 106, 161, 184

Церковь Благовещения на Городище, 1103; 1342—1343 гг. 55, 135, 141

— Благовещения на Мячине, 1179; 1465 гг. 59, 140

— Бориса и Глеба в Плотниках, 1436 г. 176, 184

— Власия, 1407 г. 139

— Воскресения, 1195 г. 106

— Григория Армянского в Хутынском монастыре, 1536 г., мастер Ермола 166

— Двенадцати Апостолов, 1455 г. 139

— Дмитрия Солунского, 1463 г. 140

— Жен Мироносиц на Ярославовом дворище. 1508—1511 гг. 183—184

— Ивана на Опоках, 1127, 1453 гг. 58, 140

— Ильи на Славне, 1198 г. 114

— Иоанна Милостивого, 1421 г. 139

— Климента, 1520 г. 184

— Лазаря, 1462 г. 140

— Михаила на Торгу, 1300 г. 135

— Михаила в Сковородском монастыре, 1355 г. 135

— Никиты Белого, 1312 г. 135

— Николы на Линне, 1292 г. 134, 135, 141

— Пантелеймона, 1207 г. 106

— Петра и Павла в Кожевниках, 1406 г. 139

— Петра и Павла на Синичьей горе, 1185 г. 59, 249

— Петра и Павла на Славне, 1367 г. 139

— Прокопия на Ярославовом дворище, 1529 г. 184

— Пятницы на Торгу, 1207 г. 18, 85, 106, 248

— Рождества Богородицы на Пырни, XIII в. 106, 134

- Рождества Богородицы на Кладбище, 1382 г. 138
- Саввы, 1418 г. 139
- Симеона Зверина монастыря, 1467 г. 140
- Спаса на Ильине, 1374 г. 137, 138
- Спаса на Ковалеве, 1345 г. 135
- Спаса Нередицы, 1198 г. 18, 106
- Успения в Болотове, 1352 г. 135
- Успения в Колмове, 1310 г. 135, 141
- Успения на Торгу, 1135, 1458 г. 11, 58, 140
- Федора Стратилата, 1310—1361 гг. 136, 137
- Надвратная Воскресения, конец XIII в. 135
- Преображения 135
- при трапезной Александро-Свирского монастыря, 1533 г. 184
- Николы Воскресенского монастыря, середина XVI в. 184
- Сретения Антониева монастыря, 1533 г. 184
- Троицы Духова монастыря, 1567 г. 186
- Хутынского монастыря и двухстолпная трапезная, 1552 г. 184
- Нижний Новгород*
- Каменная крепость, начало 1365 г., затем 1372 г. 123, 175
- Кремль, 1508—1512 гг. 177
- Собор Нижегородского Печерского монастыря, 1632 г. 191
- Спасский собор, перестройка в 1350—1352 гг. 123
- Церковь Архангела Михаила, 1227 г., 1359 г. 98, 123, 189
- Благовещения, 1370 г. 123
- Успенская при трапезной Нижегородского Печерского монастыря, 1648 г. 123
- Новгород-Северский*
- Церкви, первая треть XII в. 97, 254
- Новгородок*
- Башня, 2-я половина — конец XII в. 121
- Гражданские постройки, связанные с дворцом, 1-я половина XIV в. 112
- Церковь Бориса и Глеба, XII в. 64
- 1-я половина XIV в. 112
- Новоиерусалимский монастырь* (г. Истра)
- Воскресенский собор, 1659—1666 гг. и 1679—1685 гг. 209, 210, 212, 225
- Елеонская часовня, 1657 г. 210
- Надвратная церковь, 1694—1697 гг. 232
- Скит Никона, 1658 г. 210, 212
- Нырб* (близ Чердыни, Пермская обл.)
- Никольская церковь, 1703 г. 241
- О в ру*
- Церковь Василия, конец XII в. 11, 94, 95, 97
- Олешков* (Галицкая земля)
- Деревянная церковь, XII в. 66
- Орешек*
- Крепость, 1323, 1348 гг., 1452, 1460 гг., XVI в. 146, 177
- Орлец* (на Сев. Двине)
- Крепость, 1342 г. 146
- Остер* (совр. с. Старогородка, Переяслав-Хмельницкая обл.)
- Церковь Михаила Архангела, рубеж XI и XII вв. 42, 249
- Остров*
- Церковь Преображения, середина XVI в. 173
- с. Панилово* (Архангельская обл.)
- Деревянная церковь, 1600 г. 223
- Неремись*
- Успенский собор (дата не установлена) 164
- Церковь Иоанна Крестителя, 1119 г. 64
- Переяслав-Залесский*
- Собор Данилова монастыря, 1530—1532 гг. 164
- Спасо-Преображенский собор, 40—50-е гг. XII в. 164
- Собор Федоровского монастыря, 1557 г. 164
- Церковь Петра Митрополита, 1584 г. 178
- «Черниговская часовня», 1702 г. 237
- Переяслав-Хмельницкий*
- Бесстолпная церковь, около 1145 г. 51
- Воскресенская церковь, около 1145 г. 51
- Спасская усыпальница, конец XI в. 42
- Церковь Михаила, по летописи 1089 г. 11, 42, 44, 54, 98
- с. Перово*
- Церковь Знамения, 1699—1705 гг. 238
- с. Петровское* (под Москвой)
- Церковь Петра и Павла, 1685 г. 227, 244
- с. Петровское-Дурнево* (под Москвой)
- Церковь, 1688 г. 227
- с. Петровское-Разумовское* (под Москвой)
- Церковь, 1692 г. 227
- Плесе*
- Укрепления, 1410 г. 133
- с. Покровское*
- Церковь, конец XVI в. 177
- Полоцк*
- Большой собор Бельчицкого монастыря, 1-я половина XII в. 61, 63
- Софийский собор, 50-е гг. XI в. 38, 61, 250
- Церковь Бориса и Глеба Бельчицкого монастыря, середина XII в. 61
- на Детинце, конец XII в. 80, 247
- на Нижнем Замке, 1-я половина XII в. 61
- Пятницкая Бельчицкого монастыря, XII в. 61
- Спасская Евфросиньева монастыря, 50-е гг. XII в. 11, 62, 63, 79, 252
- Храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре, 1-я половина XII в. 61
- Полтава*
- Никольская церковь, 1706 г. 238
- Порхов*
- Каменная крепость, 1387 г., 1430 г. 145
- Поярково*
- Церковь Рождества Богородицы, 1665 г. 198
- Провск*
- Земляные укрепления, начало XVI в. 175
- с. Прусы*
- Ильинская церковь, середина XVI в. 173
- Псков*
- Башни: Козьмодемьянская (Гремячя), Покровская, XVI в. 186
- Детинец (Кром), XIII, XIV, XV вв. 142, 144
- Перси Крома, 2-я половина XIII в. 144
- Стены деревянные, затем каменные вокруг города, XIV—XVI вв. 186

Собор Рождественский Снеготорского монастыря, 1310 г. 141

- Спасский Мирожского монастыря, конец 40-х — начало 50-х гг. XII в. 58, 141, 249
- Троицкий, 30-е гг. XI в., 1365—1367 гг. 58, 142
- Ивановского монастыря, 30-е гг. XII в. 58
- Крыпецкого монастыря, 1547 г. 187
- Мальского монастыря близ Изборска, XVI в. 187

Церковь Богоявления в Запсковье, 1496 г. 143

- Василия с Горки, 1413 г. 143
- Георгия со Взвоза, 1494 г. 143
- Дмитрия Солунского 30-е гг. XII в. 56, 253
- Жен Мироносиц, 1546 г. 187
- Иоакима и Анны, XVI в. 186
- Кирилла в Довмонтовом городе, 1374 г. 143
- Косьмы и Дамиана с Примостья, 1463 г. 143
- Михаила в «Городце», 1339 г. 141, 142
- Николы на Гребле, 1383 г. (или Воскресения, 1395 г.) 142
- Николы Гусятника «в поле», 1470 г. 143
- Николы от Каменной ограды, XVI в. 187
- Николы на Усохе, 1535 г. 186

Церковь Никольская Любатовского монастыря, 60-е гг. XVI в. 187

- Петра и Павла Сретенского монастыря, XV в. 143
- Покрова в Довмонтовом городе, 1352 г. (или церковь Рождества, 1387 г.) 142
- Покрова и Рождества у Пролома, XVI в. 187
- Федора Стратилата в Довмонтовом городе, 1384 г. 143
- Успения от Парома, 1521 г. 186

Псково-Печерский монастырь

Крепость, 60-е гг. XVI в. 117, 183

г. Пушкино (Московская обл.)

Никольская церковь, 1692—1694 гг. 241

Пучуга (на Сев. Двине)

Деревянная церковь, 1698 г. 223

Рождественский погост (на р. Пахре)

Церковь, 80-е гг. XVI в. 226

г. Романов (городище в г. Тутаеве)

Укрепления, 2-я половина XIV в. 133

Ростов

Белая палата, 80-е гг. XVII в. 216

Звонница-стенка, 1682—1687 гг. 213

Кремль, 1660—1680 гг., зодчий Петр Досаев 212

Собор Богоявленский Аврамиева монастыря, 1553 г. 173

- Борисоглебского монастыря (под Ростовом), 1522 — 1524 гг. 164, 165, 213
- Дубовый, 60-е гг. XI в. 145
- Успенский, конец XV в., парадное крыльцо — 80-е гг. XVI в. 122, 128, 161, 212

Трапезная, 1524—1526 гг., зодчий Григорий Борисов 213

Церковь Бориса и Глеба, 1253—1287 гг. 122

- Исидора Блаженного (Вознесения), 1556 г., зодчий Андрей Малой 165
- Спаса на Сенях, в Кремле, 1675 г. 212

Рязань

Ольгов городок — резиденция рязанских князей, конец XII — начало XIII в. 11, 85

Собор Борисоглебский на городище Старая Рязань, 20-е или 30-е гг. XII в. 49, 85

- Успенский, 1693—1699 гг., зодчий Яков Бухвостов 49, 232

Церковь Духовская, 1642 г., зодчий Василий Zubov 195

- Спасская, конец XII в. 85
- малая бесстолпная в Ольговом городке, конец XII в. 85

Саввино-Сторожевский монастырь, см. Звенигород

Сафарино (Московская обл.)

Церковь, 1691 г. 227

Свияжск (около Казани)

Успенский собор Свияжского монастыря, 1560 г. 187

Сенно, погост (Псковская земля)

Церковь Георгия, середина XVI в. 186

Серпухов

Церковь Георгиевская при трапезной во Владычном монастыре, 1599 г. 179

Церкви во Владычном монастыре, 2-я половина XIV в. 125

- в Высоцком монастыре, 2-я половина XIV в. 125

с. Слободское

Екатерининская церковь, 1699 г. 241

Смоленск

Княжеский терем, середина XII в. 54

Крепость с 38 башнями, начало 1595—1597 г. — окончание 1602 г., зодчий Федор Конь 183, 217

Собор Борисоглебский Смядынского монастыря, 1145 г. 53, 253

- Большой на Протоке, конец XII — начало XIII в. 86, 247, 248
- Троицкого монастыря на Кловке, конец XII в. 85
- Спасский, конец XII — начало XIII вв. 85

Церковь Архангела Михаила (Свирская), 80—90-е гг. XII в. 80, 85, 98, 247, 249

- Васильевская, 80-е гг. XII в. 53
- Дмитрия, 80-е гг. XII в. 53
- Ивана Богослова, 60—70-е гг. XII в. 53
- Кирилловская, рубеж XII—XIII вв. 85
- на Большой Краснофлотской улице, конец XII — начало XIII в. 86
- на Воскресенской горе, конец XII — начало XIII в. 248
- на Детинце, 60—70-е гг. XII в. 54
- на Малой Рачевке, конец XII — начало XIII в. 85
- на Окопном кладбище, конец XII — начало XIII вв. 86
- Петра и Павла, 50-е гг. XII в. 18, 53
- Пятницкая, конец XII — начало XIII вв. 85
- Смоленская ротонда, 70—80-е гг. XII в. 21, 54

Согинцы (Ленинградская обл.)

Деревянная церковь, 1696 г. 223

Соликамск

Собор Крестовоздвиженский, 1698—1709 гг. 241

- Троицкий, 1684—1697 гг. 200

Церковь Богоявления, 1687—1695 гг. 224

- Соловецкий монастырь*
Крепостные сооружения, конец XVI в. 183
- Солотчинский монастырь* (близ Рязани)
Надвратная церковь, 1695 г. 235
- Трапезная с церковью Святого Духа, 1688—1689 гг. 235
- Сольвычегодск* (Архангельская обл.)
Собор Благовещенский, 1560—1579 гг. 164
— Введенского монастыря, 1689—1693 гг. 236
Спас-Вежи (Костромская обл.)
Деревянная церковь, 1628 г. (перенесена в Ипатьевский монастырь) 223
Спас-Воротынский монастырь (на Оке)
Церковь трапезной, XVII в. 173
Спас-Михнево (около Бронницы, Московская обл.)
Церковь конца XVI в. 177
Спасо-Каменный монастырь (на Кубенском озере, Вологодская обл.) 155, 157, 166
Старая Русса
Церковь, 1198 г. 114
- Старица*
Никольская церковь, 1404 г. 132
Собор Архангельский, 1396—1398 гг. 132
— Борисоглебский, 1558—1561 гг. 172, 212
— Успенский Старицкого монастыря, 1-я треть XVII в. 166, 173
Трапезная Успенского монастыря, 1570 г. 173
Укрепления, XIV в. 133
- Старый Самбор*
Собор Спасского монастыря, конец XIII в. 109, 110
Столье (близ Холма)
Башня, XIII—XIV вв. ПО
- Суздаль*
Собор, начало XII в. 66, 98
— Покровского монастыря, 1510—1518 гг. 164
— Рождества Богородицы, 1222—1225 гг. 98, 99
Церковь Вознесения, 1695 г. 244
— Входа в Иерусалим, 1707 г. 244
— Никольская, 1712 г. 244
— Петра и Павла, 1694 г. 244
— Успения, при трапезной Спасо-Евфимьевского монастыря, 2-я половина XVI в. 173
— Успения, 1720 г. 244
— Царьконстантиновская, 1707 г. 244
Шатровые колокольни, XVIII в. 244
- с. Тайнинское*
Церковь, 1677 г. 198
- Тверь*
Каменный княжеский дворец, около 1399 г. 132
Спасский собор, 1285—1290 гг. 123, 124, 132
Церковь Архангела Михаила, 1452—1455 гг. 132
— Бориса и Глеба, 1435—1439 гг. 132
— Федора, 1323—1325 гг. 123, 124
Троице-Сергиевский монастырь (г. Загорск)
Надстройка Утичьей башни, последние годы XVII в. 238
Пятницкий колодец, рубеж XVII—XVIII вв. 238
Собор Троицкий, 1422—1423 гг. 127, 128, 131
— Успенский, 1559—1585 гг. 128, 175
Стены и башни, перестройка, середина XVII в. 218
- Трапезная, 1469 г., зодчий Ермолин 147, 239
— и Сергиевская церковь при ней, 1686—1692 гг. 147, 239
Царский дворец «Чертоги», конец XVII в. 235, 236
Церковь Духовская (б. Троицы), 1476—1478 гг. 159
— Зосимы и Савватия, 1635—1637 гг. 189
— Надвратная, 1693—1699 гг.
- Троице-Голенищев*
Церковь, 1644—1647 гг. 193
- Троицкое-Лобаново*
Церковь, конец XVI в. 177
- Троицкое-Лыково*
Церковь, 1690—1694 гг. 228
- Тропарево*
Церковь, 1693 г. 241
- Трубецкск*
Церковь, конец XII—1-я треть XIII в. 97
Церковь-усыпальница князей Трубецких, начало XVI в. 159
- Тула*
Кремль, 1514—1520 гг. 177
Церковь Похвалы Богородицы, XVII в. 195
- Туоров*
Церковь, XII в. 52
- Тугаев* (Ярославская обл.)
Воскресенский собор, 1670—1678 гг. 200
- Тмутаракань* (Краснодарский край)
Церковь Богородицы, 1022 г. 31
- Уборы*
Церковь Спаса, 1694—1697 гг., зодчий Яков Бухвостов 227, 232, 238
- Углич*
Спасский собор, 80-е гг. XV в. 158
Покровский монастырь, 80-е гг. XV в. 158
Дворцовый комплекс, в т. ч. дворец царевича Дмитрия, 80-е гг. XV в. 158
Успенская церковь Алексеевского монастыря («Дивная церковь»), 1628 г. 189
- Устюжна* (Новгородская обл.)
Казанская церковь, 1694 г. 236
- Устье* (Псковская земля)
Церковь, XV в. 143
- Ферапонтов монастырь*
Рождественский собор, 1490 г. 155—157, 164
Церковь Мартинаиана, 1640—1641 гг. 193
- Фили*
Церковь Покрова, 1693 г. 226, 227, 238
- Холм*
Башня, 30—40-е гг. XIII в. ПО
Здание (восстановленное), 2-я половина XIII в. 105, 109
Княжеская резиденция, 30-е гг. XIII в. 105, 109
Церковь Ивана, 30-е гг. XIII в. 105
— Марии, 2-я половина XIII в. 109
- с. Холмы*
Знаменская церковь, между 1703 и 1710 гг. 229
- Чернигов*
Княжеский терем (под Борисоглебским собором) 80-е гг. XI в. 42

Собор Борисоглебский, 20-е гг. XII в. 18, 42, 49
 — Спасский, начало 30-х гг. XI в. 31, 43
 — Успенский Елецкого монастыря, 1113 г. 43, 49, 51
 Церковь Благовещенская, 1186 г. 53, 250
 — Ильинская, XII в. 49
 — Михайловская на княжеском дворе, 1174 г. 52, 250
 — Пятницкая, первые годы XIII в. 18, 95, 97, 131, 141
 Храм-усыпальница Владимира Мономаха, 80-е гг. XI в.
 . 42
 • *Черторыйск*
 Башня, 1291 г. 121
Юковичи (Ленинградская обл.) >*'
 Георгиевская деревянная церковь, XVI в. 223
с. Юркино
 Церковь, XVI в. 159
Юрьев (Белая Церковь)
 Церковь⁰, 2-я половина XII в. 52, 258
Юрьев-Польский
 Георгиевский собор, 1230—1234 гг.; 1471 — восстанов-
 лен, зодчий Ермолин 26, 98, 101, 122, 252
Якутск
 Деревянная крепость — Якутский острог, XVII в.
 222
Ям
 Крепость, реконструкция XVI в. 178

Ярославль
 Дом Ивановых, 2-я половина XVII в. 216
 Колокольня при церкви Иоанна Предтечи, рубеж
 XVII—XVIII вв. 232
 — — — Никиты Мученика, рубеж XVII—XVIII вв.
 232
 Митрополичьи палаты (Соборный дом), 80-е гг.
 XVII в. 216
 Собор Спасского монастыря, 1216 г., 1506—
 1516 гг. 101, 164
 Церковь Богоявления, 1684 г. 200
 — Владимирская, 1678 г. 195
 — Входаиерусалимская в Спасском монастыре
 189
 — Иоанна Предтечи в Толчкове, 1671—1687 гг.
 224, 232
 — Иоанна Златоуста в Коровниках, 1649—1650 гг.
 199
 — Николы Мокрого, 1665—1672 гг. 199
 — Николы Надеина, 1620—1622 гг. 191, 192
 — Рождества, 1635—1644 гг. 199
 — при Трапезной в Толгском монастыре, 1703 г.
 241

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

От редакции — 5	- Editor's Note
П. А. Раппопорт — 6	- P. A. Rappoport
Предисловие — 17	- Foreword
I. Методика изучения древнерусского зодчества X—XIII вв. — 18	- I. Methodics of research of Old Russian architecture X—XIII c. c.
II. Зодчество Киевской Руси конца X—XI вв. — 28	- II. Architecture of Kievan Russia X—XI c. c.
III. Зодчество Древней Руси XII в. — 46	- III. Architecture of Old Russia XII c
IV. Зодчество Древней Руси конца XII — первой трети XIII в. — 79	- IV. Architecture of Old Russia XIII c
V. Зодчество Западнорусских земель 2-й половины XIII — 1-й половины XIV в. — 109	- V. Architecture of the Western Russia XII—XIV c. c.
VI. Архитектура Северо-Восточной Руси конца XIII — 1-й половины XV в. — 122	- VI. Architecture of the North-Eastern Russia XII—XIV c. c.
VII. Архитектура Северо-Западной Руси конца XIII—XV вв. — 134	- VII. Architecture of the North-Western Russia XIII—XV c. c.
VIII. Московская архитектура конца XV в. — 147	VIII. Architecture of Moscow XV c
IX. Русская архитектура XVI в. — 161	IX. Russian architecture XVI c
X. Русская архитектура XVII в. — 188	X. Russian architecture XVII c
XI. Русская архитектура конца XVII — начала XVIII в. — 224	- XI. Russian architecture XVII—XVIII c. c.
XII. Строительные артели Древней Руси — 246	- XII. Building Teams in Old Russia
Хронологическая таблица развития древнерусского зодчества — 255	- Chronological Table of development of Old Russian Architecture
Словарь архитектурных терминов — 273	- Vocabulary of architectural terms
Указатель литературы — 275	- Bibliography
Топографический указатель — 278	- Index

Научное издание

РАППОПОРТ Павел Александрович

ДРЕВНЕРУССКАЯ АРХИТЕКТУРА

Зав. редакцией *Н. И. Днепрова*

Редактор *М. Е. Васильева*

Мл. редактор *Ю. М. Зислин*

Внешнее оформление художника *А. А. Власова*

Художественный и технический редактор *О. В. Сперанская*

Корректор *Н. С. Цибулькикова*

Сдано в набор 30.11.91. Подписано в печать 30.10.92. Формат 70X90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура тип-тайме

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,6. Уч.-изд. л. 23,18. Усл. кр.-отт 34,81. Тираж 10 000 экз. Изд. № 2646Л. Заказ 4374.

Стройиздат. Санкт-Петербургское отделение.
199053, Санкт-Петербург, Биржевой пер., 1/10.

ГПП имени Ивана Федорова Министерства печати и информации Российской Федерации. 191126, Санкт-Петербург, ул. Звенигородская, 11.

ИБ № 5365

600р

P.A. Rappoport

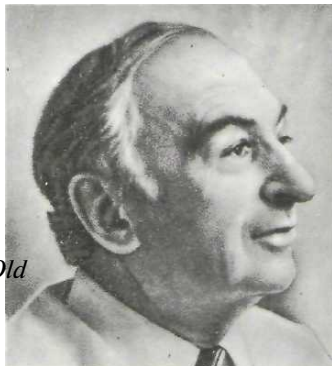
T H E   O L D   R U S S I A N A R C H I T E C T U R E

Pavel Alexandrovich Rappoport was born in 1913 in St. Petersburg. In 1937 he graduated from the department of architecture of Leningrad Institute of Civil Engineering where as a student he got interested in history of architecture. As a result in 1939 he entered The Institute of History of the Material Culture at the Russian Academy of Sciences as a post-graduate student. Later on he worked at this Institute until the end of his life.

Scientific research done by Rappoport embraces almost all aspects of architecture and construction in Old Russia, such as the Tent-Style Masonry of the XI century; the Military Fortification of the X—XV centuries; the Old Russian housing construction of the XI—XIII centuries; the architecture of Smolensk X —

XIII c. c (together with N. N. Voronin); the building materials in *Old Russia*. He wrote a number of popular scientific essays on the history of Old Russian architecture.

Pavel Alexandrovich conducted archeological excavations and scientific research of hundreds of ancient settlements and ruins. He created an entirely new line of studies of Old Russian architecture and became the Head of his own scientific school.

ДРЕВНЕ
РУССКАЯ
АРХИТЕКТУРА